

АЛЬМАНАХ
2016

Симферополь
ООО «Издательство „Доля“»
2017

УДК 82
ББК 84 (2Рос=Рус)
И 73

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
администрации города Саки*

Автор проекта: Валерий Басыров

Автор-составитель: Вячеслав Килеса

Редакционная коллегия: Басыров В. М., Ивкин А. Н., Килеса В. В.,
Кобец Л. М., Османов Ш. Т.

И 73 «Интеллигентный сезон-2016». Альманах. Симферополь: ООО «Издательство “Доля”», 2017. — 504 с., илл. 8 с.

ISBN 978-5-9908730-5-6

УДК 82
ББК 84 (2Рос=Рус)

Приятно наблюдать за тем, как наш фестиваль превращается в площадку рождения новых молодых талантов и литературных шедевров. В 2016 году участниками «Интеллигентного сезона» наряду с профессиональными и опытными авторами, стали совсем юные и начинающие поэты и прозаики.

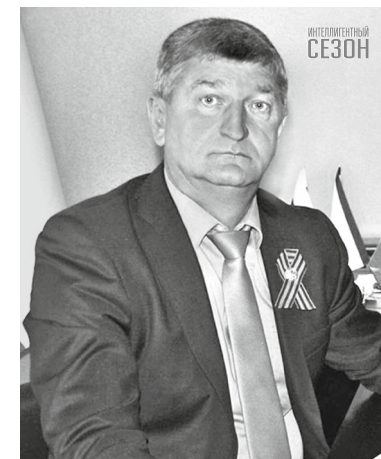
Бренд «Интеллигентный сезон» — это результат совместной плодотворной работы и взаимного сотрудничества администрации города Саки и Союза писателей Республики Крым. Надеюсь, что Международный литературно-музыкальный фестиваль «Интеллигентный сезон» на долгие годы будет местом объединения людей, которые любят литературное творчество и живут им.

Шериф Османов,
заместитель главы администрации города Саки

ISBN 978-5-9908730-5-6

© ООО «Союз писателей
Республики Крым», 2017
© ООО «Издательство “Доля”», 2017

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО ГЛАВЫ АДМИНИСТРАЦИИ ГОРОДА САКИ АНДРЕЯ ИВКИНА

Дорогие друзья!

Вы держите в руках уникальный сборник, созданный на основе произведений участников II Международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон».

II Международный литературно-музыкальный фестиваль «Интеллигентный сезон» стал зрелищным событием летнего Крыма, а в частности, нашего города Саки, наполненным яркими красками, стихами, прозой и песнями, а также пеной морского прибоя, зеленью деревьев и ароматом степных цветов.

В 2016 году «Интеллигентный сезон» расширил географию участников. Всего на фестиваль съехалось больше 200 конкурсантов. Со своими произведениями почитателей литературного творчества познакомили представители Австрии, Англии, Беларуси, Болгарии, Венгрии, Испании, Канады, Польши, Украины, Чехии, а также литераторы из городов Российской Федерации.

К традиционным номинациям первого сезона: «Проза», «Поэзия», «Авторская песня», добавилась новая — «Литературный перевод». Также из новшеств — у фестиваля появился свой гимн. Стоит заметить, что «Интеллигентный сезон-2016» обзавёлся переходящими символами: чёрным цилиндром и галстуком-бабочкой, которые будут вручаться председателем жюри победителям фестиваля.

А творчеством конкурсантов можно насладиться на страницах данного сборника. Я желаю всем авторам новых открытий, полета души, гениальных идей и интересных произведений. Читателям же пожелаю ярких эмоций и вдохновения от прочтения лучших работ участников фестиваля.

Глава администрации города Саки
Андрей ИВКИН

**ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО
ЗАМЕСТИТЕЛЯ ГЛАВЫ
АДМИНИСТРАЦИИ
ГОРОДА САКИ
ШЕРИФА ОСМАНОВА**

Уважаемые читатели!

Второй год подряд в свет выходит альманах «Интеллигентный сезон» — печатное оформление литературно-музыкального фестиваля с таким же названием. Лучшая проза и поэзия участников

представлена в альманахе на трёх государственных языках Республики Крым — русском, украинском и крымскотатарском.

Приятно наблюдать за тем, как наш фестиваль становится площадкой рождения новых молодых талантов и литературных шедевров. В 2016 году участниками «Интеллигентного сезона» наряду с профессиональными и опытными авторами, стали совсем юные и начинающие поэты и прозаики.

Бренд «Интеллигентный сезон» — это результат совместной плодотворной работы и взаимного сотрудничества администрации города Саки и Союза писателей Республики Крым.

Желаю, чтобы Международный литературно-музыкальный фестиваль «Интеллигентный сезон» всегда был местом объединения людей, которые любят литературное творчество и живут им.

*Заместитель главы администрации города Саки
Шериф ОСМАНОВ*

**ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО ПРЕДСЕДАТЕЛЯ
СОЮЗА РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ БОЛГАРИИ
НАТАЛЬИ ЕРМЕНКОВОЙ**

Председатель Союза
русскоязычных писателей
Болгарии, член Союза
болгарских писателей, член
Петровский академии наук
и искусств, член Славянской
литературной и артистической академии.

**НАТАЛЬЯ
ЕРМЕНКОВА**
(г. София)

PER ASPERA AD ASTRA

*Не каждый может быть Солнцем.
Но стань непременно звездой:
Из миллионов — одной,
Но только всегда восходи,
Смело вперед иди
К цели своей большой.
Путь свой пройди земной,
Если не смог быть солнцем,
Взвейся яркой звездой!*

Уважаемые организаторы, участники и гости Фестиваля!

Вас приветствует Болгария — в лице Союза русскоязычных писателей. Мы — ваши соотечественники-россияне, проживающие в этой солнечной и, несмотря на политическую конъюнктуру, гостеприимной стране. Как коллеги по творчеству и друзья по душе, выражаем вам свою искреннюю поддержку в осуществлении прекрасного проекта «Интеллигентный сезон».

Сохранение нашей общей культуры и духовности — вот та великая цель, которую каждый из нас взял на себя, доказывая это без излишнего пафоса Словом и Делом.

Задачи и цели вашего фестиваля благородны и близки нам. Объединяя талантливых авторов и выявляя новые имена поэтов, писателей, бардов, вы не только даёте новый импульс их творчеству, придаёте им уверенность в себе и в правильности жизненного выбора, но — и это главное! — находите путь в души тысяч людей, несёте Добро в наш тревожный мир.

Наши организации писателей Крыма и Болгарии, фестивали, постоянный взаимный обмен произведениями в журналах и газетах, дружеская переписка и моральная поддержка — всё это будто звёзды единого Творческого Млечного Пути вырисовываются на Небосклоне Литературы и освещают дорогу к культуре, взаимопониманию и просвещению. Дорогу — к Миру.

Творческого вам полета, друзья — Per aspera ad astra!

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ОО «СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ БЕЛОРУССИИ» Н. И. ЧЕРГИНЦА

ГРАМАДСКАЕ АБ'ЯДНАННЕ
"САЮЗ ПІСЬМЕННІКАЎ БЕЛАРУСІ"

Вул. Фрунзе, 5, пак. 200, 220034, г. Мінск,
Тэл. / факс: (017) 392 59 03

Р/рахунак № 3015000002468 у філіяле № 510
ААБ "Беларусбанк" горада Мінска, код 603

УНП 805000036

ОБЩЕСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ
"СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ БЕЛАРУСИ"

Ул. Фрунзе, 5, комн. 200, 220034, г. Минск,
Тел./факс: (017) 392 59 03

Р/счет 3015000002468 в филиале № 510
АСБ "Беларусбанк" горада Мінска, код 603

УНП 805000036

08.08.2016 № 01-10/148

на № _____ ад _____

Дорогие друзья!

Союз писателей Беларуси

приветствует

участников и организаторов II Международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон - 2016».

Отрадно то, что фестиваль проходит в рамках укрепления дружественных отношений между государствами, а также культурных связей, развития творчества на службу народов.

Председатель ОО

«Союз писателей Беларуси»

Н.И. Чергинец

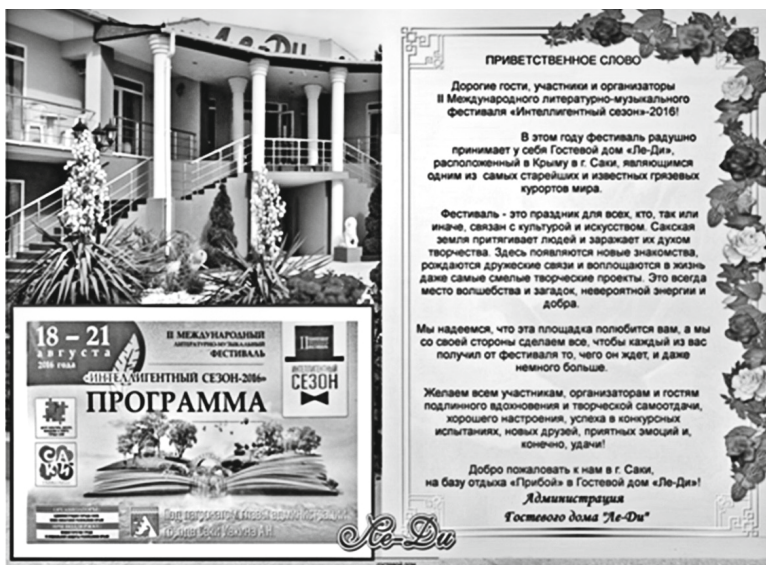
ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО ХОЗЯЙКИ ГОСТЕВОГО ДОМА «ЛЕ-ДИ»

**ЛЕНУРА
ЗУПЕРОВНА
ХАЛИЛОВА,**
хозяйка Гостевого
дома «Ле-Ди»

В городе-здравнице Саки с 18 по 21 августа пройдёт второй Международный литературно-музыкальный фестиваль «Интеллигентный сезон-2016». Организаторами стала администрация города и Союз писателей Республики Крым. В рамках фестиваля пройдёт конкурс молодых и талантливых поэтов, прозаиков, а также бардов и авторов песен. Целью фестиваля является выявление и поддержка молодых талантов, привлечение внимания общественности к литературе, а также популяризация города Саки в качестве курорта и достойной площадки для проведения подобного рода мероприятий.

Гостевой дом «Ле-Ди» рад сообщить, что именно он принимает организаторов, участников и гостей фестиваля. Добро пожаловать на II Международный литературно-музыкальный фестиваль «Интеллигентный сезон-2016» и в Гостевой дом «Ле-Ди»!

ДОЛЖНОСТНЫЕ ЛИЦА

администрации города Саки, организовавшие второй
Международный литературно-музыкальный фестиваль
«Интеллигентный сезон-2016»

Начальник отдела культуры, молодёжи и спорта Людмила **Кобец** и её команда: Ольга **Кучерявая**, Анастасия **Томакова**, Елена **Федосова**, Дмитрий **Щербаков**, Анна **Капица**, Ленара **Эреджепова**

1-я слева — **Анастасия Томакова** — ведущий специалист культ-массового сектора Центра культуры, досуга, молодёжи и спорта — ведущая концерта и конкурсных дней фестиваля, регистрация участников.

2-я слева — **Елена Федосова** — главный специалист отдела культуры, молодёжи и спорта администрации г. Саки — регистрация участников.

3-й слева — **Дмитрий Щербаков** — звукооператор Центра культуры, досуга, молодежи и спорта — обеспечение звукового и технического сопровождения фестиваля.

4-я слева — **Людмила Кобец** — начальник отдела культуры, молодёжи и спорта администрации г. Саки — координировала организационную работу

5-я слева — **Ольга Кучерявая** — директор Центра культуры, досуга,

молодёжи и спорта — решение материальных и бытовых проблем участников фестиваля, режиссёр церемонии открытия фестиваля.

6-я слева — **Анна Капица** — заместитель директора Центра культуры, досуга, молодёжи и спорта — взаимодействие и работа с предпринимателями и предприятиями, оказавшими содействие в проведении фестиваля, регистрация участников фестиваля, ведение финансовой документации.

7-я слева — **Ленара Эреджепова** — ведущий специалист сектора имиджевой и информационной политики Центра культуры, досуга, молодёжи и спорта — сбор заявок кандидатов на участие в фестивале, общение с кандидатами, регистрация участников, ведущая конкурсных дней, освещение хода событий фестиваля в сети Интернет и СМИ, привлечение медиа-партнеров фестиваля.

19 августа 2016 года, сайт г. Саки.

**В ГОРОДЕ САКИ
ТОРЖЕСТВЕННО ОТКРЫЛСЯ
II МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ
«ИНТЕЛЛИГЕНТНЫЙ СЕЗОН»**

18 августа в городе Саки состоялось торжественное открытие II Международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон». По этому случаю улицы курорта украсили тематические баннеры, на центральной площади играл духовой оркестр, а жителей и гостей города приветствовали живые скульптуры.

Участников фестиваля по традиции встречали с хлебом-солью. Далее все собравшиеся были приглашены в центр культуры, искусств и народного творчества (РДК), где состоялась церемония открытия «Интеллигентного сезона».

АЛЬМАНАХ
2016

Зрителям была представлена литературно-музыкальная композиция, подготовленная отделом культуры, молодёжи и спорта, ЦКДМиС. Яркими танцевальными и вокальными номерами радовали собравшихся творческие коллективы, солисты города и района. Также в рамках мероприятия были представлены номинации фестиваля: «Проза», «Поэзия», «Авторская песня», «Перевод».

Слово для официального открытия «Интеллигентного сезона» было предоставлено депутату Государственного Совета Республики Крым Станиславу Матвееву, заместителю министра труда и социальной защиты Республики Крым Михаилу Афанасьеву, председателю Сакского городского совета Владимиру Добрянскому, главе администрации г. Саки Андрею Ивкину, заместителю главы администрации Шерифу Османову, председателю жюри фестиваля, секретарю Союза писателей Москвы, доктору исторических наук, главному редактору альманаха «Литературные знакомства» Лоле Звонарёвой, председателю Союза писателей Республики Крым, главному редактору журнала «Крым», директору издательства «Доля» Валерию Басырову. Они поблагодарили организаторов фестиваля и пожелали его участникам вдохновения и успехов в творчестве.

В частности, заместитель министра труда и социальной защиты Республики Крым Михаил Афанасьев отметил: «Очень приятно здесь присутствовать. Действительно, Саки — культурная столица Крыма. Спасибо руководству города за поддержку творчества, спасибо организаторам и участникам фестиваля. Находясь здесь, я понимаю, что когда в республике реализовывалась Государственная программа по поддержке социально ориентированных некоммерческих организаций, комиссия при Совете Министров РК не ошиблась, выделив Грант Союзу писателей Республики Крыма на проведение фестиваля. Уверен, ваш фестиваль пройдёт на высоком уровне. Желаю всем творческого вдохновения, удачи, всего самого доброго и хорошего».

В свою очередь, глава администрации г. Саки Андрей Ивкин адресовал искренние слова признательности всем, кто принимал участие в подготовке фестиваля. «Просто нет слов, чтобы выразить всем вам благодарность за то, что вы делаете для города Саки. Отдельное спасибо участникам фестиваля — гостям из разных стран. Друзья, поздравляю всех

вас с открытием II Международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон». Как мы с вами знаем, сезоны не заканчиваются — они следуют один за другим», — заключил Андрей Николаевич.

В рамках торжественного открытия были подведены итоги в номинации «Гимн фестиваля» — конкурс на лучшие слова и музыку прошёл до начала «Интеллигентного сезона». На суд жюри было вынесено четыре варианта. В результате победителем стала лауреат международных фестивалей, член творческой мастерской детских авторов Крыма Елена Лебеденко. Она получила заслуженную награду из рук главы администрации Андрея Ивкина.

Завершилась церемония открытия всеобщим исполнением гимна Международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон».

Сам фестиваль продлится до 21 августа. В нем принимают участие около 200 поэтов, прозаиков, авторов песен, переводчиков из 12 стран мира. Основной площадкой выбран санаторий «Полтава-Крым». Также будут проведены выездные встречи участников фестиваля с сакчанами в городской библиотеке, музее краеведения и истории грязелечения, санаториях «Саки» и «Сакрополь», музее «Кара-Тобе». Завершится фестиваль награждением лауреатов и гала-концертом.

Открытие фестиваля в Доме Культуры г. Саки

ОТ СЕРДЦА К СЕРДЦУ

...Слова Дэзи из «Бегущей по волнам» Александра Грина «Людам нужен праздник...», объясняющих стремление людей ехать, лететь и плыть за тысячу верст в маленький крымский городок Саки на II-ой Международный литературно-музыкальный фестиваль «Интеллектуальный сезон-2016», оставшиеся позади четыре августовских дня (18—21), которые хотелось сделать бесконечными... Гостевой дом «Ле-Ди», срисованное с картинки море, перепутавшее пустыню и Крым раскалённое белое солнце, вечерний бокал пива и разговоры, разговоры... Знакомства — недолгие и навсегда, — обмен книжками и адресами, стихи и песни, желание показать себя и немножко посмотреть на других. Удивительное по красоте и профессионализму театрализованное представление «...Блажен, кто знает сладострастие высоких мыслей и стихов!», гимн фестиваля и вручение награды её автору Елене Лебеденко, пресс-конференция, оказавшаяся одновременно презентацией альманаха «Интеллектуальный сезон-2015», конкурсы в санатории «Полтава-Крым», флаг фестиваля, экскурсия, опаздывающие автобусы и юркие такси, книжная лавка, свободный микрофон, мастер-

классы, картины Натальи Баженовой... И память о празднике, подаренном Союзом писателей Республики Крым и администрацией г. Саки Республики Крым 163-м участникам фестиваля.

Напоминаю о составе команды, организовавшей фестиваль: глава администрации города Саки Андрей Ивкин, заместитель главы администрации города Саки Шериф Османов, начальник отдела культуры, молодёжи и спорта администрации города Саки Людмила Кобец, её сотрудники: Ольга Кучерявая, Анастасия Томакова, Елена Федосова, Дмитрий Щербаков, Анна Капица, Ленара Эреджепова, а также актив Союза писателей Республики Крым — Юрий Портов, Юрий Поляков, Ольга Прилуцкая, Ленора Сеит-Османова, Ариолла Милодан, Вячеслав Килеса — во главе с председателем правления СПРК Валерием Басыровым.

Качественный уровень фестивалей определяет профессионализм жюри и от радно, что «Интеллектуальный сезон-2016» может гордиться литературным статусом председателя жюри Звонарёвой Лолы Уткирновны (секретарь Союза писателей Москвы, доктор исторических наук, главный редактор международного альманаха «Литературные знакомства») и членов жюри:

Мэр города Саки А. Н. Ивкин вручает награду автору гимна Елене Лебеденко

Жюри фестиваля (слева направо): Елена Галицких, Лола Звонарёва, Лидия Григорьева, Ирина Силецкая

Григорьевой Лидии Николаевны (член российского Союза писателей, Всемирной Академии Искусства и Культуры (Калифорния-Тайвань, 1994), Европейского Общества культуры (Венеция, 1995), Международного Пен-клуба (Нью-Йорк, 1999).), Галицких Елены Олеговны (профессор, заведующая кафедрой русской и зарубежной литературы Вятского государственного гуманитарного университета, доктор педагогических наук, заслуженный учитель РФ), Силецкой Ирины Сергеевны (председатель Европейского конгресса литераторов, кандидат социологических наук, редактор литературного альманаха «ЛитЭра», заслуженная артистка Российской Федерации), Велиева Аблязиза (вице-президент крымскотатарского Пен-клуба, член Национального Союза писателей Украины, заслуженный деятель культуры Крыма), Ахпашевой Натальи Марковны (член Союза писателей России, заслуженный работник культуры Республики Хакасия), Басырова Валерия Магафуровича (председатель Союза писателей Республики Крым, главный редактор литературно-художественного журнала «Крым», директор издательства «Доля»), Задорожной Марины Владимировны (директор Сакского музея краеведения и истории грязелечения).

Подтверждая международный статус фестиваля, участники фестиваля прибыли из одиннадцати стран: Австрии, Англии, Беларуси, Болгарии, Венгрии, Испании, Канады, Польши, России, Украины, Чехии.

Наибольшее количество писателей приехало из России, наполнив регистрационную ведомость палитрой республик, областей и городов: Республика Тыва, Республика Башкортостан, Республика Хакасия, Карелия, Дальний Восток, Хабаровский край, Ханты-Мансийский автономный округ, Адыгея, Тюмень, Москва, Санкт-Петербург, Амурская, Московская, Ленинградская, Нижегородская, Смоленская, Кировская, Ярославская, Тульская, Тверская, Курская, Брянская области, Рязань, Самара, Калининград, Ростов-на-Дону, Воронеж, Иркутск, Александров (Владимирская область). И радует присутствие на фестивале 94 крымских писателей, из которых около трети составляли воспитанники молодёжных литературных студий Евпатории, Симферополя, Керчи.

К сожалению, не смогла добраться в Саки группа писателей из Приднестровской Молдавской Республики — не пропустили на границе

Регистрация участников конкурса

Пресс-конференция в клубе Гостевого дома «Ле-Ди»

с Украиной, зато обрадовали приехавшие на фестиваль коллеги из ДНР. Очень представительной оказалась делегация Республики Беларусь, которую возглавила главный редактор журналов о природе «Мир Животных», «Эколог и Я» и литературно-художественного журнала «Метаморфозы» Наталья Сляднева. Было приятно видеть в числе участников фестиваля председателя Союза писателей Карелии, главного редактора журнала «Север» Елену Пиетилийнен, председателя Ярославского областного отделения Союза писателей России Мамеда Халилова, обладателя «Золотого пера Московии» Владимира Шемшученко, доктора философских наук Константина Кедрова, члена ПЕН-клуба Елену Коцюбу, председателя Тюменской региональной организации Союза российских писателей Николая Шамсутдинова, президента Литературного клуба «Русская поэзия в Австрии» Виктора Клыкова (Вена), главного редактора всероссийского журнала «ЛиФТ» Маргариту Аль (Москва), заместителя главного редактора журнала «Берега» Дмитрия Воронина (Калининград), заместителя председателя правления Нижегородской областной организации Союза писателей России Александра Ломтева, ответственного редактора журнала «Огни Кузбасса» Дмитрия Мурзина (Кемерово), заслуженного работника культуры Башкирской ССР и Российской Федерации Марселя Салимова, члена Союза независимых писателей Болгарии Антонину Димитрову (Димитровград), президента Центра Творчества «Аквариус»

Детские поэты в библиотеке имени Н. В. Гоголя

Участники фестиваля слушают выступления конкурсантов

Наталью Баженову, вице-президента российско-итальянской «Академии Феррони» Станислава Айдиняна, директора литературно-художественного музея Марины и Анастасии Цветаевых Льва Готгельфа, главного редактора литературно-художественного альманаха «Параллели» Ольгу Борисову (Самара) и других известных литераторов. А с каким восторгом мы встречали участников «Интеллигентного сезона-2015»: обладателя Гран-При Андрея Галамагу, его очаровательную супругу Галину Бурденко и Ксению Радионову с сыном Стёпой!

То, что «Интеллигентный сезон» становится событием в культурной жизни Крыма, продемонстрировала торжественная церемония открытия фестиваля: улицы, украшенные тематическими баннерами, духовой оркестр на центральной площади, живые скульптуры, хлеб-соль. Выступления депутата Государственного Совета Республики Крым Станислава Матвеева, заместителя министра труда и социальной защиты Республики Крым Михаила Афанасьева, председателя Сакского городского совета Владимира Добрянского, главы администрации г. Саки Андрея Ивкина, заместителя главы администрации Шерифа Османова, председателя жюри фестиваля Лолы Звонарёвой, председателя Союза писателей Республики Крым Валерия Басырова, благодаривших организаторов фестиваля и пожелавших его участникам вдохновения и успехов в творчестве.

А ещё были письменные приветствия от Союза русскоязычных писателей Болгарии (председатель Наталия Ерменкова), Союза писателей Беларуси (председатель правления Николай Чергинец), Союза писателей

Донецкой народной республики (председатель правления Фёдор Березин), Европейского конгресса литераторов (председатель Ирина Силецкая), администрации города Гомеля — побратима города Саки.

Много говорилось об особенностях фестиваля «Интеллигентный сезон»: сотрудничество общественной организации с муниципальной властью, трёхязычие фестиваля (русский, украинский и крымскотатарский языки), значительное число участвующей в конкурсах школьников и студентов. Если перенестись к итогам конкурсов, то из 55 лауреатов (включая грамоты журнала «Метаморфозы») 9 выступало на украинском языке, 2 — на крымскотатарском, 4 призовых места получила молодёжь (замечательный результат, если учесть, что жюри судило очень объективно, а в фестивале участвовали известнейшие писатели).

Основным местом событий, как и в прошлом году, стал ЧАО «Клинический санаторий «Полтава-Крым»» (директор Александр Ракоцило, начальник отдела досуга Неля Ятель), предоставивший свой прекрасно оборудованный зал для проведения конкурсов, а уютное кафе — для проведения академиком Кедровым мастер-класса. Добрые пожелания Александра Ракоцило участникам фестиваля, милая улыбка и готовность помочь Нели Ятель сделало пребывание в санатории комфортным, показало писателям, что они желанные гости и им всегда будут рады.

А какие удивительные возможности предоставил авторам вечерний свободный микрофон, уверенно управляемый элегантной Ленорой Сеит-Османовой, и концерты, которые давали участники фестиваля: в санаториях имени академика Н. Н. Бурденко (главный врач И. Г. Данильченко), «Сакрополь» (директор Е. А. Дерюгина) и «Саки» (директор В. В. Тимофеев), библиотеке им. Н. В. Гоголя (директор Т. А. Петракова), музее «Кара-Тобе» (директор В. И. Агарков), Сакском музее краеведения и истории грязелечения (директор М. В. Задорожная).

Особенно интересным оказалась встреча детских писателей во главе с Юрием Поляковым, Ириной Дружаевой и Еленой Пиетияйнен со школьниками, собравшимися для общения со знаменитостями в библиотеке имени Н. В. Гоголя. Вспомним философа Мераба Мамардашвили, доказавшего, что если человек не переживёт что-то в детстве и юности — умения задавать вопросы, мечтать, любить, ощущать радость и т. д., то он никогда не сможет — даже вплотную столкнувшись —

Лауреаты фестиваля и жюри на сцене клуба санатория «Полтава-Крым»

пережить это во «взрослой» жизни: нет корней. Поэтому так важно для подростка общение с хорошей книгой, формирующей идеальную реальность, позволяющей пережить то, чего лишил предметный мир, — а тем более с писателем, написавшим эту книгу. И можно только позавидовать счастью, которое испытали в тот день маленькие сакчане.

Фестиваль — это праздник, в котором много работы: нужно выучить текст, подобрать платье, выйти на сцену и донести строгому жюри и многочисленному залу ту частицу себя, которую воплотил в своё произведение. А потом ждать оценку, ловить похвалу, отворачиваться от критики и скрыть обиду, если не получил то, на что надеялся. Фестиваль — лотерея, где многое зависит от его Величества случая.

В первый день конкурсных состязаний — 19 августа — жюри с 10 до 17 часов слушало произведения малой прозы и поэтического перевода. В номинации «О любви» первое место занял студент Замараев Егор (г. Симферополь), второе — Кенжалиева Алие (с. Солнечногорское Алуштинского района РК) и Халилов Мамед (пос. Пречистое Ярославской области), третье место поделили Жихарева Татьяна (г. Ялта) и Терёхина Лидия (г. Рязань). В номинации «О Крыме» первое место занял Бирман Дмитрий (г. Нижний Новгород), второе — студент Фёдоров Фёдор (г. Симферополь), третье — школьница Меджитова Асине

Книжная лавка фестиваля
(заведующая — библиотекарь Ольга Пасенко)

(г. Евпатория). В номинации «Фантастика» первое место занял Пыталев Пётр (Канада, г. Торонто), второе — Булан Александр (г. Москва), третье — Донгак Зоя (Республика Тува, г. Кызыл). В номинации «Сатира и юмор» первое место заняла Бурденко Галина (г. Москва), второе — Радионова Галина (Республика Беларусь, г. Гомель), третье место поделили Звягина Ирина (г. Красноперекоск, РК) и Салимов Марсель (Республика Башкортостан, г. Уфа). В номинации «Проза для детей» первое место занял Поляков Юрий (с. Перевальное Симферопольского района), второе место — Дружаева Ирина (г. Городец Нижегородской обл.), третье место поделили Пономарёв Валерий (г. Киев, Украина) и Шамсутдинова Марина

Закрытие фестиваля

(г. Щёлкино, РК). Желающих участвовать в конкурсе «Поэтический перевод» оказалось немного: в номинации «Любовная лирика» первое место заняла Прилуцкая Ольга (г. Ростов-на-Дону), в номинации «Духовная лирика» первое место получил Галамага Андрей (г. Москва), на втором месте — Рябчикова (Юлдуз) Венера (г. Симферополь).

Сложным для жюри оказался и день 20 августа — ввиду многочисленности желающих участвовать в конкурсе «Поэзия». В номинации «Любовная лирика» первое место занял Настобурко Николай (г. Симферополь), второе место — Мурзина Наталья (г. Кемерово) и Карпенко Александр (г. Москва), третье место поделили Нечипорук Иван (г. Горловка, ДНР) и школьница Лопатина Варвара (г. Евпатория). В номинации «Духовная лирика» первое место занял Савостьянов Валерий (г. Тула), второе место — Мурзин Дмитрий (г. Кемерово) и Брагин Никита (г. Москва), третье место поделили студент Громов Евгений (Керчь) и Егорцева Оксана (г. Горловка, ДНР). В номинации «Стихи о Крыме» первое место заняла Алькаева Зульфия (г. Электросталь, Московская обл.), второе место — Плаксина Нина (г. Щёлкино, РК) и Радионова Ксения (г. Москва), третье место поделили Димитрова Антонина (Болгария, г. Димитровград) и Савинова Татьяна (г. Щёлкино, РК). В номинации «Юмористические стихотворения» первое место заняла Милодан Ариолла (пгт. Кореиз, РК), второе место — Лебеденко Елена (г. Евпатория) и Товберг Александр (г. Красноармейск, Украина), третье место поделили Леонтьев Сергей (Московская область) и Александрова Марина

(г. Нижневартовск Ханты-Мансийского АО). В номинации «Стихи для детей» первое место занял Фалько Олег (г. Севастополь), второе место — Раиса Царёва-Форост (г. Симферополь) и Фокеев Александр (г. Нижний Новгород), третье место поделили Лариса Абдуллина (Башкортостан, г. Уфа) и Гуртова Надежда (г. Иркутск).

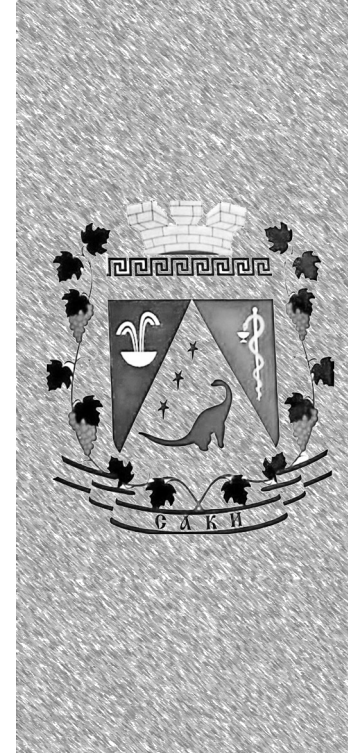
Как и ожидалось, наиболее зрелищным оказался день 21 августа, когда в номинации «Авторская песня» сражались за звание лауреата барды и солисты. По итогам состязания первое место было присуждено Ольге Панюшкиной (г. Москва), второе место получила Сеит-Османова Ленора (г. Симферополь), третье место — Карачакова Вера (Хакасия).

Гран-При фестиваля «Интеллигентный сезон-2016» получил председатель Тюменской региональной организации Союза российских писателей, член Всемирной ассоциации писателей ПЕН-клуб, заслуженный деятель культуры Российской Федерации Николай Меркамалович Шамсутдинов.

Жюри подвело итоги конкурса (оно делало это ежедневно) и началось вручение лауреатам дипломов и подарков. Необходимо отметить, что партнёр фестиваля журнал «Метаморфозы» тоже подготовил грамоты, которые Наталья Сляднева вручила Сандигурской Татьяне (г. Санкт-Петербург), Сеит-Османовой Леноре (г. Симферополь), Кириченко Вере (г. Ялта), Коляка Ирине (г. Щёлкино).

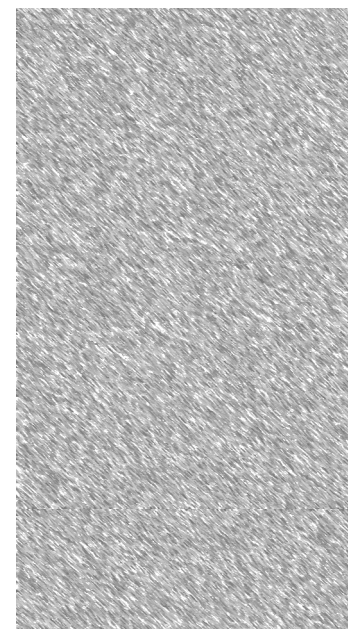
Гала-концерт, на котором выступили члены жюри и лауреаты, гимн фестиваля и торжественное объявление Людмилы Михайловны Кобец о закрытии фестиваля. Потом был банкет, ночь, море и три автобуса, увозивших участников фестиваля в Симферополь. «Должна радоваться — стала лауреатом, а душа грустит. Потому что в общество таких интересных, умных и обаятельных людей попадаешь не часто» — сказала при расставании одна из участниц фестиваля. Что ж, прощай, «Интеллигентный сезон-2016»! До встречи, «Интеллигентный сезон-2017»!

Вячеслав Килеса, ответственный секретарь
Союза писателей Республики Крым

ПРОЗА

РУССКОЯЗЫЧНЫЕ АВТОРЫ

РИАНА АБДУЛАЕВА
(г. Симферополь)

Риана Абдулаева — студентка 2 курса факультета новогреческого языка и литературы КФУ им. В. И. Вернадского, член Республиканской литературной студии им. Н. Кобзева. Заняла второе место на VII Республиканском семинаре молодых авторов Крыма (2016) в номинации «Проза», второе место на Республиканском молодежном литературном фестивале «Прошу слова» в номинации «Триумф короткого сюжета» (2016). По итогам литературного конкурса «Крымский рассвет» вошла в финал и получила рекомендацию на вступление в Литературный институт им. М. Горького. Публиковалась в газете «Литературный Крым» — зарисовка «Живи сейчас» (№ 1 за 2016 г.), и в коллективном сборнике «Начало» (г. Симферополь).

ШАНС

Чарли и Августин расположились в самом углу ничем не примечательной забегаловки, находящейся около одного из неблагополучных районов города. Впрочем, это место было особенным для них. По старой доброй традиции они встречались здесь каждый год, в последнюю пятницу перед Рождеством. В этот день они всегда были одеты скромно: простенькие костюмы без излишеств, никаких галстуков с дорогими зажимами или запонок из драгоценных металлов. И лишь лакированные туфли с присущим им аристократичным глянцевым блеском выдавали истинное положение джентльменов. Они всегда заказывали по чашке чая и никогда

не пили его. Никто и не думал обращать внимание на этих скромных молодых людей. Казалось, подобно двум незаметным теням, они просачивались в каждый разговор, узнавая самые сокровенные тайны. Их интересовали люди, тот мир, что находится за ярким занавесом собственных жизней. Они слушали, украдкой вглядывались в измученные лица постоянных клиентов, вдыхали дым дешёвых сигарет и порой перешёптывались.

— Чарли, что на этот раз? — произнёс один из них, склонив голову к собеседнику.

— Не знаю, Августин, твоя очередь. Хотя я подумал о том чудаковатом парне в противоположном углу, постоянно пишушем что-то обломком карандаша в потрёпанной записной книжке с обложкой из тиснёной кожи. Может, получится что-нибудь забавное, а?

— Не думаю. Какой-то он скучный, а это совсем не входит в наши планы. Что насчёт той дамочки в отвратительном красном платье?

Чарли оценивающе скользнул взглядом и, сведя брови так, что на переносице образовались две глубокие морщинки, отрицательно махнул головой.

— Не угодишь тебе, — рассеянно произнёс Августин. Слово служебный пёс, он блуждал беспокойным взором по шумному залу, сочетание резких запахов действовало на него подобно транквилизатору.

— Нашёл! — возбуждённо воскликнул он, указывая на мужчину лет сорока, одетого во что-то несуразное.

Лицо незнакомца было обветренным, а губы — посиневшими от холода. Чёрная осенняя куртка с огромной дырой на рукаве, потёртые ботинки с оторвавшейся у пальцев подошвой. Несчастный пытался разжалобить дурно одетую официантку, прося стаканчик чего-нибудь горячего, но та не соглашалась, бросала сухие реплики в ответ, пытаясь спровадить бродягу.

Чарли недовольно посмотрел на предложенную кандидатуру. Он, не скрывая отвращения, собирался заявить об этом. Впрочем, не дожидаясь возражений друга, Августин вскочил с плетёного кресла так резко, что его ножка противно громко скрипнула. Но этот звук тут же затерялся в фальшивом звучании трактирной музыки и звоне пивных кружек. Парень стремительно направился к бродяге и громко произнёс:

— Я заплачу! Будьте любезны, обслужите моего приятеля! — на лице Августина появилась дерзкая ухмылка, брошенная покрасневшей от злости официантке. Та поспешно удалилась, что-то бурча себе под нос.

Удивлённый бродяга не знал объяснения произошедшему и не определился: радоваться ему или нет. Далее всё стало происходить ещё более стремительно — добродетель не терял напора. И вот они уже разместились за столиком, занятым Августином и Чарли.

— Как тебя зовут, приятель? — как можно дружелюбнее спросил Августин, толкнув друга в бок.

Чарли с негодованием вздохнул и попытался выдавить улыбку. Впрочем, черты его лица исказились, и он стал похож на грустного клоуна, которого заставили улыбаться.

— Мак, — невнятно произнёс бездомный, смущённый оказанным ему вниманием. — Я совсем недавно здесь.

— Простите, мне и моему другу нужно кое-что обсудить, — невежливо перебил его Чарли, голос которого был куда выше обычного.

— Мак, а дом у вас есть? — в ожидании продолжения поинтересовался Августин, напрочь игнорируя своего товарища.

— Нет... Вот уже год и несколько месяцев. Я привык, всё не так плохо, как кажется, — с горечью произнёс бродяга, отведя глаза в сторону. Его голос стал неуверенным и тихим, казалось, он вот-вот его потеряет.

— Знаете, я вот что придумал: праздник — время чудес и перемен к лучшему, не так ли?

Бедняк чуть заметно кивнул.

— Считайте, что я и мой милосердный и благородный друг Чарли делаем вам подарок.

Глаза бродяги, впрочем, как и глаза Чарли, заметно округлились — никто из них не знал, чего ожидать от Августина. Тот, в свою очередь, выждал короткую паузу, заинтриговав собеседников, и продолжил:

— Мой дорогой Мак, я бы хотел дать вам шанс что-то изменить в своей жизни, а шанс этот состоит в сумме ста долларов.

Затем Августин вынул солидное портмоне из настоящей крокодиловой кожи и достал совершенно новую заманчиво шуршащую стодолларовую бумажку. Почувствовав что-то неладное, Мак начал отнекиваться и намеревался покинуть компанию столь щедрых джентльменов. Но Августин умел настоять на своём, и вскоре купюра лежала в кармане бродяги. В это время уже успокоившаяся официантка принесла на подносе миску горячего супа, на удивление аппетитно выглядевший пирог и большую чашку чая. Августин расплатился, оставив неплохие чаевые, что не было принято для подобных заведений, и вместе с Чарли покинул забегаловку.

Мак сидел неподвижно, разрываемый желанием воспользоваться добротой уже покинувших его загадочных джентльменов или же бросить всё к чёрту и уносить ноги подобру-поздорову. Однако голод оказался сильнее — как же слабый, голодный человек сможет устоять перед столь заманчивым ужином? Бездомный неуверенно взял пирог и поднёс к губам, попробовав, словно неизведанный тропический плод. Потом он стал смелее и вскоре с жадностью, едва прожёвывая, проглатывал кусок за куском. Суп показался ему лишним и, съев пару ложек, Мак отодвинул миску в сторону. Его больше привлекал горячий травяной чай, терпкий аромат которого, казалось, заполнил грудь бродяги, и ему стало так тепло и светло на душе, что дурные мысли совсем покинули его. «Бог сжалился надо мной и послал этих добрых людей. Я был так несчастен, что и вовсе перестал верить в чудо, а оно-то таилось в прокуренном кабаке. И кто бы мог подумать...», — размышлял бездомный, крепко сжимая чашку в руках. Он запрокинул голову, и последние капли напитка скатились со стеклянных стенок чашки, оказавшись у бездомного во рту. Затем Мак поднялся и, поблагодарив официантку, ушёл. Знал бы он, что находится под пристальным наблюдением тех самых благодетелей!

— Августин! Ты и вовсе потерял цену деньгам! Что интересного можно ждать от обыкновенного попрошайки?

— Ты когда-нибудь думал, что такое сто долларов для нас? Практически ничто, но для него, обделённого судьбой несчастного бродяги, — это сорванный куш, глоток воды в необъятной пустыне! Понимаешь?

— Значит, ты решил подобродетельствовать, да? Мы так не договаривались. Ты знаешь правила, Августин.

— Да, Чарли. И одно из главных, считай, выполнено — скучно не будет. Ты только подумай, как эта незначительная сумма сотрясёт мир ещё более незначительного человека? Разве тебе нисколько не интересно, что он сделает с этими деньгами, а? Куда они его занесут? Предугадать нельзя! Возможно, он прогуляет их за одну ночь, посетит ресторан, казино, отправится в другой город или же зароет в землю, а может, сойдёт с ума, так и не придумав, что же с ними сделать. Человека определяет то, во что он вкладывает свои деньги. Улыбнись же, ты будешь приятно удивлён.

Чарли знал, что другу удалось его переубедить, и идея уже казалась очень заманчивой, но, в силу своего характера, он не позволил зародившемуся интересу проникнуть наружу. Поэтому он скривил циничную гримасу и недовольно сжал губы так, что стал напоминать утку.

— Знаешь что, — сердито произнёс он, — если твои слова не оправдаются, ты дашь мне сто долларов. Я сохраню их как трофей и напоминание о твоей глупости.

Августин лишь с облегчением улыбнулся, зная, что ему удалось взять верх над упрямством Чарли. Он достал телефон и сделал короткий звонок. Через несколько минут прибыл чёрный кадиллак. Из него вышел молодой парень лет двадцати пяти, щуплый и суховатый, в его внешности не было ничего, за что можно было бы ухватиться взглядом.

— Сухарь! — крикнул парню Августин, — пошевеливайся, жертва уходит. Видишь того бродягу? Следи за ним и обо всех действиях докладывай мне: на что он тратит деньги, где питается, спит — про всё, ясно тебе?

Парень утвердительно кивнул. И направился в след за целью.

Блёклый свет уличных фонарей освещал бульвар, который становился грязно-жёлтым под их неясным светом. Насаждения, окаймляющие путь, и вовсе представляли собой свод очертаний, походящих на силуэты причудливых чудовищ, украдкой следящих за прохожими. Подобный пейзаж непременно погружал в обстановку загадочности и таинственности. Мак, нужно заметить, оказался непростым по натуре человеком, склонным к философствованиям и затяжным раздумьям. Он думал о непредсказуемости человеческих судеб, порой его губы шевелились, из них лился неразборчивый шёпот, напоминающий старческое бормотание,

но вскоре отчётливой стала лишь одна фраза: «Случайностей не бывает». В тот момент Мак почувствовал себя кем-то особенным, избранным. В нём полыхнуло пламя, некогда двигавшее всех великих на благие деяния и он, не совершивший за всю свою жизнь ничего особенного, почувствовал себя готовым на подвиг. Добравшись до крохотной конструкции, напоминающей сарай, представлявший собой неудачное скрепление прогнивших, отсыревших досок, служивший бродяге ночлегом, Мак мирно уснул на холодной земле. Его согревала вера в то, что завтра он непременно изменит мир.

Утро выдалось морозным. Тонкая осенняя куртка совсем не согревала, и Мак резко ощутил проявления болезни, истязавшей его изнутри. Организм боролся с ней на протяжении нескольких дней, впрочем, он болел так часто, что перестал обращать на это внимание. Бездомный покинул ночлег. Казалось, он был невидим, как и все, подобные ему. Таких, как он, общество привыкло игнорировать, полностью отгораживаясь, намеренно не замечая — ведь в жизни этих несчастных больше не существовало смысла, лишь инстинкт, заставляющий их искать способы выживания.

Мак шёл по узкой, залитой светом улице, не многолюдной, но и не пустой, не подозревая о пристально следящих за ним холодно-серых глазах. Таинственным наблюдателем был не кто иной, как парень по прозвищу Сухарь. Он был в дурном расположении духа, что совсем не удивительно — ведь проведённая на парковой скамейке бессонная ночь не могла дать иного результата. Его стёганое пальто выглядело помятым и было явно ему велико. Лицо казалось болезненным: тёмные круги под глазами, в которых был виден стеклянный, какой-то безумный блеск, а землисто-серая кожа превращала молодого юношу в живого мертвеца. Сухарь бесшумно крался по пятам бродяги, не видя перед собой ничего, кроме порученной ему цели, словно усталый хищник, утративший всю свою силу и грацию, но всё же неутолимо голодный, преследующий жертву.

Тем временем Мак уже добрался до главного проспекта, более шумного, гудящего, словно огромный муравейник, полный ни живых, ни мёртвых существ, утративших интерес ко всему, кроме удовлетворения собственных нужд и средств их достижения. Бездомный остановился в самом центре улицы. Движение всё так же не прекращалось — люди, словно вода, обтекали его с обеих сторон, как камень посреди бурлящей реки. Мак осмотрелся, добираясь взглядом до самых вершин

небоскрёбов, затем, слегка ускорив шаг, пошёл в сторону какого-то небольшого продуктового магазинчика. Несмотря на то, что его расположение на одной из центральных улиц должно было обеспечить немалый приток клиентов, посетителей было немного.

Дверь автоматически захлопнулась за спиной Мака. Заметив это, Сухарь немедленно позвонил своим нанимателям, выполняя данный ими приказ.

— Объект зашёл в магазин, — сухо сообщил он по телефону.

Августин, находившийся в роскошном офисе за чашкойпряного кофе, передал новость сидевшему рядом Чарли.

— Хорошо, парень, сообщи, что он купил, и продолжай следить, — деловито ответил Августин и, положив трубку, с азартом сообщил другу: — Игра началась!

Следующий звонок раздался примерно через двадцать минут.

— Он вышел. Что в этих огромных пакетах? Еда? — озадаченно произнёс шпион, его безразличие отравляла капля живого интереса. Возможно, ненавистная ему работа на миг стала приносить удовольствие.

— Какие пакеты? Сколько их? — с раздражением поинтересовался Августин, глядя на Чарли, имевшего всё то же сердитое выражение.

— Самые большие, — отвечал голос в телефоне, — такие, что можно слона запихнуть, если постараться. По форме, кажется, коробки внутри... Много коробок разных размеров. Зачем ему столько еды? Это жадность? Хочет наесться на всю жизнь? Я где-то слышал... — теперь его отчёт стал больше походить на рассуждение, что совсем не было интересно джентльменам.

— Ещё что-нибудь важное? — перебил повествователя Чарли, выхвативший телефон из рук друга.

— Нет. Я продолжу следить... — обиженно ответил Сухарь и последовал за бездомным.

В офисе Августа было уютно и тепло. Выполненный в сдержанном стиле интерьер кабинета характеризовал его владельца как

серьёзного, уравновешенного человека, впрочем, иногда позволяющего себе небольшие шалости, например, игры с чужой жизнью. В нём присутствовала харизма, свойственная успешным людям. Она была врождённой и давала некое преимущество — ведь, чтобы добиться успеха, Августину не пришлось приложить больших усилий, чего нельзя было сказать о Чарли. Этот молодой человек имел сложный характер, он был мизантропом, втайне страдающим комплексом собственной неважности, тщательно скрываемой образом трудоголика. У него не было особых поводов быть несчастным, но он таковым был. Игры с людьми — эксперимент, приятное ощущение контроля и, что немаловажно, чувство собственного превосходства, — самый удобный способ самоутверждения для людей подобного склада. Жалких людей.

Прошло уже более часа, но Сухарь не звонил. Августин временами нервно поглядывал на немой телефон.

— Почему ты молчишь? Обычно тебя не заткнуть, — грубо бросил он Чарли, крепко стиснув сигару зубами.

Тот в ответ послал мрачный взгляд. Порой Августин и сам удивлялся, что связывает его с таким невыносимым человеком.

— Цены на... — хотел прокомментировать статистику Чарли из какого-то толстого экономического журнала, как раздался долгожданный звонок. Августин без промедления ответил.

— Это невероятно! Он больной! — звучали зумлённый и как никогда оживлённый голоса наблюдателя. — Он решил заняться благотворительностью!

— Сдерживай эмоции. Объясни всё по порядку, — потребовал Августин, ликуя про себя.

Его приятель отложил газету и напряжённо уставился на телефон, заинтересовавшись, чем вызван такой бурный всплеск эмоций у столь чёрствого человека, получившего соответствующее символическое прозвище «Сухарь».

— Покинув магазин, — тяжело дыша, начал повествование доносчик, безуспешно пытаясь перевести сбиваемое дыхание, — ваш попрошайка направился по главной улице с этими огромными пакетами, но вскоре свернул в какое-то захолустье. Наконец мы добрались до мусорных районов,

обиталища неудачников, бездомных, наркоманов и пьяниц. Каждый здесь утратил человечность, вынужденный выживать, существуя за чертой бедности. Я шёл за ним, и вся эта нечисть, умытая в ближайшей сточной канаве, дико наблюдала за мной, возбуждая во мне необъяснимую панику...

— Сухарь! Ещё одно переживание рассказчика, оформленное в какой-то заумный оборот, и ты уволен! — громко крикнул Чарли, и через несколько секунд повествование было возобновлено.

— Мы добрались до огромной свалки. Там было скопище таких же, как он, бродяг. Он подозвал их к себе и, бросив несколько слов — правда, я не слышал, каких именно, — стал раздавать содержимое пакетов, в основном сэндвичи...

— Сколько? Сколько он раздал? — вновь перебил Сухаря Чарли, ещё более раздражённый.

— Все, кроме одного. Он оставил себе один сэндвич, но не съел его. Завернул и убрал в карман куртки. Что ж, хвала богам, он покидает эту дыру. Позвоню, как что... — на этом звонок был бесцеремонно оборван Чарли, бросившим трубку.

— Идиот! — воскликнул он, вскочив с места и подойдя окну, за которым шёл мелкий частый снег, словно лёгкий кружевной тюль, скрывающий за собой серый город.

Мак чувствовал себя как никогда хорошо: он, неимущий человек, совершил то, что не под силу, как оказывается чаще всего, имущим. Он был вдохновлён и вовсе забыл о себе, лишь представлял, что бы он мог сделать, имея в кармане ещё денег. Казалось, все тяготы покинули его, что-то светлое произошло в жизни впервые за долгое время и, самое поразительное, совершённое им самим. Тяжёлый городской воздух казался таким свежим и чистым, дышалось легко, и всё вокруг обрело смысл, стало как никогда реальным, не таким, каким кажется большинству — не серым и унылым, так что не хочется жить, а прекрасным и удивительным. В бедном и несчастном возродился дух сильного и благородного. Он долго бродил по улицам города и думал, думал... Не замечая, как болезнь течёт по венам, поражая измождённое тело. Он совсем не чувствовал усталости, высокой температуры, всё казалось простым и прекрасным, бездомный

наслаждался жизнью. Так бродил он до самого вечера. Сухарь, непрерывно за ним наблюдавший, по удивительному волшебству отчего-то обнаружил в своём сердце сентиментальные порывы, ранее ему совершенно чуждые.

Впрочем, как оказалось, добродетельные поступки Мака не были завершены. Дойдя до тихого парка, избавленного от излишней городской суеты, бродяга разместился на заснеженной скамейке. Стемнело. Город залился мерцающим светом разноцветных огоньков, даривших ощущение праздника. Бездомный внезапно понял, что совершенно ничего не съел за день и вытащил смятый сэндвич, оставшийся ещё с утра. Пальцы его замёрзли и вконец потеряли чувствительность, разворачивание не поддающейся обёртки стало мучительным и долгим процессом. Наконец, расправившись с ней, Мак поднёс сэндвич к губам, однако в этот самый момент его взгляд упал на невысокую фигуру у витрины какого-то кафе. Он невольно поднялся и, преодолев незначительное расстояние, оказался около неё. Мак увидел, что это был мальчик лет девяти. Из-за прозрачного стекла лился тёпло-оранжевый приглушённый свет. За одним из столиков сидела женщина, а напротив, очевидно, её муж и маленький сын. Семья мило болтала, они много смеялись и, кажется, по-настоящему любили друг друга. Временами женщина обращалась с каким-нибудь вопросом к ребёнку и очаровательно улыбалась, после по-особенному смотрела на своего мужа, и вновь что-то говорила мальчику. Да, они были счастливы, и их счастье делало ещё более несчастным уличного сироту, с завистью глядящего сквозь стекло, служившего барьером между жестоким миром бездомных и счастливых, имеющих крышу над головой.

Мак положил руку на плечо мальчика, а тот, недоумевая, отпрянул — увлечённый страданиями, он вовсе не заметил мужчину.

— Что вам нужно? — сердито спросил ребёнок, потирая влажные глаза.

— Шанс есть у каждого, — произнёс Мак, протянув ему сэндвич, — сегодня ты не уснёшь голодным, а, быть может, завтра не дашь уснуть голодным другому.

Мальчик неуверенно принял дар, он только и смог сказать: «Спасибо». Мак улыбнулся и покинул мальчика, направляясь в глубь парка, пока его фигура не растворилась в ночном сумраке. Сухарь чуть не упустил его из виду, но, догадываясь, куда он бредёт, очень быстро отыскал

бродягу. Да, всё тот же сарай, сырой и холодный, но ставший родным приютом, радушно принимавшим Мака из раза в раз. Он улёгся на самое уютное место, если его можно было таковым назвать — ведь там не дуло, — и крепко заснул. Он был счастлив по-настоящему.

Сухарь доложил обо всём случившемся. Это настолько его растрогало, что, несмотря на едкие замечания Чарли, он описал произошедшее с поразительной красочностью. Августин слушал молча. Его удивила вся эта история, а главное, весело не было — было грустно. Утром джентльмены отправились в парк, сами не зная, зачем. В Августине зародилось чувство, слов для которого он не мог подобрать. Чарли же было просто интересно. Сухарь проводил друзей до обиталища бродяги. Войдя внутрь, они ощутили прелый гнилой запах, почерневшие дощатые стены будто давили, а холод сырой земли пронизывал даже сквозь ботинки.

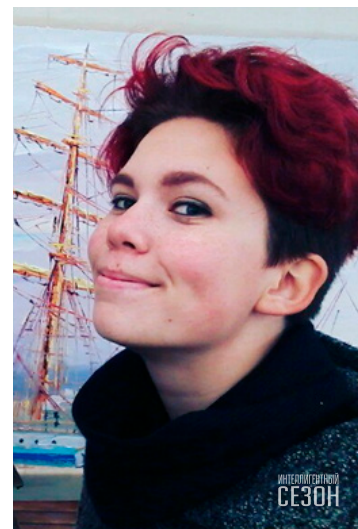
Мак неподвижно лежал на земле. Чарли громко крикнул, пытаясь разбудить бездомного, но реакции не было.

— Он спит? — отчего-то с опаской поинтересовался Сухарь, его лицо стало бледнее обычного.

Августин склонился к Маку. Сначала он слегка тербил его за плечо, затем всё более нервно, и наконец осознав, что тот уже никогда не проснётся, поднялся и молча вышел. Чарли последовал за ним. Он был подавлен, и что-то необъяснимое сжимало сердце.

— Августин, сохрани их как напоминание о нашем бессердечии, — произнёс Чарли и протянул купюру в сто долларов.

Больше они никогда не встречались.

АНАСТАСИЯ АНИКЕЕВА
(г. Евпатория)

Родилась в тёплом апреле 2000 года в Магнитогорске, уже давно живёт в солнечном Крыму, в Евпатории. Выпускница МБОУ «Гимназия № 8». Дополнительное образование в области литературного творчества получает в литературной студии им. писателя Бориса Балтера МБОУ «Гимназия им. И. Сельвинского». Помимо литературного творчества увлекается рисованием (окончила художественную школу им. Ю. Волкова) и фотографией, изучает иностранные языки (английский, немецкий и чешский), интересуется французской поэзией и кинематографом. Действительный член Малой Академии Наук и Малой Академии Искусств. Финалист международного молодёжного конкурса «Прошу слова». Лауреат республиканского конкурса «Космические фантазии», Лауреат всероссийских конкурсов «Ради жизни на Земле» и «Подсолнушек».

О ТОМ, ЧТО НА САМОМ ДЕЛЕ ПРОИЗОШЛО С КАЕМ

...Она медленно подносит серебряный кубок к бледным губам, обхватив его длинными тонкими пальцами — безымянный украшает маленькое изящное кольцо с белым хрустальным камнем. Делает небольшой глоток сладкого напитка богов, проводя языком по нижней губе, собирая пурпурные капельки. Но почувствовав на себе взгляд, резко оборачивается, и пронзает меня холодом своих глаз.

* * *

Люди, заглянувшие в волшебное зеркало, пугались и содрогались от представленного им зрелища, считая, что зеркало уродует их.

На самом деле, зеркало не уродовало, а показывало меркантильную сторону их жизни, отражённую в чертах лица. Оно не способно было отразить проявление даже самой ярко выраженной духовности. Можно ли было назвать это обличением? Открывало ли оно истинные порывы и желания сердца? Но люди боялись видеть себя такими.

* * *

Я помню тот день, когда осколки попали мне в глаз и сердце. И тут же в обычной застенчивости Герды я увидел наивность и глупость. А розы, прекрасные розы, потрясли меня своей недолговечностью.

Я шёл по улицам и видел не людей, а уродцев. Я заглядывал туда, где казалось, прохода нет, открывал потайные двери их душ. И меня тошнило от того, что я видел.

* * *

До сих пор не понимаю, почему тогда Она казалась мне такой совершенной, такой чистой, неповторимой, прекрасной... Уж если глаза мои находили во всём уродство, так почему они были так благосклонны к моей Королеве?

Она хотела дарить тепло и любовь. Но, не умея, отдавала лишь холод.

Я рассказывал ей о всякой чепухе, и видел в её глазах неприкрытую усмешку. Я понимал, что выгляжу, наверное, для неё сейчас, как те люди, несущие всякую чушь лишь для того, чтобы на них обратили внимание. Я засыпал у её ног, а просыпался в её холодных объятиях, ставшими такими приятными и необходимыми. Она стала мне матерью, дающей заботу, когда мне этого так не хватало.

Но однажды, проснувшись, я увидел морщины, скопившиеся возле её глаз. Я внимал её тягучему голосу, прислушивался к резким вздохам, следил за её вздрагивающими плечами, за тем, как она часто и внимательно всматривается вдаль и молчит. И я увидел в ней одинокую, забытую и отвергнутую всеми, уставшую женщину. Моё сердце заледенело окончательно.

* * *

Я смотрю на себя в осколок зеркала и вижу слепца в объятиях льда и обмана, холодное сердце, живущее фальшивыми звуками неоправданных надежд. Я искалечен ложью.

Где ты, та, что должна спасти меня? Не тебя ли я убивал, своим безразличием и скукой?

Молчаливое королевство скоро станет моим склепом, где буду погребен заживо, а гордая королева — моим палачом.

Где ты, та, что обещала быть рядом? Не от тебя ли я бежал и скрывался?

* * *

Белый павлин медленно разгуливает по мраморному полу, изредка выкрикивая мольбы об освобождении — они эхом возносятся к потолку, рассыпаются на мелкие кристаллики льда и подаются на пол.

Иногда и я, как этот забытый всеми павлин, кричу во всё горло. Тролли склоняют предо мной головы и спрашивают о желаниях Хозяина, и тогда я швыряю в них кубки и хрустальные амфоры, чтобы их рев и вопли заглушили мой плач, разрушающий надежду в моём ледяном сердце.

* * *

Это ледяное сердце аккуратно вырезал ювелир, чтобы оно заняло своё место в исхудалом теле обречённого на гибель путника. Теперь бежать некуда, скрыться негде от собственного сердца.

* * *

Человек в зеркале смеётся надо мной подобно гиене, смеётся так долго, что падает на колени и хватается тонкими пальцами за пряди белых волос. Кривая ухмылка не сходит с его мертвенно-бледного лица и тогда, я замечаю влажность в дрожащих уголках его глаз.

АННА БАЙДА
(г. Евпатория)

Анна о себе: «Я родилась на южном берегу Камчатки, а теперь живу на южном берегу Крыма. В детстве я ела ложками красную икру и собирала морскую капусту на берегу Тихого океана. Крым же стал свидетелем моей юности, большой дружбы, первой любви и знакомства с литературной студией имени Бориса Балтера, которое стало одним из значимых в моей жизни. Участие в литературных конкурсах и музыкально-поэтических фестивалях стало неотъемлемой частью моей юности. Благодаря им я полюбила находиться в дороге. Сегодня я сижу на парах в Крымском федеральном университете и мени В. И. Вернадского в Симферополе, а завтра буду ловить попутку до Севастополя, чтобы сходить в кино, или до Ялты, чтобы поесть самые вкусные суши в Крыму. Время идёт, но кое-что остаётся прежним: мне восемнадцать, но я всё ещё слышу музыку ветров путешествий».

Победитель и обладатель медали Международного фестиваля «Подводные фантазии», лауреат VIII Всекрымского поэтического конкурса «На осенней волне Есенинской поэзии», I Международного музыкально-поэтического фестиваля «Интеллигентный сезон», Международного фестиваля творческой молодёжи «Климентфест», III Республиканского молодёжного литературного фестиваля «Прощу слова», Международного литературно-музыкального фестиваля «Ялос».

СИРЕНЕВАЯ КОМНАТА (из записной книжки)

Я нашла её в дальнем углу ящика письменного стола. Потёртую записную книжку. Хотела выбросить. Потом перечитала. Моя жизнь, мои эмоции, то, что сделало меня теперешней. Может быть, использовать эти зарисовки как материал для рассказов? Или пусть всё останется так, как есть — мысли и страхи девочки-подростка?

* * *

Не люблю зиму. Снег холодный и скрипит, а снежные хлопья так и норовят залететь в ноздри. Людям с чувствительной кожей, расшатанными нервами и большими ноздрями противопоказана зима.

* * *

Города Крыма погружаются в непроглядную темноту. Ни фонари, ни окна домов, ни звезды (в эти холодные дни небо затянуло тучами) не освещают помрачневшие улицы. Только маленькие световозы ходят по расписанию. Сквозь окна этих жестяных коробок, тусклый и ставший чужим в этой тихой темноте, свет режет глаза.

«Ах, зачем ты приехал? Ты всегда приезжаешь, когда я не хочу уезжать! Из-за тебя я не встречу рождение Солнца, именно этим утром. И все-таки, как чудесно, что наступили тёмные времена. Я в восторге!»

* * *

Нет, я люблю холода. Потому что в холода нужно носить верхнюю одежду. Я покупаю стильное пальто. Прохожие подмечают, как хорошо я выгляжу. Но неожиданно наступают дурные времена, депрессия связывает по рукам и ногам. А тут необходимо выйти по делам. Я надеваю своё стильное пальто, и люди думают: «Ах, как хорошо она выглядит! У неё всё в порядке». Вот почему я люблю холода.

* * *

Сегодня было такое происшествие! Совершенно чудное. Ко мне в обед пришла Ира. Застала врасплох: ни я, ни квартира не были готовы к приходу гостей. Я была одета по-домашнему уютно, а на голове — птичье гнездо. Как хорошо, что я знаю Иру целую вечность! Я предложила ей чай, и она сначала согласилась. Но потом переспросила, есть ли кофе. Как обычно, просьба о чашке кофе меня расстроила. «Почему люди не пьют чай? Я умею заваривать только чай!» К счастью, я знаю Иру целую вечность. Я достала банку кофе из кухонного шкафа и спросила:

— Сколько ложек?

— Одну.

Я залила кипятком кофе, и... на поверхность коричневой жидкости начали всплывать маленькие шелушинки. Они не растворялись в горячей воде. Их было так много, что я, растерявшись, хотела начать вылавливать их ложкой! Однако, сначала решила переспросить Иру, почему кофе вовсе не похож на кофе. Я могла без стыда спросить у неё об этом, потому что, слава Богу, я знаю Иру целую вечность.

Оказалось, я залила кипятком кофе, который отец заваривает в турке! Какой был конфуз... В шкафу я нашла другую банку кофе — растворимого. Одна ложка без вершка, горячая вода. Я спросила у Иры, должно ли кофе пахнуть, как кошачий корм. Кажется, в моей голове что-то сломалось. Под чутким руководством Иры — ей я могла довериться, ведь я знаю её целую вечность — я долила молока в чашку и добавила полторы чайной ложки сахара. Тщательно перемешав и понюхав, поставила чашку на единственно не заваленный бумагами в этой квартире стол.

Когда пьют кофе, и белый дымок вьётся над чашкой, невольно тянет на откровения. На кухне был хаос. Казалось, что этот хаос и в моей голове, и что я — сумасшедшая. Я рассказала об этом Ире. Мне показалось, что своим громким голосом, выкриками и резкой жестикуляцией я напугала её. Но, как я писала раньше, Иру я знаю целую вечность. Она лишь сказала, что я действительно странная, но её это ничуть не смущает. «Поэт всегда немного сумасшедший», — сказала мне в один из осенних вечеров Л. Ю. ...

Как, все-таки, смешно — я попросила папу научить меня заваривать кофе.

* * *

Когда целовала, чувствовала нежную связь. Будто поцелуем можно сделать ошибку. Целую губы, целую и понимаю, что мне мало нескольких секунд! Я не целовала других больше трёх секунд, а в этот раз хотела целовать неотрывно часы напролет! Я смотрю в глаза, и меня изнутри распирает счастье. Я отвожу взгляд, чтобы не выдать себя и желание поцеловать!

* * *

Зачем нужны солнцезащитные очки?

Устав от необходимости быть правильной, Аннушка купила солнцезащитные очки. Ей казалось, что за ними никто не узнает её, и давление общественного мнения не будет таким жёстким. Скажу сразу, кажущееся отсутствие свободолюбия в этой особе было не что иное, как нежелание ввязываться в проблемы и страх испортить свою безупречную репутацию, которая часто выручала девушку.

Аннушка очень полюбила новенькие очки. Она надевала их при любой возможности, казалось, они приросли к её смуглому лицу. Узнавали юную особу на улицах или нет — неясно, но, когда она насаживала на нос очки, зануда сразу же превращалась в разбойницу, для которой табличка «по газону не ходить» — фейк и статус инкогнито — на максимуме. Она дурачилась, ведь сквозь зеркальные стёкла очков люди не увидят никого, кроме своего отражения: угрюмого, раздраженно-правильного. Разбойнице под прикрытием так и хотелось сказать: «Не пытайтесь разглядеть во мне повод для критики, взгляните-ка лучше на себя!»

К счастью, девушка жила в солнечной Евпатории, а не в затянута тучами Питере. Очки всегда были на носу. Ну, вы понимаете, к чему я?.. Очки, не дорого!

* * *

В повседневной жизни подростка существует два сменяющие друг друга периода:

1. У него есть достаточно денег, чтобы чувствовать себя свободно и непринужденно.
2. У него нет ни копейки.

Совершенно неважно, с какой скоростью исчезает энная сумма в кармане подростка. Главное, что её исчезновение неизбежно. Когда приходит осознание, что карман вот-вот опустеет, ничего не остаётся, кроме как отпраздновать это событие. Так вот, сегодня я праздновала своё полнейшее обезденежье! Последние сто рэ я «спустила» на банку колы и позавчерашний эклер. Сидела на каменистом обрыве у моря, смотрела на падающие звёзды и загадывала желания. Ещё

никогда я не была такой счастливой и сытой без гроша в кармане. Земфира в наушниках пела о звёздах. От Нины приходили тёплые смс-ки. Кола щекотала нёбо пузырьками, и позавчерашний эклер, съеденный под звёздным небом, казался самым вкусным на свете. Конечно, теперь есть повод сидеть у моря допоздна. Всё для того, чтобы оставленная кофта оказалась полезной, и не висела на плечиках до момента возвращения её хозяину.

Нина была далеко, но я могла с ней встретиться сейчас. Там, на далёкой звезде... «Смотри на правую звезду ковша Большой Медведицы, а потом — на левую звезду. Они сегодня странные. И очень красивые. А от этого ещё более странные», — читала я новую электронную телеграмму, присланную Ниной.

* * *

Я слышала, как он кричит. Так мне казалось, когда я смотрела на него, сидящего на полу, приникшего спиной к стене. Он не смотрел на меня. Его глаза, блестящие от влаги, всё скользили вдоль свежих трещин на сердце. Пару дней назад он расстался с одной «из». М., кажется, действительно любил её. Он, близкий моему сердцу мальчик, впервые коснулся губ девчонки в свои я-взрослый-и-сам-могу-решать лет. После этого, как будто выпал из моей жизни. Теперь, надломленный и уставший, он вернулся.

...Под утро М. ввалился в мою квартиру трезвый, смеясь, и в слезах. Сначала я подумала, что это слёзы радости, что он рад меня видеть. Соскучилась и вернулся. Ведь наша дружба сильнее времени. Даже забыв его имя, я помнила о нём. Мне казалось, он плачет от счастья. Но с каждым новым мгновением, лицо его всё больше искажалось. Передо мной стоял не тот человек, которого я когда-то знала. Это было смех от боли. Я смотрела на него и не понимала, когда он успел так повзрослеть. Как будто прошло не полтора года, а целая вечность. Целая вечность прошла с того момента, когда мы беспричинно смеялись и, счастливые, клялись в бесконечной юности. Я смотрела на него и не понимала, когда он успел так повзрослеть. И я так боюсь его потерять снова. Он всегда восхищённо рассказывал о новых пассиях, а через несколько месяцев разочаровывался и впадал в депрессию. Мы закрывались в комнате, и он клал голову мне на колени. И я снова гладила эти огненные

волосы, которые не в состоянии согреть мои холодные пальцы. Мальчик говорил, говорил, говорил... А у меня язык прилипал к нёбу, и я ничего не могла сказать. Лишь чувствовала, как им овладевал страх, и как растворялась его беззаботная юность...

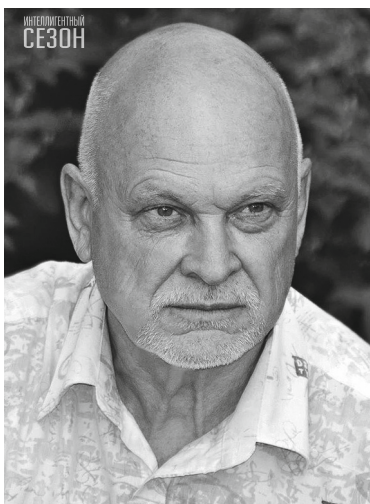
Наверное, совсем скоро я окончательно потеряю его, неузнанного мной голубоглазого мальчика, с которым познакомилась посреди ночи в какой-то забегаловке, а потом, смеясь так громко, как не смеялась никогда, встретила с ним восход солнца на спящей пристани...

Его голова лежит на моих коленях, глаза не просыхают от слёз, и он искренне ненавидит свою непутёвую жизнь «после». Когда ты успел так повзрослеть? «Как я хочу вернуть то время, когда твои губы не знали вкуса поцелуя...» — должна была сказать я ему. Но только язык снова прилип к нёбу, а сердце вот-вот выскочит из груди...

* * *

Как обнять с такой нежностью, чтобы ты почувствовал её каждой клеточкой?! Хочется раскрыть грудную клетку и выпустить голубей! Так много всего, чего не могу сказать. Мне не хватает слов! Это бесконечная нежность! Охватывающая и живущая на полувздохе нежность. Вру! Вру, когда говорю, что тебя нет рядом. Ты всегда со мной. Во мне! И куда бы я ни бежала, ты всегда ждёшь меня в конечной точке. В моей комнате нет забытых тобой вещей, но в ней есть оставленные тобой воспоминания. Эти стены видели мою юность, первую любовь и слышали твоё имя. Кажется, когда я вернусь сюда вновь, они будут нашептывать мне на ухо о первом поцелуе и безумстве, случившемся со мной. Сиреневая комната. Мой маленький тайник.

**ВАЛЕРИЙ
БАСЫРОВ**
(г. Симферополь)

Валерий Басыров окончил Литературный институт им. М. Горького СП СССР (1977).

Автор более тридцати сборников стихов, прозы, переводов.

С 1988 года занимается книгоиздательским делом. Подготовил к печати и выпустил в свет более 1800 книг профессиональных и начинающих литераторов общим тиражом около трёх млн. экземпляров. Книга стихов «Нечаянная оттепель» (2,5 печ. л.) в 1989 году была издана за 48 часов и явилась самым быстрым произведением в бывшем СССР, которое прошло путь от типографии до книготорговой сети.

Член Союза писателей СССР (1990), Европейского конгресса литераторов (2011), Союза писателей Республики Крым (2014), Союза переводчиков России (2015).

Лауреат двенадцати литературных премий. Среди них: премии Совета министров Автономной Республики Крым (2001), имени Арсения Тарковского (2012), имени Александра Грина (2014). Награждён медалью «За заслуги в полиграфии и полиграфическом деле» (2012) и памятной медалью «200 лет М. Ю. Лермонтову» (2015), серебряной медалью Первого Международного литературного фестиваля «ЛиФФт» (2016).

С 1997 проживает в Крыму.

О СЕБЕ И ЛЮДЯХ

Афоризмы. Цитаты. Размышления

СВИДАНИЕ

Дрожат бисеринки звёзд
на ресницах Рассвета —
мне пора уходить...

ОБ УМОЛКНУВШЕМ

Не каждый замолчавший прав,
ибо и он говорил.

ПУТЬ ОЧИЩЕНИЯ

Не бойся боли. Уходи в неё.
И растворяйся в ней.
Это единственный путь
очищения.

ОБ ИДУЩЕМ ПОСЛЕДНИМ

Ошибок идущего последним
не видит никто.

О ЖИЗНИ

Жизнь — авансцена небытия.

В ГОРАХ НАД АЛУШТОЙ

Туман умыл лицо Рассвета.
Пора вставать и отправляться
в путь...

О ЛЮДЯХ И МИРАХ

Не мы игрушки Времени,
а ближние и дальние миры.

О ПРОРОКАХ

Изо дня в день Всевышний
раскручивает невидимые нити
Познания с веретена Галактики
и сплетает их в ясный и зримый
путь. Всё напрасно: незрячие
не желают прозревать.
Поэтому так мало Пророков.

Морскою пеной
с лица смывает Вечер
усталость дня.

Нет малых народов.
Есть предательская политика
против того или иного народа.

Человек умирает
в том случае,
когда в нём не видят
опору.

О ПРАВЕДНИКАХ И ПАДШИХ

...А на том свете соединение душ когда-то близких людей исключено: на необъятных просторах Рая попавших туда будет настолько мало, что каждая встреча окажется счастливой случайностью; а в Преисподней наоборот — среди неисчислимой толпы запятнанных душ увидаться просто невозможно.

О ЦВЕТАХ И ЛЮДЯХ

Главная функция человека, к сожалению, — разрушительная. Чтобы увидеть и понять красоту, ему необходимо сначала уничтожить её. Даря любимым цветы, мы, отчасти, подтверждаем это. А ведь самый красивый цветок не сорванный...

О СЕБЕ И ЛЮДЯХ

Не люблю людей, и они меня не любят. Но если я пытаюсь любое своё деяние по отношению к ним обратить в добродетель, надеясь встретить родственную душу, то люди постоянно меня унижают и оскорбляют... Но я благодарен им за это, ибо тем самым они укрепляют мой дух и возносят его над развращённым бытием.

ОБ ОТНОШЕНИИ К ЛЮДЯМ

Столько лет приучал себя не замечать в людях черты негативного характера, что добился необыкновенного результата: все они славные существа. Тем самым оказал для себя плохую услугу.

О ЗАВИСТИ

Зависть сжигает личность. Заставляет её совершать неблагоприятные поступки в угоду своего эго.

О ПЕРЕЕЗДАХ

Люблю переезды. Некоторое время тебя никто не знает, и ты спешишь насладиться желанным покоем. Но знаешь: вскоре последуют знакомства и — новые разочарования в людях.

О ВОСПИТАНИИ

Молодость не сочувствует зрелости. Так будет всегда, ибо у Жизни не хватает времени на её воспитание.

О СОБЛАЗНЕ

Все люди отмечены печатью Бога. Но на каком-то временном отрезке, поверив соблазну Сатаны, большинство спешит спрятаться под крыло Тьмы.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Страшно видеть опустившихся людей. Нечёсанных и немых. Сквернословящих. Вливающих без меры в себя спиртное... Спасибо Создателю за предупреждение о возможном падении.

ЕДИНОМЫШЛЕННИКИ

Кто не ищет единомышленников, того находят недруги.

ОБ ИСКРЕННОСТИ

Когда вы влюблены — вы не думаете об ответном чувстве.

О ЧУВСТВЕ И ЛЮБВИ

Чувство слепо и несчастно, если Любовь отказалась быть поводырём.

РАЗОЧАРОВАВШЕМОУСЯ

За дверью неверия мрак, и — НИЧЕГО.

...Только бессилие будет попутчиком у последней черты.

Вечера, проведённые в одиночестве, — пытка в камере разума.

...Даже вешнее сновидение не может соперничать с будущим.

...Иногда и глупость пленяет красноречием...

Только у Судьбы следует просить благословение.

Господи, дай мне то, что у меня просят люди, и тогда я смогу оправдать их ожидания...

Прислушаться к иному мнению сложнее, чем навязать своё...

У искренности очень мало друзей.

Входящих на алтарь очищения нередко забрасывают камнями.

* * *

Когда душа вольна, её нельзя
унизить.

* * *

Кто не любил, тот искренним
не может быть.

* * *

Прощение можно просить только
у своей Совести.

* * *

Когда ты чист, окружающие
непременно будут пытаться
вывалить тебя в грязь.

* * *

Обиженный — грешник
на распутье.

* * *

Чтобы скрыть свои проступки,
обвиняющие унижают других.

* * *

Беда народу, который
превозносит кумиров, но горе,
когда он умиляется дияниям,
лжепророков.

* * *

Не торопитесь обвинять: замолите
сначала свои грехи.

* * *

Слуги дьявола всегда
превозносят себя.

* * *

Со своей Совестью
мне комфортно: между нами
нет денежных отношений.

* * *

От людей не устаю,
устаю от глупых собеседников.

* * *

Ненависть —
одна из дочерей Смерти.

* * *

Человек не может исчезнуть,
ибо он нужен Всевышнему.

* * *

Ненависть боится
даже стреноженную Правду.

* * *

Союз подлецов долговечным
не бывает.

* * *

Чувство вины —
непрощенная гостья на пороге
преступления.

* * *

На сквозняке обмана даже
низменные желания чувствуют
себя неуютно.

* * *

Заневестилась Сирень,
но одиночество привело
к быстрому увяданию.

* * *

Бесноватые, пришедшие к власти,
никогда с поэтами вести диалог
не будут. Ибо у них нет желания
даже приблизиться к берегу
Совести.

* * *

Невосполнимая утрата —
потеря доверия к тебе твоего
Ангела.

* * *

Язык любви не крик, а шёпот.

* * *

У настоящей любви выходных не
бывает.

* * *

Друзья, знакомые, родные...
Как быстротечно Время! Так было,
видно, суждено: на склоне лет
делить с собакой хлеб.

* * *

Не приемлю многословие
во времена желанной тишины...

О СЕБЕ И ВРЕМЕНИ

Время лишает уверенности всех.
Раньше без труда различал
многое за горизонтом, а сейчас
сомневаюсь: доживу
ли до семидесятилетней весны.

* * *

Жалею всех, сочувствия не жду.
Люблю и потому люблю.

* * *

Пролог моей жизни писал
Всевышний. Но как же так вышло,
что редактором стал Сатана?

* * *

Дождь. Затяжной, осенний...
Осиротевшая улица вытянула
шею вслед закату. Каждый на
что-то надеется...

* * *

Что проку в прошлом —
оно уже состоялось...
Но как же мы любим в нём
копаться! Наверное, потому,
что понимаем: для будущего
Время выбрало других...

* * *

За полночь. Осенняя хандра.
Прислушиваюсь к своему сердцу.
А оно затаилось — играет со мной
в прятки...

* * *

Как хорошо, что Время не смогло
отредактировать мои чувства:
всегда любил искренне и страстно.

* * *

В осеннем парке плачет Тишина
и по душе её скользят, как стоны,
листья...

* * *

В Крыму зима, как жизнь, —
проходит быстро и незаметно...

* * *

Не мы устаём от Жизни,
а ей надоедает с нами нянчиться...

* * *

Из добрых дел я сделал
плот моей Судьбы.

* * *

Даты моей жизни Время кернит
на скрижалях Судьбы.

* * *

Чувства промерзают до дна Души,
а Синоптики который день
твердят о потеплении...

* * *

У Декабря замашки интригана:
то нрав крутой покажет,
то одарит теплом.

* * *

Сегодня по лекалам Памяти
пытался восстановить свою Жизнь,
и не смог: наверное, далеко ушёл...

* * *

Воспоминания стаями кружат
над перепаханном полем моей
жизни.

* * *

Моя поздняя любовь сродни
робости первого снега.

* * *

Судьба перекроила жизнь мою,
а новый сшить костюм забыла...

ЭПИТАФИЯ ЗНАКОМОМУ

Ты так долго себя любил и часто пре-
возносил над другими, что в конце
концов даже Одиночество устало
и свело с тобой счёты. Как же ты
посмотришь в глаза Всевышнему?

* * *

Что неудачи! Их презираю.
Всегда я превращал падение
в карьере в неведомый,
но увлекательный полёт...

* * *

Как утверждают медики,
сердце — обычный насос...
Если это так, тогда хвала
Всевышнему, ибо Он, воистину,
велик: создать особенный
очеловеченный насос,
умеющий сопереживать
и ненавидеть, под силу
только Ему.

* * *

Я пью Любовь и не могу
остановиться,
и прячет Грех своё лицо,
чтоб не смущать меня...

ЛЮБИМОЙ

Отгостила Луна,
Звёзды тоже отправились
в путь...
Не спеши уходить —
без тебя одиноко.

ХАНДРА

Всё в мире обесценилось
и потеряло смысл.
На что надеяться Любви
в такие времена?..

* * *

Мера чувства измеряется
Памятью.

* * *

Учись у Луны:
притягивает её
одиночество.

Но тайны свои она
не для всех открывает.

ЗАСТЕНЧИВОСТЬ

Январский Полдень
к тебе прижался —
порозовели щёки.

* * *

Не мы вымаливаем для себя
прощение у Всевышнего
за прегрешения на Земле,
а те, кто любит нас и предстал
перед Ним.

* * *

Истончается нить Времени
и остаётся горький привкус
последней любви...

ДМИТРИЙ БИРМАН
(г. Нижний Новгород)

Дмитрий Бирман — поэт, прозаик. Член Союза писателей России. Член Российского отделения Международной организации литераторов «ПЕН-клуб».

Родился 18 апреля 1961 году в городе Горьком (Нижний Новгород).

Окончил Горьковский инженерно-строительный институт и Нижегородский государственный университет.

Первая книга стихов «Две роли» вышла в 2000 году в издательстве «ДЕКОМ» (Нижний Новгород). Автор книг «Две роли» (2000), «ИМХО» (2007), «Азбука масок» (2009), «Как вкусно пахнет дождь» (2012), «Ежедневник» (2013). В переводах на другие языки вышли книги «Alphabet of Masks» (Enigma Books, New York, 2011) и «Jak pysznie pachnie deszcz» (Piekný Swiet, Gdynia, 2012).

Участник различных литературных конференций и фестивалей. Лауреат международного поэтического конкурса им. Н. Рубцова (2010), национальной литературной премии «Писатель года-2011», международного литературного фестиваля «Русские мифы» в номинации «Современная поэзия» (2012).

Лауреат первой степени II Международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон-2016» в номинации «Малая проза. О Крыме».

ПУТЕШЕСТВИЕ

Я увидел их на пляже Нового Афона, когда одна успокаивала другую, горько рыдавшую.

Нет, не так!

Моя щепетильная и болезненно порядочная мама умудрилась получить для меня в профкоме поликлиники, где она проработала без малого двадцать лет, туристическую путёвку.

Она вручила её мне, только что прибывшему с трёхмесячных военных сборов (которые проходили после окончания ВУЗа, получения диплома и заменяли двухгодичную армейскую повинность) с гордо поднятой головой:

— Вот, сынок, поедешь на неделю в Новый Афон, а потом по Грузии и Армении, ещё одна неделя!

— Здорово, мам, — сказал я, — спасибо, но мы с ребятами в Крым хотели слетать. Нам же стипендию за три месяца выдали!

— Почему всё всегда наперекор матери! — строгим голосом сказала мама и поджала губы. Когда я увидел слёзы на её глазах, то обнял и сказал:

— Ну, конечно, ма, конечно, поеду! Ведь эта путёвка — прекрасная возможность посмотреть нашу огромную Родину (для тех, кто не помнит, Грузия и Армения тогда входили в состав СССР).

Мама расцвела, а я с грустью подумал о двух неделях тоскливых экскурсий в компании пожилых и толстых дядек и тётек.

Начало октября в Новом Афоне оказалось сказочным. Я каждый день ходил загорать и купаться, демонстрируя подтянутое за три месяца сборов тело молодого, подающего надежды мужчины.

В последний день пребывания в раю, накануне отправки в недельное путешествие по Грузии и Армении, я увидел их, когда одна успокаивала другую, горько рыдавшую. Конечно, я не мог пройти мимо. Включив всё своё обаяние и навыки, полученные в студенческом театре эстрадных миниатюр, я узнал, что же произошло.

Девушка Света (брюнетка) рассказала мне, прерываемая рыданиями девушки Лены (блондинка), что короткая любовь последней с юношей по имени Адгур закончилась его исчезновением вместе с золотой цепочкой и колечком, на которые Лена копила больше года.

Выяснилось, что девчонки из Комсомольска-на-Амуре, где работают продавщицами, и, кстати, тоже получили путёвки в своём профкоме, у них такой же, как и у меня маршрут. Оказалось, что Адгур тоже отдыхает в местном доме отдыха, причём Лена, при расставании, сказала, что они уезжают сегодня утром, хотя на самом деле, уедут они только вечером.

— А зачем? — спросил я, предполагая некий тайный смысл.

— Да ну его, дурак и скотина! — Лена, вытирала слёзы тыльной стороной ладони.

— Ладно, — сказал я, — в каком номере живёт твой кумир?

— В триста двадцатом — ответила Лена, — и не кумир он, а сволочь последняя!

— Только его нет целый день, — Света тяжело вздохнула, — а нам вечером уезжать!

— А мне утром, — вздохнул я, — но мы попробуем сегодня разобраться! Я пошёл от них уверенной походкой Жана-Поля Бельмондо, блиставшего тогда на киноэкранах нашей страны.

— Мы в номере двести восемь, — крикнула Света мне вслед.

Я, не оборачиваясь, помахал им рукой.

Был ли у меня план? Ха! Конечно!

Во-первых, я не сомневался, что Адгур к вечеру вернётся, абсолютно уверенный в том, что девушки уехали, тут мы его, тёпленького, и прихватим с Колей. Коля — классный парень с Тульского завода металлических конструкций, двигаясь, так сказать, встречным маршрутом, уже осмотрел достопримечательности Армении и Грузии, и, завершая набор впечатлений красотами Нового Афона, делил со мной номер в доме отдыха. Кроме того, хоть я и не успею все сделать до их отъезда, раз мы с девушками путешествуем по одному маршруту, значит, завтра я увижу их Тбилиси.

Во-вторых... Ну, про вторую часть моего плана я расскажу чуть позже.

После того, как я поведал Коляну грустную историю и детали операции, мы, дождавшись вечера, интеллигентно постучались в номер триста двадцать.

Адгур уверенно распахнул дверь, тут же получив с правой в голову. Он вскочил, не обращая внимания на кровь, которая активно покидала разбитый нос и начал кричать, глядя на меня бешено вытаращенными глазами:

— Абхазский мужчина убивает за оскорбление!

— Нету воина храбрее, чем испуганный еврей! — гордо ответил ему я.

Адгур затих в мозолистых руках монтажника Николая, довольно быстро вернув колечко и серёжки.

Наутро я чуть не проспал автобус, после того как мы выпили с Колей (за успех операции, за дружбу, за расставание) литра три чудесного красного вина «Изабелла».

Дорога до Тбилиси была, наверное, живописной, но меня укачало, и было так плохо, что хотелось скорее выбраться из душного автобуса.

В гостиницу мы приехали к ужину, и пока руководитель группы получал ключи от номеров, мы пошли в ресторан, который оказался огромным помещением, заполненным жующими людьми.

И, вдруг, о чудо!

— Дима! Дима! — две дивных феи махали мне (я посмотрел по сторонам и убедился, что именно мне) и улыбались. Я не сразу узнал Свету и Лену.

Эффектные брюнетка и блондинка в вызывающе облегающих сарафанах (раньше говорили «в облипочку»), вопросительно смотрели на меня.

Я ответил взглядом «в никуда», небрежно опустил руку в карман, достал колечко с цепочкой и протянул Лене:

— Кажется, твои? — спросил я с лёгкой улыбкой.

Мама дорогая! Что тут началось! И крики, и слёзы радости, и объяснение изумлённой публике, что вот он, настоящий герой!

Девушки повисли на мне с двух сторон, обнимая, целуя и прижимаясь ко мне своими горячими телами, пока ещё в сарафанах.

Я понял, что вторая часть моего плана тоже удастся.

Дело было за малым. Нужно было найти вино. Имея достаточный опыт в этом вопросе, я подошёл к официантке и спросил у неё любимую до судорог «Изабеллу».

— Нету, — ответила она, а потом на ухо мне:

— Чача есть.

— Что такое «чача»? — спросил я, наивный отпрыск советских псевдоинтеллигентов.

— Как ваша водка, только лучше, — ответила с улыбкой Джоконда с подносом.

Я доверчиво взял две бутылки. О, если бы я знал, какой коварный напиток я получил — крепкий, мягкий, с лёгким виноградным привкусом.

Конечно, пока мы шли в номер моих фей, я думал о том, что ни у кого из друзей не было сразу с двоими, а меня вот-вот будет.

Мы начали пить весело и легко, наше настроение и желание достигли пика, когда закончилось содержимое первой бутылки.

— Остановись! — сказал мне Ангел. — Пора!

— Ты что! — перебил его Бес. — Там ещё целая бутылка!

То, что выпито было всё, я понял, когда проснулся от головной боли и дикой жажды. Две кровати были сдвинуты, я лежал посередине, левой рукой обнимая Свету, а правой Лену.

Я встал, пошёл в ванную и долго пил там воду из-под крана. Всё могло быть так хорошо... Однако то, что все участники оргии спали в одежде, говорило о моём полном фиаско.

Да, наша группа онемела, когда я вышел из гостиницы под руку с брюнеткой Светой (слева) и блондинкой Леной (справа).

Да, никто не пикнул, когда я сказал, что они поедут на экскурсию в нашем автобусе.

Да, потом был яркий проспект имени Шота Руставели, повергшие нас в шок разноцветные воды Лагидзе, сочные хинкали и ароматные хачапури.

Был яркий солнечный день моей молодости, когда радость жизни так осязаема, когда похмельное состояние абсолютного покоя дарит философские мысли о бренности плоти и торжестве духовного начала.

О, Тбилиси, для меня ты — этот незабываемый день и две девушки, которые держат меня под руки, готовые на всё.

Увы! Вечерний автобус унёс моих фей, не дав исполниться грёзам.

Мы никогда больше не встречались, но я храню в тайнике моей души то путешествие из уже закончившейся студенческой жизни в ещё не начавшуюся взрослую жизнь.

А в Крым мы с друзьями все-таки поехали, но только на следующий год!

АЛЕКСАНДР БУЛАН
(г. Москва)

Всю свою жизнь прожил в Москве и Подмосковье. В настоящий момент учится на факультете экспериментальной и теоретической физики в Московском Инженерно-Физическом Институте (МИФИ) на четвёртом курсе.

Писать начал два года назад. Наибольший интерес испытывает к жанрам фантастики и мистики. Также увлекается музыкой и финским языком.

БЕСПОКОЙНАЯ СОСЕДКА

Из соседней квартиры снова доносился надрывный визг скрипки. Юхан Коскинен в изнеможении откинулся на спинку кресла и раздражённо посмотрел на жену, меланхолично тыкавшую в пульт от телевизора.

— Что ты на меня смотришь, — буркнула она, — я уже предлагала сходить к ней и попросить прекратить концерт.

Юхану отчаянно не хотелось вставать — позади был тяжёлый рабочий день таксиста.

Но дикая мелодия из соседней квартиры убивала в корне попытки расслабиться, и мужчина, недовольно побряхтев, встал с уютного кресла. При всём желании он не мог сказать, что скрипачка играла плохо, вовсе нет — её мастерство восхищало. Но ноты, слетающие со струн под умелыми движениями пальцев и смычка, порой соединялись в поистине ужасающую какофонию. Сумасшедшие пассажи, подобные воплям демонов, раскалёнными свёрлами буравили мозг. Истериичные трели угнетали и нервировали. Заунывные тремоло вгоняли в безысходную чёрную тоску. Юхан решил, что жена права и слушать это совершенно невозможно.

— Хорошо, Хенна, — примирительно ответил он жене. — Надевай тапочки, поговорим с Анитой.

Поёжившись от особенно резкого стаккато, Юхан поплёлся к двери. Хенна последовала за ним. На лестничной площадке жуткие звуки раздавались ещё громче.

— Уже почти десять, а она мучает скрипку! — проворчал Юхан. — Неужели в оркестре не наигрывается?

— Чёрт её знает, — поморщившись, ответила Хенна. — Последнее время с ней явно что-то не то. Звони давай.

Секунду помявшись в нерешительности, мужчина позвонил в дверь, за которой жила скрипачка. Никто не отозвался, музыка не прекратилась.

— Звони ещё, а то у меня голова лопнет, — потребовала Хенна, яростно массируя виски.

Юхан зажал кнопку звонка и не отпускал её, пока крик скрипки не стих и за дверью не послышались шаги.

— Что... что нужно? — дверь приоткрылась, и показалось усталое женское лицо с синяками под глазами, обрамлённое прядями светлых волос.

— Анита, прекратите концерт! Людям отдыхать нужно, а вы устраиваете этот аудиотеррор! — сердито потребовала Хенна.

— У вас всё нормально? — заметив измученный вид соседки, побеспокоился Юхан.

— Да, я в порядке, концерт прекращаю, спокойной ночи, простите за беспокойство, — шепнула Анита Сааринен и захлопнула дверь.

Супруги озадаченно переглянулись и скрылись за дверью своей квартиры.

Юхан проснулся резко и неприятно, будто от удара. За стеной стонала и плакала скрипка. Протерев заспанные глаза и едва не стукнувшись лбами с растревоженной женой, он бросил злой взгляд на часы, стоявшие на прикроватной тумбочке. Пять ноль три. Пять утра, боже!

В темноте за окном, слегка рассеиваемой немым светом уличного фонаря, равнодушно танцевали снежинки.

— Чёрт подери, она играет снова! — простонал Юхан, спрятав лицо в подушку. — Совсем уже сбрендила!

— Всё, это уже перешло все границы! — рассвирепело прошипела Хенна и, наскоро одевшись, атаковала дверь соседки.

Дверь открылась медленно, словно нехотя. Свет в прихожей не горел, и скрипачку не было видно, хотя в темноте угадывался её силуэт.

— Не подходите ко мне, прошу, — полным мертвящего отчаяния голосом попросила девушка. — Оставьте меня.

И резко захлопнула дверь.

На улице снежинки продолжали свой беззвучный танец.

Безумный концерт продолжился и на следующий день. На лестничной площадке собрались доведённые до иступления жильцы.

— Она играет почти сутки без перерыва. — Поражённо пробормотал пожилой мужчина в поношенной шляпе.

— Бедная девочка, — сокрушённо покачала головой старушка в малиновой кофте. — Я давно заметила, что бедняжка не в себе.

— Что за ужас она играет?! — недоумевал молодой парень в серой кофте.

— Исполнительницу можно хоть в блэк-метал группу брать, — бросил в ответ его приятель, нервно закусив губу. — Любого скримера с расстроенной гитарой за пояс заткнет.

И правда, музыка достигла апогея жути. Сатанинские звуки обжигали и ошеломяли. Собравшиеся чувствовали, как их сердца медленно сжимает костлявая рука потустороннего ужаса. Некоторые пытались позвонить в дверь, но один за другим отступали, поддавшись парализующему страху.

Кто-то вызвал полицию, сообщив о музыкантке, нарушающей покой соседей. Через полчаса приехало двое полицейских. Крупный мужчина в форме кратко опросил собравшихся. Его напарник всё это время тревожно косился в сторону квартиры Аниты.

Наконец, полицейский решительно шагнул к квартире, и, преодолев резко вспыхнувший испуг, толкнул дверь. Она оказалось незапертой. Чёрный проем казался вратами кошмара. Сама темнота за ним будто дышала и шевелилась, повинаясь тайной колдовской силе режущих слух нот. По площадке пронёсся испуганный вздох. Полицейский бесстрашно шагнул внутрь, включив фонарь на телефоне.

Ушибившись о стойку для ботинок, полицейский пересёк коридор и, нащупав выключатель, включил свет и заглянул в комнату.

Посреди неё играла на скрипке молодая женщина в давно нестиранной майке и со спутанными волосами. Она конвульсивно дергалась в такт своей безумной мелодии, пританцовывая и изгибаясь под inferнальный визг скрипки.

— Госпожа Сааринен... — неуверенно начал полицейский.

Неосознанно желая прервать музыку, он схватил женщину за руку со смычком. Вздвогнув, словно проснувшись, она выронила скрипку. Хрупкий музыкальный инструмент обрушился на пол и раскололся. Вылетели струны.

Коротко вскрикнув, скрипачка вырвалась и закрыла лицо руками.

— Нет, нет, зачем вы это сделали.... — выдохнула она.

Полицейский почувствовал, что на голову ему капнуло что-то холодное. Его передёрнуло. Подняв взгляд к потолку, он увидел, как по белой штукатурке расползаются чёрные пятна. С абажура люстры капала омерзительная слизь. Висящее над кроватью зеркальце заволокло пепельным туманом. Внутри стоявшей на туалетном столике пластиковой бутылки бежали крошечные черные пауки — или кляксы тьмы? В серо-голубых глазах девушки вспыхнули жутковатые белые огни.

— Беги!!! — панически закричала она. — Спасайся!!! Я погублю тебя!

Полицейский почувствовал легкие прикосновения по всему телу. Словно тысячи тонких острых усиков пытаются проникнуть под кожу. Сердце сжалось. Глаза застил кровавый туман. В груди и животе что-то зашевелилось, будто увесистый паразит рвался на свободу, или плоть взбунтовалась против собственного хозяина. Волной накатил тошнота. Захрипев, полицейский рухнул на колени.

Но неземной свет исчез из глаз женщины.

— Прости..., — одними губами прошептала Анита, и, обмякнув, без чувств сползла на пол. Рядом с ней без сознания упал полицейский.

ГАЛИНА БУРДЕНКО
(г. Москва)

Родилась в 1970 году в Тульской области. В 1995 году окончила филологический факультет Московского Гуманитарного университета. Первая публикация в 2002 году. Стихи и рассказы публиковались в периодике. Автор книги стихотворений «Ерундопель» (Издательский дом «Дарий Барсов», 2010). Участник проекта «Заповедник сказок». Лауреат II Международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон-2016»

ПЯТНИЦА, 13-е

Арнаутский забыл сон. Вообще-то Арнаутский уже много лет не помнил снов, а потому был уверен, что они ему не снятся. Но в пятницу утром, выходя из подъезда, он увидел чёрного кота, сидящего на пути. Арнаутский помедлил. Он вовсе не был суеверным, но где-то в глубине души немного и был, и Эдгара По в детстве читал, потому чёрным котам не доверял. Пока Арнаутский выбирал маршрут обхода, кот внимательно следил за ним. Арнаутский шагнул вправо — кот бросился наперерез, и в это самое мгновение Арнаутский ощутил тревожное послевкусие забытого сна. Но, как ни пытался вспомнить сон, не получилось.

В обед неожиданно позвонила бывшая одноклассница Женя Лапкина, прозванная когда-то Лапкиной-Тапкиной. Они поделились друг с другом новостями об одноклассниках (вернее, делилась одна Лапкина, Арнаутского эти люди давно не интересовали), а потом Лапкина сказала, что у неё ностальгия, поэтому она хочет отметить свои тридцать лет (Представляешь? Тридцатник! Совсем старуха! — Ну что ты! Ты ничуть не изменилась!) со школьными друзьями, и была бы рада видеть и его. Арнаутский обещал быть всенепременно.

После неудачного брака Арнаутский почти не интересовался женщинами. Мужчинами, правда, тоже. Ему было хорошо одному. Он не держал даже собаку. Правда, у него жил джунгарский хомяк Степан. В лучшие моменты хомяка называли Степашкой, в худшие — Свиньей.

В субботу Лапкина перезвонила:

— Знаешь, у многих неотложные дела, поэтому я решила не заказывать столик, а пригласить всех к себе. Будет небольшая компания, так даже лучше, пиши адрес...

В назначенный час Арнаутский с букетом из тридцати красных роз, который должен был восхитить всех одноклассниц, позвонил в дверь квартиры Лапкиной. Дверь открыла хозяйка. Первое, что бросилось в глаза, — помада цвета ростовских помидоров. Потом Арнаутский отметил некоторые возрастные изменения и, испугавшись, что Лапкина заметит его реакцию, сказал: «Ты почти не изменилась! Только стала ещё красивее!» Но Лапкина заметила, что он отметил. А он заметил, что она заметила.

Прошли в комнату, стол был накрыт на две персоны.

— Очень небольшая компания! — пошутил Арнаутский, протягивая букет, не сыгравший своей роли.

Лапкина, улыбнувшись, поблагодарила за цветы, но объяснять ничего не стала. Арнаутский почувствовал себя тигром, за которым громко захлопывается дверь клетки, и смело шагнул к столу. «Главное — ничего не обещать!» — решил он.

После нескольких тостов Лапкина стала намного привлекательнее. Помидорная помада то ли стёрлась, то ли перестала раздражать, и Арнаутский признался:

— А знаешь, Лапкина-Тапкина, ты мне нравилась в седьмом классе.

— Арнаут, меня так уже лет десять никто не называл! Правда, что ли, нравилась? Почему я этого не помню? А как же твоя Малая Арнаутская?

Так прозвали их одноклассницу Лену, отличавшуюся невысоким ростом.

— Ленка? Не, Ленка — это уже в восьмом. В седьмом — только ты!

Лапкина нарушила табу на курение в квартире, и они дружно покурили, попивая кофе. Выяснили, что у Ленки уже трое детей.

— А ты чего ж развёлся?

— Да я и не помню уже. Мусор, что ли, не вынес...

— Шутишь?

— Ха! Если бы...

— А чего ты мусор не вынес? В мусоре любишь сидеть? — Лапкина вдруг хрюкнула от смеха и стала очень похожа на себя же школьную.

Арнаутский подумал, что красная помада — это круто и сексуально!

— Ну, а ты чего же не замужем?

— Нету, Арнаут, достойных такой красоты! И интеллект, как ни прячь, выходит в самый неподходящий момент.

— Да какой там у тебя интеллект? У тебя тройка по химии всегда была.

— Да. Да! Но и этого достаточно. А химия не помогает. Ну, не о ядах же с мужчинами говорить.

— Можно о спиртах ещё.

Лапкина опять хрюкнула, брызнув кофе во все стороны. На белой рубашке Арнаутского появились мелкие, как из пульверизатора, пятна цвета жжёной сиены.

— Ой, прости! Снимай! Я скоренько постираю с отбеливателем.

Арнаутский, снимая рубашку, быстро трезвел и думал: «Ну вот, началось!» Он втянул живот. Пока Лапкина отсутствовала, немного отдышался. Потом снова втянул.

— Толя, а у меня к тебе дело!

— Ну, выкладывай! — сказал он понимающе, отметив, что Лапкина даже вспомнила, как его зовут.

— Ты не мог бы отвезти мою маму на дачу?

Арнаутский хорошо помнил Лапкину Старшую. Характером и фигурой она походила на немецкий танк Первой мировой «Мефисто». Такого поворота он не ожидал.

А Лапкина продолжала уговаривать:

— Я ей пообещала, понимаешь? А тачка в ремонте...

Арнаутский подумал, что тоже разбил бы тачку, если бы это могло избавить от Лапкиной-Мефисто.

— Толечка! Ну, я очень тебя прошу! Буду твоя должница на всю жизнь!

Через неделю Арнаутский вёз Лапкину Старшую на дачу вместе с шестью баулами и саженцами облепихи в багажнике. Забытый сон вспомнился сам собой: кто-то ломится в дверь, Арнаутский из последних сил подпирает плечом и одновременно крутит замок, но замок предательски прокручивается и прокручивается.

МАРК ВЕРХОВСКИЙ
(г. Нью-Йорк)

Родился в Симферополе в 1940 году. Дальше война. Эвакуация. Гибель отца под Керчью. Жизнь в Баку.

В 1991 году отъезд с семьей в США. Становление писателем, публицистом. Член Союза писателей Северной Америки, член Союзов писателей и журналистов Азербайджана. Лауреат III Всероссийского Конкурса журналистов «Золотое Перо», Литературного конкурса им. Огарева (2014) и других международных конкурсов. Автор восьми книг. Печатается в СМИ Америки, России, Грузии, Азербайджана.

СОН В РУКУ

Как попасть в кошмарную историю? Могу заверить уважаемого читателя, что это не такая уж большая проблема! Сиё можно исполнить прямо не выходя из квартиры.

Да, да — именно так я и попал много лет назад в эту, казалось бы, невероятную историю.

Но все по порядку.

В этот день, а вернее ночь, «Она» опять явилась мне во сне. И не то, чтобы в образе ангела или какой-либо феи, а как самая настоящая, моя девушка, которая ждёт приятеля на свидании. Я даже запомнил место встречи: конечно, это был кинотеатр им. Низами — там не затеряешься. Встанешь за каким-нибудь столбом и ждёшь, чтобы неожиданно выскочить и, если удастся, то и напугать подружку.

Это называлось «сюрприз». Хотя виновница напряжённо и ожидает этого, но жаждет преподнести его первой. Но для этого надо, как минимум, прийти на свидание пораньше, что, как вы понимаете, несовместимо с девичьей психологией.

И вот, когда я кинулся встретить Её поцелуем, кадр (т. е. сон), внезапно оборвался. Не раскрывая глаз, я, как, впрочем, и все, испытавшие разочарование на моем месте, попытался вернуться в утерянный мир сновидений, но, увы, в кадре, вдруг начали мелькать мои провалы на экзаменах, потеря зарплаты и прочая студенческая дребедень, но только не Она. Запомнилось, что она была одета в спортивную безрукавку с многозначительной надписью «Imperia Furs».

Надрывающийся будильник подвёл итог моего пробуждения.

Предстоящий день предстал передо мной во всех его трудностях.

Однако, я надеялся и предвидел, что только в конце суток, как награда за моё высиживание в начале на работе, а затем и в институте, наступит вознаграждение — продолжение предыдущего сновидения.

А возможно и не наступит — его может заменить другой сериал, не менее актуальный для меня все та же потеря зарплаты.

Сонные сериалы не очень отличаются разнообразием. Перебирая накануне сна, каталог своих сновидений, зачастую не хочется, из-за их бездарности и глупости, даже ложиться спать.

И только биологическая необходимость и усталость толкает нас на безрассудную потерю третьей части нашей жизни.

В разгадке феномена сновидений я, как всегда, обращаюсь к авторитету гения психоанализа Зигмунду Фрейду, который изучая психологию человека, немало внимания уделил проблеме сновидений. Он считал, что сон — это, прежде всего, отражение желаний человека в его реальной жизни. В то же время, некое нагромождение сна нуждается в тщательном анализе. Толкование сна для каждого должно быть индивидуальным. Ведь люди испытывают разные эмоции и ощущения, а потому у каждого из них разные представления и своя жизнь

Однако, в тот период времени, я глупо и бессмысленно проводил целый день в ожидании встречи во сне с подружкой, имени которой я даже не знал.

Но, поверьте мне, что девушку эту я знал, как, если бы я действительно с ней встречался. Я знал каждый завиток её, коротко остриженной, мальчишеской прически (я ведь прикасался к ним!). Я встречался «глаза в глаза» с её, проникающим в сердце, взглядом, я прикасался к её ироничным мягким губам.

Одним словом это было наваждение!

И потому, я должен был, наконец, положить этому конец, т. е. разыскать её реальное местопребывание, а ещё короче, найти её место жительства.

Оно очень четко прослеживалось, когда я приходил к ней в гости домой (и такое бывало!). Это было в центре города, неподалеку от бульвара, ибо присутствие моря постоянно напоминало о себе своими вздохами приливов, а россыпь брызг нередко доставала и остужала наши разгорячённые взволнованные лица.

Решение было принято вопреки необходимости посещения занятий в институте, а возможно, с тайным смыслом намеренного их пропуска. Жертва была принята без угрызения совести. В глубине души я, мысленно обозревая намеченный к посещению регион, не отмечал, отмеченный сном двор, но личный обзор мог дать какую-то информацию к размышлению.

Сразу после окончания работы, я устремился к цели. Вот эта улица, вот этот квартал... Я осторожно, шаг за шагом, стал осматривать все расположенные строения.

«Вот хлебный магазин — я его ждал. Ага, а это «Ателье мод» — тоже вроде давно здесь. Продовольственный магазин — я бывал здесь. Невзрачный парадный вход — не замечал раньше. Сердце забило сильнее — показался двор (во сне именно был двор). Но не такой большой. Там не стояли беседка и легковые автомашины. Двор должен был быть совсем небольшим. И обязательно летняя веранда. Она всегда меня там встречала. Нет, нет и нет! Это не «Её» двор и нечего мне здесь делать. Бегом на улицу!»

Однако, квартал кончился. Теплилась ещё надежда, что продолжив поиски на противоположной стороне и окрестностях улицы, я найду искомое. Но ничего, напоминающего двор во сне, не было обнаружено.

Вернувшись домой, разочарованный и усталый, я с горя повалился спать.

Я торопился высказать при встрече с ней все свои дневные проблемы.

Но во сне все происходит совершенно непринужденно и непредсказуемо.

«Её улица, Её двор, Её квартира. Появляюсь я. Стучу в дверь. Три раза. Дверь открывается. На пороге Она.

— Где ты пропадаешь, милый, целый день! Я заждалась тебя! — Она подходит и нежно обнимает меня за шею.

— Понимаешь, дорогая, по дороге я потерял зарплату и теперь мы не можем пойти в ресторан. — Растерянно посвящаю я любимую девушку в своё горе.

Я хочу её тоже обнять, но мне мешает её рука, и я стараюсь отодвинуть её куда-нибудь. Но она упирается мне в шею и пытается поцеловать меня своим мокрыми губами. Мне становится неприятно. Я вырываюсь и хочу уйти, но она снова впирается в мои губы. Я начинаю задыхаться и с криком: «Я пошёл искать свою потерянную зарплату» с трудом вырываюсь из квартиры.»

Мне душно и я ...просыпаюсь.

Читатель сам ежедневно (еженощно!) наслаждающийся приятными сновидениями, конечно, понимает, что коротко пересказанный сон на самом деле может длиться несколько часов, но память впоследствии может пересказать только основные моменты этого сериала.

Немаловажную особенность представляет и индивидуальная способность сновидца интерпретировать увиденное. Есть специалисты (в основном женского рода), рассказы которых могут стать сценарием для многосерийных фильмов. Потому я не решусь на разгадывание, а тем более предсказывание подобной абракадабры. Пожалуй, я бы доверился, если бы её интерпретировал всё тот же профессор Зигмунд Фрейд.

Весь день на работе я, разочарованный ночным кошмаром встречи с таинственной незнакомкой, был в раздумье о дальнейшей судьбе наших необычных отношений. И хоть мне было горько расставаться (во сне или наяву?), с понравившейся девушкой, отсутствие факта её существования, очевидно, влияло на мои дальнейшие к ней привязанности.

А тут ещё, в этот день выдали зарплату и я, под влиянием злого предсказания, постоянно ощупывал свои карманы, дабы подтвердить наличие денег.

Их хруст ненадолго успокаивал меня.

Очень не хотелось, чтобы предчувствия сна по их пропаже, оправдались.

Читатели, я уверен, оправдают меня, что в таком состоянии я не мог в этот вечер посетить институт, какими бы благими намерениями просвещения я ни руководствовался. В мучительных колебаниях я вновь отправился на поиски дома моей ночной приятельницы. Это была какая-то навязчивая (возможно, болезненная) идея. Мне реально казалось, что девушка действительно наяву ждёт меня, а я, почему-то, забываю её навестить. Надо только вспомнить адрес и мы вновь встретимся и я, (как бывало раньше?!), нежно поглажу её, такую прелестную, головку.

Проверив все, прилегающие к бульвару улицы и, не найдя искомого двора, я в изнеможении поплёлся домой.

Я знал, что теперь нужно сделать — нашёл давно запрятанную бутылку сухого грузинского вина, которую я приберёг на случай прихода любимой гостьи, свернул пробку и с ходу выпил целый стакан. А потом, извини читатель, и другой.

Вино достойно подняло моё настроение. Я почувствовал дружественное успокоение и... «вскоре, нашёл злополучный дворик и светлую обитель подружки.

Но едва я потянулся к той самой обожаемой головке, как почувствовал пустоту кармана брюк.

«Да, «они» не шелестели!» Я проверил другой карман — он тоже был пуст.

«Вот оно предчувствие! Свершилось! Боже! Как я буду жить целых две недели!»

Девушка почему-то исчезла. Я лихорадочно начал проверять задние карманы брюк, потом снова боковые. Денег не было!»

Стресс был такой эмоциональный, что проснулся я в холодном поту.

Я бросился к брюкам. Знакомый «хруст» купюр залил меня теперь уже горячим потом. Не веря на ощупь, я вытащил деньги на досмотр.

Чтобы исключить в дальнейшем беспокойство за них, я положил конверт в шкаф, под бельё, куда прячут все достойные и приличные люди.

Затем, всё ещё находясь под действием грузинского напитка, я снова свалился досматривать ночной сериал.

«Однако, к сожалению, сюжет с девушкой не возвращался. Постоянно маячил мой начальник, брюзжавший о моей ответственности за срыв какого-то заказа. В конце концов, я не выдержал и предложил подать ему заявление об уходе с работы, что он без колебаний и сделал. В этот момент, освободившееся от него пространство заняла моя приятельница. Она мельком сообщила мне, что пришла со мной прощаться, поскольку уходит вместе с моим ...начальником. Возмущённый этим актом предательства, я был вынужден проснуться».

Я, конечно, не предал бы значения всей этой ночной чепухе, если бы не понял, что не могу в дневное время не думать о моей фее.

Мне не нравилось, что во всей этой истории я играю роль какого-то идиота. Интенсивно поразмыслив на работе о необычности возникшей ситуации, я пришёл к здравому выводу, что пора прекращать

жить по Фрейду и вернуться к своему рядовому образу — благоразумного служащего и студента.

Последнее напомнило мне, что я давно не посещал занятий и, что именно сегодня я должен пойти в институт, ибо только это учреждение может обеспечить мне диплом, а следовательно и благосостояние.

Для выполнения этого предназначения, я забежал после работы, в институтское кафе, чтобы подкрепиться моим любимым деликатесом — гречневой кашей с котлетами. Как оказалось, в просторном кафе таких гурманов оказалось довольно-таки много и потому найти свободное место было не так-то просто.

Наконец, подловив момент ухода насытившегося африканца, я тут же оседлал, ещё тёплый его, стул. Принимая свой заказ, я почувствовал взгляд, сидящего напротив, соседа. Однако, когда я встретился с его глазами, то оказалось, что обладателем мужской причёски была ...брюнетка. Она приветливо смотрела на меня, явно чего-то ожидая. Я смутился и отвел глаза.

— Что, стыдно? Ты же подвёл меня! Я вчера ждала тебя на лаборатории, а ты мало того, что сам не пришёл, но и не принёс мою тетрадь по лабораторным работам. Вот я и схлопотала у этого «пучеглазого» «неуд»! — возмущенно выговаривала мне соседка. — Получишь её ещё раз ...жди!

Котлета глиной застыла в горле — я узнал, очень приятную мне, сокурсницу из параллельной группы, у которой на прошлой неделе я попросил списать работу.

«Но, ...но почему она так похожа на мою героиню из сновидений! — обалдел я окончательно — точ в точ. И как-то странно, с какой-то симпатией, что ли, смотрит на меня. Боже!» Я вспомнил ранние наши внезапные переглядывания и мои, как бы, нечаянные прикосновения. Провожания домой. Как всё это могло исчезнуть?

— Что же ты молчишь? Ну ладно забыл ...бывает! — уже примирительно проворковала Лара.

— Понимаешь, были дела! Извини, не мог тебя предупредить. Я же не знал твой телефон. — Уже уверенно оправдывался я, с изумлением ощущая прилив неожиданной нежности к Ларочке.

«Так вот же она, предмет моих исканий — внезапно подумал я — какой же я болван!

И тут мне страстно захотелось погладить её по мальчишеским вихрям. Я не стал сдерживать естественный порыв эмоций и тут же, без разрешения владелицы милой головки, осторожно, едва касаясь, прикоснулся пальцами к тёплому, нежно пахнущему заграничными духами, чудесному творению природы.

Лара не отпрянула, а как-то уютно, по кошачьи съежилась и преданно посмотрела мне в глаза.

— Шампанского! — крикнул, пробегавшей мимо официантке.

— Не держим! — убедительно коротко ответила она.

«Неужели это наяву!» — мелькнуло здравомыслие.

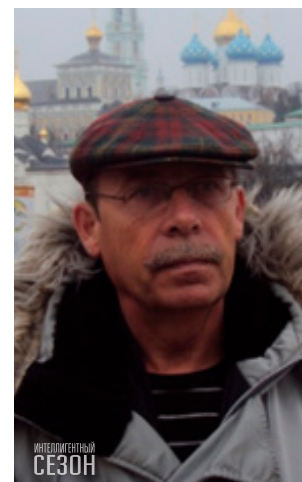
— Бежим допивать грузинское, — схватив за руку свою мечту, помчался я домой проверять свое присутствие наяву.

— А как же курсовая ? — успела впопыхах спросить усердная студентка.

— Позвоним доку, чтобы перенёс! — нашёл я убедительный ответ.

И только убедившись, что бутылка действительно наполовину опустошена, я поверил в реальность происходящего.

Прав, все-таки был мой кумир Зигмунд Фрейд, что: «Сон — это прежде всего отражение желаний человека в его реальной жизни.»

ДМИТРИЙ ВОРОНИН
(Калининградская область, п. Тишино)

Дмитрий Павлович Воронин родился в 1961 году в г. Клайпеда (Литовская ССР). Сельский учитель. Автор трёх сборников рассказов. Участник двадцати пяти альманахов и прозаических сборников в России, Украине, Беларуси, Германии.

Публиковался в журналах: «Алтай» Барнаул, «Балтика», «Берега» (Калининград), «Балтика» (Таллинн), «Бийский Вестник» (Бийск), «Великоросс», «Наш Современник» (Москва), «Вертикаль 21 век», «Нижний Новгород» (Нижний Новгород), «Двина» (Архангельск), «Дон новый» (Ростов-на-Дону), «Лик» (Чебоксары), «Литературный Омск» (Омск), «Луч» (Ижевск), «Наше поколение» (Кишинев), «Нева», «Невский альманах» (Санкт-Петербург), «Новая Немига» (Минск), «Отчий край» (Волгоград), «Петровский мост» (Липецк), «Подъем» (Воронеж), «Приокские зори» (Тула), «Простор» (Алма-Ата), «Русское эхо» (Самара), «Север» (Петрозаводск), «Северо-Муйские огни» (Северо-Муйск), «Симбирск» (Ульяновск), «Странник» (Саранск), «Южная Звезда» (Ставрополь), «Литературной газете» (Москва) и т. д.

Лауреат премии «Золотое перо Руси», лауреат международных конкурсов и фестивалей «Славянская Лира» (Беларусь), «Славянские традиции» (Крым), «Русский Stil» (Германия), «Гоголь-фэнтези» (Украина), «За далью — даль» им. Твардовского и других.

Член Союза писателей России. Член Всеукраинского творческого Союза «Конгресс литераторов Украины».

Завотделом «Прозы» литературно-художественного журнала «Берега» (Калининград).

ВОЗДУШНЫЙ ШАРИК

Васька, маленький толстенький розовощёкий первоклассник, осторожно открыл дверь своей квартиры, сбросил обувь и на цыпочках прошёл в детскую. Там он быстро достал из своего портфеля альбом и спрятал его под одеяло. Затем снял с себя школьную одежду, облачился в домашнее и, тихо всхлипнув, упал на кровать, зарывшись лицом в подушку.

— Васенька, ты уже дома? — раздался из коридора мамин голос.

Васька, еле сдерживаясь, чтобы не разрыдаться, закусил до боли в челюсти уголок подушки.

— Вася, ты чего молчишь? — на лице мамы улыбка сменилась выражением тревоги. — Тебе плохо? Ты заболел?

Васька больше не мог сдерживаться и громко расплакался, размазывая слезы по щекам.

— Да что с тобой, Васенька, что случилось? — мама присела к сыну на кровать и нежно погладила его по голове. — В школе что-нибудь?

Васька заголосил ещё сильнее, вздрагивая всем телом.

— Значит, в школе, — нахмурилась мама. — Успокойся, сынок, успокойся и рассказывай. Поверь мне, Васенька, я тебя в обиду никому не дам.

— Мама, почему они все так смеялись надо мной, что я совсем ничего не умею? — всхлипывал Васька. — А я умею, только у меня не совсем получается. Ну и что же? У Генки тоже не получается, и у Аньки, и у других тоже, а над ними не смеются, только надо мной. Обзываются, что я толстый, неуклюжий и что думаю только о булках с колбасой, — жаловался мальчуган. — А я и не думаю совсем ни о каких булках с колбасой, я вообще колбасу не люблю. Ты ведь знаешь, мама?

— Знаю, знаю, Васенька, — стала успокаивать сынишку мама.

— А сегодня на рисовании Зинаида Петровна поставила мне двойку за рисунок, — вновь громко расплакался Васька.

— Ну не плачь, сына, не плачь, — крепко прижала его к себе мама. — Я тоже, когда училась в школе, двойки иногда получала, а потом их исправляла, и ты исправишь. За что тебе двойку-то поставили?

— За воздушный шарик.

— За шарик?! — удивилась мама. — И что там у тебя не получилось, покажи-ка.

— А ты смеяться не будешь? — недоверчиво глянул на маму сын.

— Нет, конечно.

— И ругать не станешь? — смахнув последние слезы, полез под одеяло Васька.

— Конечно, не стану, — твёрдо покачала головой мама, — наоборот, мы с тобой вместе исправим ошибки, и завтра ты отнесёшь рисунок учительнице.

Васька протянул маме альбом для рисования и, насупившись, замолчал, исподтишка поглядывая на маму в ожидании её реакции. Мама пролистала рисунки и остановилась на последнем. Еле сдерживая смех и не поднимая глаз на сына, она, стараясь придать своему голосу серьёзность, произнесла:

— Ну и что тут такого?

— Как что? — удивился её непонятливости Васька и, подражая менторскому тону Зинаиды Петровны, снисходительно принялся наставлять маму: — А это что, не видишь разве: нитка как бревно, на весь лист, а сам шарик малюсенький!

На альбомном листе было изображено нечто: кривая чёрная палка шириной в сантиметр, расположившаяся по диагонали от одного угла листа до другого, а у самого конца палки прилепился маленький голубой шарик радиусом в полсантиметра.

— Ну, вообще-то вижу, что нитка чуть толстовата, ну так нитки-то разные бывают, — не согласилась мама, решив разыграть возмущение.

— Нет, мама, Зинаида Петровна сказала, что это не нитка, а целый канат, — твёрдо возразил Васька.

— А чего ж тогда у тебя канат вместо нитки получился? — хитро поинтересовалась мама.

— Ты понимаешь, — серьёзно принялся рассуждать Васька, — Зинаида Петровна на доске мелом нарисовала образец шарика и сказала,

чтобы шарики были похожи на этот. Но ведь доска-то большая, мамочка, а листик в альбоме маленький. Я начал рисовать ниточку, весь урок протрудился, а на сам шарик места уже не хватило.

Мама неожиданно прыснула, и Васька тут же с недоверием уставился на неё:

— Ты тоже смеёшься?

— Нет, что ты! — возразила мама. — И не думаю даже. А Зинаида Петровна всё-таки не права. Просто она не увидела в твоём рисунке того, что шарик поднялся высоко-высоко в небо и стал почти невидим.

— Мамочка, — бросился ей на шею засиявший от счастья мальчишка, — какая ты у меня умница, ведь всё так и есть на самом деле! Как же ты догадалась?

— Ну как, — крепко прижав к себе сына, засмеялась мама, — обычно, ты же мой сын.

Радостный Васька, соскочив с кровати и выхватив у мамы альбом, громко закричал:

— Мама, не надо мне помогать делать работу над ошибками, я сам!

Я теперь знаю, что шарик должен быть поближе к земле, и поэтому начну рисовать его, а потом уже и ниточку.

Мама, светясь любовью, поцеловала Ваську в щеку и вышла из детской.

ЗОЯ ДОНГАК
(г. Кызыл,
Республика Тува)

Зоя Донгак родилась в Республике Тува, в многодетной семье. По профессии врач. Отличник здравоохранения РСФСР. Вырастила четверых детей. Выпускница и аспирантка Литературного института имени А. М. Горького. Автор трёх сборников стихов и шести прозаических книг. Перевела с русского на тувинский язык книги Юрия Промптова «В центре азиатского материка», также испанца Бальтасара Лоренсо «Карманный оракул» (афоризмы и философские притчи). Член Союза писателей Тувы и России, член Союза журналистов России. Лауреат журналистского мастерства «Агальматолитовое перо» (2003, 2013 — номинации «Возрождение народных традиций», «Лучший очерк») среди печатных СМИ Республики Тыва. Победитель Международного литературного фестиваля «Славянские традиции»-2015, номинация «Малая проза». Награждена серебряной медалью Первого Всероссийского литературного фестиваля фестивалей ЛиФФт (2016).

Лауреат третьей степени II Международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон-2016» в номинации «Проза».

ХУРЕШ¹

(Отрывок из повести «Душа шамана»)

Кунгур с улыбкой вспоминал, как они с женой долго присматривались к семьям, где имеются девушки; как раздумывали: «Подходящие ли эти люди для родства, кто были их прадеды, невестки, сваты? Не родственники ли они?» Наконец они решили, что более всего подходит род Салчак.

¹ Национальная борьба.

² Молодые люди ближе пятого колена считались родственниками, браки между ними запрещались.

Первое сватовство³ сына проходило, когда Холурааш и его будущая невеста Анай лежали ещё в люльках.

...Чинчи, жена Кунгура, старательно вычистила и обработала козий пух. Потом из него сделала тёплую и мягкую подстилку. Завернула её в новый платок и вместе с Кунгуром отправилась в юрту родителей новорождённой Анай.

После любезного обмена приветствиями, Чинчи, с разрешения матери Анай, бережно приподняла девочку и быстро положила подстилку в колыбель, приговаривая:

— В будущем на всю жизнь она будет моей невесткой, самой желанной и драгоценной...

— Возможно, так и будет... — вежливо ответила мать девочки.

Без одаривания нет сватовства. И Кунгур принялся угощать родителей невесты аракой. Поднёс им хадак⁴, для матери будущей невесты — плитку зелёного чая, а для отца девочки — таакпы-дунзе⁵, кремь и огниво.

И он утвердительно сказал:

— Да, пусть будет так.

Эти малые подношения — знак того, что за ними последуют более ценные подарки, о которых во время сговора, оповещают родителей невесты.

Так на совете четырёх родителей состоялось первое сватовство. Поэтому такой праздник и называется «устный подарок».

До пятилетия Анай состоялось второе сватовство — шай базар⁶. На совете родители договорились о «деле»: установили плату за невесту. В начале родители невесты начали упорствовать, мол, золото можно найти, а человека — нет. И добавили: «Хотите, чтобы у вас была невеста, — дадите столько, сколько мы потребуем!» Но и это недоразумение разрешилось удачно в пользу семьи Холурааша: родители Анай принимали ходак обеими руками, аккуратно его свёртывая со словами: «Ваше желание исполнилось».

³ Хайтырар — устный сговор.

⁴ Хадак — ритуальный длинный шарф, один из буддийских символов.

⁵ Таакпы-дунзе — табак.

⁶ Шай базар — кусок чая.

Друг детства Амыр поинтересовался у Холурааша:

— Ивы уже пускают сок, на тополях появились серёжки, давай сходим в лес, вырежем дудки и поиграем... Не пора ли устроить ойтулааш⁷?

Холурааш с готовностью согласился. На ночном гулянии молодёжи он надеялся встретиться с Анай. И начал готовиться к этой встрече. Вечером загнал овец, коз, ягнят и козлят в кошару, подготовил к поездке своего коня... И вот он уже летит на коне к девушке — только камни отскакивают прочь, да пыль оседает на землю за ними. На ровной дороге Холурааш пускал коня рысью, а на подъёмах ехал шагом. Тогда он тихо напевал мелодию любви, или исполнял хоомей⁸.

Путь Холурааша лежал вдоль ручья. Юноше казалось, что бегущая вода издавала звуки, похожие то на борбан⁹, то на хоомей или же на каргыраа¹⁰.

Холурааш переправился через ручей, продолжая петь, подражая звукам воды, ветра, эха в горах. Ему подпевали птицы...

Он догнал всадников, которые ехали на одной лошади и держали друг друга за полы халата. Они тоже пели:

Мой Даш-ла-Бора цок, цок, на Даштыг-Тей цок, цок.

У Даштыг-Тея звенит узда дзинь-дзинь.

Рано утром цок, цок, в Эдер-Кую цок, цок.

У Эдер-Кую седло, узда дзинь, дзинь

Подковы-копыта скачут, дробью стуча,

Скрипит из чёрной кожи чепрок-торепчи¹¹.

Кремь, огниво, нож бренчат.

Удила, стремена, трубка с кисетом звенят.

Милого коня топот-топот,

Слышен сбруи шёпот-шёпот...

⁷ Ойтулааш — театрализованная игра певцов, во время которой парни и девушки впервые встречаются и знакомятся.

⁸ Хоомей — горловое пение.

⁹ Борбан — стиль горлового пения.

¹⁰ Каргыраа — стиль горлового пения.

¹¹ Чепрок-торепчи — часть седла.

А вот и место сбора. Широкая открытая местность, заполненная кострами и поющими...

Прекрасен был Холурааш. Он так ловко сидел на гнедом коне, что они казались одним целым.

В это лето вечер был на удивление мягким и нежным.

Среди стайки девушек Холурааш рассмотрел Анай. И она заметила его. Засмутившись, поспешно встала позади подруги, как будто кто-то в сумерках смог бы рассмотреть её зардевшиеся щёки...

А по горам и долинам растекалась задорная песня ойтуллаш девушек и парней:

*В пятнадцатую ночь луны
Мы дудочки из тальника наделаем.
В пятнадцатую ночь луны
Мы в играх веселимся, пляшем, бегаем.
Далеко идти иль близко —
Лишь отец мне скажет честно.
Будет сухо или склизко —
Только матери известно!
Солнце показалось над горой —
Сможешь ли его рукой прикрыть?
Сверстник поздоровался с тобой —
Сможешь ли с ним долго говорить?
Скромные девицы там,
На Мугуре, свадеб ждут.
А шелка и бисер нам
Здесь китайцы продают.
Я словцо одно скажу,
А потом и два добавлю, —
Всё, что в сердце есть, скажу,
Лишь тогда тебя оставлю!
Твой рот, проверь-ка, он не отвердел?
Ведь ты сегодня очень много пел.
Твой конь, взгляни-ка, в степь не ускакал?
Ведь ты забыл о нём, как расседлал!
Крутого Монгуна тень,
От склона прячься, куда уйдёт?*

*Девушка того аала¹²,
От нас прячься, куда пойдёт?
Эндевес спел хоомей:
Если хочешь, выйди, Анай,
Выйди, не капризничая.
Видишь, даже мой конь, Анай,
Очень устал, тебя ожидая.*

А байский сын Суге, оказавшись рядом, подошёл к Анай и громко запел:

*Среди трёх сосен как бы не сойти с ума,
Среди трёх девушек как бы не остаться бобылём.*

В ответ запела Анай:

С лицом, как у льва, сердитый ты не нужен...

Холурааш не вытерпел наглой выходки Суге, вышел из толпы. И гневно закричал:

— Твои кости ещё не укрепились, сопляк. Хуреш покажет, кто из нас сильнее. Такого, как ты, к небу закину, в землю втопчу! Мы, рождённые матерями, померяемся силой...

И началась схватка. Суге то пытался, на напирал на Холурааша, делая это спокойно, но с такой молниеносной быстротой, что глазам трудно было уловить его движение. Когда Суге нанёс удар по правой ноге, Холурааш едва не упал, сделав пол-оборота в сторону. Если бы он потерял равновесие и упал, Суге победил бы. Друзья переживали за Холурааша. Амыр, стоявший рядом с Анай, повторял про себя, как заклинание: «Эй-эй, держись Холурааш, только не падай!»

И Холурааш не падал. Он широко расставлял свои могучие ноги и при сильном размахе удерживал на одной ноге всю тяжесть своего тела.

И Суге это видел. Несмотря на всю свою ловкость, его левая рука онемела. Он понял, что, что ему несладко придётся с этим юношей. Если он не

¹² Аал — поселение у тувинцев-кочевников.

собиёт Холурааша с ног, борьба может затянуться... Его взгляд постоянно натёкался на сверкающие глаза Холурааша и надеялся, что юноша забудет о защите и его погубит горячность. Суге ошибся...

Холурааш уже понял насколько искусен и ловок его противник, сосредоточился, стал осторожным в нападении.

Суге был старше и крупнее Холурааша. Он участвовал во многих поединках. И понимал, что бывают люди, которые, словно хищные птицы, созданы для битвы. Одарённые от природы, они интуитивно угадывают то к чему другие приходят после долгих лет обучения. С этим человеком, балдыр-бээжеком¹³, сейчас борется Суге. Он начал беречь силы: не очень теснил противника, ограничил свои движения и начал ждать удобного момента.

Борьба затягивалась. На поляне воцарилась тишина, которую раз за разом тревожили то звонкие, то глухие удары рук и ног... В поединке сошлись с одной стороны обида и любовь, с другой — честь байского рода и ненависть.

Начало светать. Туман умыл гору Монгун-Тайга и забился в расщелины, спрятавшись от первых лучей солнца.

...Суге услышал, как кто-то из юношей громко сказал:

— Анай — невеста Холурааша с люльки. Суге нарушает наш обычай. Даже байскому сыну не пристало нарушать народные традиции.

Все глаза обращённые в сторону Суге, были глазами врагов. Суге это почувствовал. Безразличие коснулось его сердца, усталость начала сковывать движения... Его покидали не только силы, но и хладнокровие, терпение. Суге начал отступать. Из толпы вырвался крик торжества. Он подхлестнул Суге. Зрители окружили борющихся плотным кольцом. Мужчины и женщины начали выкрикивать: «Хуреш, рази его! Ударь его! Дегээлевит¹⁴! Да поможет тебе бог! Буттавыт¹⁵!»

Возгласы становились всё громче. Наконец, совсем недалеко от Холурааша молодой женский голос крикнул:

— Холурааш, я за тебя! Рази его, Холурааш!

¹³ Балдыр-бээжек — юноша, подросток.

¹⁴ Дегээлевит — подставка подножку.

¹⁵ Буттавыт — бери за ногу.

Внезапный крик Анай напомнил Холураашу об их свидании, об оскорблении, которое нанёс ему Суге.

Кровь закипела в жилах Холурааша. Суге уже не смог отразить страшных, как порывы бури, нападений Холурааша, который с такой силой схватил его в обнимку, что рука у Суге внезапно онемела и бессильно повисла. Суге отпрянул. В это мгновение на него обрушился Холурааш всем телом.

Над зрителями взметнулись радостные крики:

— Холурааш тиилээн¹⁶!

— Победа за Холураашем!

— Эр-хей¹⁷, Холурааш!

По дороге домой Амыр, Анай и Холурааш долго обсуждали ход поединка. За разговорами не заметили, как подошли к аалу где жила Анай. Холурааш попрощался с невестой и принял предложение Амыра посетить его аал.

...При входе в юрту Холурааш увидел большую деревянную бочку.

— Здесь квасится хойтпак¹⁸, — объяснил друг.

Размешав молоко бышкы¹⁹, Амыр предложил:

— Давай отметим твою победу. Мама с сестрой уехали в гости, вернутся только завтра.

— До сорока лет араки в рот ни грамма, — возразил Холурааш. — Разве можно нарушать наш обычай?

— Нас же только двое. Кто узнает? Только две пиалы араки. Больше ни-ни...

На треногу-ожук Амыр поставил чугунный паш-котёл с хойтпаком. Холурааш поместил на котёл шууруун — самогонный аппарат из тополя в виде бочки без дна. Затем на шууруун друзья поместили наполненную водой чылапча²⁰. Чтобы избежать утечки пара, зазор между краями чаши и бочки обернули тряпицей из войлока.

На очаге заворчал шууруун. Внутри наверх начали подниматься пары кипящего хойтпака и, натёкаясь на преграду в виде ёмкости с холодной

¹⁶ Тиилээн — победил.

¹⁷ Эр-хей — молодец.

¹⁸ Хойтпак — проквашенное молоко.

¹⁹ Бышкы — мутовка-мешалка.

²⁰ Чылыпча — чугунная чаша.

водой, закапали каплями араки. Она стекала по деревянному желобку. В юрте запахло приятным ароматом хойтпака. За несколько часов набежал небольшой чайничек напитка.

Амыр бережно разлил араку, подал другу со словами:

— За твою победу, Холурааш! В самом начале борьбы ты чуть не упал, но выстоял и победил! За победу!

Он также пододвинул еду:

— Проголодался, наверное, ешь!

По обычаю Холурааш брызнул несколько капель араки на четыре стороны света, что путь друзей всегда был окроплён благопожеланием. Сделал глоток и передал пиалу хозяину юрты. Амыр тоже пригубил, ыдамнааш²¹, и с пожеланиями передал пиалу гостю.

Амыр подвесил обезвоженный хойтпак после выгонки араки. Дал сыворотке сбежать из специального мешка, подвешенного на два кола. Так делали мать и сестра. Потом они сушили и крошили этот творог. Получался ааржы²². А ещё они его резали на пластины и сушили, нанизав на нитки из сухожилий и после этого курут²³ развешивали.

Неожиданно сверкнула молния, послышался отдалённый удар грома. Пошёл дождь. Холурааш почувствовал брызги на ногах. Оказывается, Амыр забыл закрыть дымовое отверстие юрты ореге²⁴. Пока друзья бегали притягивать прикрытие, сверкнула молния, озарив всё вокруг. Едва они закрыли двери, опять раздался мощный раскат грома. Когда ливень переполз к востоку, Холурааш поехал в свой аал.

...Кунгур не спал. Беспокоился за сына.

Когда послышался конский топот, залаяла Мойнак. Вскоре в юрту вошёл Холурааш. Не поздоровавшись, прошёл, покачиваясь, мимо отца. Опустился на кошму, расстеленную на земляном полу.

— Почему ты не здороваешься? — спросил отец у сына. — Что-то случилось?

— Ачай? Откуда ты взялся? Где Амыр?

²¹ Ыдамнааш — брызнул несколько капель араки.

²² Ааржы — сушёный творог в рассыпчатом виде.

²³ Курут — сушёный творог кубиками, нанизанный на нитки сухожилий.

²⁴ Ореге — перекрытие дымового отверстия из войлока.

— Где ты напился, Холурааш? — возмутится Кунгур. — Я в твоём возрасте...

— Ачай, ты великий шаман Монгун-Тайги не смог спасти мою маму... И-и-и-и... А где моя мама? Раз нет мамы — ты не шаман.

— Успокойся, оглум, очень прошу тебя, успокойся. Да, нам не удалось спасти нашу маму. Ну, что поделаешь... Такова наша судьба...

— Ачай, сегодня Суге сам меня вызвал на куреш в ойтулааше. Я победил. Ты же знаешь, он крупнее и старше меня. Но я победил... За это я выпил араку в первый раз. Ачай, прости меня, если сможешь, прости...

Сидеть Холураашу было тяжело, и он лёг. Шаман укрыл его одеялом и улёгся рядом с сыном. Но очень долго не мог уснуть: слишком много дум навалилось на него.

Перевёл с тувинского Валерий Басыров

ИРИНА ДРУЖАЕВА
(г. Городец,
Нижегородская обл.)

Член Союза писателей России, член Товарищества детских и юношеских писателей России, член Международного объединения детских авторов (МТО ДА). Лауреат Международного конкурса детской и юношеской литературы имени Алексея Толстого, лауреат конкурса сценариев Московского Международного кинофестиваля «Лучезарный Ангел», лауреат литературной премии «Золотое перо Руси», лауреат Приволжской литературной премии «NEWBOOK — Волга-2015».

Лауреат второй степени II Международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон-2016» в номинации «Проза для детей».

СЛАДКИЙ СЕКРЕТ

— Не могу так больше! Что за наказание! — шептал и всхлипывал Костя, стоя в маленькой кухоньке.

Размазывая по щекам слёзы, он смотрел вверх на берестяное лукошко над окном. Оно стояло на доске-полке, положенной одним концом на посудный шкаф, а другим — на выступ печи.

Матушка со старшим братом и сестрой с рассветом ушли в луга — сенокос в разгаре. А Костю оставили дома хозяйничать и водиться с маленькой сестрёнкой Люсей.

Люська ещё сладко спала, а Костя страдал и метался по избе.

Мучения эти начались две недели назад, когда деревенская почтальонка тётя Люба принесла в дом долгожданное письмо от отца.

Корявые буквы отцовского почерка разбирали, читали и перечитывали всей семьёй вместе с соседками и ребятами со всей улицы.

Письма с фронта приходили нечасто. Каждое становилось событием для жителей деревни, истосковавшихся по родным и близким за годы войны.

Тётю Любу и истово любили за хорошие вести, и боялись... Выпала ей нелёгкая доля не одну печальную похоронку в дома принести, каждый раз пропуская через сердце чужую боль, как свою... Зато и радовалась вместе со всеми каждому доброму письму.

Счастливая матушка то растерянно улыбалась, то тихо плакала, смахивая слёзы концами белого платка. И вновь, раз за разом, просила детей почитать дорогое отцовское послание.

Писал отец редко и коротко. Он всегда был немногословен. И в письмах оставался самим собой — ничего лишнего: жив, здоров, воюем, бьём врага, вернёмся с победой. Иногда тоска по дому и родным прорывалась сквозь скупые строчки вопросами о детях, о соседях да наказами слушаться матушку, помогать ей.

— Вася! Родной ты мой! — шептала Анна Ивановна. — Переживает за нас, как тут управляемся. Работник-то он знатный. И плотник, и столяр. И косец на деревне первый.... Господи, милостивый! Спаси и сохрани...

Соседи и почтальонка ушли, а матушка ещё долго стояла у икон, молилась и кланялась.

После пережитого волнения дети притихли, слушая тихие слова молитвы.

Наконец, Анна Ивановна поднялась с колен:

— По такому случаю, устроим мы праздник! Сейчас лепёшек напечём, иван-чаю заварим. И сахарок достанем!

— Ура! — сладёна Костя закричал громче всех.

Мука и картошка в этом году кончились ещё в апреле. Так что семье пришлось эти месяцы нелегко. Корова Зорька, сама вечно голодная без прикорма, молока давала мало. Матушка копила его на погребке, чтоб старшие дети могли взять с собой, уходя на неделю в школу. Ходили в неё за 15 километров в соседнее село. Квартировали у хозяек, а питались тем, что принесут из дома — молоком, похлёбкой из картошки, лепёшками с отрубями и приженцами — картофельными колобками. До конца недели продуктов обычно не хватало. Домой прибегали голодные, как волчата...

Поэтому лету и каникулам радовались все — и дети, и Анна Ивановна. Вместе и трудности легче переносятся. Чего только не придумывала матушка, чтоб накормить детей. Пришлось и лебеду, и крапиву варить... Забелит молоком — вот и щи. Собирали ранней весной и потерянную на поле с осени картошку — рассыпающуюся в руках, складывали

в блюдо. Из этой крахмальной плохо пахнущей массы матушка пекла несколько раз блины. Младшим — Косте и Люсе было от них плохо. Зато всем нравились колобки из остатков картошки с измельчёнными сушёными липовыми листьями.

Потому так обрадовались дети словам Анны Ивановны про праздник.

Матушка принялась хлопотать на кухне со старшей дочкой Фисой. А братья Витя и Костя согрели самовар. Вскоре в избе запахло липовыми лепёшками с отрубями. Фиса поставила их на стол. Матушка принесла кринку молока и заварила кипятком сушёный иван-чай. А потом вернулась в кухню. Костя и сам не знал, почему пошёл следом за ней.

Он увидел, как, встав на табурет, мать достаёт с полки лукошко.

Когда Анна Ивановна вышла в горницу к столу, Костя уже сидел на лавке вместе со всеми. В руках у матушки был колотый сахар. Она неторопливо и долго делила сладкие кусочки меж детьми, отщипывая щипчиками.

А потом все ели лепёшки с молоком и пили ароматный травяной чай с сахаром.

Матушка смотрела на детей, сложив натруженные руки на коленях, и вспоминала. Вспоминала, как сидел во главе стола муж Василий Дмитриевич. Как ели все из большой общей плошки мясную похлёбку. Как получала ложкой по лбу от отца Фиска за болтовню за едой. Как отец стучал ложкой по краю посуды, давая разрешение таскать со дна куски мяса. Как пахло в избе свежеспечёнными хлебами да пирогами...

В доме всегда было сытно — Василий Дмитриевич без работы лишнего часа не посидит. К тому же и рыбак, и охотник знатный.

От этих воспоминаний на глаза Анны Ивановны вновь навернулись слёзы.

— Ничего, детушки! Бог даст, всё будет хорошо. На свежих травах Зорька захорошела, доить стала больше. Скоро огород выручать будет, ягоды пойдут, грибочки. Хоть бы урожайным год выдался! А там и отец вернётся. Будет же конец войне этой проклятушей...

— Мама! Не плачь! — Люська прижалась к материнскому боку.

— Не буду, дочка, не буду. Вон вы у меня какие — помощники. Грех плакать-то...

Пока матушка была дома, Костя не вспоминал про сахар.

Но начался сенокос.

Семья с рассветом уходила в луга, оставив мальчишку в няньках. Маленькая сестрёнка спала долго, а Костю голод поднимал рано. Он мигом съедал оставленную матушкой еду. И никогда не трогал Люськину

долю — сестрёнку он любил и жалел. А вот секрет лукошка в кухне не давал ему покоя.

На третий день Костя не выдержал. Взял табурет и попытался дотянуться до берестяной корзинки. Не получилось — потолки в доме были высокими. Тогда он залез на печь и попробовал пролезть в щель меж трубой и стеной. Костя был худенький и росточком невысок. У него получилось — он вылез с печи на доску-полку. Доска была толстая, но узкая. Ползти по ней было страшно. Но мальчик дополз до лукошка, пошарил в нём и вытащил холщовый мешок с сахаром. Мешок был завязан. Косте пришлось пятиться осторожно обратно на печь, волоча за собой ношу. Оказавшись на печке, он развязал бечёвку и заглянул внутрь. Сахар в мешке был наколот кусками разной величины. Его было так много — целое сокровище в руках.

— Мама! Прости. Я чуть-чуть возьму. Кусочек... — шептал Костя, выбирая лакомство. Он взял один кусок сахара, отложил в сторону, завязал мешок. Вновь ползти на узкую доску было страшно, но — надо. Костя вздохнул и пополз, толкая перед собой котомку. С трудом положил сахар в лукошко, и осторожно вернулся на печь. Вот теперь можно и насладиться результатом трудной работы. Мальчишка лежал на печке и сосал лакомство.

Он ни о чём не думал, пока сахар не кончился. Костя посмотрел на свои липкие пальцы, слез с печи и направился к умывальнику. Только сейчас его начала мучить совесть. Ведь сахар он ел один...

Тут проснулась Люська,

Костя принялся умывать и кормить сестрёнку. Это отвлекло его от грустных мыслей. Потом, накинув на дверь задвижку — знак, что хозяев нет дома (замков в деревне не вешали — чужие в этой лесной глухомани были редкостью, а среди своих воровства не случалось), пошли гулять на Вишню — мелкую речушку с коричнево-малиновой водой. Речка, обрамлённая зарослями ольхи, текла рядом с домом. На реке была сделана запруда. В образовавшемся неглубоком пруду купалась вся местная ребятня.

Следующее утро началось для Кости с новых мучений.

— Не буду! Не буду! Не лезу! — метался он по избе. Но, лукошко притягивало его, как магнит железо...

— Ну, ещё разочек. Один раз. Один кусок. Не заметит мама... — приговаривал Костя, забираясь на печь и проделывая снова свой цирковой номер.

Так прошла неделя. Мальчишка не мог совладать со своей слабостью. Каждое утро он начинал с рискованного трюка. На этот раз он

со страхом увидел, что мешочек не просто уменьшился, а стал меньше наполовину. Костя сидел на печи, сосал сахар и плакал. Он понимал, что поступает плохо, его мучили стыд и страх. Столько дней голод и любовь к сладкому брали над ним верх...

— Всё, больше не могу!

Он выбежал во двор. На глаза попался кусочек мела — Люська рисовала им на заборе.

Костя взял его, огляделся и подошёл к двери хлева.

— Мама пойдёт Зорьку загонять, доить... — подумал он.

На деревянной двери крупными печатными буквами Костя написал: «Мама убери пажалуста сахар».

Костя проучился один год, писать умел. Надпись получилась корявая, зато во всю дверь. Трудно не заметить...

Костя с облегчением вздохнул:

— Вот и всё. Пусть, наконец, накажет. И сахар уберёт. А то другим ничего не останется... Устал я мучиться — бороться с собой...

Матушка пришла усталая, но — довольная. Погода столько дней простояла жаркая, без дождей — сено высушили и сметали в стога.

Вернулось с пастбища стадо. Зорька привычно повернула к своему дому и встала возле хлева, вздрагивая от укусов насекомых. Матушка подошла к кормилице, поглаживая голову и бока, покусанные оводом.

— Зоренька! Ишь, как покусали, окаянные! Иди в хлев, всё поменьше там гнуса-то.

Анна Ивановна развернулась лицом к двери и застыла, увидев меловые каракули. Она загнала корову и стёрла тряпкой надпись. Потом села на тёплую завалинку и заплакала. Она улыбалась, а по щекам катились слёзы:

— Вот, шельмец! Углядел-таки, где сладко! Ох, грамотей ты мой! Ну, сладёна... Убирать-то есть ли чего?

Женщина смахнула слёзы и пошла в дом.

Остатки сахара Анна Ивановна перепрятала, выдавая по кусочку в праздники.

А вот ругать сына не стала. Она чувствовала, что он и так настрадался от своей слабости.

А Костя всё понял и был ей очень благодарен, что сохранила в секрете его проступок. Эта маленькая тайна ещё больше сблизила его с матушкой.

А что такое муки совести — он запомнил на всю оставшуюся жизнь на таком «сладком» примере.

**ОЛЬГА
ИЖЕНЯКОВА**
(г. Москва)

Родилась на Крайнем Севере в п. Кондинское Ханты-Мансийского округа. С 16 лет публикуется в СМИ. Окончила Тюменский государственный университет по специальности «Журналист». Автор книг «Записки дивеевской послушницы: смотрю в небеса», «По дороге к Матронушке», «На крыше храма яблоня цветёт», «Великая сила молитвы» и др. Финалист многих конкурсов и премий, её рассказы переведены на европейские и восточные языки. Работает на московском телевидении.

ЗМЕИНЫЙ ДЕНЬ

Предложение выпить протеста не встретило. И Васильич уныло поковылял за водкой. Ноги нестерпимо болели, но старался о них не думать. «Выпить бы, — размышлял он по дороге в сельмаг, — и забыть бы все и всех». Но ревматизм каждый шаг напоминал о себе и Васильич недовольно кряхтел. Вот он прошел свой огород, поворот, миновал соседнюю улицу, а всё казалось, что стоит на месте. До водки оставалось около десятка болевых приступов, Васильич уныло закусил нижнюю губу, он знал, что назавтра, когда дурман отойдёт, он будет скулить и ползать по комнате, но сейчас ему об этом думать не хотелось.

Он бы и не пил, не из таких, но причины на то нашлись самые уважительные. Во-первых, приехала дочка с внуками, старший — вылитый дед, правда в папку, бесхарактерный, а девчонка, что весеннее солнышко всё улыбается, с кузнечиками разговаривает, Васильича ласково называет дедушкой. Вторая причина напиться, назавтра — змеиный день, стало быть, гадов на сенокосе будет полным-полно. Чего доброго, ужалят. Исстари косари в этот день в поле не ходили. В селе не то, чтобы традиции чтят, просто к старожилам прислушиваются.

А в целом народ обленился. На деревню в тысячу душ от силы семьдесят коров, да и над дедом посмеиваются, мол, куда скот держать.

Дочь в городе живёт, зажиточно, они с бабкой две пенсии гребут с северными добавками, а всё туда же: копить, копить. Полный двор скота, дед мясо постоянно сдаёт, молока, спрашивается, зачем столько? А тут ещё за новый погреб взялся. Васильич хотел было пояснить, что привык работать от зари до зари, как отец приучил, интереснее так ведь жизнь проходит, чем лежать на диване и пялиться в телевизор, но посмотрел в глаза любопытной соседке и послал её подальше. Он вообще профессор в этой области. Иной раз так загнёт, что хоть свет туши, поэтому его побаиваются. Поговаривают, будто в молодости из-за привычки материть всё и вся у него даже проблемы с законом имелись. Где-то не так выразился Васильич, ну и донесли об этом ни много, ни мало самому прокурору области. Тот вызывает его и строго спрашивает:

— Вы, Михаил Васильевич, что против советской власти имеете?

— Почему против власти? — удивился Васильич — Я также имею против того-то и того.

И перечислил всех членов правительства в алфавитном порядке, а потом обматерил их так, что прокурору тошно стало.

Но служитель закона, видать, родом из деревенских, потому бучу поднимать не стал, а просто штраф выписал вроде за нарушение общественного порядка, чем вызвал праведный гнев Васильича и из длинной тирады на эту тему, чётко уловил, кто он такой и куда ему следует пойти с штрафной бумажкой.

В сельмаге Васильич рассудил, что на четверых две бутылки покупать не стоит. Мало. Три, как-то не туда, не сюда. Стало быть, четыре в самый раз. Рассчитался. И, когда уже было, собрался выходить, на пороге встретил своего внука с подружкой.

— Привет, дед — бросил тот. И, поправляя наушники, подошёл к кассе покупать девушке конфеты.

— Слышь, Вась — обратился к нему Васильич. — Мы с мужиками пить собираемся...

— Повод? — повёл глазом в сторону деда внук.

— Зачем тебе мой повод! Сказал: пить собираемся, стало быть, пить будем, а тебе мой наказ, найди трёхлитровую банку огурцов в погребе и принеси в дроварню, да и на грядках, чего там поищи...

— Хорошо, дед, вот, Настю провожу и всё сделаю.

— Давай сейчас, чтобы к приходу поляна была готова.

— Будет... Пока придёшь, все будет.

Внук ещё чего-то хотел сказать, но тут у него соловьем залился мобильник, и он в трубку закричал: «Привет».

Васильич сплюнул. Когда-то он хотел многодетную семью, чтобы дети, внуки были в большом числе. Все вместе бы вели хозяйство, пиры бы закатывали горой, как в его молодости справляли бы шумные свадьбы, крестины. Но Бог дал ему только одну дочь, та вышла замуж в городе за городского. Не то, чтобы он не любил зятя, нет, просто никогда не понимал мужика, который работает на одной работе, приходит домой и смотрит телевизор, а вместо того, чтобы заняться, например, строительством, бегаёт на тренировки в спортзал. Всё у него не так, вместо того, чтобы ударить кулаком по столу как подобает мужику, он говорит: «Давай, обсудим». Права была старуха, когда сказала про зятя: «Не украсть, не покараулить». Вот и внук, отрастил патлы, говорит, модно. Васильич матерится, отец разрешает.

Васильич, кряхтя, подошёл к дроварне, там его уже ждали мужики, и «поляна», как и обещал внук, была накрытой. Надо же, успел, шельмец! Характер бы ему мужской, а то на деда только фурнитурой смахивает. Эх!

Ноги загудели, Васильич поморщился.

— Ну, давай, по маленькой за тебя, чтоб не болел, что ли, — налил сосед.

— Да иди ты...

Васильич опрокинул в себя стакан, взял кусок огурца, занюхал и произнес:

— На покос завтра нельзя, а днями жарит, вон, какая, хоть бы ещё недельку дождя не было, чтобы сено успело высохнуть, сколько там останется за вычетом завтрашнего? Ни дать, ни взять, змеиный день.

...Каждый год, на седьмой день после Ивана Купала, из земных недр выползает матка змея. Она небольшая, с гребнем, как у петуха, на голове, начинает пронзительно свистеть и звать к себе змей всех пород. Они сползаются на свист и что-то говорят промеж собой. Но дело не в этом, не в их политике. Считается, что с самых-самых древних времен, змеиное племя хочет договориться с человеческим, чтобы, значит, не враждовать. Другое дело, что ни люди, ни змеи язык друг дружки не понимают. А в этот

змеиный день все змеи стремятся показаться человеку на глаза, чтобы напомнить о себе. Васильич в это не верил, но однажды отец его повел в луг в этот день, и они за раз штук пять гадов разных мастей увидели. Одного Васильич тут же убил, за что через дня три был укушен «огневкой», с тех самых пор, он змеиный день проводит дома и матерится, матерится нещадно, потому что по всем меркам должен быть сенокос. Не зря ведь говорили в старину: «Летний день — год кормит». А какой год, когда весь день насмарку вылетает? Быстрее бы прошёл завтрашний день...

Домой Васильич пришёл за полночь, старуха с дочерью о чём-то шушукались на кухне, внучка спала. Вася строгал удочку.

— Ты чего это, — буркнул Васильич, — на рыбалку, что ли, собрался?

— Да, утром Витька за мной зайдёт...

— Никуда! Дома сиди...

Васильич силился еще что-то сказать, но упал на кровать и захрапел. Ему снилось, что matka-змея приползла к порогу и просит внука. Васильич мотает головой, а она снова повторяет просьбу, тогда Васильич берёт вилы и идёт на неё. Тут со всех сторон сползаются гады и окружают их дом.

Дед просыпается в холодном поту и просит пить.

— Сейчас, сейчас, — суется жена.

— А Вася, где?

— С Витькой Мокровым на рыбалку ушёл ещё с утра. Сейчас должен вернуться.

— Ах он... — тут Васильич высказал, что думает про внука в самом непристойном виде, заодно и жене досталось, что, дура, отпустила ребёнка в такой день, а на законное возражение, что Вася не ребёнок, ему уже семнадцатый год, услышала, как обычно:

— Да пошла ты...

По правде сказать, дед свою старуху любил. Берег её. Из-за этой любви у нее трудовой стаж был мизерный, она всё больше по хозяйству успевала, соседки завидовали. Дед вообще с недоверием относился к женским профессиям, признавая за дражайшей половиной лишь право на домоводство. Жене стаж сделал по блату, но, видимо, перестарался, как обычно, и в итоге супруга ни с сего, ни с того стала зваться ветераном труда.

Васильич места себе не находил, дело шло к полудню, а внука всё ещё дома не было.

Ко всему этому добавилась законная головная боль — после вчерашнего. Что хуже всего, дочь его страхов не разделяла, сказала, мол, не время сейчас жить предрассудками. Дед грубо оборвал её и по привычке послал в привычное место. Та не заметила, дед тоже.

— Хоть бы дождь пошёл, что ли, чтобы этот паразит домой вернулся...

Дед глянул на небо, ни облачка. Поджав нижнюю губу, он долго смотрел вдаль, потом решил зайти в дроварню, вздремнуть. Через аккуратно вырезанный фигурный проём Васильич смотрел на небо и вспоминал, как когда-то в молодости, его сродная сестра Соня пошла в лес за грибами, там что-то её укусило, она не придавала этому значения и пошла вечером на танцы. А утром... а утром её уже в живых не было. Собаки выли до холода в костях, старухи шептались, что, мол, порчу навели. Дед смачно сплюнул, вышел на улицу, внука дома ещё не было. Новый поток брани теперь уже предназначался всем: старухе, дочери, зятю, маленькой внучке, правда последняя не осталась в долгу. Дашенька поморщилась и сказала кукле: «Смотри, Яночка, какой плохой у нас дед, он всё ругается и ругается. Баба Таня говорила, что плохие слова — это речевая гниль. И она будет изнутри деда червячком подтачивать. Поэтому у деда и болят ноги».

Васильич замолчал, он вспомнил, что сегодня за весь день его ещё ни разу ноги не болели, стало быть, решил он, всё же будет дождь. В такую погоду организм себя хорошо чувствует, зато накануне...

Дед снова отправился в дроварню, его взгляд наткнулся на недопитую бутылку. Рука потянулась к стакану, валявшемуся рядом.

— Ну, за хорошее, что ли.

Не успел он в себя стакан опрокинуть, как ударил гром и быстро-быстро засеменял мелкий дождик, двор враз изменил цвет, повеяло холодком. «Клев сейчас будет, само то, — рассуждал Васильич сам с собой, — леши обычно по такой погоде так и идут». Он осёкся. Вспомнил про внука. Выходит, знал, шельмец, что рыба будет. Ах, пропади всё пропадом... Васильич потянулся снова к стакану. Вспомнилось, как в этот день он с братьями собирались, и пили в родительском доме, мать шанежки пекла, крошку в двухведёрной кастрюле делала. В доме слышались шутки, смех. Маленькие детишки бегали по двору, в курятнике в жмурки играли. Дед тяжело вздохнул. Дождь между тем усиливался. Дед задремал. Он не помнил, сколько проспал, разбудил его окрик Васьки.

— Дедуль, ты чего дрыхнешь? Я, не согласишь, вот такую шуку поймал...
— Ах, ты...

Дед разразился бурными ругательствами в адрес внука. Он кричал, кричал, вспомнил всех родных и близких, свою, может быть, не самую удавшуюся жизнь. И невдомёк ему было, что внук не только внешностью в него пошёл. Васильич не знал, что через год внук удачно сдаст ЕГЭ, будь оно неладное, поступит на бюджетное место в институт, переведётся на заочный, приедет в родную деревню, женится на Насте. Дед даст поповской дочери зарок не материться — и не будет, в самом деле, потому что вот-вот должны появиться правнуки, и, наверное, их будет много. Внук с семьёй поселится на втором этаже, как и когда-то мечталось деду при строительстве дома, Вася заведёт большое фермерское хозяйство, сам на компьютере уже всё сообразил. От Васильича будущее, безусловно, было скрыто, но он каким-то шестым чувством его «проинтуичил», потому и сказал Васе:

— Ты это... под дождём не стой. Чего простужаться зазря... Иди домой.

ЕГОР ЗАМАРАЕВ
(г. Симферополь)

Егор Замараев, 1994 года рождения, родился в Симферополе. Студент третьего курса Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, факультет Славянской филологии и журналистики. Финалист литературного конкурса ИГУ «Продвижение-2015», Лауреат VII-го Республиканского литературного семинара молодых авторов Крыма и Международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон-2016» (диплом I степени в номинации «Малая проза»).

НАВСЕГДА МОЯ

В начале ноября солнце всё ещё греет тебя, шагающего по прохладным улицам, а некоторые дни, особенно, ближе к вечеру и так как листья полностью не опали, напоминают о тёплом сентябре. Однако в то утро погода стояла никуда не годная — было туманно и сыро... Накануне мы условились, что в девять я встречу её на вокзале.

«Кажется, солнце силится разогнать, разместить этот мокрый, нависший над городом дым» — с надеждой подумал я, когда выходил из дому. «А может, весь день будет пасмурным» — эта мысль меня опечалила и усугубила без того неважное настроение... И тогда я решил, что нужно непременно пробраться через дымку меланхолии и постараться украсить предстоящий день в сердце и вовне. Поступить иначе я не имел решительно никакого права, потому что ещё ранним утром, едва проснувшись, я услышал по телефону её радостный голос, согласный на всё, только бы мы встретились.

Я опаздывал. Это самое ужасное, что могло случиться. Я знал, стоит мне сделать первый шаг и она бросится мне на шею, чувствовал, что ей одиноко, и, возможно, у неё ни с кем и никогда не было «настоящих» отношений. Я представить себе не мог, что она, добродушное, юное существо, стоит возле лесенки, ведущей на перрон, и счастливо ждёт меня на утреннем холоде. Хотелось провалиться сквозь землю.

Когда я приехал на вокзал, оказалось, что нужно перейти на соседнюю улицу и найти на углу маленькое кафе, где она ждала меня вместе с подругой, которую давно должна была выпроводить на работу. Настя — так звали подругу — спустя минуту после нашей встречи додумалась вымолвить ангельским голосом:

— Вы не переживайте, я скоро уйду и не буду вам мешать. — После чего мои биологические часы стали точны, как никогда. «Минута, пятьдесят девять в её распоряжении» — подумал я и сказал из вежливости:

— Да мы не против.

Вышло двусмысленно. А мы — это я и девочка, что ждала меня, и чьего доброго имени я не назову. А подыскивать имя ей на замену мне не хочется. Не успел я сесть к ним за столик, как по первой же фразе понял, что она добрая, наивная глупышка. Последний раз, когда мы ещё не были знакомы, я видел её в том же чёрном пальто с косой молнией, тёмно-синих облегающих брюках и черных туфельках. Это было в Ялте.

Через полчаса мы уже ехали на автобусе в один из прибрежных городов, и я слышал, как сладко пахнут её длинные тёмно-русые волосы, которые она собирала всегда в небрежную причёску, улыбаясь доверчивыми карими глазами...

* * *

За окном разлеглась мерклая от влажной непогоды степь. Этой дорогой она ездит на учёбу. Утром садится в автобус на маленькой станции своего городка и едет в столицу, где живу я, а вечером возвращается.

— Сейчас будет Школьное, а потом озеро, я тебе покажу, — говорит она, наклонившись к окну, и я чувствую дуновение близости, лёгкий необыкновенный запах духов, и словно прикасаюсь к её смуглой, уютной коже, к её убаюкивающему телу, каждая ямочка и ложбинка которого — это царство сна и спокойствия, обитель тёплого дыхания, благодать мокрого, дождливого дня на оконном стекле взглядом из-под уютного одеяла. Это святость нерушимых объятий, когда её родные плечи невинно спят в твоих руках и ямочки щёк пахнут цветами, так же, как волосы... А ресничка, оставленная на подушке — маленькая прелесть...

Я засыпаю в сердечности чистейших капель, падающих с крыши нашего дома, со всех крыш улицы, города... Дождливые слёзы всего мира отныне тёплые, как парное молоко, а пышные затянувшие небо тучи —

это выразительная и нежная фантазия Шумана, несмотря на гуляющий в них северный, сердитый ветер (и без ветра, наверное, не было бы нежности). Моё тело становится лёгким, его подхватывает поток бесконечного. Я как мокрый опавший лист, но только мне не холодно — мне хорошо. Всё исчезает. Лишь мягкий сон...

Я очнулся от грёз, протёр запотевшее стекло и увидел вогкие, горькие тона степи, напившейся мёрлой осенней влаги. Я понял, что снилась мне не только моя смуглая девочка: многое из того, чем является этот старый, неизменный сон — я сам.

— Я знаю эту дорогу наизусть, — улыбнулась она.

— Тебе, наверное, совсем не интересно. Мы могли бы поехать в другую сторону...

— Зато я смогу показать тебе город, — она радуется и теребит серебряную цепочку — на ней дрожит миниатюрный весёлый якорек, а на второй — маленький месяц и разные трогательные кулончики, что танцевали, моргая отблесками, у нее под блузкой на смуглой груди. Она рассказала, что её дед родился в Крыму, а потом уехал... И она повела меня навстречу восходу, туда, где вдоль великой реки идёт караван и музыкант играет на кинноре, наполняя равнины благодатным напевом, озаряя их звёздным плеском. Караван идёт из Вавилона в Сирию и дальше, — «вокруг света» — думает девочка, провожая путешественников взглядом. Она видит, как дивная мелодия растворяется в вечерних звёздах, стелется по небосклону, рассыпается звёздами — хрупкие, они падают в тёмную небесную гуашь и тонут, тонут до утра... Глаза смуглолицей девочки внемлют Богу, юные и мудрые, в них текут реки и они не удивляются, а пьют музыку в беспрестанном удивлении, они читают, выслушивают, говорят и сами создают совершенство, зная, что нежное чудо скрыто во всём, над чем властвует взгляд. «Вокруг света», — шепчет она вслед каравану, угадывая выходящую за ним, но уже неслышную мелодию...

«Вот оказывается, откуда её дед принёс на руках свою Прекраснейшую, а с нею и эти восточные черты, которыми я сейчас люблюсь...» — подумал я. А та, что была рядом со мной, родилась уже здесь, на берегу Чёрного моря. Её брови с изломом, карие глаза и прямой слегка вздернутый носик были очень хороши как сами по себе, так и в отношении друг друга. Я хочу сказать — друг друга они не подводили.

Пока она рассказывала о семье, я спрашивал себя: зачем я решил на это совместное путешествие? Наверное, всё случившееся было

предопределено нежеланием находиться в плену у скуки и одиночества. Так вышло, что я остался один, и у меня было много свободного времени. К тому же я знал — она поедет со мной. Ещё мне было просто любопытно. А она рассчитывала на большее. И моя вина в том, что я всё понимал, заранее зная: ничего большего не будет (конечно, осознал я всё намного позже, но в конце концов понял, что чувствовал это с самого начала и старательно удерживал между нами барьер до тех пор, пока мы не расстались).

Описывая эту игру, можно не стараться: не подобрать красивых оберток для такого ясного слова, как ложь. Это была ложь. Лживая подкладка живому осеннему дню. Тоскливая пелена с запахом обмана, витавшего в моем смехе, в моей умеренной, расчётливой замкнутости. Мне было больно, когда я понимал, что она всей душой верит в наш смех и «знает», что он принадлежит нам, а не только ей. Я все рассчитал и не сделал ничего лишнего, за что мне стало бы стыдно впоследствии... А она шла за мной с наивной детской радостью, в надежде распахнуть дверь одного из интереснейших дней своей жизни.

Как же это мучительно — стараться не обидеть девушку, к которой ты почти равнодушен — лишь лёгкий ветерок трогает сердце, скрашивая постылый день. Ты знаешь, что не безразличен ей, и уже не можешь не позаботиться, потому что обнадёжил, а она легко выбросила из головы все запланированные дела. По отношению ко мне так смогли бы немногие. И это дорогого стоит, потому что даром и по-настоящему. Она была уверена, что между нами всё только начинается, а я в глубине души винил себя в том, что наше свидание — первое и последнее. Мной завладело стесняющее, неловкое, какое-то нескладное, подспудное чувство, — всюду я слышал его пристальное молчание, красноречивую тишину. Она обжигала в моменты, когда я хотел отвлечься от неё и словно доносилась издалека, убегала от меня, когда я начинал вслушиваться. Я помню, как, глядя сквозь холодную стеклянную зелень воды на песчаное дно, я приложил к уху морскую раковину и услышал чужую, неродную кровь, что ветрено лилась в ней игрой разлаженного инструмента...

Как только я вышел из дому, я подобрал лежащий на дороге камень и положил в карман. Я спрятал в карман обман и до вечера слыл лицемером, исповедуясь собственному нутру. Чувствуя тяжесть, я не мог смотреть сквозь пальцы на то, как она безоглядно отдаётся мне, не мог обидеть и даже не допускал такой возможности. «Улыбнись», — заставлял я себя и ловил, пытался удержать мгновения, когда улыбался непринуж-

денно, когда во мне вспыхивало умиление, так стремительно, как спичка. Но после короткого дуновения возвращалась ответственность...

Человек я не из благородных, и часто ненавижу себя, ибо поступаю принципами. Что есть, то есть — я продолжаю ходить по улицам цел, невредим и беспринципен. Единственное, через что я тогда не мог переступить, чего не мог сделать — это наплевать и выбросить свою благодарность и её радость.

Спустя несколько часов нас встретила станция самого безлюдного города в моей жизни — настолько молчаливы были его улицы.

Когда мы сошли на платформу, я решил, что нужно заранее взять билеты: мне — обратно, в Симферополь, ей — в маленький городок.

— Каждые десять минут, — сказала кассир.

— На три часа, — я посмотрел на свою спутницу.

— Бери один.

— Один.

— Сто шесть, пятьдесят.

— Спасибо, — я взял билет и мы пошли к выходу.

— Ты хочешь сразу сесть, без билета? — спросил я.

— Да, мне ближе ехать...

— А если мест не будет?

— Поеду на следующем, ничего страшного, — улыбнулась она.

Я разровнял билет и пробежал глазами.

— Седьмое место, — сказала она, приподнявшись на носочках, чтобы заглянуть в билет через моё плечо.

Мы вышли со станции.

— Ты говорила, знаешь город — тогда веди, куда хочешь.

— Значит так, сначала идём на набережную, — довольно сообщила она. — А потом — в парк.

— Пойдём.

На первом перекрёстке мы свернули влево и пошли вдоль трамвайных путей.

— Никогда не ездил на трамвае, — сказал я. — Давай прокатимся? Её реакция на моё предложение была необыкновенной. Она сказала:

— Нет! Даже не смотри на него так: мы не поедем на трамвае! Зачем??? Там очень много людей... Нам прямо, а он сворачивает через несколько улиц...

Я сразу смирился.

— Столько магазинов новых появилось...

— А нам, вообще, далеко идти? — спросил я. Меня радовали долгие прогулки по незнакомым местам.

— Да, минут десять идти.

— Это совсем рядом...

— Нет, это далеко, — возразила она.

Ей казалось, что разговор не клеится, а я никогда не умел развлекать, и порой она сопровождала свои слова деланным воодушевлением: моё молчание было ей в тягость.

На третьем или четвёртом перекрёстке трамвайная колея ушла влево, и мы перешли на другую сторону, где начиналась аллея, ведущая к морю — вдоль неё располагались деревянные лавочки и клумбы с цветами, встречались лотки с сувенирами, кафешки, попался ресторан.

— Вот моё любимое кафе, — сказала она, показывая на плетёную веранду двухэтажного здания. — Я очень люблю сидеть у них на втором этаже, там уютно и вкусный кофе.

— А оттуда видно море?

— Нет, вроде бы нет... — сказала она и задумалась. А через несколько метров море было уже видно.

Аллея заканчивалась площадкой, откуда к пляжу спускалась широкая каменная лестница, а на площадке — ротонда. На ступеньках я увидел Геракла — бронзовый, он лежал, опершись на локоть, вторая рука — на колене... — местная достопримечательность. У него под ногами я нашёл мемориальную доску и прочитал вслух: — «Отдыхающий Геракл. Древнегреческий мифологический герой...».

«Никого вокруг, — не переставал удивляться я. — Кому здесь бывать, как ни мифологическим героям? Тут легче увидеть и запомнить миф, чем вспомнить то, что действительно было...».

Мы стояли на ступеньках и смотрели на море. Мне хотелось спуститься на пляж и наконец-то почувствовать под ногами песок, но она предложила пойти на причал, что находился в километре оттуда.

— Видишь, там кто-то рыбу ловит? Это единственный причал, который сейчас открыт — все остальные закрыты. Пойдем туда?

Я согласился.

Чтобы выйти к причалу, мы вернулись назад по той же улице и повернули направо. Мы прошли уже достаточно много, когда я сказал:

— Мне кажется, мы далеко ушли. Пройдём ещё чуть-чуть... Но скорее всего, придётся возвращаться.

И тут между домами появилась калитка, ведущая на причал, а на причале маячила фигура рыбака.

Вода была настолько чистой, что, даже стоя в самом конце, можно было разглядывать маленькие песчаные дюны на дне. Свободный, дувший с моря и не знавший преград ветер порывами толкал меня в спину, ударялся о грудь, бросая целые снопы морского воздуха, воздушные клубки, обнимавшие и с грубой лаской целовавшие лицо и шею запахом солёных волн.

— Только не подходи близко к краю.

— Это рыбки? — она показала на тёмные черточки на песке.

— Да.

— И это тоже? — снова спросила она, показывая на рыбок.

— Да.

Позже выяснилось, что у неё плохое зрение.

— Хочешь, я тебя сфотографирую?

Так и не сфотографировала: я не захотел.

Затем она рассказала о своих вымученных, напряжённых отношениях с мамой, потому что «мама совсем не понимает». А отец ушёл, когда она была маленькой.

— Наверное, с отцом мне было бы лучше, — сказала она.

— Чувствуешь себя одиноко дома? — спросил я после паузы, рассматривая береговой изгиб вдалеке.

— Нет-нет, мне совсем не одиноко, ты что? — она взглянула с улыбкой. — У меня же младший брат, мы каждый день с ним бесимся... и...

И в минуты, когда она рассказывала о том, что происходит в её семье, я хотел обнять её сзади и прижать к себе. Представляю, как загорелись бы её большие глаза! Хотелось прервать тупую бесчувственность, в которой она страдала и тонула... это незаслуженное одиночество. Мне было жаль её. Но я так же понимал, что ничего исправить не могу. Разве что причину ещё большую боль, ведь по отношению к ней моего сердца хватало лишь на мимолетные порывы, и хоть они были искренни, я знал — даже если останусь рядом, очень скоро захочу уйти. Когда чувствуешь это, ничего уже не изменить.

Пока я размышлял об одиночестве, она стала рассказывать о животных и о том, как она их любит:

— Кого у нас только не было! И попугайчик был... — Тут я вспомнил маленькую смешную черепаху, жившую когда-то в квартире друга, о которую однажды чуть не споткнулся. Она любила сидеть под диваном, и мы редко виделись.

— А черепаха когда-нибудь была? — спросил я, и в тот момент на моём лице должна была засиять улыбка, как обычно бывает, когда вспоминаю друга детства и его черепаху.

— Была, — кивнула она и засмеялась. — Но мы её потом отдали... Сейчас у меня кот живёт.

Ветер был свежим и не очень холодным. Что-то в этой прибрежной ноябрьской сырости мне нравилось. Сочетание дискомфорта и уюта, когда небо затянуто облаками, и дневной свет будто накрыт простыней, словно день положили в мешок; тяжёлая пышная вата облаков пропитана свечением, а мокрое солнце обвалилось и катается в неясном песке, в листьях, разжидилось, растворилось в печальной, тускloserой воде, и в темноте неприветливых ветвей теплятся его невидимые сентябрьские отголоски. Солнца не было и, казалось, не будет, но мне нравилось угадывать его следы, сжимая неподатливыми пальцами прохладу. Было приятно вспомнить о тепле.

— Пойдем в ту сторону, — я протянул руку к Гераклу и аллее. — Что там, дальше?

Мы пошли обратно.

Мне хотелось изучить окрестности, побывать в старой части города, на витиеватых улочках, куда мы так и не попали, в связи с чем я расстроился, потому что люблю Крым на картинах Боссоли и ищу его, высматриваю, блуждая по улицам XIX века, и ноги заплетаются, запутавшись во времени или оттого, что в руке бутылка Шато Блан, а оно «имеет нарядный светло-соломенный цвет, тонкий цветочный аромат и лёгкий свежий вкус» — как о нём пишут, но я пью вино из горла и не вижу, какого оно цвета в зелёной бутылке. Так вот, хотелось постоять на песчаном пляже без тоскливых рёбер решёток и заграждений, где море без пирсов и молов, где оно свободней и гладит берег, что тянется в обе стороны вдаль, исчезая в дымке; где я найду гитару, на чьих струнах дрожат слова, которыми некто, сидя среди лилий, последний раз в жизни выразил вечность, не видя конца, не видя собственной смерти...

Парк, в который мы попали, располагался по другую сторону от главной аллеи. Он казался очень маленьким. Скорее сквер.

— Где-то здесь есть большой парк, мне говорили, — сказала она.

— А есть какие-нибудь интересные достопримечательности поблизости? — я взглянул на часы: до отправления ещё долго.

— Даже не знаю... — растерялась она. — Дальше есть избушка на курьих ножках. — Она очень хотела меня заинтересовать, и боя-

лась, что будет скучно. А я думал о том, что скучно ей и потому спросил. Мне же, в общем-то, некогда скучать на улице. Улица сама по себе, со всеми разворачивающимися на ней жизнями, — всё, что мне необходимо. Все люди, что попадают на пути, — это миры, которые я стремлюсь постичь... И я наблюдаю за ними: вижу людей, ждущих встреч и событий, задумавшихся, смеющихся и печальных, глядящих в окна, бегущих по делам и спящих на скамейках, стреляющих мелочь, читающих в скверах, играющих на гитаре, вижу рубли в шляпе, индейца с флейтой — он продаёт диски со своей музыкой. Когда-нибудь я напишу обо всех. Напишу о людях и городах, и через них пронесу строки о себе. Я хочу, чтобы человек увидел себя в каждом: в легкомысленных и благоразумных, в амбициозных и скромных, в суетливых и безмятежных, в здоровых и больных, в добрых и злых, и в грязном бедняке, и в заснувшем на скамейке пьянице, — все они прекрасны!

А главную историю, которую всё хочу рассказать, я забыл напрочь... Ах, да... На улицах было пусто: ни людей, ни машин — никого. И меня постоянно куда-то тянуло...

Возле избушки стояли качели, она села.

— Хочешь, покатаю тебя?

— Нет, я боюсь, — засмеялась она. — Помнишь, мы собирались от души посмеяться сегодня?

Она давно хотела увидеться со мной, и накануне — а она казалась такой хохотушкой — я сказал, что нам нужно встретиться и смеяться до упаду.

— Мы же и так всё время смеемся.

— Нет, мы улыбаемся...

Возвращались мы по улице, где находилось её любимое кафе. Она снова сказала об этом. Мне стало неловко. Я подумал, что даже если она и сама намекает, хорошо было бы сводить её туда, но не было денег. Осталось пятьдесят рублей: всё потрачено на дорогу.

— Здесь ещё кинотеатр есть, знаешь?

— Нет, я же здесь впервые...

— Можно пойти посмотреть на кинотеатр.

— А что, он какой-то особенный? — я постарался спросить так, чтобы её предложение не показалось странным — мне было любопытно, может, это действительно одно из красивейших мест.

— Нет, просто кинотеатр, а что ещё смотреть? — спросила она.

Но мы пошли в сторону набережной, туда, где находились пансионаты.

Никаких витиеватых улочек не было. План улиц напоминал листок в клетку: нужно только считать количество поворотов, и никогда не заблудишься. По сторонам — квадратные участки, обнесенные некрашеными заборами, а за ними — запущенные сады, тихо протягивавшие выцветшие руки к безмолвию и пустым тротуарам. Время остановилось. Всё было брошенным и ненужным. Только опавшие листья скрашивали запустение и еще напоминали о доме, о родных улицах. Изредка раздавался далекий, приглушенный шум одиноких машин...

По дороге она рассказала о любимой книге — «Волхве» Джона Фаулза. Я сказал, что не читал, а она, по всей видимости, была в восторге и очень живо, даже с упоением, рассказала абсолютно всё, что знала об этом романе.

— Не знаю, поняла я или нет, но мне кажется...

И она продолжала... Я поймал себя на посторонней мысли и понял, что не слушаю. Я начал слушать. Потом ещё и прокомментировал, не читавши.

— Нужно найти магазин, — сказал я, — купить сигарет на пятьдесят рублей.

— Хочешь, я тебе добавлю? У меня есть деньги.

И её вопрос меня очень удивил. Да, конечно, многие, с кем я общаюсь, знают, что в карманах у меня пусто — разве что там книга, на которую я потратил последнее, или билет в поездку, или же вся моя мелочь ушла на бутылку вина, что болтается в незанятом рюкзаке. Своих денег у меня никогда не было, поэтому я редко о них думал. И всё же никогда прежде мне не доводилось слышать подобное от девушек. А у неё — никаких предрассудков, всё было подсказано чувствами. Конечно, ситуация ужасная. Но тем больше она мне нравилась. Тогда я подумал, что это признак полного опустошения. Во всех смыслах. Стоит ли говорить, что обычно за меня никто не платит, что меня носит неизвестно где сутки напролёт, и я часто остаюсь голодным целый день. Главное — почитать на скамейке или на берегу с сигаретой во рту (они сгорают одна за одной, особенно осенью, когда ветрено и я бездельничаю в одиночестве), или пить вино на последнем ряду в кино. Разве что иногда и только в барах меня угощают добрые друзья со словами: «Для хорошего человека», когда я уже прилично пьян. Стоит ли говорить, что я почувствовал, когда она спросила меня? Да и как такое возможно?

Сигареты были отвратительными. Мы вышли на пляж.

Несколько раз мы сфотографировались у моря. Не знаю, зачем. Но всё это в действительности очень глубоко. Стоит только подумать...

Временами, наше путешествие походило на сказку... Не в том смысле, что день становился счастливым, нет. Но иногда какая-то часть души словно отрывалась от тоски и глухой прозрачной боли второй половины... В такие моменты я глядел на нас со стороны, отдаваясь на мгновение своей мечте и пытаясь вообразить счастье. Но его не было. А ведь могло же быть? Я улыбнулся, чтобы сфотографироваться с ней. Теперь только я могу увидеть на этих фотографиях грусть в глазах, потому что хорошо помню свои чувства. Но я так сыграл, что когда всё забуду, останется только радость.

— Расскажи что-нибудь о себе, а то я всё время говорю... — попросила она.

— Обычно, я больше слушаю, — я взглянул на неё с иронией, — люди любят говорить...

— Только не я, — и она снова засмеялась.

А у меня не было настроения. Я не хотел открываться и сказал:

— Ты можешь спрашивать, о чём угодно.

Но она не спросила. Хотя нет... спросила о какой-то мелочи, наверное, первое, что пришло в голову. Уже не помню, о чём. А потом со смехом наблюдала, как чайка бежит за голубем, и, стоя у воды, разглядывала мидий на камне.

Я посмотрел на часы. Времени оставалось немного, а идти далеко.

Быстрым шагом мы шли к центральной аллее, стараясь по возможности сократить дорогу. Я шёл очень быстро и спрашивал, не устала ли она, и всю дорогу, запыхавшись, мы шутили и смеялись. Она бежала за мной с растрёпанными волосами, а я нёс её сумку. Идти предстояло гораздо дальше, ибо одна из улиц совсем позабылась, и когда мы вышли на неё, пришлось ускориться. Ни трамваев, ни маршруток поблизости не оказалось. Я волновался, хотя миллион раз опаздывал на автобусы и электрички. Но в тот день возвращаться пришлось бы на попутках.

— Если опоздаем, постелешь у себя на балконе, — шутил я.

Мы пришли минута в минуту и забежали в автобус. Её попросили подождать у шлагбаума, потому что не было билета:

— Проверяют, — сказал водитель.

Мне следовало выйти вместе с ней. Но я остался... Я так и не понял, в какую сторону ей сказали идти, и когда решился, было поздно. «Она одна стоит где-то у дороги и ждёт... Я не прощу тебе этого» — сказал я себе.

Стояли мы минут пять, хотя уже должны были выехать. Она зашла в автобус на остановке, сразу за вокзалом.

Почти всю дорогу мы молчали. А минут через двадцать она сказала:

— Мне скоро выходить.

Когда автобус остановился, я наклонился к ней и по-дружески, некрепко обнял.

— Спасибо тебе за хороший день, — сказал я.

У двери она обернулась и помахала рукой:

— Созвонимся!

Но ни на следующий день, ни в течение недели я не позвонил. Ни разу не звонил ей с тех пор. И больше мы не встречались.

На обратном пути я пытался читать. У меня была маленькая карманного издания книжка о приговорённом к смерти двадцатилетнем убийце, французе Морисе Пилорже и о палаче, который должен был привести приговор в исполнение, но скончался по дороге на казнь. Я прочёл несколько страниц и стал смотреть в окно. Домой не хотелось. Я позвонил знакомому, но у него были дела. «Только у меня нет дел» — подумал я и решил по приезду пойти в центр и бродить по улицам до вечера. «А когда стемнеет, пойду домой». Вот и ещё один день был на исходе. Завтра будет новый. Дни сменяют друг друга, но кое-что остаётся. На душе было гадко...

Через час я вернулся домой, а добродушная девочка так и осталась там, в своём одиночестве: в её раскрытую настежь душу я бросил камень, который весь день пролежал у меня в кармане, но она как будто и не заметила. Я знаю, что её доброта и жизнерадостность притупляют боль. Я слышу звонкий смех, вижу выющиеся локоны, милые щёки и как маленькие завитки волос, нежные, детские, игривые, касаются её щеки, когда она сидит в профиль, почти отвернувшись, и смотрит на море. Я вижу уголок её улыбки... И, кажется, ей совсем не больно. И вдруг откуда ни возьмись слёзы. Она просто засмотрелась в окно. Неожиданные даже для неё. Слёзы... «Такое бывает, когда долго переживаешь», — думает она, делая уроки. Две капли упали в тетрадь, и красивый почерк расплылся ёлочкой. Детские буквы стали маленькими ёжиками. И я люблю этих ёжиков до боли. Невыносимой и тупой от безысходности боли. От которой я теперь сам кричу и умираю.

ИРИНА ЗВЯГИНА
(г. Красноперекоск)

Литовченко Ирина Александровна (псевдоним — Ирина Звягина) родилась в 1967 году в городе Лахденпохья Карельской АССР. В Крым переехала в 1968 году. Живёт в Красноперекоске. С 2006 года — руководитель литературного объединения «Пятиозерье» (г. Красноперекоск). Автор сборника стихов «Всполохи». Лауреат Первого регионального фестиваля поэзии и бардовской песни «Жемчужина в степи» (2011), дважды лауреат Международных конкурсов фантастической прозы «Фанданго» (2012 и 2013 гг.), лауреат Международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон» (2015 г., 2016 г.). Член Союза писателей Республики Крым.

ОДНОЛЮБ

Послеобеденная часть пятницы — это уже суббота. Мужики привычно скинулись и самый молодой, Ваня Адамчик, побежал. Два водилы, блаженствуя, курили. Слесарь Лихута, не выпуская из зубов цыгарки, ещё что-то докручивал в железном брюхе трактора. Худой, исчерневший под горячим крымским солнышком, в застиранной клетчатой рубашке, болтавшейся у него на плечах как носок на петушьей ноге, в заляпанных джинсах, поблевших на костлявом зад, Лихута спокойствием и уверенностью напоминал хирурга, вырезающего тысячный на своем счету аппендикс. Лет ему было немало, но был он ещё крепок телесно, любил и крепко выпить, и творчески закусить, и проводить развязно-озорным взглядом чей-нибудь роскошный зад, обтянутый смелой юбкой. В Северном Крыму он поселился ещё при Хрущёве, переехав откуда-то из-под Брянска, женился на круглолицей хохлушке, и сам чуток охохлел, но гены, как говорят, пальцем не раздавишь.

Ещё двое расположились в тенишке.

— Лафа, — блаженно протянул Паук, — начальства нет, можно и пораньше свалить.

— На кой тебе пораньше? — подал голос второй водитель по кличке Бурятка. — Приучишь ещё, потом отчитывайся за каждую минуту: где был, с кем был, да почему. И Адамчик скоро уже прибежит. Пятница, день шофёра. Это святое.

Паук не отозвался. Он был молчун, говорить не любил. И непонятно было, откуда проистекает эта его молчаливость: от некоторой ограниченности ума или от скрытности характера. Но, как бы там ни было, в разговор лишний раз он свои пять копеек не вставлял.

Закончив ковыряться в тракторных внутренностях, подошёл Лихута, обтёр ветошкой чёрные от машинного масла руки, присоседился рядом.

— Фёдорыч, скажи этому, — не унимался болтливый Бурятка, — что день шофёра надо отмечать, потому как судьба шофёра как судьба моряка, всякая бывает. Сегодня жив и здоров, а завтра пьяный столб дорогу перебежал и поминай, как звали. Скажи, Фёдорыч?

— Не каркай, балабол. Не у одного шофёра судьба привередлива.

Лихута отбросил ветошку. Ему не хотелось сейчас о пустяках, а тем более с Буряткой. Сволочной мужичонка. Хуже иной бабы: чуть чего сболтнёшь, на завтра все собаки РММ в курсе. Лихуте хотелось говорить о другом, но такой разговор не клеился бы без ста граммов, а Адамчика всё не было.

Мужики прождали ещё с пятнадцать минут, и когда терпение совсем истощилось, появился «гонец».

— И где тебя черти носят? — выверился на молодого неугомонный Бурятка. — Тут люди, понимаешь, мрут... Чего принёс-то?

В слесарке у Лихуты после июльского солнца показалось темно и прохладно. Привычно накрыли газеткой «поляну», вспоров острым ножичком банку черноморских килек и попилив пару-тройку треснувших от сока спелых помидорин, расставили стаканы.

— Разливай уже давай, чего кипятите-то? — торопил Бурятка

Выпили по первой. Хорошо пошла, подумалось усталому слесарю. Истинно благодать.

— Слышите, мужики, — Лихута уже неторопливо разлил по второй. — Друга помянуть бы надо. Год как помер. Берите. Земля пухом.

Он хотел было перекреститься, да не сумел, и потому просто несколько недолгих мгновений задержал стакан, словно про себя пожелал покойному Царствия Небесного.

— А кто такой-то? — любопытствовал Бурятка.

— Георгием звали. Ох, и жизнь его была, рассказывать если, — Лихута красноречиво махнул рукой и опрокинул содержимое стакана.

— А ты и расскажи!

— Расскажите, Фёдорыч, — подал голос Ваня Адамчик, двадцатилетний высокий парнишка.

Он совсем недавно устроился и ещё не успел совсем освоиться, но инстинктивно сторонился трепача Бурятки, и потому предпочитал, чтоб говорил отечески надёжный слесарь.

— Долго говорить надо будет. Он тоже брянский, как и я. Родился Жорка аккурат в тридцать седьмом году, отца за месяц до того расстреляли. Стало быть, родился он уже с клеймом «сына врага народа». Это уж мы опосля шибко умные все стали, а тогда... И мать его молодая ещё была, а нагнула её жизнь, что травину ветер. И дитёнок не ко двору пришёлся. Злая стала, не до ребёнка, да и всем тогда солоно пришлось. Как-то так мы и росли. Что учились, что не учились. Жорка вредный был и нравный, чтоб стерпеть, простить — никогда. От того и его особо никто не жаловал.

А тогда мы курить рано начинали, хотя от матерей и прятались. Жорка махру из дома воровал. Мамке еввойной паёк махоркой выдадут, она ту махру припрятает, чтоб обменять, значит. На сахар, там, али на сапожнёшки обормоту своему. Она по первости и не замечала ничего, а уж как он втянулся — вычислила пропажу. Ну, а уж как заметила — что ей под руку попало, тем и огрёл Жорка за свою махру по первое число. Он тогда ноги в руки — и больше с тех пор матери не видел.

— Так и помер? — встрял опять Бурятка.

— А так и помер. Ни он мать никогда не искал, ни она его. А может, и искала, поди знай..

— Как же так-то, мать же все-таки, — качнул головой Адамчик.

— Говорю, нравный был. Это было ему уже тогда четырнадцать лет. А по-новой встретились мы с ним уже здесь, в Крыму, когда я сюда по вербовке приехал. Строили тут завод, жили в бараках, соседом моим оказался Георгий. Он, как от мамки удрал, много по стране поколесил. Был в Забайкалье, был на Урале. Прижиться он нигде не мог. В шестнадцать лет в ФЗО попал — так только до первой роботы там и удержался. Им, мальчишкам, роботы выдавали для работы: куртка, штаны, кирзовые боты. Жорка не будь дурак, в первый же день свои шкары сменял на самогонку, а чтоб босому не ходить — у кого-то скоммуниздил.

— В шестнадцать лет? — не поверил Ваня.

— На неё, родимую. Он сильно попить начинал. Ну, сменял, значит, а бурсаки-то все такие же, как он сам, голь. Ну, и маменькины колотушки ему пряниками показались. Метелили его по всем правилам, конечно. Он кое-как отлежался — и снова в бега. Прибился к каким-то геологам, опять чего-то спёр, опять ноги сделал. Так болтался, пока в армию не забрали его. Ну, а уж как армейские «деды» метелят, то не я бы говорил, не вы бы слушали.

— Это точно, — согласно кивнул Паюк.

Бурятке не терпелось, но Лихута, не спеша разлив в очередной раз, продолжал.

— После армии он, может, и не сразу, но женился. Жена ему попалась старше лет на десять, свой дом, хозяйство. Работать его определила, пить не давала. Может, и всё бы срослось, да только пить она ему не давала не потому, что шибко любила, а потому, что жадна была. Каждую копейку считала. Сколько сегодня кому съесть — и то считала. Не приведи Бог, кому-то Жорка рубль занял — всё! Развод! Собирай чемодан, ты тут примак, твой дом помойка! Это значит, раз «собирай вещи», да два «собирай вещи», да не с Жоркиным характером долго собираться. В один день умотал свет за очи, порвав на прощанье и свидетельство о браке, и кофтейку на своей благоверной. На этот раз сюда, в Крым, завод строить.

Ну, озлобился, огрубел. Всех своих любовниц, а их было немало, он нещадно бил, и никто у него больше, чем на неделю, не задерживался. Тяжёлый был человек, не тем будь помянут.

Рабочий день уж закончился, но летние вечера в Крыму долгие. Истайвали сладким соком душистые ломти помидоров, пахло перегретым металлом, машинным маслом и крепким трудовым мужским потом. Уютно в слесарке. Не хочется уходить.

— А ты мне вот чего скажи, — не унимался дотошный Бурятка. — Он так и помер бобылём, или всё же была какая-никакая алкашка?

— А чего ты решил, что непременно алкашка? — огрызнулся хмельной Паюк.

— Ну, а чего? Сам пьющий, да баб колотил. За такого простая не пойдёт. Разве что такая самая, как и он.

— Дурак ты, Бурятка. Любовь у Жорки была, — вздохнул Лихута. — Представь себе — любовь! Я и сам бы не поверил, если бы от кого услышал. Георгий в бараке до того иной раз упивался, до рогатых воробьёв, до лиловых сусликов. Но с работы его все-таки не гнали, руки у

него росли, откуда положено, да и то сказать — где было рабочих найти? Гольная степь, всё только начиналось. Квартиру он, однако же, получил. Пусть и в последнюю очередь, а дали. В том доме жили первопоселенцы, многие не из нашего барака, семьи молодые тогда были, все с детьми.

И вот представь-ка себе, картина маслом: гуляет во дворе молодуха с пацанятами. Одному год, второму два, третьим беременная. А у Жорки очередной запой, он уж яичницу от кирзового сапога не отличает. Она не знает, которому нос первому вытирать подолом, бледная, худющая как тарань сушёная, с пузом. Ну, страшненькая. Из подъезда вываливается пьянющий в лоскуты Жорка. И как он её вообще увидел — непонятно. А увидел, замер, бельма залитые на неё вылупил и туда же, кавалер, знакомиться полез.

— Кто такая? — спрашивает.

Молодуха, ясное дело, перепугалась. Видит — мужик лыка не вяжет, не ровен час и руку поднять может, а говорить что-то надо. Воспитание, понимаешь, деревенское, всё с оглядкой: а что люди скажут?

— Я, — спокойно так отвечает ему, — живу тут.

— Какая ты... красивая... А звать как?

— Леной.

— Муж, — спрашивает, — есть у тебя?

— Есть. И муж есть, и дети. Вот скоро трое будет.

— А по мне да хоть и пятеро! Выходи замуж за меня!

А у той уж руки-ноги трясутся, не знает, как и уйти, чтоб меньше шуму.

— Что ты, — говорит ему Лена, — что ты! Какой замуж, о чём ты?

— А ты подумай, — убеждает Жорка. — Я тебя на руках носить буду. Детей вырастить помогу. Любить всю жизнь буду. Только ты соглашайся.

— Спьяну чего не наболтаешь, — полусонно буркнул Паюк.

— И уговорил? — заинтересовался Ваня Адамчик.

Его всегда интересовало, что ж такого надо сказать, чтоб девушка сразу уговорилась. Он почему-то верил, что существует какая-то специальная формула, вроде «крекс, пекс, фекс». Сказал — и ни одна не устоит.

— Нет, конечно. Обратно в свою берлогу допивать пополз. А Ленке в тот же вечер сарафанное радио про Жорку всё досконально разобрало: и что пьёт безбожно, и что бьёт безбожно, и что с такими тараканами в головушке, которых ещё поискать надо. Ленка с перепугу в его сторону и не оглядывалась больше. А вскоре после того Жорка опять подался по белу свету — на БАМ.

Ленка раз в год получала корявое письмишко от него. И писал он ей всё одно и то же: жду, приезжай, приму любую, а надо — и денег на дорогу вышлю, сколь потребуется. Она никогда не отвечала ему, думала, что пишет он всё больше «по синьке»

Личная жизнь у этой Ленки тоже не складывалась никак. Муж её бросил с тремя ребятишками, работала она всё на той же стройке, билась как рыба в лёд, чтоб пацанов поднять, но это всё неинтересно...

Вечер догорал. В вечернем, настоящем на гретом железе воздухе едва слышно позванивали комары. Распухшее от собственного жара солнце медленно сползало в пыльный горизонт. Было душно. Откуда-то прибрела брюхатая рыжая сука, которую в РММ окликали Дуней, подняла на мужиков свою грустную морду и проскулила какую-то тихую собачью жалобу. Молчаливый Паук поставил перед ней остатки килек и Дуня, благодарно шевельнув обрубок хвоста, принялась есть.

— Это чего, и вся любовь? — не понял Бурятка.

— Чего ж вся-то. Объявился Георгий лет аж через двадцать, так же неожиданно, как и исчез. В один из вечеров он встретил её у подъезда с работы. Трезвый. Да и она уж не глупая молодка, жизнь за плечами. Словом, разговорились. Жорка как услышал, что она разведёнка, тут же и говорит ей:

— Идем к тебе.

Ленка, конечно, ни в какую. Да и то сказать — с чего вдруг-то? А Жорка опять в свою дуду:

— Я ничего плохого не хочу. Я жениться хочу. Чтоб всё как у людей, чтоб в тебя никто пальцем ткнуть не посмел. Но сейчас просто посмотрю, как ты живёшь, и всё.

И ведь убедил же её, поверила. Привела к себе на квартиру. А тот видит: хрустали с коврами отродясь не водилось, но выбелено, выкрашено, половички, да геранька, да чайный грибок на столе в баночке, чистой марлечкой завязанный, да полупустой холодильник, в котором бутылка молока и чёрная буханка хлеба. И до того всё родным показалось Жорке, что аж ком в горле застрял. Век бы отсюда не ушёл, пустили бы на правах собаки — собакой бы служил ей за корку вот этого чёрного хлеба, только бы не прогнала. Достал он из кармана шесть сотен рублей, брежневскими ещё. Отдал и говорит:

— Это тебе, подарок. Купи сама, что нужно.

А Ленке легче сказать, чего не нужно. И сапоги, и белья, и студенту, младшему сыну, помочь, и долги раздать... Подумала она, подумала: а что ж, за всю жизнь никто копеечкой не помог, от бывшего мужа и алименты не всегда видела, а тут чего уж гордость-то разыгрывать? Да и в один день пристроила эти денежки. Что сыну послала, что покупки сделала. Да у женщины, если хотите знать, самое горячее место — это ладонь. Туда сколь ни положи, все сгорит, как и не было.

Жорка на другой день осмотрел покупки, доволен остался.

— Не ошибся я в тебе, Лена. Хозяйка ты хорошая. Выходи за меня замуж — всё тебе отдам. Мне одному ничего не нужно.

— И она пошла? — это опять Адамчик.

— И пошла! Двадцать лет он её ждал и уговаривал, — Лихута вздохнул. — И ещё десять с ней душа в душу прожито. Однолюб он был, Царствие ему Небесное.

— Так уж и однолюб! — опять не умолчал вредный Бурятка. — Так тебе и однолюб! Женат до неё был? Был! Потаскух к себе водил? Водил! Двадцать с гаком лет на БАМе телевизор, что ли, по вечерам смотрел? А ты говоришь...

— Да это всё не то... Того... не показатель.

Ваня Адамчик чуть не обрадовался:

— Не показатель, да?

Лихута бросил в его сторону тяжеловатый взгляд.

— Жорка с его дебильным нравом на неё не то, что руки не поднял ни разу — душой за всё время пока жив был, не обозвал. И с бухлом подзавывал. На праздник, конечно, мог, но уж не до «белки». Любил. Её единственную и любил за всю жизнь.

Мужики помолчали.

— Ленка вчера к моей жене приходила. Конфет-печенья приносила, за помин души, значит. Рассказывала, что приснился ей Жорка, в хорошем костюме, и говорит: «Ты подожди меня, а я, — говорит, — дом дострою, тогда сам за тобой приду. Одна крыша, — говорит, — осталась».

— И чего? — не понял Адамчик.

— И ничего! Разливай, салабон.

Не чокаясь, допили мужики водку за упокой души далеко не праведника, и потихоньку разбрелись по домам.

ВЯЧЕСЛАВ КИЛЕСА
(г. Симферополь)

Член Союза писателей Республики Крым, Союза писателей России, Международного Союза писателей СНГ, Национального Союза писателей Украины, Союза писателей Северной Америки, Союза русскоязычных писателей Болгарии. Автор книг «Весенний снег», «Провинциальные рассказы», «Истории, рассказанные вчера», «Лестница любви», «Оглянуться, остановиться», «Сид», «Детективное агентство «Аргус», «Юлька в стране Витасофии».

В АВГУСТЕ 84-го

В три часа ночи позвонили из дежурной части РОВД, передали сигнал тревоги, и старшему участковому майору милиции Полунину пришлось, спешно надев мундир, торопиться по ночным улицам в райотдел. Жена успела приготовить чашку кофе, отчасти разогнавшего сон, но самочувствие это не улучшило: Полунин знал, чем придётся заниматься через несколько часов, — и не радовался этому занятию. Выселение лиц татарской национальности, незаконно выехавших с предписанного места жительства в Узбекистане и приобретших собственность в Крыму, происходило редко, но осадок в душе оставляло надолго. Полунин, как и многие из работников милиции, не понимал, чем помешали государству переселенцы, но служебная дисциплина обязывала держимордствовать, да и парни из КГБ тщательно контролировали эти процессы, поэтому в райотдел Полунин прибыл в отвратительном настроении. Обменявшись рукопожатиями с работниками дежурной части, прошёл в ленинскую комнату, место общих собраний и сбора по тревоге личного состава райотдела. Как Полунин и предполагал, народа в громадной ленкомнате было немного: двое девчат из инспекции по делам несовершеннолетних и три

сержанта из отдела охраны общественного порядка. Выселять предстояло одну семью из дальнего села и, зайдя в ленкомнату, заместитель начальника РОВД подполковник Устинов и начальник местного отделения КГБ Громов объяснили каждому его задачу.

В село прибыли около пяти утра, когда солнце ещё только собиралось отправиться в путешествие по небосводу. Все выселения происходили на рассвете: полуодетые, вырванные из постели люди обычно не сопротивлялись, к тому же не успевала собраться толпа сочувствующих и любопытствующих соседей.

Низенький, покосившийся от старости дом выселяемого татарина Рустема Юсупова стоял посередине небольшого, огороженного глинобитной стеной двора. Перемахнув через забор, сельский участковый Башкиров открыл изнутри ворота. Сопровождаемые лаем рвавшейся с цепи собаки, милиционеры во главе с Устиновым и Громовым быстро направилась к дому.

Вероятно, лай собаки разбудил Юсупова; распахнув входную дверь, он несколько секунд растерянно вглядывался в приближающуюся к нему толпу, потом, что-то поняв, попытался закрыть дверь, но не успел: Башкиров в ловком прыжке вставил в дверной проём свою ногу.

— Юсупов! — закричал Устинов. — Постой!

Поняв, что дверь закрыть не удастся, Юсупов с криком: «Айше! Рашид! Урие! Выселяют! Бегите к чулану!» схватил стоявшие в коридоре вилы и ринулся в глубину дома.

— Не глупите, Юсупов! — закричал ему вслед Громов. — Мы — представители власти!

Включив в полутёмном коридоре электросвет, Башкиров, Громов, Устинов и присоединившийся к ним представитель райисполкома Петренко поспешили за Юсуповым; Полунин вместе с остальными работниками милиции остался во дворе. Он знал, что сейчас происходит в доме: Петренко прочитает татарской семье решение райисполкома о выселении и потребует его безусловного исполнения. Если выселяемые откажутся подчиниться, позовут сержантов и сотрудников инспекции по делам несовершеннолетних, чтобы они с применением силы отвели членов семьи в стоявший неподалёку колхозный автобус. Потом выселяемых отвезут в Симферопольские приемники-распределители — для взрослых и несовершеннолетних, чтобы оттуда переправить с сопровождающими в Узбекистан. Туда же будут отправлены багажом уло-

женные в контейнер вещи. Дом продадут, а вырученные деньги передадут в Узбекистане Юсуповым.

Но что-то в этом налаженном распорядке сорвалось; минут через пятнадцать Петренко и Громов с растерянными лицами выскочили из дома и Громов, подойдя к Полунину, поспешно сказал:

— Идите в дом: Устинов зовет.

Пройдя коридором в большую комнату, Полунин, ориентируясь на шум голосов, свернул в левую дверь и наткнулся на Башкирова; тот стоял, ошеломленно мотая головой, и повторял:

— Чуть глаза не выколол! Вот чёрт!

Юсупов, оцетинившись вилами, словно штыком, стоял в узеньком тупичке, загораживая собой столпившихся за ним членов семьи: худенькую женщину, успевшую надеть ситцевое платье, и так и оставшихся в майке и трусиках мальчика лет девяти и девочки чуть постарше.

«Возраст — как у моих детей, — резануло по мыслям Полунина. — А маечки и трусики новые, недавно из магазина — жена на прошлой неделе такие же моей детворе покупала».

— Иван Михайлович! — позвал Устинов и кивнул головой на Юсупова. — Поговорите с ним. Вы, в конце концов, участковыми командуете! Чуть Башкирова не убил. Не стрелять же, в самом деле!

Да, в ситуациях, связанных с политикой, скандалы не нужны, — это Полунин понимал прекрасно, как и то, почему сбежали из дома Громов и Петренко, а Устинов, хотя и дружил с Полуниным и даже крестил его сына, сейчас пытается переложить ответственность на Полунинские плечи.. Наград здесь не добудешь, а без погон остаться можно.

Подойдя поближе, Полунин ощутил идущий от татарской семьи терпкий запах страха и ненависти. Коренастый, широкоплечий, одетый в длинные, вылинявшие трусы, Юсупов стоял, цепко держась за вилы и настороженно следя глазами за милиционерами; по бугристым мышцам его обнаженного туловища тёк пот.

— Это решение Советской власти, Рустем Алиевич! — мягко сказал Полунин. — Вы ничего не добьётесь, оказывая сопротивление. А если кого-то раните, то сядете в тюрьму и семья окажется без кормильца.

— Я не сдамся, — яростно ответил Юсупов. — Пусть лучше мой труп здесь останется. Все-таки в Крыму умру.

— Но вы не можете стоять так сутками. Подумайте о детях!

— О них и думаю. Это их родина! И здесь нас не так мало: через несколько часов, когда узнают, все соберутся.

Юсупов был прав: непонятно как, но татары быстро узнавали о выселениях и съезжались от мала до велика, и тогда втихую эту акцию провести не удавалось. Хорошо ещё, что в Крыму не были ангажированы иностранные корреспонденты.

— Рустем Алиевич, мы ведь можем применить слезоточивый газ. Давайте решать все по мирному.

Применить спецсредство никто бы не разрешил, но Юсупов об этом не знал: поразмышляв с минуту, он сказал:

— Мы поедem в Симферополь, если вы отдадите мне решение райисполкома о нашем выселении.

Полунин посмотрел на стоявшего молча Устинова: тот задумался и сказал:

— Надо посоветоваться!

И, кивнув головой Полунину, направился к выходу.

Выселяя вернувшихся в Крым татар, руководство СССР отрицала это на официальном уровне, объясняя западной прессе подобную информацию клеветой и происками врагов. Без решения исполнительной власти о выселении обойтись было нельзя, — только на этом основании действия правоохранительных органов оказывались законными, — но документы об этом шли под грифом «секретно» и считались служебной тайной.

— Вы что, с ума сошли! — возмутился Громов, услышав предложение Устинова передать государственный документ Юсупову. — Да если это решение окажется за границей и будет опубликовано, то тюрьма нам обеспечена.

— Дальше Симферополя этот документ не попадёт: в приёмнике-распределителе Юсупова и остальных татар обыщем и решение заберём. А если успеют его уничтожить, то соберём остатки и составим акт, что Юсупов выхватил бумагу из рук Петренко и разорвал на кусочки.

— Черт знает что! — проворчал Громов, задумываясь. — А другого выхода нет?

— Только если прострелить Юсупову руки, — или дать ему возможность убить кого-либо из сотрудников. Представляете, какой шум подымится?!

— В общем, так! — решил Громов. — Возьмите решение райисполкома и ищите выход из ситуации сами: это дело все-таки вам поручено. А я и Петренко в машине посидим.

— Сволочи! — подождав, пока Громов и Петренко отойдут подальше, пробормотал Устинов. — Привыкли чужими руками жар загребать!

И, повернувшись к Полунину, сказал:

— Вот что, Иван Михайлович: вот тебе решение райисполкома и бери ответственность на себя. Если что случится, я прикрою. А пока к Громову и Петренко пойду, производственное совещание устраивать. Проявляй инициативу: другого выхода нет. Только о том, что я предложил, никому ни слова. Ясно!?

— Да, Сергей Яковлевич! — вздохнул Полунин.

Взяв одной рукой решение райисполкома о выселении, Юсупов тщательно осмотрел печать и подписи и, убедившись в их подлинности, отставил в сторону вилы и кивнул семье:

— Собирайтесь! Документы, деньги: чтоб ничего не забыли.

Женщина и девочка быстро побежали по комнатам, а мальчик ещё постоял, с ненавистью разглядывая Полунина и словно стараясь на всю жизнь запомнить, затем поспешил вслед за отцом.

Приказав Башкирову и одному из сержантов присматривать за Юсуповым и документом в его руках, Полунин вышел во двор и велел грузчикам загружать мебель и вещи в контейнер. Увидев привычную суматоху, Устинов вылез из машины, оставив там Громова и Петренко, и включился в процесс руководства. Полунина он ни о чём не спросил и постарался не заметить, как Юсупов, засовывая в карман рубашки документ о выселении, идёт с семьёй к автобусу. По требованию Юсупова, мальчик в сопровождении сержанта отвёл собаку соседям; опустевший дом заперли и передали ключ председателю сельсовета. Через полчаса операция закончилась, и её участники разъехались: Устинов, Громов и Петренко в райотдел, а Полунин, сержанты и инспектора инспекции по делам несовершеннолетних, сопровождая Юсуповых, отправились на автобусе в Симферополь.

Выбравшееся из-за горизонта солнце рассыпалось брызгами света по долинам и взгорьям, благословляя просыпающуюся жизнь на новый день. Подставив лицо мягким солнечным ладоням, Полунин рассматривал мелькающий за автобусными окнами пейзаж и думал о том, что выселение, к счастью, закончилось без скандала, а когда заберут у Юсупова

документ, можно поставить на этой истории крест и обязательно наметнуть Устинову о денежной премии.

Татарская семья сидела отдельно: мать с детьми на заднем сиденье, а отец поближе к выходу, неподалеку от сержантов и девчат из инспекции. Иногда он вставал и, перебирая руками спинки сидений — автобус при движении сильно покачивало, — подходил к матери и что-то говорил на татарском языке. Дремавших работников милиции это беспокоило: приподняв головы, они настороженно следили за Юсуповым, успокаиваясь только тогда, когда он возвращался на место.

В Симферополе вначале заехали в приемник-распределитель для несовершеннолетних: держа за руки детей, девушки из инспекции быстро провели их к дежурному. Полунин пошёл вместе с ними. По его указанию детей тщательно обыскали: вдруг Юсупов им решение передал! Убедившись, что до этой хитрости Юсупов не додумался, Полунин вернулся в автобус и велел ехать дальше.

Юсуповы — отец и мать — сидели на задних сиденьях, и молчали. Полунин хотел сказать им, что о детях беспокоиться не нужно, всё будет нормально, но, обжёгшись о ненавидящий взгляд матери, вздохнул и, повернувшись к водителю, велел ехать дальше.

В приёмнике-распределителе их ждали; дежурный быстро открыл входную дверь и сержанты отконвоировали татар в комнату для задержанных. Когда дежурный потребовал у татар выложить все имеющиеся с собой вещи на стол, Полунин ожидал скандала, но, к его удивлению, Юсупов и его жена беспрекословно начали выкладывать из карманов документы, деньги, носовые платки, расчески и прочую мелочь. Решения райисполкома среди выложенных на стол предметов не было.

— Обыщите их! — приказал Полунин с холодеющим сердцем.

Юсуповых развели по разным комнатам: пока сержанты занимались Юсуповым, вызванные дежурным женщины обыскали его жену.

— Ничего не обнаружено! — доложили они по очереди Полунину.

Ситуация складывалась непонятная и угрожающая.

— Ещё раз обыщите! — нервно сказал Полунин. — Разденьте их, перекупайте одежду! А вы, Остапчук, осмотрите автобус: может, он куда-нибудь там документ сунул.

Когда подчиненные вновь доложили о том, что документ не найден, Полунин почувствовал, как закололо в сердце.

— Рустем Алиевич! — стараясь говорить спокойно, обратился он к Юсупову. — Где решение райисполкома?

— Какое решение? — насмешливо переспросил Юсупов.

— О вашем выселении. Я вам его в руки давал.

— Не знаю ничего. Может, и было, но потерялось.

Полунин посмотрел на торжествующее лицо Юсупова и понял, что мольба не поможет: документ кому-то передан или спрятан так, что найти невозможно. Государство сделало его и Юсупова беспощадными врагами, стоящими друг против друга насмерть. Он, Полунин, вместе с другими представителями власти растоптал утром по велению государства частную жизнь семьи Юсуповых; сейчас Юсупов с помощью того же государства бросает под откос судьбу Полунина.

— Ладно, пора возвращаться, — отвернувшись от Юсупова, произнёс Полунин и велел дежурному:

— Подготовьте для меня копию описи забранных у них предметов.

Когда ехали в автобусе, Полунин то и дело ловил на себе сочувственные взгляды коллег: все понимали, в какую неприятную ситуацию он попал, и не удивились, когда на перекрестке Полунин приказал водителю свернуть в сторону знакомого села. Найдя председателя сельского совета, открыли Юсуповский дом, где тщательно и безрезультатно осмотрели все пригодные для тайников места.

Приехав в райотдел, Полунин отпустил всех отдыхать, а сам поднялся на второй этаж к Устинову.

— Что случилось? — увидев расстроенное лицо Полунина, встревожено спросил Устинов.

— Решение райисполкома пропало, Сергей Яковлевич!

— Рассказывай! — потребовал Устинов и, выслушав рассказ Полунина, витиевато выругался:

— Наделал ты делов, Иван Михайлович! Дернул же тебя чёрт решение отдать!

— Вы же знаете... — начал Полунин, но Устинов, перебив его, потребовал:

— Пиши объяснительную записку на имя начальника милиции. Вечером он приедет из управления, я всё ему доложу. Тебе положен отдых: напишешь и пойдёшь домой, а я буду отбиваться! Думаю, всё обойдётся!

Несколько успокоенный заявлением подполковника, Полунин написал объяснительную, отдал её Устинову и отправился домой. Жена была на работе; прикрикнув на радующуюся летним каникулам детвору, Полунин попытался заснуть, но вместо сна толкались мысли о перипетиях выселения, о пропавшем документе, о грядущих неприятностях. Промаявшись без толку в кровати, уселся перед телевизором, поиграл с детьми, исповедаясь перед пришедшей с работы женой, которой за долгие годы супружества привык доверять во всём, а следующим утром отправился в райотдел.

— Вас полковник Черных ждёт, — крикнул дежурный, едва Полунин переступил порог.

— Вызывали, Пётр Сергеевич?! — зайдя в кабинет к начальнику милиции, угрюмо спросил Полунин.

— Да, майор, — с громадной головой и широкими плечами развалившийся в кресле начальник милиции был похож на разбуженного в берлоге медведя. — Я тут с Громовым вечером пообщался и у нас интересная мысль появилась: тебя случайно не ЦРУ к нам забросило?

— Не понял, товарищ полковник! — Полунина бросило в жар.

— А что тут понимать?! Ты передал врагу через татарина-выселенца секретный государственный документ: что на это скажешь?

— Но ведь — Полунин вытер со лба пот. — Не было другого выхода, все подтвердят. И я не один такое решение принял, спросите Устинова.

— Ошибаешься, майор! — встав с кресла, Черных опёрся руками о стол и грозно посмотрел на Полунина. — В папке собраны объяснительные от участвовавших в операции, в том числе от Устинова и Громова: они только вчера вечером узнали, что решение райисполкома о выселении ты самовольно передал Юсупову. Что скажешь?

— Это неправда! — Полунин понял, что в сложившейся ситуации им решили пожертвовать. — А можно Устинова вызвать, он обещал...

— Устинов взял вчера положенный ему по закону отпуск и отбыл к родителям в Житомир, так что на него тебе свалить ничего не удастся, — начальник милиции грузно опустился в кресло. — Но, поскольку я тебя не первый год знаю, то, так и быть, даю срок до завтра. Если не вернёшь документ, возбуждаем уголовное дело. Можешь идти, только пистолет мне отдай, а то ещё застрелишься, чтоб от ответственности уйти!

Вытащив из кобуры пистолет, Полунин положил его на стол и молча вышел из кабинета. Спустился по ступенькам вниз и, отмахнув-

шись от вопросов дежурного, покинул райотдел. Придя домой, взял в холодильнике бутылку водки, налил стакан и, не закусывая, отправил его содержимое в рот. Почувствовав, как отпустило сдавившее его напряжение, сел за стол и стал думать.

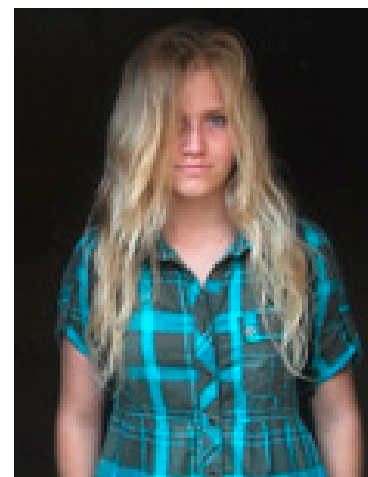
За помощью обращаться некуда, это понятно. Там, где замешана политика, нормальные человеческие отношения отсутствуют. Поэтому нужно или готовиться к тюрьме, или отыскать проклятую бумажку.

Закрыв глаза, Полунин постарался во всех подробностях припомнить, как шёл Юсупов к автобусу, засовывая решение райисполкома в карман. Подменить документ другой бумагой он не мог: Полунин успел заметить мелькнувшую печать и подпись председателя райисполкома. Что случилось с бумагой дальше? Кому-то передана? Члены семьи обысканы, а за сотрудников милиции Полунин ручался. Окна в автобусе были закрыты, никто бумагу выбросить не мог. Автобус осмотрели дважды: сержант Остапчук, позже — лично Полунин.

Почувствовав, как его бросило в жар, Иван Михайлович наполнил стакан водкой... и отставил стакан в сторону: пьяным уж точно ни до чего не додумаешься! Взял опись предметов, изъятых в приемнике-распределителе у Юсуповых. Документы, кошелек, деньги, носовой платок, расческа... А вот это интересно: у гражданки Айше Юсуповой изъят перочинный нож. Как-то непривычно, чтобы женщины с ножами ходили, пусть и перочинными. Разве что...

Вскочив на ноги, Полунин позвонил приятелю, купившему недавно «Жигули», и через полчаса мчался по знакомому маршруту. В селе быстро отыскал колхозный гараж и, убедившись, что автобус, отвозивший их в Симферополь, на месте, занялся тщательным изучением сиденья, облюбованного во время поездки Юсуповым. Сделанный у самого основания сиденья разрез нашел не сразу — и подивился хитрости Юсупова, сумевшего незаметно для всех вырезать тайник для документа и ловко передать ножик жене.

Спрятав найденный документ в карман, Полунин вернулся к машине. Он шёл, опустив голову, и пытался понять, почему отсутствует у него чувство радости — ведь через час ему вернут пистолет и жизнь вернётся в нормальное русло, — и позже, по дороге в райотдел, он продолжал мучиться досадой и сомнением, так и не догадавшись, что не бывает счастливых окончаний у печальных историй.

ВАЛЕРИЯ КРЕМЛЁВА
(г. Керчь)

Кремлёва Валерия Васильевна, 16 лет. МБОУ г. Керчь РК «Школа № 23», 11 класс. Керченская молодежная литературная студия «Депо Пегаса».

МИНИАТЮРЫ

АНТАГОНИСТКА

Ходит в школу, в «Художку», как положено барышням её возраста. Ходит на дополнительные занятия по физике, в литературную студию и к репетитору. Ходит кругом, везде её слышат, везде её видят и...

И при этом мало кто догадывается, что в нашей с вами реальности её нет и в помине.

ЦВЕТ ПУСТОТЫ

Ранее я не присматривалась к этой уютной, грязной шторе, которая уже не первый десяток лет волнится по полу, подчеркивая своё богатство лишними дециметрами бахромы. Но сейчас же, более всего меня привлекает запотевшее зеркало, хитро наблюдающее за происходящим вне его прямоугольника.

Я никогда не доверяла зеркалам. В них пронзительная пустота, подчеркивающая наше тленное одиночество, доведённое до дна

хрупких человеческих душ и высмеивающее телесную недолговечность. Ты умрёшь, а оно останется. Зеркало. Останется следить за меняющимися стенами комнат, внутренними гранями свежих или гниющих коробок и ящиков. Антиквариат, застрявший в киселе времени среди себе подобных.

Вы верите в сверхъестественное? В суеверия, магию?

Я — нет! Я верю в себя, и строю ничуть не волшебные замки, а реалистичные горы, сшитые паяльником из кусочков личного жизненного опыта. Но сегодняшний мой настрой приглушает, столь пафосно описанную, шкурку моего мировоззрения.

Целый день я не могла смириться с мыслями и сейчас... я стою перед моим двойником в зеркале и протягиваю свои тонкие пальцы, жаждущие поймать собственное отражение. Вот, сейчас произойдёт единение двух незаконченных воплощений. Сейчас мою теплую ладонь обдаст холод отражающего стекла.

Но...

Тут мной овладел внезапный страх!

Пальцы прошли насквозь...

Сердце в ожидании новой реальности стало биться всё быстрее...

Что есть параллельная нашему миру Вселенная? Слову «есть» — антоним «нет». День — ночь. Свет — тьма. Не пустота ли ждёт меня в том безжизненном, несуществующем мире?..

Да, как я и думала: бесконечное белое пространство и зеркало, висящее в воздухе за моей спиной.

Почему пустота белая? Почему я не растворилась? Пустота ведь невидима для человеческого глаза, а соответственно Я не существую для Пустоты. Может, это реальность, сотворённая моей расслабленной головой, и только?

Прильнув щекой к обратной стороне этой продуманной приманки, я вновь увидела обшарпанные тёмные стены, сломанные часы и недопитый чай. Мне ничто не угрожает, я спокойно могу исследовать зазеркальное пространство, веруя, что мои догадки о новой безжизненной планете сведутся к нулю.

На секунду мне даже подумалось, что моя прежняя жизнь и сам мир, из которого я пришла, ничуть не насыщеннее этих прекрасных невидимых стен.

Шаг... шаг... ещё один шаг... И я уже в ста шагах от Той, оставленной мною, Реальности.

Зеркала уже почти не видно, да и мои конечности начали исчезать. Пора возвращаться.

Несмотря на моё приближение к нему, зеркальное пространство не насыщалось изначально присущими ему цветами, оставалось таким же бледным, каким я его видела издалека, а значит...

Мне не вернуться назад, задняя стенка зеркала стала мягкой, как резина. Мои руки пронизывают иглы, когда я прикладываю силу, чтобы пройти обратно.

Развернувшись, я последовала в бесконечный поток печали и безразличия. Моя голова всё слабеет; больше я не наблюдаю за частями тела, которых давно перестала чувствовать. И с последними силами из моих пересохших губ доносится хриплый шепот: «Пожалуй, растворюсь...»

«ГИПОФИГ»

(опыт по проф. Преображенскому)

Пролог:

*Собака спит давно на рельсах,
Не слышит рёва паровоза,
Скребёт по шпалам, тяжело дышит,
Собаку жизнь пинает словно.*

*Надежды нет, хоть силы вдоволь.
Упомяну одну загвоздку:
Вчера меняли ей гипофиз,
Вчера гуляла человеком.*

*А поезд едет всё быстрее,
Не видит бедную собаку!
Ему ведь не дано заметить,
Ему плевать на жизнь собачью!*

*Сейчас решится жизнь зверюги,
Услышим мы последний выдох,
И всё, никто её не вспомнит.
Где бродит врач Преображенский?!*

Кажется, весь мир сделал вдох и затаил дыхание.

Тёмно-зелёная трава не колыхнется, листья с деревьев не опадают.

Нет даже лёгкого ветерка. В ушах медленно стучит метроном.

Этот мёртвый прибор подражает биению сердца. Биению времени.

Обратный отсчёт начался.

Тишина. Природа не спит, она наблюдает. В просвете лесной тропинки плетётся собака с перевязанной головой, еле дышит. Солнечные лучи пронизывают кроны деревьев, кусты, богатые листвой, и его уставшую душу. Но нет, пёс не чувствует их ласки. Необъятная грусть и равнодушие впились репейниками в его худые ноги и обваренный, незаживший бок.

Будь это только начало леса, я ещё долго описывала бы сочетание внешности пса, его походки и молчания застывших деревьев, но...

Вот уже древесную пору сменили высохшие жёлтые стебельки сухой степной травы. Внезапно исчезла тропинка, и морда собаки вступила в тихий конфликт с полевыми детьми и стариками. Бесшумные шаги перешли в неловкие попытки встать на задние лапы. Увы, безуспешно. До лесных ушей донеслись звонкие всхлипывания, похожие на плач. Это был голос недочеловека. Его мысли были смешаны, как тысяча пронумерованных цветных шариков, мелькающих в большом лотерейном барабане. Пёс ковылял в сторону железной дороги.

Шёл и бурчал:

«Я — настольная игра на больничной койке. Уличная коробка — мой кукольный домик. Чёрт поberi этого профессора!.. Не так давно мне подарили «новую аппетитную косточку» — чужое мышление, чужую жизнь — чужой гипофиз... Тогда я начал жить. Жил, жил, жил и никому не мешал... было бы из-за чего им злиться! Подумаешь... Потом взяли и забрали моё. Уже полностью моё человеческое сознание! А позже приютили, как грязную собачонку! А я кто!? Имею статус и должность в службе по отлову котов — гражданин Шариков Полиграф Полиграфович! И как они посмели... Глупцы. Такой ум погубили! Позже всё осознают и ещё жалеть будут, что выбросили на свалку едва огранённый алмаз.

Что же, пора погибнуть в этой собачьей шубе от душевной слабости и жажды мести, а не в человеческой коже и от сытой старости. Пускай Преображенский хоть немножко пострадает. Он же такой добряк... будто бы. Интересно, где его сейчас носит?..

А всё-таки, сердце скребет облезлая кошка. Жить надоело. Вон! Скачет мой избавитель, мой железный всадник из ада!»

С этой мыслью Полиграф Полиграфович осторожно лёг на рельсы, как ребёнок в кровать в ожидании маминого поцелуя и стал ждать своей участи.

Виднеется поезд. В поезде грязный мужчина орёт весёлые песни. Их также не слышно. Слышен только метроном. Он выстукивает свой стальной приговор, но за тридцать метров до Шариковского тела природа словно ожила. Она выдохнула на поезд весь скопившийся ужас, застывший от такого страшного поворота событий; проснулась как после долгой комы, мол: «Остановись! Стой!»

Ветер засвистел и поднял языки пыли в воздух, смешав листву, песок и мелкие камешки. Трава зашелестела, заскрипели деревья...

Вы чувствуете? Чувствуете прохладу, сдувающую солнце?! Дух природы кричит.

Но, увы...

Раб железной дороги был слеп... Слеп душой. Одержим чем-то гнилым, дряблым, тёмным. Причём уже давно. Будто зарос плесенью и покрылся ржавчиной, как заброшенная машина.

По ожившей местности разнёсся короткий гудок, который преобразился в глухой ультразвук и ещё полминуты облетал земной шар, усаживая мир в кресла беспричинного уныния.

Всё...

Всё, нет больше ни собаки, ни ветра, ни поезда. Лишь дорога, идущая вдаль и слепящие солнечные лучи.

Эпилог:

*Собака спит давно на рельсах,
Не слышит рёва паровоза,
И что тянуть, — совсем не дышит.
Собаку жизнь пинала столько.*

АЛЕКСАНДР ЛОМТЕВ
(г. Саров Нижегородской области)

Писатель, журналист, путешественник; родился в 1956 году в с. Суворово Нижегородской области. Живет в г. Саров (бывший Арзамас-16). Член Союза писателей России, заместитель председателя правления Нижегородской областной организации Союза писателей России. Член Союза журналистов России. Автор книг «Путешествие с ангелом», «Ундервуд», «Пепел памяти», «Шёпот неба», «Лента Мёбиуса», «Финский дом», «Ичкериада», «Не бойся», «Однажды я не умер» и других.

Лауреат премии СП России «Имперская культура» (2006), премии им. А. Куприна (2015), финалист Бунинской премии 2008 года в номинации «Открытие года»; журналистских творческих премий «Патриот России», «Золотой гонг», «Серебряное перо» и т. д. Публиковался в журналах «Север», «Нева», «Сибирские огни», «Волга», «Южная звезда», «Берега» и др. Директор Информационного агентства «Саров», газеты «Саровская пустынь». Как журналист специализировался на «горячих точках» — Чечня, Косово, Южная Осетия, Приднестровье, Малороссия и т. д..

С ВОЙНЫ

Что это было, Бурят так и не понял. То ли пуля из крупнокалиберного, то ли осколок. Факт тот, что голова разлетелась, как арбуз. Однажды на пикнике он выстрелил в арбуз картечью из «Сайги», и тот разлетелся вдребезги. Вот так же разлетелась голова Командира. Бурят несколько секунд безмысленно смотрел, как по его комбинезону стекает

медленная кровь вперемешку с мозгами Командира, но тут по броне снова ударило, и он очнулся.

Водитель застывшими глазами смотрел на тело Командира и не двигался. Буряту пришлось отвесить пару оплеух, чтобы тот пришёл в себя и отвернулся к рычагам.

Дальше всё было обычно. Их танк шнырял по переулкам, выцеливая БТРы или скопления противника, они в кого-то попадали, попадали и в них, но танк не загорался, и робоин не было...

Хоронить Командира увезли в Россию, он был не из ополченцев, а из добровольцев.

Командира не стало, и ничего не изменилось — они теснили нацгвардию, нацгвардия теснила их. Иногда удавалось посмотреть телевизор; там то же самое: ополченцы Луганской народной республики разбили колонну украинской техники, уничтожено три БТРа. Кто-нибудь поправлял: пять!

И только дня через три или четыре Бурят догадался, что совсем не спит. Это было даже удобно — спать было некогда, техники не хватало, а из рации то и дело несло: «Укропы со стороны Краснодона! Поддержите огнём!» И нужно было лететь на другой конец Луганска, чтобы заткнуть очередную брешь. Но потом он вдруг стал засыпать на ходу. Это было уже хуже. Однажды он заснул прямо среди боя, и водитель едва растолкал его.

После этого его отправили домой. Его посадили на пробитую пулями и осколками «ГАЗель», и та покатила «задами» и «огородами» к российской границе.

Бурят трясся на жёсткой скамейке, по привычке высматривал в зелёнке укропов и думал, думал, думал, как он будет жить дальше.

КОГДА НЕЧЕГО ТЕРЯТЬ

Я был молодым, здоровым и весёлым. Я только что сбежал от полиции Франции, которая невзлюбила меня за участие в студенческих волнениях, а во Францию я сбежал из Югославии, где коммунисты невзлюбили меня за то, что мне довелось родиться в зажиточной семье. Но я был молод, здоров и весел, у меня была девушка и вся жизнь впереди. Здесь,

в Германии, я учился в университете, жил в бедном студенческом кампусе и дружил со старым профессором. Иногда вечерами мы сидели за кружкой пива, и профессор учил меня жизни. Однажды мы рассуждали о природе страха, и он рассказал мне:

— Было это то ли в сорок втором, то ли в сорок третьем году. В университете проходило какое-то торжественное собрание. После речей учёных, на трибуну взошёл высокопоставленный фашистский функционер и начал, явно играя под фюрера, выкрикивать патриотическую речь. Все уже поняли, что с Гитлером вышла промашка и война аукнется немцам большим горем. Все смотрели на плотного сытого и румяного фашиста, и всем было противно...

И тут один молодой немецкий преподаватель встал и демонстративно пошёл к выходу. Все считали его опустившимся человеком, он сильно пил и на кафедре его держали из жалости, как ветерана, лишившегося ног. И тут в зале встал ещё один инвалид и тоже пошёл к выходу, следом ещё и ещё. Докладчик замолчал.

И в гулкой тишине зала все сидели и слушали, как они уходят, скрипя и стуча протезами: «хрр-туп, хрр-туп, хрр-туп»... И фашист стоял на трибуне весь потный и красный и понимал, что сделать ничего нельзя. В чём их обвинишь? Они уже отдали за Германию свою молодость и своё здоровье. И им было, в общем-то, нечего терять кроме жизни. А когда человеку нечего терять, то и жизнь ему кажется уже не столь ценной....

Прошло уже очень много лет, я сам стал старше того профессора, а рассказанную им историю помню до сих пор. Не знаю, чему она меня научила. Но чему-то научила, уж это точно...

ВРЕМЯ СУДЬБЫ

Крым. Гора Клементьева. Ночь. Палатка. Из парашютного бара неподалёку доносится весёлая музыка. Мы с Васей лежим в палатке, уставившись через откинутый полог на густые южные звезды. Вася вздохнул:

— Сон не идёт, может в бар сходить, пиво выпить?

— Пуркуа бы и не па? — откликнулся я.

— Да лень вставать.

— Ну, так не ходи.

— Дак, пиво-то хочется.

— Ну, так иди.

— Потом всю ночь в туалет не набегаешься...

— Ну, так не ходи.

— И лежать с выпученными глазами неохота.

— Ну, так иди.

— Лень что-то.

— Ну, так не ходи.

Вася поворочался, повздыхал и поднялся.

— Чего без пользы валяться, пойду всё-таки.

Вернулся он через час совершенно пьяный. Попытался войти в палатку, не сгибаясь, потом долго не мог раздеться, утверждая, что никак не может снять кроссовку с третьей ноги, потом начал подробно рассказывать, как пиво к его приходу неожиданно кончилось и, — ничего не поделаешь! — пришлось пить коньяк. Потом мы принялись смеяться; смеялись, смеялись и уснули далеко за полночь...

Где-то не так уж и далеко спал той звёздной ночью украинский офицер, который утром на учебных стрельбах ПВО нажмёт кнопку «пуск» и запустит ракету С-200 «земля-воздух». Вася в кампании пилотов будет летать на парашюте в Тихой бухте на высоте метров триста над береговыми склонами, когда С-200 сверкающей сигарой со страшным ревом пронесётся совсем рядом с его парашютом, напугав до полусмерти. А через несколько минут она ударит в пассажирский авиалайнер рейса «Новосибирск — Тель-Авив» и сожжёт его, погубив 78 мужчин, женщин и детей...

Крым. Гора Клементьева. Ночь. В парашютном баре умолкла музыка, и погасли огни. Даже цикады примолкли. Густые южные звёзды плывут над Коктебелем, над Карадагом, над сонным прибоем Тихой бухты. Похрапывает в тёмной палатке Вася. А время бесшумно и неустанно идёт и идёт, ведя каждого навстречу его судьбе...

**АСИНЕ
МЕДЖИТОВА**
(г. Евпатория)

Родилась 9 ноября 2000 года в прибрежном городе Евпатория. Учится в 10 классе физико-математической школы. Дополнительное образование получает в Литературной студии имени писателя Бориса Балтера МБОУ «Гимназия им. И. Сельвинского». За три года обучения в литературной студии успела стать дважды стипендиатом городского головы, стипендиатом Верховного Совета Республики Крым в области литературного творчества; действительным членом Малой академии наук «Искатель» по направлению «Литературное творчество»; многократным победителем Республиканских и Международных литературных конкурсов: победитель III и IV Республиканского молодёжного литературного фестиваля «Прошу слова» в номинации «Триумф короткого сюжета»; Лауреат IV Республиканского литературного семинара молодых авторов Крыма; Лауреат II Международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллектуальный сезон» 2016 в номинации «Малая проза»; Лауреат VII Республиканского литературного семинара молодых авторов Крыма в номинации «Поэзия».

МИНИАТЮРЫ

ИСКУШЕНИЕ

Сарасвати сидит на скалистом обрыве близ крутых берегов Ганга. Её смоляные косы, едва скрытые полупрозрачным сари, тугими жгутами падают до земли.

У Сарасвати в руках три белых лилии, привезённые из дальних заморских стран.

У Сарасвати в руках три белых лилии.

Одну лилию она дарует Гангу: «Наполни свои воды памятью о могучей реке Сарасвати. Пой её имя от истока в леднике Ганготри до дельты».

Цветок падает в воды священной реки, и Сарасвати кажется, что воды говорят: «Да».

Вторую лилию она отдаёт Ваю.

Он — ветер.

Ваю носится по мирам, сидя верхом на длинноногом олене, знает её возлюбленную Индию — и Ваю мудр.

И Ваю свободен.

Поэтому Сарасвати улыбается взглядом жгучих угольных глаз и кладёт в руку ветра цветок белоснежной лилии: «Прошепчи моё имя над водами Ганга».

И Сарасвати кажется, что он говорит: «Да».

Третью лилию она отдает Кхадри.

Кхадри — гибкий и быстрый, как лань, юноша из Кшанна, крохотной деревушки на берегу Ганга.

Кхадри улыбается своей привычной, чуть грустной улыбкой.

У Сарасвати замирает сердце.

Белая лилия осыпается в руках пылью.

Она понимает.

Кхадри улыбается и говорит: «Нет».

ТРИ ФУНТА ВИШЕН

У неё — платья в цветочек и ленты в русых косах, искристый смех и чья-то любовь, три фунта вишен в плетёной корзине и солнце, спрятанное в груди.

У меня три пенса в кармане, дырявый плащ и дырявая грудь.

Что я смогу ей дать?

Ей бы солнце в глаза, слепящее по утрам, вишнёвые кексы и лимонад на завтрак, цветочные платья и детский смех. Ей бы сиять, как солнце, в объятиях крепких, и ей бы жить, как в сказках детских.

Что я смогу ей дать?

Мрачный дом без капли света, сухую жизнь и сухую смерть.

Но она смеется, и солнце пылает в ее груди: «Эй, милый мой. Я с тобой, смотри».

ДЖЕФРИ

Джефри семь, и Джефри больна раком.

По вечерам ей сдавливает сердце, немеют пальцы и болит голова.

Джефри всего лишь семь.

Она умирает.

У Джефри над головой часы.

Ярко-красные, совсем не похожие на стерильно-белые стены её палаты, огромные, как круги под её глазами, и точные, как запись в её медицинской книжке.

«Рак. Безнадёжна».

Над её головой часы.

Их не видят ни мама, ни папа, ни врач — только братишка Джонни.

Именно Джонни показал ей часики.

Раньше Джефри их не замечала.

«Тик-так» — они идут не вперед, а назад.

Когда стрелочки остановятся, Джефри полетит на небо и будет прыгать на облаках, как на батуте в Центральном парке.

Джонни четыре. Он плакал, когда говорил ей о часиках.

Тик-так, они отмеряют ей время.

Джефри сливается по цвету со стерильно-белой больничной стеной. Джефри семь, и Джефри никогда не плачет.

Вместо неё ночами рыдает мать.

Джефри семь. Джефри больна раком. Джефри готовится умереть и не боится.

Когда к ней однажды пришёл Джонни, он подарил ей своего любимого мишку Теда.

Тогда — и только тогда Джефри почувствовала, что вот-вот заплачет.

Но Джефри не плачет.

Джефри пообещала маме, что будет большой девочкой, и Джефри — Джефри, она большая в свои неполные восемь лет.

Джефри семь. Джефри больна раком. Джефри не плачет.

Когда в палате рядом с ней сидит лишь Джонни, ярко-алые часики над её головой заканчивают свой отсчет.

НИНА ПЛАКСИНА
(г. Щёлкино)

Плаксына Нина Викторовна Родина — Казахстан, село Загаринка Кустанайской области. По окончании Краснодарского пединститута, более сорока лет, преподавала русский язык и литературу. Член Межнационального Союза писателей Крыма (2001), Союза писателей Республики Крым (2014), Российского союза писателей (2014). Издала десять авторских книг, составитель восьми коллективных сборников. Многие произведения вошли в сборники и альманахи крымских и московских изданий. Лауреат Пушкинской премии. Лауреат II Международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон-2016»

РОДЬКА

Проведение туристических походов с целью изучения родного края, решено было сделать традицией с первого года работы школы, точнее, со дня её открытия. Затевалась соревновательная игра, в ней ощущалось что-то гайдаровское, таинственное, настоящее. Заранее составляли маршрутные карты, наносили точки остановок, места ночёвок и встреч с интересными людьми, продумывали темы поездок.

Когда что-то проводишь первый раз, всегда чувствуешь неуверенность и напряжённость. Ольга Игнатьевна впервые получила классное руководство. Класс не такой уж и «взрослый» — восьмой, но в нём учился Родька. Куда ни глянешь, везде натыкаешься взглядом на его лицо, словно невидимый прожектор специально выхватывал из группы зубастый рот, бессовестные глаза, большие, светло-карие, подтянутые за внешние уголки к вискам. Кроме рюкзака, который испускал медовый запах, у Родьки пружинил изрядный груз озорства и неуёмной энергии, а слов было такое количество, что рот закрывать ему вообще нельзя:

взрывоопасно. Вот он и тарыхтит то об очередной бухте, то о скалах «Бараньи лбы», при этом вертится во все стороны сразу. Вдруг притих и дурашливо засерьёзничал:

— А вот и хозяйка нас встречает. Спокойненько, она только что пообедала, ей не до нас. Это желтобрюх — безногая ящерица. Их тут полно. И бухта так называется — Змеиная.

Говоря это, мальчишка растопырил руки, загораживая путь к «героине». «Хозяйка» же соскользнула с обрыва и мгновенно скрылась в расщелине.

— Я раз рыбачил, — сыпалось из зубастого рта, — вижу у камня под водой огромную жабу, во-о-от такого бычка. — Это он добавил для Ольги Игнатьевны, поясняя слово «жабу». — Подплываю ближе, а змея тут как тут. Опередила меня. Не отбирать же мне — отплыл.

В ответ послышалось подтрунивание, иронические реплики, дескать, это из серии рыбацких рассказов. И вообще, это был водяной уж, а змей здесь нет. А перед остановившимися экскурсантами плескалось синее-синее море, берег ажурно изрезан бухточками, скалы живописно выпирали из воды и возвышались над ней. Хотелось смотреть, слушать небылицы и ждать какого-то чуда. А чудо шло рядом и нахальной улыбкой затмевало всех. Казалось, весь туристический отряд — приложение ему, Родьке. Ветер тербил выгоревшие пряди на бесшабашной голове, в которой, как пить дать, приготовлен план, как устроить «весёлую жизнь».

— Давайте здесь разобьём палатки, — послышался голосок «поварихи» Светланки. — Место удобное, хворост недалеко собирать.

Ольга Игнатьевна сразу увидела, что для многих ребят это привычное дело, каждый выполнял своё, только Родька был везде. Он то нырял в палатку, то вертелся у места для костра, то сбегал к морю и что-то твердил о крючках и леске. А ночь была такой взбалмошной, что лучше бы было отработать две недели, в две смены и без выходных. Наконец, долгожданная тишина. Учительница едва закрыла глаза, а уже утро. Вопль снаружи выдернул её из тёплых объятий дрёмы. Выбежала из палатки! У входа мальчик зубами развязывает затянутую узлом штанину, а из глаз — злые искры. Светланка оказалась привязанной косой к распорке палатки. За «сюрпризы» в адрес Родьки гремели громы и сверкали молнии. Учительница рванулась найти этого сорванца и... Ноги прикипели к земле: у пылающего костра стоял Родька, дул в ложку, а навстречу плыл вкусный запах ухи.

— Вы соль несёте? — громко спросил Родька, видя бегущих к нему ребят и, яко бы не замечая их ярости, продолжил. — Давайте скорее, а то надо уху посолить и... есть пора!!! Он уворачивался от тумачков и твердил, что он «ничего подобного», «ни сном, ни духом»...

— Ну, что вам положить? — сверкнул зубами Родька. — Жабу? Круглячка?

Учительница, наверное, сама была похожа на одного из названных бычков в тот момент, когда их тянут на крючке, потому что парнишка молча улыбнулся и великодушно шлёпнул в тарелку варёную рыбу, плеснул туда же ухи и подал угощение.

— Какая наваристая уха! — щебетала Светлана, забыв о «сюрпризе». Похоже, что об этом забыли все: о тарелки, кружки, миски активно постукивали ложки, слышалась похвала, кто-то уже просил добавки.

«Когда же он успел? — молча изумлялась Ольга. — И нашкодил, и рыбы наловил, и вот — угощает».

Жёлтый песок ласково излучал сохранившееся тепло, берег плавно огибал Татарскую бухту, а море спокойно расплеснулось, соединившись у горизонта с опрокинутой над ним небесной лазурью. Солнце радостно и благословенно струило над водой утренние лучи. В этой чистоте вдруг новым смыслом озарился ответ Родьки, показавшийся тогда на уроке нагловатым. Мальчик повторил её вопрос и тут же ответил: «Почему именно Серёжка Тюленин понравился? А он на меня похож. Его маму тоже чаще других мам вызывали в школу». Вот он идёт и цепляет прутом былинки, камешки на тропе, а от рюкзака струится почему-то цветочный запах. По его предложению включили в маршрут посещения дом бывшей партизанки, связной с дивизией С. А. Ковпака, бывшей учительницей, Хлебородовой Татьяной Афанасьевной. Слово «бывшая» никак не шло ей: уйдя на заслуженный отдых, она охотно общалась с бывшими учениками и учителями. А жила учительница в ауле, так продолжали называть часть посёлка Мысовое, на берегу Татарской бухты. Домик Татьяны Афанасьевны выглядел нарядно в ещё не тронутой летней жарой зелени: начало лета порадовало дождями. Во дворе всем хватило места. Дети уютно расположились под навесом, который сплели две виноградные лозы. Проснувшийся ветерок доносил шум моря и смешивал его с шелестом листвы. Невдалеке

рос рукотворный смешанный лес, поэтому рассказ воспринимался почти наглядно. Ветерок создавал иллюзию шума брянских лесов и журчание реки Ивоты, притока Северной Двины, где развивались события, о которых говорила бывшая связная:

— В лесу заранее создавали тайные базы: продовольствие, обмундирование, тёплую одежду, валенки — всё заготавливали. Землянки рыли в разных местах, распределительные — подальше от остальных: присматривались к людям, остерегались провокаторов.

В отряд Хлебородова ушла не сразу, хотя уже была на связи. И отряд сначала насчитывал двенадцать человек, вооружённых крестьянским оружием: вилы, топор... Учились сами делать мины и ставили их в одиннадцати-двенадцати местах, чтобы создавалось впечатление, что людей много. А уйти в отряд пришлось ночью, когда староста назначил отправку молодёжи в Германию. Пришлось от немцев прятаться в реке Ивоте. Погружались в воду лицом вверх с камышинкой во рту и затаились.

К началу 1942 года насчитывалось около двухсот отрядов, они объединялись, образуя отряд ополчения. Татьяне приходилось ходить в «просто разведку» и в разведку с наблюдением, то есть найти удобное укрытие, из которого считать передвигающуюся технику, живую силу и докладывать. А вообще-то, приходилось делать всё: варить, косить траву, обрабатывать раны, ухаживать за ранеными и ходить на задание. А было и такое: после боёв пробирались на поле боя собирать автоматы, пулемёты, всё, что могло пригодиться в партизанской жизни.

Служила Татьяна Афанасьевна Хлебородова в одном из партизанских отрядов Ковпака Сидора Артёмовича, дважды Героя Советского Союза, генерал-майора. В одном из боёв на Орловско-Курской дуге была тяжело ранена. Даже врачей пугала рана в полость живота. Они не надеялись, что Татьяна выживет, а когда увидели её на ногах, воскликнули: «Смотрите, наш покойник ходит». В отряде думали, что юная связная умерла, и только в 1975-ом году на встрече узнали, что она выжила. Жизнь этой скромной женщины отмечает мнение, что мужество — свойство не женское. Учительнице не трудно было найти контакт с детьми, речь её лилась то спокойно, то взволнованно, порой в голосе закипали слёзы...

— Да как же вы узнали, что мне эти цветы нужны? — неожиданно задала вопрос Татьяна Афанасьевна. — Очень нужны! Я не успела собрать.

Она нюхала жёлтые метёлочки, пачкая цветочной пылью нос, щёки, руки. Девочки преподнесли ей несколько букетов, а Родька вытряхивал на стол из рюкзака такие же цветы.

— Как ты узнал, что ей такие цветы нужны? — слышался удивлённый вопрос.

— В «просто разведку» ходил, — отшутился юноша.

Ольга на какие-то минуты забыла, что она Ольга Игнатьевна, подошла к столу и стала аккуратно складывать цветок к цветку, с улыбкой глядя в лицо парня. Родион серьёзно взглянул на неё и спокойно стал стряхивать пыльцу с рюкзака. И опять всплыли в памяти слова: «Почему именно Серёжка Тюленин понравился? А он на меня похож. Его маму тоже чаще других мам вызывали в школу».

Молодая учительница чувствовала, что видит не просто учеников, нет, каждый из них уже личность, и хорошо, что им порой хочется поозорничать...

**ВАЛЕРИЙ
ПОНОМАРЁВ**
(г. Киров)

Валерий Пономарёв родился в 1947 г. в г. Кирове (Вятка). Окончил исторический факультет Кировского пединститута. Работал токарем, учителем истории, тренером по плаванию, главным хранителем краеведческого музея, редактором вузовской многотиражки, референтом Кировского отделения Союза писателей России. Основные темы литературного творчества — история России и Вятского края, здоровый образ жизни. Автор около двадцати книг прозы, лауреат Всероссийской литературной премии им. Н. М. Карамзина «За отечествоведение». Лауреат третьей степени II Международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон-2016» в номинации «Проза для детей».

Член Союза писателей России.

ВИШЕНКА

Первым словом, которое прочитал Саша Гриневский, было «море». В четыре года мама показала ему буквы, но складывать их в слова у малыша не получалось. Однажды отец усадил сына на колени, открыл книгу «Гулливер у лилипутов».

— Саша, давай читать. Это какая буква?

— М.

— А эта?

— О.

— Верно. Как же сказать их сразу?

Вот тогда звуки этих букв и следующих слились в то волшебное слово, которое продолжает будоражить воображение мальчика. Какие бы книжки потом Саша не читал, чего бы не узнавал, море постоянно

«шумело у него в ушах». По улицам он не просто шёл, и вообще это был не ученик Вятского городского училища Александр Гриневский, а двухмачтовый бриг с прямыми парусами, следующий курсом из Гибралтара в Кейптаун. Вот впереди неспешно шествует важный господин... Звучит команда: «Поднять грот-бом-брамселя!». Запел ветер в парусах, и вот уже важный господин, какой господин? Это же торговый паровик пытит дымом труб... Как ни пыти, остаёшься у меня за кормой! А вон барышня в короткой беличьей шубке поворачивает за угол. Это, конечно же, шхуна с белоснежными парусами. Так, меняем галс, становимся ей в кильватер и курс бейдевинд...

— Куда прёшь, школяр! — перед Сашей неожиданно возникает ослепленная лошадиная морда, бородатый дядька с возка грозит кнутом.

Саша едва успевает отскочить в сторону. Где океанские волны? Где прекрасная шхуна под белоснежными парусами? Никто не поднимает ни брамселя, ни кливера... Нет всего этого великолепия. Есть серые дома, тротуары из «прыгающих» досок, всё в глине, голые деревья, грубый извозчик...

Иногда прямо на уроке морские дали, летящий по волнам корабль представляются так явственно, что он вырывает из тетрадки листок и начинает писать:

*Безбрежный океан, и ветер в парус,
И бригаantina, словно птица, вдаль летит.
Волна по борту бьёт, как бы ласкаясь,
А за штурвалом юнга так уверенно стоит.
Он знает: дом его совсем не близко,
Там моря нет, а только есть река,
Но там живёт она, Елена-гимназистка...*

Толчок локтем соседа по парте прерывает сочинительство.

— Сашка, тебя спрашивают!

Поднял голову — учитель укоризненно качает головой:

— Гриневский! Ты где? Опять в дальних странах? Уж точно не на уроке арифметики. Выходи-ка к доске!..

Как зовут ту гимназистку, Саша не знает. Но она существует реально, не только в его мечтах. А встретились они так.

Городское училище пользовалось у гимназисток дурной славой. Может, когда-то какой-то озорник чем-то обидел проходившую мимо здания со львами на воротах гимназистку, неизвестно. Но то, что шум-гам из окон училища в погожие дни доносился и до гимназии, это точно, и девочки старались обходить его стороной.

В тот день Саша выходил из училища, отбыв наказание — «два часа без обеда», и учеников возле здания уже не было. И тут появилась она. Ещё стояло осеннее тепло, она была одета во что-то светлое... Плыло лёгкое облачко, скользил белый парус... Саша остановился прямо в воротах, замер, словно боясь спугнуть это эфемерное явление.

Но «явление» всё-таки испугалось. Прямо по тротуару, противно мекая, постукивал копытцами большой чёрный козёл. Как он появился один в центре города, вдали от частных домов и усадеб — непонятно. Девочка резко шагнула в сторону и чуть не наткнулась на Сашу. Ойкнула, остановилась, глядя то на приближающегося козла, то на стоящего столбом мальчугана, не зная, от кого ждать большего зла. Тут Саша, наконец, опомнился — решительно шагнул навстречу рогатой животине, заслонив собой гимназистку. Козёл, даже не повернув башку в сторону детей, прошествовал своей дорогой. Саша оглянулся — девочка поспешно удалялась в сторону гимназии.

Тёмные волосы, выбившиеся из-под капора, тоже тёмные, показавшиеся Саше вишнёвыми, глаза, в них промелькнул испуг... Почему она пошла в сторону гимназии, ведь занятия, наверное, давно закончились? А, может, ей надо было в другую сторону?.. Это значит, идти вслед за страшным козлом. Почему он не остановил, не спросил?..

С того дня это эфемерное явление с вишнёвыми глазами стало являться Саше наравне с морем. От старшей сестры Наташи он слышал, что есть такой писатель Поль де Кок, который описывал любовь совсем молодых людей. Он пошёл в публичную библиотеку, спросил нужного автора, ему вначале отказали.

— Рано тебе ещё, мальчик, такие книжки читать, — заявила библиотечка — старая худая тётка в очках. Сама, должно быть, никогда не любила. Саша проявил настойчивость — пришёл на другой день, предположив, что на этот раз будет другой библиотечкарь. Ему повезло. Весёлая молодая девушка без всяких вопросов выдала нужную книгу. К восторгу читателя она называлась «Вишенка», и главной героиней, как он

узнал позднее, была молодая девушка с вишнёвыми глазами. Книга была толстая, роман предназначался совсем не для детей. Саша проглотил его в два вечера. С тех пор «свою» гимназистку в мечтах называл не иначе, как Вишенка.

В этих мечтах он уносился так далеко! Конечно, представлял перед Вишенкой мужественным героем. Вот если загорится её дом, он бесстрашно кинется прямо в пламя и вынесет девочку из огня. Нет, пожар это плохо. Лучше бы оказаться с Вишенкой в лесу, он показал бы ей свои любимые места — озёра, протоки, лесные полянки... А вдруг её ужалит змея... в ногу! Тут он не растеряется, не то, что тогда с козлом. Бережно усадит на мягкую сухую траву, начнёт отсасывать из ранки яд, потом... потом надо обязательно как можно туше перевязать ногу, чтобы яд дальше не мог проникнуть. А чем перевязать? Её чулочком! Тут Саша почувствовал, что краснеет, ведь чулочек придётся снять... Нет, не надо, чтобы Вишенку кусала змея. Лучше они встретятся... Где же? Может, на рождественском балу у них в гимназии? Туда можно с сестрой Наташей прийти. Но на балу, наверное, танцевать надо, а он не умеет...

...Белоснежный парусник скользит по синей воде. Паруса трепещут на ветру, они начинают розоветь под лучами солнца, становятся почти красными... Солнца не стало, а паруса всё так же алеют над морем. На палубе она, Вишенка! Тоже вся в розовом, призывно машет Саше рукой. Они берутся за руки и... взлетают над морем! Летят, как большие птицы, плавно скользя над волнами, над кораблём с красными парусами...

— Мрр-рык! — что-то тяжёлое надавило на грудь. Саша открыл глаза. Прямо перед лицом чёрная усатая мордочка.

— А, это ты, Кук!.. — Саша погладил кота, тот, обрадованный лаской, замурчал, пытаясь потереться о Сашину щёку. — Эх, Кукиш! — знал бы ты, какой я сон видел!

Красивое было видение, но всего лишь сон, как же увидеть Вишенку наяву? В канун Нового года дети семьи Гриневских вместе с мамой готовились наряжать ёлку. Наташа делала бумажные фонарики, маленькая Тонюшка, пытаясь от усердия, скатывала ленточки разноцветной фольги в шарики.

— Саса, это у меня будут бусы! — похвастала она брату.

— Саша, вот тебе серебряная бумага, займись оклейкой орехов, — предложила мама.

— Это и Тонюшка может делать, я другим займусь.

Он пошёл на кухню, попросил у кухарки муки, соли, подсолнечного масла и замесил тесто. Солёное, оно получилось плотным, густым, не как для пельменей. Саша знал, что игрушка из него долго сохранится — не размякнет, не растрескается. С комом этого теста величиной с кулак вернулся в гостиную.

— У меня будет фрегат! — торжественно объявил он.

— Флегат? Это что такое? — спросила Тонюшка.

— Парусное трёхмачтовое судно, — пояснил Саша и взялся за работу.

Корпус кораблика он вылепил быстро, обтянул его белой бумагой, воткнул палочки-мачты... С парусами пришлось повозиться.

— Слушай, Наташа, — обратился он к сестре, когда мама вышла по какой-то надобности, — у вас в гимназии учится девочка...

— Ну, — Наташа подняла голову от рукоделия, — и что? Кто такая?

— Не знаю, как звать, такая... красивая, глаза у ней необыкновенные... вишнёвые!

— Ну и я не знаю. В гимназии, наверное, полтысячи девочек учится.

— Понимаю, — вздохнул Саша и вдруг встрепенулся. — А рождественский бал у вас когда?

— Не будет нынче бала — карантин.

Саша опять вздохнул и продолжил строить свой фрегат. Вскоре кораблик был готов, Саша повесил его на ёлку, на самое видное место.

— А почему паруса у кораблика красные? — спросила Наташа.

— Почему?.. — Саша и сам не знал, почему. Наверное, потому, что на приснившемся сегодня корабле паруса были именно красные, даже с более мягким оттенком: пурпурные или алые. Но ответил он по-другому.

— Так красивее!

— Но таких не бывает!

— Так красивее! — повторил Саша и принялся помогать другим детям развешивать игрушки.

... В рождественские каникулы он много читал. Жюль Верн, Стивенсон, Майн Рид... Когда вся приключенческая литература, имевшаяся в публичной библиотеке, была «пройдена», переключился на русскую классику. Устав от чтения, поднимался с кровати, на которой обычно лежал с книгой, садился за стол рисовать. Все листы альбома, и не одного, были заполнены кораблями самых разных видов: парусники, паровики, буксиры,

речные пароходы, какие ходили здесь по Вятке... Нашли место в альбоме и капитан с подозрительной трубой, и боцман с дудкой, матросы в тельняшках, одноглазые и одноногие пираты...

На последних листах стали появляться рисунки девичьей головки: в капоре, с выпущенными тёмными волосами... Рисунки явно не устраивали «художника» — все были перечёркнуты.

«Рисовать лицо человека, тем более красивой девочки, не так-то просто», — думал Саша. Как-то в библиотеке, ожидая, пока принесут заказанную книгу, он взял с полки и стал листать красочный атлас цветов. Один рисунок поразил мальчика: вишнёвый сад — стоящие в ряд цветущие нежно-розовым цветом деревья показались ему флотилией кораблей с алыми парусами. Он попросил книгу на дом, внимательно её изучил и теперь в альбоме стали появляться цветы. Особенно часто вишня — и деревья в цвету, и отдельные цветы. Может, это как-то мысленно приближало его к той девочке, Вишенке...

Саша больше так её и не встретил!.. Много раз прохаживался возле женской гимназии, бывало, подолгу простаивал на противоположной стороне улицы... Девчонок-гимназисток проходило множество: шли за руку с мамами, пробегали стайками, шествовали парами и поодиночке... Вишенки среди них не было.

...Прошло два года. Закончено училище. Мечта поступить в Одесские мореходные классы, стать моряком реально приблизилась. Вот и настал день отъезда. Саша в серой парусиновой блузе и брюках, в высоких охотничьих сапогах, соломенной шляпе в чрезвычайном волнении расхаживал по комнате из угла в угол. То и дело вынимал из кармана потрёпанный бумажник, пересчитывал деньги — отец дал двадцать пять рублей, поглядывал на круглые настенные часы.

— Что ж, пора! — отец встал, за ним все домочадцы. — Ну, вот и вылетела птичка из гнезда... Александр, будь умницей, хорошо учись, надейся только на себя, помни: я тебе уделить ничего не смогу...

...Пароход дал прощальный гудок, заработали машины, ударили по воде плицы... Пароход отвалил от пристани, стал круто заворачивать на середину реки. Саша поднялся на верхнюю палубу, отыскал глазами отца, он стоял в толпе провожающих, близоруко щурился против солнца, неуверенно махал рукой. У Саши к горлу подкатил комок: «Прощай, отец!

Прощай, Вишенка! Прощай, Вятка! Здравствуй, море!..»

ЮРИЙ ПОРТОВ
(г. Симферополь)

Рапопорт Юрий Ильич (литературный псевдоним — Юрий ПОРТОВ) — заслуженный журналист Крыма, лауреат Премии Республики Крым по литературе, член Союза писателей Республики Крым, член Общественной палаты Республики Крым. Редактор газеты «Южный курьер» (Крым) — 1991–1998, заместитель главного редактора Телерадиокомпании «Крым» — 2000–2012. С 1980 по 1991 годы — автор юмористических и сатирических публикаций в «Литературной газете» (Клуб 12 стульев), «Неделя», «Собеседник», «Работница» и др., миниатюры звучали по радио и в телепрограммах «С добрым утром!», «Кабачок 13 стульев». Автор 9 книг — юмор, публицистика, ироническая проза.

ОДЕЯЛО ИЗ-ЗА БУГРА

Эту историю мне рассказал известный и замечательный крымский журналист Гарринальд Немировский.

Дело было лет двадцать с лишним назад и, к счастью, не привело к серьёзным дипломатическим осложнениям.

Поехала группа крымчан во Францию, а именно в Париж. В составе группы имелись и рабочие, и колхозники, но в основном это были ответственные работники, жёны партийных руководителей, комсомольские секретари, председатели колхозов, и я, сотрудник молодёжной газеты. И, конечно, возглавлял мероприятие руководитель группы — очень серьёзный товарищ.

Приехали в Париж — экскурсии, поездки, встречи в рабочих клубах, всё, как положено. Правда, кое-кто как в номер вошёл, так прак-

тически оттуда не выходил: и богатство отеля поразило по сравнению с Домом колхозника, и весь Париж из окна, как на ладони, и у них, как говорится, с собой было — зачем выходить?..

В конце турпоездки всех повели по магазинам. Чтобы на себе почувствовать загнивание Запада. А тогда в Париже в моду вошли тонкие верблюжьи одеяла. У нас о них вообще никто не слыхал, а там на каждом шагу продаются, будто не мы, а Франция с братской Монголией граничит. Ну, и, конечно, все наши скупились: по два, по три одеяла на скудный обменный фонд прихватили.

В последний день стою я внизу в вестибюле, наши в автобус грузятся, а рядом стоит один председатель колхоза — из тех, у кого с собой было. Мимо наши идут, и почти у каждого одинаково упакованный сверток под мышкой.

— Чего это у них?» — спрашивает председатель.

— А ты что, не знаешь? — говорю. — Это ж одеяла.

— Какие одеяла?

— Как, какие? Ты у себя в номере на кровати одеяло видел?

— Ну, видел, — говорит председатель.

— Так вот, наша группа так хозяйину гостиницы понравилась, что он каждому советскому туристу из Крыма на память одеяло подарил. А тебе что, не сказали?

— Врёшь, — говорит председатель и смотрит недоверчиво.

— Зачем мне врать, — пожимаю плечами, — вон Марья Ивановна идёт, спроси у неё.

— Марья Ивановна, — говорит председатель, — вы одеяло несёте?

— Да, — гордо отвечает Марья Ивановна.

— И что, все наши взяли?

— Конечно, — смеётся Марья Ивановна, — все брали, и я взяла. Дура была бы, если б не взяла. Это ж крик парижской моды!

— Так, — говорит председатель. — Моя меня дома убьёт!

И бегом к лифту.

Через пять минут возвращается довольный... Под мышкой одеяло сложенное.

— Ты чего, Петрович? — спрашивает руководитель группы. — Не мог попросить, чтобы одеяло завернули?

— А кого просить, — удивляется председатель. — в номере никого не было, и ни газеты, ни пакета.

— В каком номере?

— Как, в каком? В шестьсот пятом. Мы ж вместе жили. А вы своё одеяло почему не взяли?

Руководитель группы сначала белым стал, потом красным.

— Чтоб через тридцать секунд одеяло было на месте было, понял? Бегом марш!

И ещё таких слов добавил, что бедный Петрович сразу о Родине вспомнил.

В общем, это был рекорд для закрытых помещений по бегу на шестой этаж с одеялом под мышкой.

А уже в Москве Петрович мне бутылку водки выставил, поскольку, как он сказал, так его ещё никто никогда не «покупал»...

**ГАЛИНА
РАДИОНОВА**
(г. Гомель,
Республика
Беларусь)

Галина Радионова начала своё творчество с написания в 2002 году нескольких стихотворений для детского журнала «Островок» (Минск) и создания авторских песен. В настоящее время в активе имеет более 20 публикаций стихов и прозы в литературных сборниках России и Белоруссии. Выпустила в свет два поэтических сборника («Кусочек солнца», Минск, 2010 г. и «Азбука озарения», Минск, 2014 г.). Основное направление творчества — авторская песня. К настоящему времени написано около 100 песен, более 70 из них исполняются на концертах и культурных мероприятиях города. Участник и дипломант различных фестивалей и конкурсов. Среди них конкурсы «Улыбка Пегаса» — г. Калуга, 2014 г.; «Лучшая книга года-2014» — Берлинский литературный университет им. А. Чехова и Академия Славянской письменности; фестиваль «Чеховская осень-2014» (г. Ялта) и др. Член Международного союза творческих сил (МСТС) «Озарение» (г. Новокузнецк), Гомельского литературного объединения «Пролеска». Лауреат второй степени II Международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон-2016» в номинации «Малая проза. Сатира и юмор».

КТО О ЧЁМ...

В беседке, что недалеко от многоквартирной высотки, устроились мальчишки-подростки и, активно обсуждая свои проблемы, громко хохотали, смачно плевались. Говорили они, не обращая внимания на то, что рядом с беседкой на лавочку присели две старушки.

— Дмитриевна, ты только послушай, о чём они говорят! Совсем совесть потеряли... Вот ведь молодые, — наклонившись к соседке, прошептала одна из них на ухо другой.

Обе прислушались...

— ...А ты Наташку попроси, она всем даёт. Вот Олька, что с Кнутом ходит, та не всем, — услышали они сипловатый простуженный голос. — Да если шоколадку купишь, и тебе даст...

Женщины притихли. Казалось, ушат воды на них пролился.

— Это Наташка-то?.. Из 15-го номера? Вот те на... Ну и девка! — произнесла тихо одна.

— ...Нет, мне не даст, — утвердительно пробасил другой голос, — я ей в сумку лягушку подложил... — и мальчишка довольно рассмеялся.

— Это же надо... — не унимались возмущённые старушки. — А в наше время...

Но тут они увидели Наташку из пятнадцатой квартиры. С серьёзом в носу и с наушниками, позволяющими ей постоянно слушать музыку из запрятанного в кармане мобильного, с косо срезанной и окрашенной в чёрный цвет чёлкой, в кожаной «косухе» и чёрных обтягивающих кожаных штанах, с сумкой, болтающейся сзади внизу, она, подпрыгивая, приближалась к беседке.

Увидев её, мальчишки приподнялись, подались навстречу:

— Оооо, Натали! А мы о тебе здесь мутим. Слушай, ты сделала математику? Дай списать! — льстиво и заискивающе протянул один. — И Серёге не откажи! Он тебе шоколадку купит.

Наташка, стянув наушники, только наполовину услышав просьбу, но по привычке догадавшись, о чём может идти речь, констатировала:

— Вот лоботрясы! — достала из сумки тетрадь. — Пишите. Да быстрее, а то я опаздываю. А мне твоя шоколадка, чмо, — обращаясь к другому, протянула Наташка, — не нужна. Пиши! Только больше ко мне ни-ни... Лохи... уроды... шалопаи!

Мальчишки, не обращая внимания на её определения, обрадованные, быстро достали откуда-то из-под рубашек свои тетрадки, и устроив их на коленках, передавая от одного к другому, переписывали.

Наташка, снова натянув свои наушники, слушала музыку и, опустив в презрительной улыбке уголки подкрашенных пухлых губ, пританцовывала, ожидая возвращения тетради.

— Фууу!.. — подал ей тетрадь последним дописавший мальчишка и льстивым голосом заискивающе добавил: — Давалочка ты наша!

— Смотри у меня, я тебе дам! — погрозила ему кулаком Наташка и, небрежным движением кинув тетрадь в сумку, с гордым видом поспешила своим путём.

Притихшие бабушки, наблюдавшие всю сцену, растерянно переглянулись.

— Это мы с тобою, Васильевна, лохи! — констатировала Дмитриевна, уже смеясь вслед удаляющейся Наташке.

ПАДЕНИЕ МЕТЕОРИТА

Что-то быстро двигалось по небу, оставляя за собой белую полосу, похожую на след от сверхзвукового самолёта. Потом яркая вспышка и звук сильного взрыва. Люди, шедшие по тротуару, интуитивно сжались, наклонили головы. А те смелые, кто смотрел в небо, вдруг начали тереть глаза и дёргать головами, как-будто вмиг ослепли и не могут понять, что произошло.

И на самом деле на какой-то момент никто не мог осознать происшедшего. Оцепенение и ужас охватили многих. Кто-то побежал, пытаясь укрыться от чего-то страшного. Кто-то остановился, соображая, куда двигаться дальше.

Я попыталась позвонить по мобильнику мужу. Надо узнать, как дела у детей: где они, всё ли в порядке. Связь не работала. Тут же услышала, что в городе отключено электричество, не работает городская телефонная сеть. Но никаких оповещений, сигналов тревоги не было. Так что же произошло?..

Наконец до моего сознания дошли слова:

— Это метеорит! Метеорит взорвался!

Освободившись от оцепенения и быстро скачущих в голове мыслей, решила оставить намеченные планы на потом и вернуться домой. Хорошо, что транспорт работал в обычном режиме. Пока стояла на остановке и ехала в переполненном людьми автобусе, путаница в мыслях преследовала меня. В основном они касались нашей семейной жизни.

— Господи, — думала я, — как же мы живём-то... Вот так в одночасье случись что, и всё... конец... А мы всё ругаемся, друг другу уступать не умеем. Он, — имея ввиду супруга, — стал часто выпивать. И ссоры... Надо с ним поговорить.

Рядом услышала гудок мобильного. Вот и связь заработала! Сосед взахлёб говорил по телефону. Вытащила из сумочки свой мобильник и быстро набрала номер мужа:

— Алло, Толечка, ты где? У тебя всё в порядке? Ты — дома? Сейчас приеду...

Трясущейся рукой пыталась вставить ключ в замок. Не получалось. Я позвонила.

Супруг открыл дверь и удивлённо посмотрел на меня:

— А где твои ключи?

— Вот, — показала ему ключи, — просто нервничаю... — говорила, а сама думала, как сейчас скажу, что надо менять нашу семейную жизнь...

— Тебе помочь? — спросил Анатолий, предлагая снять пальто.

— Да, конечно, милый.

Он помог снять пальто и расстегнуть молнии на сапогах, стянуть их с ног.

— Спасибо, дорогой, — шептала я.

— Ты кушать будешь? Я тут всё разогрел...

— Да, да... С удовольствием, — согласилась я, отправляясь в ванную комнату помыть руки.

Когда вошла в кухню, ласково взглянула на него и, поглощая первую ложку горячего супа, сказала:

— Какой же ты у меня молодец!

Мой Толик бросил на меня внимательный взгляд, подошёл близко, нагнулся ко мне и, строго посмотрев в глаза, командным тоном произнёс:

— А ну, дыхни!

**МАРСЕЛЬ
САЛИМОВ**
(г. Уфа)

Член Союза писателей России и Башкортостана М. Ш. Салимов — автор 35 книг и первого в истории литературы народов России сатирического двухтомника. Его произведения переведены почти на полсотни языков и опубликованы во многих изданиях страны и за рубежом. Главный редактор сатирического журнала «Хэнэк» («Вилы») в 1980–2010 годах Избран председателем Союза журналистов Башкортостана на общественных началах (1996–2006).

Заслуженный работник культуры РФ и Башкирской ССР. Кавалер ордена Дружбы и общественных орденов «За вклад в просвещение» и имени В. В. Маяковского. Обладатель Индульгенции Международного Дома юмора и сатиры (Габрово). Лауреат международных литературных премий «Алеко» (Болгария), имени С. Михалкова (Россия) и имени Н. Гоголя (Украина). Лауреат премий Союза журналистов России и Правительства РБ имени Ш. Худайбердина. Победитель международных конкурсов «Словенское поле» (Псков), имени де Ришелье (Одесса–Франкфурт-на-Майне) и всероссийских конкурсов «Бумажный ранет», «Золотая полка отечественной журналистики», «Лучшие поэты и писатели России». За выдающиеся творческие достижения в Год литературы ему присвоено почётное звание «Золотое перо России». Лауреат II Международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон-2016»

ПОВЕРИН

Как-то встретил я своего приятеля Хикмета, с которым мы учились на химфаке. Он нисколько не изменился, по-прежнему бодр, весёл.

— Можешь меня поздравить, — сказал, растянув рот до ушей. — Я придумал новое лекарство — «Поверин-форте».

К чудачествам Хикмета я давно привык. В молодости он хотел гнать бензин из морской воды. Не получилось. Ушлые ребята его обошли, добавляя в бензин речную воду. Узнав про это, Хикмет не расстроился, его окрылили новые идеи. Голова моего неугомонного друга постоянно была забита невероятными проектами, один удивительнее другого. Поэтому к его сообщению я отнёсся спокойно.

— Будет с тебя, алхимик! — подначил я его с ухмылкой.

Однако Хикмет меня поправил с серьёзным видом:

— Не алхимик, а нанохимик! Значение моего открытия трудно переоценить. Для граждан России, поверь мне, потребление поверина настолько полезно, что скоро всё взрослое население будет пить его горстями вместо аспирина.

— Ну ты скажешь!

— Не веришь? Вот для таких, как ты, особенно нужен мой поверин. — И тут Хикмет неожиданно выпалил: — А давай испытаем! На тебе.

— Что ж, я готов ради науки стать подопытным кроликом. Вперёд, алхимик... вернее, нанохимик!

Мы пошли с ним во Дворец культуры, где проходила встреча с кандидатами в депутаты. Смотрю, за трибуной — сам Никодим Посылаевич. По старой памяти, заливает:

— Я живу и работаю для народа. Особенно в последнее время. По моему личному указанию расширены узкие улицы, сужены широкие тротуары. Автовладельцы нарадоваться не могут...

И вдруг сидевший впереди нас бабай с седыми усами громко закричал:

— Ещё бы! У тебя же и у жены, и у детей — у каждого по три машины.

Никодим Посылаевич на секунду замер, но тут же продолжил:

— Да, сейчас жизнь народа круто изменилась в лучшую сторону, растут пенсии, зарплаты. Всё это подталкивает нас к открытию новых супермаркетов. Скоро начнём строить недорогие квартиры улучшенного качества. Именно для этого я и хочу стать депутатом.

Ну, думаю, наворовался начальник — хочет теперь пересест в безопасное кресло. Как можно доверять такому?!

Глядя на моё кислое лицо, Хикмет протянул мне таблетку. Проглотил я её, и тут же... Вы не поверите, я начал верить каждому услышанному мною слову Посылаича. Сиж и верю, что лучшего кандидата в депутаты нет. Ну, есть у него ошибки. У кого их нет? Обещает же, что готов сутками работать для людей.

— Ну, как? — спрашивает Хикмет.

— Прекрасная кандидатура! — отвечаю. — Лучше не бывает!

К трибуне подошёл следующий кандидат, первый богатей города Алтынбай. В смутные времена он хорошо нажился на «чёрном золоте». Все знают, что Алтынбай сказочно богат и несказанно жаден.

— Если вы избере́те меня депутатом, — прогудел он, — я разверну широкую благотворительную деятельность. У меня большая программа помощи малоимущим. Обещаю на свои деньги посторить детсад, отремонтировать школу, помогу молодёжи, ну, типа... с жильём, а старшему поколению подарю путёвки в дома отдыха.

Вот, думаю, молодец! Меценат так меценат. Хоть и вор, но готов поделиться. Однако даже такая щедрая программа не понравилась белоусому бабаю.

— Ага, жди! Держи карман! — заворчал он.

Как-то спонтанно появилось у меня чувство негодования к этому недоброму старому.

— А ты не жди! — гаркнул я его. — Поверь и избери!

— Если веришь, сам и голосуй! А я не верю этим пустобрёхам.

Пока мы с ним препирались, на трибуну влез очередной оратор.

— Добренькое утро, дорогие мои читатели! — начал с пафосом редактор местной газеты господин Слащавин. — Не думайте, что я чего-то перепутал. Светлый день после выборов для всех нас начнётся именно с добренького утра. Если, конечно, отдадите свои голосочки. Я, как ваш покорный слуга народа, буду рад приветствовать вас в новой счастливой, инновационно-модернизированной реальности.

Раздались жидкие аплодисменты. Я покосился на того бабая. Он матюкнулся в свои седые усы. И повернулся ко мне:

— Ну что, ты и этому вруну веришь? Да я его с советских времён знаю. Он тогда точно так же в свою газету писал про светлое будущее. И теперь у него — сплошные слащавые статьи. По-моему, он сам не верит в то, что пишет.

— А я верю!

Что-то кольнуло у меня внутри от своих слов, но по-другому сказать я не мог. Бабай уставился на меня, как на сумасшедшего.

— Веришь? Серьёзно??? Так ведь он...

— Знаю! Но всё равно верю.

Вижу, бабай начал сползать на пол. Не дай бог, ещё инфаркт.

— Дай ему поверин! — говорю Хикмету. — Видишь, до чего доводит человека недоверие.

Но Хикмет был неумолим:

— Не дам! Я же опыт с тобой провожу. И результат уже известен.

— Да, это верно, — согласился я с ним. — Хороший у тебя получился поверин!

— Вот и я так думаю. Надо его толкнуть какой-нибудь партии. Знаешь, сколько можно заработать?!

Не знаю, какие бабки заработал на своём поверине мой друг-нано-химик, но я, приняв его чудодейственное лекарство, проголосовал на выборах так, как надо.

Судя по результатам голосования, не только я, но и многие сделали свой выбор правильно. Неужели это вправду чудеса нанотехнологии?!

**ЕЛЕНА
САФРОНОВА**
(г. Рязань)

Прозаик, литературный критик-публицист, журналист. Окончила Историко-Архивный Институт Российского Государственного Гуманитарного Университета в Москве (1990—1995 год).

Постоянный автор литературных журналов «Знамя», «Октябрь», «Урал» (Екатеринбург), «Бельские просторы» (Уфа), газет «Литературная Россия», «Независимая газета—Экслибрис» и др. Редактор рубрики «Проза, критика, публицистика» литературного журнала Союза писателей Москвы «Кольцо А». Ассистент семинара критики Совещания молодых писателей при СП Москвы с 2011 года.

Прозаические произведения выходили в сборниках: «"Пролог" (молодая литература России)-2007»; «Новые писатели» (2006); «Перовестник» Астафьевского фонда 2007 года; сборнике фантастики «Аэлита-2008», антологии «Русская фантастика-2013», альманахе «Литеры» Союза писателей Москвы, антологии «Крымский сборник» (2014) и т. д.

Автор книг критико-публицистических статей «Все жанры, кроме скучного» (М., Вест-Консалтинг, 2013), «Диагноз: Поэт» (М., Арт Хаус Медиа, 2014), романа «Жители ноосферы» (М., Время, 2014). Роман «Жители ноосферы» вошёл в лонг-лист литературной премии «Ясная Поляна» 2015 года.

Лауреат Астафьевской премии в номинации «Критика и другие жанры» (2006), премии журнала «Урал» в номинации «Критика» (2006), премии журнала СП Москвы «Кольцо А» в номинации «Критика. Обзор журнала» (2007), премии Союза писателей Москвы «Венец» (2013) в номинации «Критика». Дипломант шестого Волошинского литературного конкурса (2008) в номинации «Критика». Член Русского ПЕН-клуба, Союза писателей Москвы, Союза российских писателей

ТОЛЬКО РАДОСТЬ ВПЕРЕДИ

— «Отчего люди не летают так, как птицы?» Монолог Катерины у Островского, пьеса «Гроза». Я очень хорошо знаю школьную программу. Не только литературу. Я отличница по всем предметам, и у меня выдающиеся результаты тестов. И как меня это все достало!..

Катерину у классика её правильная жизнь тоже достала. Она что говорила? «Мне иногда кажется, что я птица. Когда стоишь на горе, так тебя и тянет лететь. Вот так бы разбежалась, подняла руки и полетела».

Люди не способны летать до тех пор, пока сами так считают. Катерина это тоже чувствовала. Только она неверный способ полететь выбрала. У неё ведь не было дельтаплана, пароплана, чтобы с горы — не камнем вниз, а взмыть к небу. А вот поезда в эпоху Катерины уже были, и что ей стоило прийти на станцию, забраться на крышу вагона и проделать так путешествие из Петербурга в Москву?.. Видите, я и Радищева читала.

Ну, конечно, поезда тогда ходили не с такой скоростью, как сейчас. И вообще не со скоростью. Но испытать новые ощущения Катерина смогла бы. Это я ей гарантирую, как зацепер со стажем.

Знаете, какой это кайф — просто уцепиться за дверь последнего вагона электрички и проехать от города до соседнего полустанка? Вид вокруг совершенно не тот, как если тупо смотреть из окна вагона. Казалось бы, какая разница — только обзор с двух сторон. Но чувства!.. Ты стоишь в туннеле ветра, и у тебя полное ощущение полёта!.. Нет, половинное. На хвостах электричек я каталась, когда была маленьким зацепером. Начинаящим.

Настоящий полёт — это когда лежишь животом на крыше поезда. А реальное космическое путешествие — когда устраиваешься пузом на антенне и раскидываешь руки. Да, мышцам живота больно. Но я тренированная. Меня всё детство водили в спортивную секцию, в студию танца, на детский фитнес. Хотя бы за это я могу сказать спасибо предкам. Они, конечно, не думали, к чему меня готовят. Они ведь скучные, рассудительные люди системы...

Наш мир захватила система! И не говорите мне, что вы этого не замечаете. Силы тьмы присматривают за людьми, чтобы они так

и пребывали в серости, в рутине... Кто эти силы? Техника. Вся наша технологическая цивилизация. Мы уже ничего не можем без механизмов и всяких гаджетов. Нет, электричка — полезное изобретение, я про смартфоны, банкоматы, терминалы и прочую хрень. Да, с ними удобнее, они облегчают нам какие-то дела, но что получается потом? Мы не имеем ни сил, ни желания что-то делать самостоятельно! Мы не верим в себя! Мы не ощущаем себя свободными! Делаем только то, что надо. А надо это не нам, а другим. Системе.

Я не хочу жить так, как мои родители. Я их люблю, но жалею. У них в жизни не осталось никаких радостей. И уж тем более я не хочу быть такой, как все мои педагоги, хоть в школе, хоть во всяких там студиях. Их не жаль — они тупые, убогие, неинтересные роботы. Не знают, что такое свобода, а вдавливают нам монолог Катерины. Хотят сделать из нас таких же роботов.

Время наше заканчивается? Окей, не вопрос. Видите, и у вас система. Вы же сами меня звали на интервью, заявить манифест зацеперов. И не хотите меня послушать подольше, понять получше.

Ещё существуют свободные индивиды, кого не захватила эта всеобщая подавленность. Эти люди стремятся испытывать детскую радость жизни и делиться ею с каждым желающим. Это мы, зацеперы. Хотите, с вами поделюсь?... Я так и думала.

А представьте прикол, когда ты приезжаешь на крыше электрички в пригородный поселок, как он там, Угольный или Угловой, а с перрона бабушка на тебя крестится?! Не знаю, что ей показалось, только она кричала «Свят-свят-свят!» — и крестила себя, потом меня. Ну да, я была в этой маске. И в трико для зацепинга. Это термобелье изначально, на крыше холодно в воздушном потоке, а бахрому я сама к нему пришила.

Маска потому, что родителей жалею. Не хочу, чтобы они меня узнали на роликах. Ролики — обязательная часть нашей жизни. Я сама сколько раз снимала с крыши электрички. Мир предстаёт другим! Ты как будто с Марса на него смотришь и знакомишься впервые! Мы наши ролики заливаем на Ютуб. Мои видео даже конкурсы там выигрывали. Я ведь всё делаю очень хорошо.

Никого мы не агитируем, а просто показываем, что можно быть свободными, и как. Вы не представляете, какой адреналин даёт чувство полёта! Помните детскую песенку? «Только небо, только ветер,

только радость впереди!» Вот так у нас. Наши ролики массу лайков собирают. Значит, нас слышат, нам верят и хотят испытать эту же радость.

Нет, по именам нас узнать нельзя! У нас у всех ники. Имена, которые нам дала система, мы не уважаем. У меня ник Квазарина. От слова квазар. Это самый яркий астрономический объект во Вселенной. Ядро активной галактики. Оно как бы в постоянном взрыве, потому светится, и мы его с Земли видим. Я хочу быть такая же яркая и необыкновенная, как это небесное тело.

...Телевизионщикам надоела картинка «интервью в студии». Заключительные слова девушки в чёрной маске и балахоне типа «летучая мышь» перекрыли видеозаписью: электричка, отходящая от главного городского вокзала. На крыше одного из вагонов, животом на антенне, вытянулась, как ласточка в полете, эта же девушка в своем антрацитовом одеянии. Она махала руками, а когда в кадре на миг оказалось крупным планом её лицо, из-под маски светилась восторженная улыбка. Затем на экране понеслась картинка звёздного неба, вспыхнул ослепительный взрыв — монтажер изобразил квазар.

— Уважаемые телезрители! На этом программа «Наш город» прощается с вами... — заговорила кокетливая телеведущая.

Седой мужчина с моложавым лицом резко свернул экран компьютера. В который раз он пересматривал телеинтервью своей дочери Риты (Маргариты Дроновой, ник Квазарина) и не мог смириться с тем, что тут она такая живая, красивая, а через два дня на крыше вагона электрички не удержалась на ногах, оступилась и упала. На блок питания электропоезда. За те секунды, что потребовались для опознания тела, отец поседел. Он снова и снова крутил ролик, словно мог прокрутить жизнь назад, но ничего не менялось...

Ему было пора навещать жену в психиатрической клинике.

**ЛЕНОРА
СЕИТ-ОСМАНОВА**
(г. Симферополь)

Руководитель театральной студии МБОУ «Таврическая школа-гимназия № 20». Член Союза писателей Республики Крым. Член литературно-бардовской мастерской «Таласса». Председатель крымского клуба писателей «Литературные встречи». Победитель республиканского конкурса «Учитель года-2013». Награждена медалью Блаженнейшего Владимира Митрополита Киевского и Всея Украины (2012). Победитель Всероссийского конкурса-фестиваля «Созвучие сердец» (Москва, 2014). Лауреат Международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон» (г. Саки, 2015 г., 2016 г.).

ГОРОДСКАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА

«Только оканчивая жизнь, видишь, что вся твоя жизнь была поучением, в котором ты был невнимательным учеником. Учитель вышел. «Собирай книги и уходи». И рад был бы, чтобы кто-нибудь «наказал», «оставил без обеда». Но никто не накажет. Ты вообще никому не нужен. Завтра будет «урок». Но для другого. И другие будут заниматься. Тобой никогда более не займутся».

В. Розанов. «Миниатюры»

Доброе осеннее утро трепетными лучиками ласкало её лоб, щёки, шею. Один из них, особенно нахальный, задержался на глазах, и она, улыbnувшись, проснулась. Комнату заливал свет, а значит, утро было прекрасным, как, впрочем, всегда. Она потянулась и, замурлыкав под нос весёлую песенку, рывком поднялась с постели. Сегодня ей предстоял нелёгкий, но интересный день. Весь вчерашний вечер она работала над конспектом открытого урока. До поздней ночи ломала голову над тем, как передать своим ученикам то, что так очевидно для неё. Ведь, казалось бы,

истина лежит на поверхности, её нужно просто принять, а они делают столько ошибок. Её знания, накопленные за многие годы, выкристаллизовались в чёткие формулы, природный артистизм помогал донести их в лёгкой и непринужденной форме, а вот гляди ж ты, не получается.

Вздохнув, она вошла в маленькую кухню, присела к столу, на котором рядом со стаканом недопитого вчерашнего кефира лежали листы с записями. Всё не то! Всё коряво, неточно! И не удивительно, что мысли в таком виде многим не понятны. Необходимо найти некую изюминку, такое слово, которое, выстрелив, попало бы прямо в сердце и распустилось там нежным цветком. Она надолго задумалась, вчитываясь в написанное. Потом взяла ручку с красными чернилами (именно с красными, поскольку только так можно найти нужную мысль!) и стала быстро писать. Сделав несколько значительных поправок, перечитала всё ещё раз и удовлетворенно улыбнулась. Вот теперь, кажется, всё! Если уж они и этого не уразумеют, то... то... Да нет, всё ведь составлено настолько просто и понятно, что сегодня её однозначно услышит даже самый отпетый двоечник!

Она оделась, вышла в коридор, поправила перед зеркалом белокурые локоны, выбивавшиеся из-под красивой шляпки, добавила к строгому деловому костюму кокетливую брошь, взяла листы, и, ещё раз улыbnувшись себе, вышла из дома.

Погода благоприятствовала хорошему расположению духа: ветерок поводил листьями по тротуару, солнце прыгало с тучки на тучку, деревья тянулись к Богу. Она помахала отражению в витринном стекле и хрупкая фея, парящая на крыльях истины, тоже махнула ей в ответ. Ах, как же она любила эти осенние утра, прохладу начинающегося дня. Уж сегодня-то она сможет всё объяснить. Они поймут её. Ах, любимые ученики! Они обязательно сделают верные выводы, самостоятельно исправят ошибки! Они вместе перевернут этот мир, и он станет прекраснее и чище.

Свой урок она как всегда начала с самого доброго приветствия, и каждому входящему в класс повторяла с улыбкой: «Здравствуйте, я приветствую в вас Бога!» Людей сегодня было на удивление много. Прозвенел звонок, она торжественно прошла к доске и начала урок.

Проходящие по центральной площади города люди издали слышали этот пронзительный звонкий голос. «Ребята, внимание! Тема нашего сегодняшнего урока — добро! Сегодня я хочу доказать вам, что оно существует! Откройте тетради и посмотрите, сколько ошибок вы сделали,

не веря в это. А ведь это опасно! Ведь каждый из нас — это Бог! Мы сами творим свою жизнь! Мы все в ответе за то, что делаем с собой и с этим миром! Давайте исправим ошибки! Я верю, что вы справитесь, ведь вы так прекрасны! Ведь вы — воплощение Бога на земле! Вы — это свет и красота. Посмотрите на себя! Видите, как вы прекрасны? Вы замечательные!»

Те, кто видел её впервые, с опаской обходили эту пожилую женщину с всклокоченными седыми волосами под рваной соломенной шляпой. Кто-то улыбался, глядя на огромный завядший цветок хризантемы на впалой груди. Кто-то откровенно смеялся над куском газеты, расписанной красными чернилами, кто-то с ожесточением сплевывал себе под ноги, злобно посылая и её саму и её лозунги. И никто не хотел видеть её великолепного костюма и нежности чистой души, никто не желал прислушаться к стройности светлых мыслей.

«Ребята, добро существует! Сегодня я поняла, что мир прекрасен и справедлив! Поймите же это и вы! Посмотрите вокруг! Вы видите это небо, эти листья, эти осенние цветы? Все это создано для вас! Вам дали это просто так! Разве это не добро?» — продолжала она. Но народ скрывался от истины в закоулках будничных дум и забот. Бойкие смешливые мальчишки показывали ей языки и кричали в тщедушную спину: «Эй, училка, ты нам двойку не поставишь?». А она лишь улыбалась им кротко и думала: «Ах, какие же нерадивые мне достались ученики! Не хотят делать работу над ошибками. И носят что попало! Вот этот, с тяжёлым чёрным портфелем, такой большой и важный, а до сих пор держит в сердце боль от малышовой обиды. А эта вот, в красном свитере — с грязными мыслями... Надо будет завтра обязательно проверить перед уроком, чтобы у всех были чистые мысли! Чтобы никто не смел приносить в класс зависть и страх. Надо будет проверить... Ах, мои любимые несчастные ученики! Как же вы прекрасны!»

И до самого вечера над городской площадью звонким колокольчиком разносился голос городской сумасшедшей: «Я люблю вас! Я приветствую в вас Бога! Давайте вместе сделаем наш мир светлым и добрым! Ребята, вы самые прекрасные ученики в мире! Я в вас верю!»

Хотя, может быть, это не она сошла с ума?

**ЕЛЕНА
СТЕПАНОВА**
(г. Дубоссары,
Приднестровье)

Степанова Елена Анатольевна родилась 3 февраля 1960 года. Член Союза писателей Приднестровья и Союза писателей России. Является представителем Литфонда Приднестровья от Дубоссарского района, член правления русской общины, соучредитель творческого объединения «АККОЛАДА» и «Дубоссарского общества литераторов». В настоящее время работает штатным корреспондентом районной газеты «Заря Приднестровья» в городе Дубоссары. Имеет публикации рассказов в республиканском альманахе «Литературное Приднестровье» (2006–2009), в литературно-художественных альманахах «Днестр» и «Лоза» (2007), в Антологии современной литературы Приднестровья, изд-во Москва, «Советский писатель» (2008), в журнале «Москва». В 2003 году вышла её первая книга рассказов и публицистических очерков «Были и небылицы», в 2012 году сборник рассказов и очерков «Белый цвет радуги».

ВАРЕЖКА

Она хорошо помнила момент своего рождения, эта белая пуховая Varejka. Помнила, как весело звенели блестящие спицы в нежных руках матери, как щебетали дети, притягивая любовь и внимание главного для них человека.

Она была очень красива, эта новая Varejka из белой шерсти оренбургских коз. Долгими зимними вечерами тёплую пряжу плели в заснеженных уральских деревеньках старые бабушки. И вот из круглого моточка вырисовалась вязаная ладошка с алой резинкой по самому краю и вышитым посередине солнцем.

Мать надела обновку самой младшенькой. Та улыбнулась от радости, благодарно ткнулась носом в подставленную щеку и убежала во двор к друзьям, играть с только что выпавшим снегом.

Так Varejka в первый раз увидела и синее небо, и ясное солнце, и белую-белую землю. Она как могла согревала ребячьи ручки,

заботилась, чтобы не заболели, не простудились и не поранились. Носили её с удовольствием и девочки, и мальчики, сёстры передавали братьям, тёти и дяди — племянникам и племянницам.

Всем она была дорога и мила.

Однажды метельным вечером одна Варезка из неразлучной пары выпала на снег из кармана и потерялась, и растерялась, а потом, погоревав, задумалась о своей судьбе. Раньше-то все как-то недосуг было: то одного обогреть надо, то другому помочь. «Снег не согреешь, совсем бесполезная это затея», — подумала Варезка.

Из белой она уже стала серой, облезлой, и козий пух торчал замёрзшими сосульками.

А утром выглянуло солнце. Оно нагревало Варезку все сильнее и сильнее, и вот уже плотный весенний наст медленно стал подтаивать вокруг. Прошёл день, и ещё день, и ещё много дней. Однажды Варезка вдруг почувствовала, как что-то её щекочет, и заулыбалась своим алым солнышком.

Она согрела, согрела!!! Еще раз, последний, выполнила свое Предназначение. И вот уже острые молодые стрелочки травы-муравы как в парнике поднялись и потянулись к солнцу, к свету, к ветру, к жизни.

Как обрадовалась Варезка, что нужны еще кому-то её тепло и забота! Вот не думала — не гадала.

И всю свою энергию стала тратить пуховая Варезка на то, чтобы поднять и взрастить травку-муравку. Но с грустью она замечала, как пытаются высунуться ростки во все многочисленные дырки. Варезка с козлиным упорством напрягалась изо всех своих шерстяных силенок, оберегая подопечных.

А весна шла всё дальше и дальше, и солнце грело всё жарче и жарче, и вокруг серой Варезки уже поднялись высокие травы и зажелтели одуванчики — отражения сотен солнц на зелёной земле. Вдруг Варезка услышала тихий стон, а потом слабый вздох и всё поняла, от горя рассыпавшись на маленькие пуховые комочки. Их весело подхватил теплый весенний ветер и погнал, как перекасти-поле, и унёс в поднебесье один лишь утихающий шепот:

— Пе-ре-грела...

ЛИДИЯ ТЕРЁХИНА
(г. Рязань)

Член Российского Союза профессиональных литераторов. Автор книг поэзии и прозы «Розовая Страна» (2004), «Шёпот любви» (2006), «Крыло Серафима» (2008), «Приключения кота Барсимура в великой стране Мурркании» (2011), «Как Иван Кормилец выручил из беды сестру Марьюшку» (2015). Лауреат Всероссийского конкурса «Звезда полей-2009» им. Николая Рубцова. Дважды стипендиат Министерства культуры РФ в номинации «Мастер». Победитель на Международном литературном форуме «Славянская лира-2015», г. Полоцк. (1-е место — приз зрительских симпатий и 2-е место по оценкам жюри) в номинации «Малая проза». Победитель Международного литературного фестиваля «Под небом рязанским-2007» (2 место) в номинации «Малая проза» и в 2015 году (1-е место) в номинации «Песенная лирика». Лауреат II Международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон-2016» в номинации «Малая проза» (г. Саки, Республика Крым).

Награждена дипломом II степени на 11 Международной Олимпиаде искусств под эгидой ЮНЕСКО в 2011 (г. Москва). Занесена в энциклопедию «Лучшие люди России-2010».

СВАТОВСТВО

В доме тихо постукивали спицы. В ловких руках вязальщицы с каждым рядом провязанных петель вырастала мужская перчатка. Мысли о неразделённой любви вытекали слезами, застилая опухшие глаза и нарушая схему рисунка. Тася страдала и была на грани срыва. Она прокручивала в голове события последних дней и думала: где допустила ошибку? Ведь всё так хорошо складывалось, и вдруг на тебе — измена!

— Почему, почему, почему? Ведь ты говорил, что только я — единственная в твоём сердце, а сам за моей спиной с Нюрой шашни

крутишь! И та хороша! Подруга называется?! Врёт ещё, что ничего не было у них с Серафимом, что он ей безразличен. Да кто ей поверит! Разве можно в него не влюбиться... Ведь он такой...такой... Даже объяснить невозможно, насколько он хорош! — И вдруг, уткнувшись в готовую перчатку, уже осыпала её поцелуями горячих губ, представляя ладони того, кому предназначался этот подарок.

Её привлёк посторонний шум. Она выглянула в окно и заволновалась. Схватила зеркальце, припудрила заплаканное лицо.

Повозка, запряжённая гнедой лошастью, тихо поскрипывая полозьями, остановилась у околицы.

— Кто там? — отозвалась семнадцатилетняя хозяйка дома на стук в оконце, открыв дверь в сенцы.

— Люди мы торговые. Ездим по деревням да сёлам, товар добрый покупаем. Подсказали нам, что в этом доме как раз такой товар имеется. Ваш товар, наш купец!

«Ой, мамушка родимая!» — съёжилась она вся и, прикоснувшись ладонью к губам, быстро соображала, что надо отвечать.

— Есть такой товар, да слишком дорого стоит!

— А ты открывай, не томи, самим поглядеть охота!

Тася засуетилась, забегала по избе в поисках платка. Схватила с печи коричневую, окаймлённую толстыми кистями шаль, и выскочила в сени. Дёрнула щеколду и открыла дверь. На порожке стояли три человека: отец жениха, кум и дружка.

— Проходите, люди добрые! — пригласила она их в избу.

Войдя в дом, мужики сняли шапки. Фёдор Егорович перекрестился на образ Спасителя и, кашлянув в шапку, предложил одному из сватов:

— Ну, кум, говори ты!

Кум Иван помялся и без обиняков сказал:

— От Серафима мы... Сватаем тебя за него... Парень он хоть куда, тракторист! Сама знаешь — не последний человек на деревне и гармонист к тому же! Да и ты девка, знаем, незрящая, хозяйка вон какая! Всё у тебя на местах, чистоплотная! Чё уж тут говорить — пара хорошая!

Дружок Петька понимал, что выполняет серьёзную миссию, и больше всех был заинтересован в положительном результате этого дела. Зная Тасин норов, боялся, что она скажет «нет», и тогда Симка, пожалуй, как пить дать, раздружится с ним, чего он очень не хотел, и, впялившись глазами в Таську, гипнотизировал её, требуя мысленно сказать «да».

«И за каким чёртом его угораздило ущипнуть Нюрку за место ниже пояса! — мысленно ругал себя Петька. — Та, дура, давай орать и молотить его обеими руками. Симка, чтоб утихомирить разъярённую девку, ухватил её руки и заломил их ей за спину, вплотную прижавшись к её высокой груди. Со стороны можно было подумать, что он хотел её целовать. И надо было в этот самый момент Таське вынырнуть из-за угла. Увидев такое дело, та резко повернулась и ушла прочь. Напрасно Серафим дежурил несколько дней у её ворот. На его стук в окно она не подавала никаких знаков присутствия, а на плясках в избе тётки Вари весело хохотала с Илюшкой Апраксиным и пела задиристые частушки, намекая на его — Серафима — измену.

После очередной вечеринки Симка с Петькой подкараулили на обратном пути от Тасино дома расфранчённого Илью. Он был один у родителей, и достаток, царивший в его доме, позволял добротно одеваться. На нём были надеты суконные брюки, заправленные в новые валенки, овчинный тулупчик до колен и шапка-ушанка. Илья думал о девушке, которая нравилась ему до боли в сердце. Всё в ней ему было мило. Тонкая складная фигурка, длинная чёрная коса, спадающая до пояса, не давали ему покоя и снились почти каждую ночь. При встрече с ней он краснел от смущения и немел. Илья тайно любил её и боялся подойти первым. А когда подруга возлюбленной — розовощёкая Маня Бодаева — днём у пруда передала ему, что Тася хочет, чтобы он проводил её сегодня до дома после посиделок, он не стал долго раздумывать и сразу согласился.

Тася замечала постоянно следившие за ней с потаённой любовью глаза Ильи и выбрала его объектом мщения Серафиму.

— Что у тебя с Клоковым? — спросил он в первый день, провожая её до плетня.

— Ничего! Что было, то было поросло! — сказала она как-то неестественно бойко.

Ещё тогда ему подсказало сердце, что его ухаживания за Тасей будут напрасными.

— Илья! — окликнул его Петька.

— Кто тут? — не разобрал он зовущего.

— Поди, сюда! Тут к тебе разговор имеется!

Илья заволновался, но всё ж таки пошёл к амбару, где, пряча в карманах кулаки, ждал его с бойцовским видом Серафим.

— Ну, чё жених, в морду захотел?..

— Знать бы за что? — насторожился Илья.

— А ты как будто не зна-а-ешь?!

— Не знаю... Хотя, может быть, и догадываюсь.

— А коль догадываешься, тогда предупреждаю. Если ещё раз увижу тебя с Таськой, убью! — решительно прошипел соперник.

— Ну, это мы ещё поглядим, кто кого! — уверенным тоном охладил он пыл Серафима. — Это не нам решать, а ей!

— Вот и посмотрим, как она решит! — Симка резко повернулся к проторённой в сугробе тропинке и зашагал с другом к своему дому в соседнюю деревню.

Придя среди ночи домой, Симка открыл незапертую на засов дверь и осторожно, чтобы не разбудить домочадцев, прошёл за штору, лёг на кровать и забылся тревожным сном. Вопрос о женитьбе был решённым.

Утром за завтраком Серафим вдруг заговорил:

— Мам, небось устаёшь по хозяйству-то?

— Куда ж деваться, слуг у нас нету! — вздохнула она.

— Скоро помощницу в дом приведу, полегче тебе станет! — ошаршил он родителей.

Мать, сложив руки на груди, замерла, думая: о какой-токой помощнице идёт речь?

— Жениться я надумал, прошу вашего благословения!

Фёдор Егорович положил деревянную ложку рядом с миской, поправил указательным пальцем кончики усов, встал и перекрестился на образа.

— Дела так дела... — проговорил он нараспев. — На ком же женисси? — любопытствовал он.

— На Тасе Правкиной с Малиновки.

— Ксенофонта Никитича дочь, что ли?

— Да она самая! — и, не дав опомниться, протараторил: — Завтра сватов засылать будем, крёстного предупреди! — и, схватив шапку и пальто с гвоздя, выскочил в сени. Громыкнув дверью, он отправился в правление на разнарядку.

... — Ну, чё скажешь, согласна за Симку замуж идти аль нет? — спросил настойчиво Фёдор Егорович.

От радости у Таи перехватило дыхание. Гордость не позволяла сказать торопливо «да», и «нет» сказать было страшно. Вдруг они развернутся и уйдут навсегда, а ей останется пожинать плоды своей гордыни. Она и так казнила себя за то, что впутала в свою историю Илью, и не

знала, как распутать этот клубок. Ему она не позволяла даже обнять себя, не говоря уж о поцелуе в щеку. Как замирало сердце, когда на посиделках Симка разворачивал меха русской гармошки и красивым грудным голосом пел страдания. Ей так хотелось подойти к нему и на глазах у всех обнять, но тогда позо-о-ру было бы на всю деревню.

... — Ну, коль согласна, тогда давай сговаривать условия! Мать-то твоя Анна будет на свадьбе аль нет? — спросил Федор Егорович. Она что ж, гостить уехала иль насовсем? — любопытствовал он.

— Погостить... — неуверенно ответила Тася.

Мать так часто ездила погостить к старшим дочерям в Ленинград, взваливая на неё всё хозяйство и скотину, что ей хотелось поскорее выйти замуж в наивной надежде, что замужеством облегчит свою жизнь.

— Ну что ж, от тебя приданное, как и положено: одеялы, подушки и всё остальное, да две рубахи жениху! — конкретно заявил будущий свекор.

— А мне тогда платье и румынки! — выпалила она

— Румынки? — опешил отец жениха. — Да ты, я вижу, девка-то с запро-сами? Не-е, я не согласен!

— Тогда и я не согласна! — обиделась Тася. — С меня вон сколько, а с жениха ничего, что ли?

Фёдор Егорович, нахлобучив шапку, резко повернулся и скомандовал сватам: «Пошли-и, нам тут делать нечего!»

Петьку аж жаром обдало, когда опомнился, уж в санях были.

— Дядь Федь... — канючил он. — Симка ведь тебе этого не простит... Любит он её... Ведь из дому уйдёт!

— Как это уйдёт? — возмутился тот. А потом подумал, что так оно и выйдет, пожалуй, из-за какой-то обуви работника в доме потеряет, кормильца.

— Разворачивай, назад поедом! — крикнул он куму. — Мотькины румынки отдадим, недавно только сапожнику заказали, размер-то у них, похоже, один.

Выйдя из дома, Илья наткнулся на приятелей, с которыми вместе ходили на танцы. Они сообщили ему, что от Серафима к Таське поехали сваты. Он сгоряча рванул бежать к ней, чтобы успеть перехватить сватов и убедить её не выходить за Симку замуж. Ведь только он, Илья, может сделать её счастливой: он так сильно любит её, жалеет, на руках носить согласен, а потом вспомнил, как грустила она рядом с ним да всё звала туда, где Симка с гармошкой девок веселил, и вмиг остыл.

— Ну, если откажет им, я следом сватов засылать буду! — решил он. Но на следующее утро вся деревня трезвонила, что Таську сосватали. Он даже не пошёл выяснять с ней отношения, зачем, — и так все ясно.

...Серафим, притихший на печи, с нетерпением и некоторой оторопью ждал своих сватов.

— А вдруг откажет? Может, и правда она меня разлюбила, а Илюшку полюбила? Ну не может быть такого! Ведь замечал я её тоскливый взгляд, да и глаза у неё были на мокром месте, когда я нарочно с Нюркой заигрывал, а на неё не обращал внимания. А может, мне показалось? — мучился он сомнениями. — И чтой-то они так долго не едут? — поглядел он на ходики, висевшие на стене. Прошло всего полтора часа.

Он всё понял, когда увидел сияющие с ухмылкой глаза своего закадычного друга Петьки, и прослезился от счастья. Быстро смахнув предательски набежавшую слезу, он ловко соскочил с печи.

— Твоя и ничья больше! — стянув с головы шапку и махом шлёпнув ею об пол, сказал Петька и, потирая руки, предложил обмыть это дело.

— Ну, ну! Не торопись, чёртово отродье, не лезь вперёд всех-то! — шутя, прикрикнул на него Фёдор Егорович. — Мать, доставай поллитру и чего закусить! — попросил он жену.

Симка сидел как на иголках. Еда не шла в горло, а душа рвалась в Малиновку.

— Ладно, ступай, чего уж там! — сказал понимающе отец.

— Спасибо, батя! Простите меня, дядь Вань, Петьк! — извинялся перед гостями Симка.

— Беги, беги, дело молодое! — в один голос прокричали захмелевшие мужики.

Радостно забилося сердце, когда под окнами скрипнул снег от чьих-то сапог. Тася ждала своего возлюбленного и была уверена, что это его шаги. Что-то необъяснимо волнующее тянуло за дверь. Хотелось лететь и раствориться в счастливом мгновении встречи. Она резко распахнула дверь и застыла. Симка тяжело дышал, пальто нараспашку, шапка сбилась на затылок. Он бежал всю дорогу. Минуту молча они смотрели друг на друга, как заворожённые.

— Любань моя! — широко раскинув руки, с такой ласковой нежностью, наконец, произнёс он эти слова, что она не помнила, как оказалась на его руках и осыпала, осыпала его лицо жаркими, мелкими поце-

лудами, будто сошла с ума. И опомнилась лишь после того, как услышала его залиvistый смех. — Ну хватит, хватит, задушишь ведь! — счастливо упрекал он свою невесту.

Разрешив пройти в дом, Тася не знала, что нужно делать дальше. Она стала суетиться, бегать, хлопать заслонкой в печи. Ей хотелось чем-нибудь его угостить и показать, какая она хозяйка, чтоб он не сомневался в своём выборе. Но он подошёл к ней, взял за руки и так по-мужски посмотрел на неё, как умел смотреть только он, что она обмякла вся и припала к нему на грудь. Ей было уже всё равно, что будут говорить про неё люди, но он не стал задерживаться надолго, боясь наделать глупостей. Пусть будет всё как у людей, уж слишком она была ему дорога, потерпеть оставалось недолго. Когда он ушёл, она, остыв от горячих приливов любви, до самого утра не сомкнув глаз, всё ругала себя, стыдила за проявленную женскую слабость.

Утром, придя на ферму, бабы вздыхали, приговаривая: «Эх, хе, хе... Бабы каются, а девки замуж собираются!.. Эх, Тася, уж больно свёкор-то у тебя строгим будет, наплачешься ты с ним! — жалели они девушку.

— Ничего, уважу как-нибудь, зато тётка Федора — хорошая женщина! — успокаивала себя вслух Тася.

— Что ей, со свёком, что ль, жить? У неё Симка вон какой! Пожалее, в обиду не даст! — раскидывая сено по кормушкам, из разных концов фермы кричали девчата, её подруги, Маня Бодаева и Полечка Попова.

— Таська, Илюшка сено везёт! Чернее тучи! — чуть погода влетев в коровник, крикнула Маня. — Мы тут, если чё, крикни!

Илья подъехал к ферме, привязал к столбу вожжи, взял вилы и стал скидывать с воза сено. Тася решила положить всему конец и пошла перед ним виниться.

— Илья! — только лишь успела произнести она.

— Молчи! И никогда, слышишь, никогда не подходи ко мне, я не хочу больше тебя видеть! — чужим голосом предупредил её обманутый жених и, со злостью воткнув вилы в сено, поспешно удалился.

Тася окаменела, не ожидая от него такой резкости и, фыркнув, пошла в коровник.

Не пройдёт и месяца, как он сосватает в жены соседскую девчонку, которая родит ему впоследствии двоих детей, а Тасе выпадет нелёгкая доля — в начале войны похоронка известит её о гибели Серафима.

**СЕРГЕЙ
ФИЛАТОВ**
(г. Бийск)

Родился 01. 06. 1961 в Омске. После окончания Алтайского политехнического института в 1985 году работал инженером технологом, сотрудником заводской многотиражки, начальником лаборатории, директором коммерческого предприятия, заместителем директора по маркетингу ОАО «Иткульский спиртзавод», помощником ректора в АПГУ, редактором городской газеты. Почти полвека живёт в Бийске.

Участвовал в краевых семинарах молодых литераторов, участник IX Всесоюзного совещания молодых литераторов (1989). Учился в Литературном институте им. А. М. Горького.

Стихи и проза публиковались в краевой, российской и зарубежной периодике, в коллективных сборниках, в антологиях, самостоятельными изданиями. Автор шести поэтических книг и двух книг прозы. Лауреат краевой премии им. В. М. Шукшина (1995), премии Бийского отделения Демидовского фонда (2000), городской муниципальной премии (2004), краевой литературной премии им. Леонида Мерзликина (2006), в составе коллектива редакции альманаха «Бийский вестник» премии им. А. Н. Некрасова Петровской академии наук и искусств (2008), в составе коллектива авторов антологии «Состояние пространства» (авторский альманах «Август») — краевой премии им. Г. П. Панова (2009). Победитель Московского международного конкурса «Золотое перо 2008». Лауреат премии журнала «Огни Кузбасса» в номинации публицистика за 2011 год, лауреат премии имени Александра Дунина-Гаркавича «За значительный вклад в деле сохранения и приумножения культурных и литературных традиций Сибири» (2013).

В различные годы редактировал альманахи «Бийск», «Музейный вестник», «Чуйский тракт», «Бийский вестник». Сейчас — заместитель главного редактора альманаха «Тобольск и вся Сибирь», входит в общественный редакционный совет журнала писателей России «Огни Кузбасса». Член СП России. Член-корреспондент Петровской академии наук и искусств.

САШКА-ТУБИК, НОЙ И ДРУГИЕ

Клены под окном подросли и стали закрывать от меня солнце.

По утрам я уже не чувствовал всей полноты его живительных лучей. Тех, что будили меня раньше сквозь полупрозрачные занавески, еще до того, как я перестал воспринимать мир в сплошном единстве светового потока. Это случилось незаметно, но с какой-то неукоснительной неизбежностью постигло меня именно в том возрасте, когда свет перестает быть главным проводником восприятия мира.

Пожалуй, это обстоятельство не столько пугало меня, сколько успокаивало и отдаляло от повседневной суеты. Я, так же, как всегда, выходил во двор, так же общался с соседями... Мы сидели на скамейке возле подъезда, курили и разговаривали ни о чем.

Словом, общались, как обычно общаются соседи.

— Странная скотина лошадь, — говорил сосед из десятой квартиры, — бегают, вроде, быстро, а на ногах держится плохо. То ли дело корова...

— Ну не скажи, — отзывался сосед из пятой.

— Точно говорю, — заводился тот, что из десятой.

Он жестикулировал, и от этого казалось, что пальцы его изогнуты «козой». На самом же деле он не был приклатненным. Просто в молодости по ротозейству он оттяпал безымянный и средний пальцы правой руки циркуляркой. Не полностью оттяпал, наполовину... Вот со стороны и создавалось такое впечатление.

— Ну, опять Степаныч пальцы гнет, — смеялись соседи.

— Да идите вы... — горячился Степаныч. — Лучше послушайте, что говорят... Я раньше, когда шоферил в автоколонне, возил на мясокомбинат и лошадей, и коров. Приходилось... Так вот, когда притормозишь

резко — колдобина там, или ямка какая — коровы крепко на ногах стоят. А лошадь запросто на бок завалиться может... Точно говорю! А вы ржете...

— Да ладно, верим, верим, — соглашались мужики.

— То-то, — констатировал Степаныч, и лицо его расплывалось в довольной хитроватой улыбке.

Надо сказать, что подобные соседские посиделки никогда не прельщали меня. Но лето, жара... какая-то леность и самодостаточность бытия делали своё: я, как все, выходил во двор, желая чем-то наполнить своё существование, сидел, курил, слушал ничемные разговоры, сам, впрочем, редко участвовал в них; хотя, и такое, пассивное участие, казалось соседям неким единением. Они воспринимали меня частью подъездного общества, «своим»...

Итак, лишённый по утрам радости солнечного света, я, всё-таки, жил; и жил, не ощущая при этом особенных неудобств. Конечно, где-то в глубине души, мелко-мелко, комариным зудом, вспыхивала иногда тревога, но я тотчас отгонял её прочь, как назойливое насекомое, отмахивался от нее и забывал.

А зря... Нужен, необходим был моей душе тогда всемирный потоп. Как в своё время Ною, чтобы ощутить себя спасителем всего сущего, взойти на свой Арарат и взглянуть с высоты на мир тем взглядом, которого мир заслуживает.

«Если действительно лошадь столь неустойчива, — думал я, — то...» На этом мысль моя обрывалась, и я никак не мог понять, что же из этого следует. Я мысленно возвращался к Ною, сходящему на твёрдую почву Арарата. Что бы я сделал на его месте?.. Да то же, что и он — напился бы. Как это верно подметил «отец Емельян» (Ярославский), первым действием Ноя на твёрдой Араратской земле была именно попойка. Замечу, что в сущности Ной был первым настоящим моряком. И сегодня любой уважающий себя моряк, ступая на твёрдую почву, первым делом, согласно традиции, укоренившейся с Ноевых времен, напивается... А уж потом все остальные радости бытия...

Впрочем, я отвлёкся. На самом деле всё обстоит проще и приземленнее. Когда соседское общение грозило перерасти в совсем скучный треп, кто-нибудь, чаще всего это был Степаныч из десятой квартиры, начинал нетерпеливо озираться по сторонам,

— Вот ить, погода... Жарит и жарит. Ни тучки...

— И то верно, — обстоятельно соглашались с ним остальные.

Всем становилось понятно, что потопа не предвидится, а потому и Ноями им сегодня не ступать на землю Арарата...

— Может по пиву, — разрешал кто-то всеобщие сомнения.

— И то, — согласно кивали другие.

Скидывались, находился кто-то самый молодой, который быстро командировался к соседней пивной точке, за углом. И посиделки превращались в обыкновенную пьянку. Впрочем, не всегда в пьянку, чаще просто в безобидное питье, ибо на настоящую пьянку не хватало средств. Да и жёны бдели неустанно. Потому банка с пивом стояла под столом, и наливали тоже осторожно, чтобы, не дай Бог, не попасть на глаза женщине, развешивающей на балконе белье, или просто выглянувшей в окно, посмотреть, чем там занимается благоверный...

В нашем подъезде жил Сашка-доходяга. Его нельзя было назвать полноправным жильцом; жил он в подвале, тихо жил, никого не трогал, и его никто не гнал — ну живёт и живёт. Откуда он появился полгода назад, никто не знал. Предполагали, что с зоны. Ещё, поговаривали, что Сашка «тубик». Хотя никто этого наверняка не знал. Вообще, жил он как-то сам по себе: никто им не интересовался, сам он ни с кем не заговаривал, только иногда спрашивал сигаретку. На какие средства Сашка существовал, сказать трудно. Знали, что собирает бутылки. И всё. Однако на бомжа он был мало похож: одевался не броско, но аккуратно, почти всегда был выбрит. Словом, если не знать, то и не скажешь, что человек в подвале живет.

Обычно он выходил и сидел на скамейке один. Днём, когда все обитатели подъезда были на работе или занимались другими делами. Сидел и курил. Курил и читал.

Как-то, случайно, я обратил внимание, — Сашка читал Достоевского. Признаюсь, меня это несколько удивило.

— Ну и как Фёдор Михайлович?.. — Стараясь не выказать своего удивления, поинтересовался я.

— А?.. — Не понял Сашка.

— Как Достоевский?

— Глубже, чем Лев Николаевич. Нравоучений меньше, и задуматься заставляет.

— Да, — согласился я, — как правило, чем больше человек пережил, тем меньше других учит жить...

Сашка согласно кивнул.

— А что, Михалыч, не бутылки выбрасываешь? — Он указал на пакет с мусором.

— Нет. — Успокоил его я.

Сашка вновь погрузился в чтение. А я пошёл выносить мусор, думая о Достоевском и о Сашке. Что-то здесь у меня не стыковалось: петербургские дворы и наш провинциальный дворик, Раскольников и Сашка... Что может их связывать. Чем дольше я думал, тем отчаяннее не понимал, тем больше хотелось отмахнуться от этих мыслей...

Так сложилось, что мусор в нашей семье постепенно стал моей обязанностью. Жена занималась стиркой и готовкой пищи, сын — подготовкой к вступительным экзаменам. Им было не до мусора, и волей неволей выносить приходилось мне.

На другой половине квартала стояли мусорные бачки. Туда я и отправился. Как обычно, возле бачков дежурили «старатели» — местные бомжи. Они сидели вдвоём, старик и мужчина лет сорока, оба одинаково оборванные, грязные, помятые. Невольно вспомнил Сашку. Нет, он совсем не походил на бомжа...

Двое выжидающе потягивали один «бычок».

— Что там у тебя? — Нагловато, со знанием дела спросил тот, что помоложе. — Не бутылки?

Мне почему-то не понравился его нагловатый тон, и я ответил довольно резко,

— Бутылки я бы Сашке отдал!..

— Тубику что ли? — Мужичок усмехнулся. — Ну-ну... Кон-ку-рент...

Что-то нехорошее почудилось мне в этом «ну-ну», впрочем, наверное, почудилось. Я вывалил мусор и пошагал домой. Минут через пять я уже забыл этот инцидент, как глупый и незначительный.

Ощущение света вернулось внезапно. Я возвращался из очередной командировки на рейсовом автобусе «Рубцовск-Бийск». Думал о том, что все дела в Рубцовске сделаны по полной программе, можно расслабиться и подремать. Наверное, я и задремал, потому что некоторое время состояние полусплю — всё вижу, но ничего не воспринимаю не покидало меня. Автобус резко тряхнуло на одном из многочисленных объездов, и я очнулся.

Очнулся. И поразился. Поразился не тому, что происходило в автобусе: пассажиры в большинстве своём мирно дремали, кое-кто жевал пирожки, кто-то разговаривал с молчаливым соседом; поразился происходящему вокруг автобуса. Мы въехали в какой-то световой туннель. Трудно это описать словами, по обе стороны дороги стояли вечеряющие графические березы: они были чёрно-белые, никаких других цветов не присутствовало; а сверху на них падал купол света, весь состоящий из тонких хрустальных капилляров, по которым мерно и торжественно лились световые нити. Ощущение какого-то импровизированного нерукотворного храма...

Всё это продолжалось довольно долго — минут десять. И казалось странным, что никто из окружающих этого не замечал. Впрочем, мне до них не было дела. Я чувствовал, как постепенно растворяюсь в этом хрустально-березовом тоннеле, и умиротворение переполняет меня. Я был Ноем, плывущим в потоке света.

Однако всё рано или поздно кончается. Автобус затормозил и остановился в пункте дорожного сервиса. Там уже стояло несколько машин, в том числе и встречный бийский автобус. Это был один из тех запланированных оборудованных пунктов остановки, где пассажиры могут перекусить, справить нужду, просто перекурить в конце концов, словом, сделать всё, чтобы и в дальнейшем чувствовать себя комфортно.

Ещё Ноем ступил я на твёрдую землю. Меня ещё покачивало от дорожной тряски, но я чувствовал себя прекрасно. Конечно же, сейчас зайду в кафе и выпью грамм сто водки. И я пошёл по твердой земле по направлению к кафе «Арагат».

... Первым, кто попался мне навстречу, был Степаныч!.. Он широко развёл руки, пальцы, как обычно, были «козой»,

— Привет!

— Здорово, Степаныч! Ты... как здесь?

— Да вот к дочке в Барнаул поехал...

Мы разговорились. Зашли в «Арагат» и выпили аж по сто пятьдесят. Степаныч настоял.

— По двести много. По сто — ни туда, ни сюда...

Он размахивал «козой», был возбуждён. Наша случайная встреча сильно вдохновила его.

— Долго же ты ездил, — как-то по отечески выговаривал он.

— Да ну, Степаныч, три дня всего.

— Ха, — громко выдыхал он, — за это время уже всю улицу нашу перерыли. К ремонту готовят. Клёны подстригли...

Я слушал Степаныча и думал, что солнце теперь вернётся ко мне. Не зря же я проехал через световой тоннель, это был знак. А в том, что именно знак, я уже нисколько не сомневался.

А Степаныч всё говорил и говорил о своём,

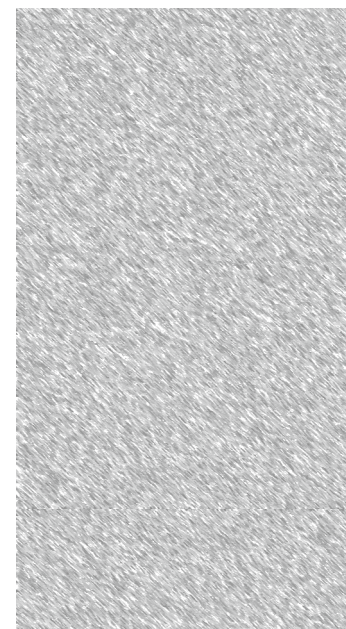
— Вообще, очень много изменений... Да-а, Сашку убили, доходягу. Запах в подъезде кто-то с первого этажа почуял, спустились в подвал. А он там весь избитый, разлагаться уже начал. Менты потом говорили: от побоев умер... Предполагают, что «свои», бомжи его уделали... Хотя точно никто не знает.

Я слушал Степаныча и не понимал, не мог понять: «Сашку?.. за что?.. Неужели, из-за бутылок!..» — вертелась в голове смутная догадка.

Я знал, свет вернулся ко мне. Но это уже был не тот свет: не тот, что раньше...

ПОЭЗИЯ

ЛАРИСА АБДУЛЛИНА
(г. Уфа)

Лариса Хашимовна Абдуллина — сотрудник газеты «Башкортостан», работает в отделе литературы и культуры. Она член Союза писателей Башкортостана, лауреат Республиканской молодежной премии имени Шайхзады Бабича, автор нескольких поэтических и одного публицистического сборника. Обладатель Гран-при межрегионального фестиваля «Родники вдохновения». Ее стихи вошли в «Антологию поэзии Башкортостана», печатаются во всех республиканских изданиях, а также публиковались в журнале «Наш современник» (Москва), в международном литературно-философском журнале «Чётки». Лауреат II Международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон-2016».

* * *

Эх, воли, воли ждёт душа моя,
Одно желание — выплеснуться ввысь.
Как те мечты, что к небу поднялись,
Вернётся, знаю, в сети бытия.
Но нестерпимо, словно звёздный шар,
Она, пылая, ширится во мне —
Наверно, звёзды видела во сне
И в небо рвётся бедная душа.

* * *

Аномальное лето дань свою
Вдвое выдало, боль заплечную
К дубу привалю и стою — таю,
Как же, плечи, вы покалечены.
Ночи летние —
Бесконечные.
По второму кругу подснежники
Расцвели — стоят злыми свечками.
Лишь скворец один над скворечнею —
Значит, ждать и мне пары нечего.
Вдвое ягодник парит нежностью,
И до сладости солнце жгучее
Прокалило горечь калинову.
Лето хоть вдвойне — а недлинное,
Вот и дубу листья всё скрючило.
Словно к милому, к дубу льну спиной
Я — одна в сезон бесовской двойной.

* * *

Твой облик, как на счастье амулет,
Не блекнет у меня день ото дня.
Не знаю — лучше, что тебя со мною нет?
Тебе ж не сладко, знаю, без меня.
Всё продано, и жизнь твоя пуста —
Раздолье для тебя со всех сторон.
Но до поры лишь ты свободен стал,
Как до поры лишь был закабалён.

ТВОИ РУКИ

На руки не ропщу твои, родной,
Ведь к небу подняли над далями земли
И по мосту, что с нитку толщиной,
Над пропастью бездонной провели.

Как обижаться, если руки те
Охалки роз несли к моим ногам,
Баюкали с любовью в темноте
И ставили кровати сыновьям?
Какая может быть на них вина? —
Волос касались, словно два крыла,
И лаской их душа утолена,
И в ласке их душа моя росла.

Твои ведь руки, ты же — мой родной,
И каждый их поступок, значит, — мой.

СТАНИСЛАВ АЙДИНЯН
(г. Москва)

Станислав Артурович Айдинян — художественный критик, поэт, прозаик, журналист. Родился 13 апреля 1958 года в Москве. Окончил филологический факультет Ереванского государственного университета. Член Союза российских писателей (2002), член Союза писателей-переводчиков (2010), Южно-русского Союза Писателей (2004), Всеукраинского творческого Союза «Конгресс литераторов Украины» (2007). С 1984 по 1993 — литературный секретарь А. И. Цветаевой, сестры М. И. Цветаевой.

* * *

Корабль снов дрейфует под луной,
Одет её безумными лучами.
Он отражает страсть своей кормой,
Он жизни ветер ловит парусами.

Но сон пройдёт и призрачный корабль,
Что снится как седым, так и безусым,
Причалит к прозаичным берегам,
Иль разобьётся о скалу бездушья...

* * *

Как грустно, что уходят корабли
В закатные лазоревые дали, —
Они плывут на край мечты-земли,
Они уходят в гавани печали

И там, сложив навеки паруса
Своих надежд и грустных сожалений,
Они идут на дно, в свою печаль,
Где парус не отбрасывает тени...

* * *

Я предрекаю восхождение
В груди,
В земле,
Во лбу,
В зари —
Средь скал запел Орган Вселенной
И трубный глас зовёт —
— Взойди!

* * *

Весь мир — органный звук,
В котором ноты — тайны,
И рокот — трубный глас
Над ледяной землёй,
Где шепчутся миры...
Огромней и случайней
Чем неба — нет игры
Над зеркалом — водой.

* * *

Тоскою страждущих извечно полон мир.
И падает в зияющие бездны
Тяжёлый камень
Из сердец железных
На дно исповеданных глубин...
Но исповедью растворится мгла
И небосвод раскрыт —
Лучом надежды.
И снова свет сияющий и нежный
Позолотит у птицы два крыла...

**МАРИНА
АЛЕКСАНДРОВА**
(г. Нижневартовск
Ханты-Мансийского АО)

Александрова (Шворнева) Марина Григорьевна родилась 24 октября 1960 г. в г. Худжанде (ранее Ленинабадом). Работает лаборантом в Нижневартовском нефтеперерабатывающем объединении. Автор пяти сборников стихотворений. Член Союза Российских писателей, Союза писателей-переводчиков при Московском городском отделении Союза писателей России, Российского писательского союза, Русского литературного клуба. Председатель Содружества писателей Нижневартовска, входит в Координационный совет Ассоциации писателей Урала. Лауреат II Международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон-2016».

ДАЧА СТАЛИНА

Страна была сохранена.
Семья — работа и охрана.
По-человечески трудна
Судьба «героя» и «тирана».
К нему не чувствую родства.
Но эхом в зале заседаний
Звучат далёкие слова
И тосты в пиршественном зале:
В тени реликтовых деревьев
У грандиозного камина.
История, не постарев,
Продолжится неутомимо.

ВРЕМЯ

Что время, если вечность есть?
Что вечность, если нет минуты?
Я постараюсь всё успеть,
Секунды бьют, года идут, и:

Огромный мир вдруг станет мал,
Ребёнок маленький — огромным,
А тонкий луч, что нас связал,
Стальным канатом тонкоствольным.

Вдруг станет сеть вокруг Земли
И осязаемой, и прочной:
Дороги, чувства, мысли, дни
Опутает прицельно-точно.

И шестерёнками часов,
Связуемы и уязвимы,
В сети останемся для снов,
без дел, без времени хранимы.

МУДРОСТЬ

Мария. Машенька тогда.
Кузьминична — для нас.
Душевым словом, как всегда,
Так вспоминала раз:
«Спешила папе рассказать
про школьные дела,
Что я работала «на пять»,
А та — плохой была»...
А папа мне сказал: «Присядь,
Прикрой ладошкой рот.
Ты вспомни, повтори, опять
Хорошее придёт.

И, Машенька, подумай, дочь:
 Расскажешь о плохом,
 И зло помчится дальше прочь,
 Как с горки снежный ком.
 Зачем плохое прибавлять?
 Ты промолчи о нём.
 Как речка не уходит вспять,
 Слов не забрать потом».

ЦЕНА СВОБОДЫ

«Раскройся!» — нараспашку я давно.
 «Расслабься...» — я давно пылинка в поле.
 Судьба вращает дней веретено.
 Дожди с ветрами — дань весёлой воле.

Опасно раскрываться в наши дни.
 Печали поджидают — не награды.
 Попробуй песни в сердце сохранить,
 Запрятать песни... Разве это надо?

Опять услышим трели соловья.
 Как счастливо соловушке поётся!
 Нет в песнях тех ни злобы, ни вранья.
 В них свет закатный, поздний лучик солнца.

МАРГАРИТА АЛЬ
 (г. Москва)

Маргарита Аль — поэт-авангардист, философ, общественный деятель. Председатель Первого Всероссийского литературного фестиваля фестивалей «ЛиФФт». Главный редактор журнала «ЛиФФт». Заместитель главного редактора журнала «Журнал ПОэтов ДООС». Автор книг: «Утверждение отрицания», «Два метра квадратных 999 пробы», «Миражи знь», «ИЩИ», «Миражисты».

ВРЕМЯ

это невероятно
 но время вместило всех
 время вместило всё
 время вместило время
 как выдох вмещает вдох
 нет ни границ ни войн
 у каждого свой полёт
 у каждого свой билет
 у каждого место своё
 по лужам бегут дожди
 по людям плывут слова
 и это всё тот же миг
 всё тот же прекрасный миг
 это невероятно
 но время вместило всех
 время вместило всё

МЫ ЖИВЁМ В ОДИНОЧЕСТВЕ

между морем и берегом
между громом и молнией
между прошлым и будущим
между внешним и внутренним
между смертью и вечностью
мы живём в одиночестве
как сквозное дыхание
между вдохом и выдохом

* * *

во сне я обнаружила нетронутое
временем пространство
мечты

как вещий сон
о прошлом кто из мёртвых не мечтал
чья ёлка я
на празднике каком
под тяжестью шаров янтарных
под серебром и золотом гирлянд
чей фейерверк
ликует надо мной

* * *

мой мир — его не удержать
я в нём
а он во мне
я не могу понять
как я могла не быть
как он мог быть где не было меня
откуда эти люди и моря
явились вдруг на фоне вечных звёзд
зачем я человек
зачем не навсегда

**ЗУЛЬФИЯ
АЛЬКАЕВА**
(г. Электросталь,
Московская обл.)

Зульфия Юнировна Алькаева — поэт, литературовед, эссеист, журналист и редактор.

Родилась в г. Ногинске (Богородске) Московской области, живёт и работает в Электростали. Замужем. Воспитывает двоих детей. В 1995 году окончила факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова. Член Союза писателей Москвы, Союза писателей XXI века, Международного Союза журналистов, Русского ПЕН-Центра.

Лауреат газеты «Литературные известия» за 2013 год в номинации «Критика и литературоведение». Вошла в лонг-лист международной литературной премии «Писатель XXI века» (2014) в номинации «Поэт XXI века». Выпустила пять книг стихотворений: «Воздушные пробки» (Москва: «Академия поэзии», 2006 г.), «С поправкой на любовь», Москва: «Нонпарел», 2009 г.) «Дождь в стиле тетрис» (Москва: «Нонпарел», 2009 г.), «Шанс чистовика» (В. Тырново, Болгария, «ИВИС», 2010 г.), «По периметру» (Москва: «Вест-Консалтинг», 2014 г.). Лауреат первой степени II Международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон-2016» в номинации «Поэзия. О Крыме».

* * *

1.

Ассольно вздыхает
и в ноги ложится волна...
Горяч, как в Шанхае,
фонарик восхода и дна.

Кораллы непрочны,
но бусы из них раскупают.

2.

Белых рыб, распластанных по небу
поглотила синяя волна.
Белой пеной расплылись по небу
рыбы неба
и достигли дна.
В глубине,
разбитые о камни,
потеряли рыбы чешую.
И теперь я голыми руками
белые ракушки достаю.

3.

Я думаю про иловое ниловое,
про время, когда солнце апельсиновое
сочнее было раз, допустим, в пять,
и гениев земля могла рождать...

Мы все из Африки, — открыл учёный муж, —
как Пушкин, соловей российских стуж.
Мы все — вторые. Пушкин первым стал,
чтобы гордыни червь нас не сожрал,

Ценили чтобы русский свой язык,
хотя язык к нему как будто бы привык.
Он — золото, и, может, серебро,
то, что когда-то в Крыме залегло.

О, Пра! О, колыбелька-Коктебель!
Пейзажей нереальных акварель.
Я слышу, как звенит Маринин рай:
О, дай любви! Потом уж отбирай...

И найден был у моря сердолик.
И рот к нему, как к яблоку, приник.
Марина и Серёжа... Таял Крым,
предвосхищая роковой экстрим.

... Я помню про тарусско-парусиновое,
про время, когда солнце апельсиновое
сочнее было раз, примерно, в пять,
и гениев земля могла рождать!

**ВИКТОРИЯ
АНФИМОВА**
(г. Симферополь)

Родилась в 1977 г. Живет в Симферополе. Поэт, журналист. Член Союза писателей Крыма, Союза писателей России, Союза писателей Восточного Крыма. Автор трёх поэтических книг: «Чаша дня» (2007), «Лабиринт» (2009), «Окно на шестом этаже» (2013) Автор около 300 публикаций в изданиях Крыма, России и за рубежом. Публикации в журналах «Чёрное море», «Алые паруса», «Крым», «Литературная Феодосия» и др. Дипломант Всеукраинского поэтического фестиваля «Пушкинское кольцо-2008», лауреат Международного поэтического фестиваля «Пристань менестрелей-2010», лауреат Международного конкурса «Литературная Вена-2011» (Австрия), лауреат Первого фестиваля творческой элиты Крыма (2013), победитель «Конкурса одного стихотворения на LITER-RM.RU» (Мордовия, (2015 г.). Координатор ежегодного Республиканского литературного семинара молодых авторов Крыма. Заместитель главного редактора газеты «Литературный Крым». Руководитель Республиканской литературной студии им. Н. Кобзева.

* * *

Завалило Москву снегопадом,
А у нас снова дождь, снова дождь...
Согревают сердца те, кто рядом,
Кого любишь, и знаешь, и ждёшь.

Пусть декабрьский день так недолог —
Вечер манит уютным теплом,
Когда мгла опускает свой полог
И притихшим становится дом.

И легко так теплом поделиться
И найти для любимых слова...
Дождь идёт снова в крымской столице,
Снегопадом объята Москва.

* * *

Тридцать дней января на исходе.
В окна бьётся назойливый дождь.
Не печалься о крымской погоде —
Мокро, холодно, ветрено... Что ж,

Значит, завтра всё будет иначе,
Шарф накинёт на плечи февраль.
А смешная девчушка-удача
Улыбнется и скажет: «Миндаль

Уже выпустил первые почки
Там, у моря, за горной грядой.
Тонкоствольный подснежник листочки
Гордо поднял над талой водой».

Тридцать дней января на исходе.
Белый лист на столе у окна.
И послушная ручка выводит:
«Не печалься, я близко. Весна».

* * *

Август кончился. Слава Богу!
Дождь чуть слышно шуршит в листе.
Истончается понемногу
Образ прошлого, и в канве

Новой книги — другие лица,
Жизнь иная. Хотелось бы
Тонкой пряжей надежды виться,
Что в запасе есть у судьбы.

Август кончился. Лишь приснится
Дней осенних янтарный мед.
И в руках моих золотится
Спелой груши душистый плод.

* * *

Мне приснилось, что снова осень...
Ветер гладит деревьев руки.
Даль темнеет неспешно в восемь.
Заглушая слова и звуки,

Ночь приходит совсем другая —
Не игриво и с томной лаской,
А с горячею чашкой чая,
С доброй книгой и старой сказкой,

С мягким пледом и светом лампы,
И друзей домой не отпустит...
Осень любит дарить эстампы,
В них так много тепла и грусти.

Сердце нежных объятий просит,
Возвращения в своё, родное...
Мне приснилось, что снова осень.
Да и верно — сентябрь. Второе.

НАТАЛЬЯ АХПАШЕВА
(г. Абакан)

Наталья Марковна Ахпашева. Родилась в 1960 г. в селе Аскиз Республики Хакасия. Образование: Красноярский политехнический институт, Литературный институт им. А. М. Горького. Автор шести поэтических сборников. Стихи публиковались в ряде сибирских литературных журналах, а также писательских еженедельниках «Литературная газета» и «Литературная Россия». Член Союза писателей России. Член Союза журналистов России. Кандидат филологических наук. Заслуженный работник культуры Республики Хакасия. Награждена медалью Кемеровской области «За особый вклад в развитие Кузбасса», орденом Совета старейшин родов хакасского народа «За благие дела». Живёт в Абакане. Работает в Хакасском государственном университете им. Н. Ф. Катанова.

* * *

Гранитный бог
сквозь времена глядит.
Как жадным червем, изъязвлён гранит.
Ковыльную растрёпанную гриву
века за веком ветер тербит.

Дождь или снег —
всё в свой приходит срок.
Гранитный лик однообразно строг.
Тропинка муравьиная пунктиром
пересекла недвижимый зрачок.

На гребнях гор
густой закат лежит.
Длиннеют тени от курганных плит.
И возле остывающего камня
змея, в клубок свернувшаяся, спит.

* * *

По степи на лошаёнке тощей
ехала горбатая карга.
Ворон на горбе крылом полощет.
Следом пёс — подбитая нога.

Тусклый взгляд от старости слезится.
Как пергамент, сморщилось лицо.
И на солнце весело искрится
в правом ухе жёлтое кольцо.

Заполдень горбатую старуху
нагоняет молодой дурак.
Наклонился к золотому уху:
— Дай дорогу, так тебя растак!

И пропал на сторону заката...
Лошаёнка мнёт степной ковыль.
За хозяйкой старой и горбатой
пёс хромает и глотает пыль.

Круг земли от солнца отвернулся.
Потемнели горные горбы.
Пёс завыл, а ворон встрепенулся.
Что за там знамение судьбы?

Пёс завыл, а ворон опустил
на высокий одинокий холм...
— Вот где ты, дурак, остановился!
Будешь мне пригожим женихом.

* * *

Спит в снегах кержацкое гнездовье.
Ключья мха на лиственничных срубях.
Высветит улыбкой счастье вдовье
до корней изъеденные зубы.

Кончиками пальцев приласкает
городские броские обновы.
— Что ж Господь меня не прибирает?
А с иконки пыльной взгляд суровый.
В тесных окнах солнышко застыло.
Во дворе за минус сорок, верно.
Загустела в наших тонких жилах
злая кровь угрюмых староверов.
Отгремело время горевое
по таёжной этой глухомани.
Затхлостью насыщен и покоем
дух в избе. Давай родню помянем!
И не так уж здесь заезжим рады:
птицы божьи, были — улетели...
Сгнули старательские клады,
дедовы обрезы заржавели.
По углам тихи святые лики...
А и вспомнят внуки пожилые
резкий вкус оттаявшей брусники
и груздочков слитки золотые.
На сугробах крыши — как заплаты.
Дым жилья в небесный свод вмерзает.
И нам вслед с часовенки горбатой
крестовина чёрная взлетает...

**АЛЕКСАНДР
БАРАНОВ**
(г. Ялта)

Баранов Александр Васильевич родился в 1997 году, проживает в Ялте. Учится в Симферополе, на третьем курсе факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, автор поэтического сборника «О чём хотел бы я сказать», член Союза российских писателей, дипломант и победитель литературных фестивалей, семинаров таких как «ЯЛОС» (приз зрительских симпатий и первое место 2013, 2016), Республиканский семинар молодых авторов Крыма (победитель в прозе, 2016 и в поэзии — 2014), фестиваля «Крымская весна-2016» (первое место).

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Прочти послесловие летнее
На жарких страницах заката.
В нём слёзы и в нём осмысление
Всего, чем дышали когда-то...

Впитались в бумагу с чернилами
Полудня цветочного робость,
Признания нами хранимые
В любви настоящей, до гроба!

Хотел небосвода жемчужину,
Тебе — поднебесной, достать я.
И вечер, прибором разбуженный,
Луну брал неспешно в объятия

А после — сонливость, задумчивость,
Прохлада предутренней дымки.
Уверенность в том, что мы лучшие...

И порванные фотоснимки.

Прочти послесловие летнее —
Прощание чувства живого,
В нём слёзы и в нём одобрение
Всего...
без единого слова.

УТОПИЯ

Неужели приблизилось лето
Светлой радости и доброты?
Мне сегодня сказали об этом
Новым запахом травы, цветы.
Неужели дождались, дожились —
По земле разошлась благодать
И бежит у дышащих по жилам,
Не умеющих — учит летать...

Позабывших о чувствах крылатых
Навестит скоро память о них,
Положивший мечи, снявший латы
Человек будет страшно раним.
Он не сможет тогда уклониться
От любви, бьющей молотом в грудь.
Он без шлема увидит те лица,
Что с порога не гонят, а ждут.
Вместо жадных собратьев и диких,
Рвущих кожу друг другу во льду —
Только лето, где солнечно, тихо,
И Земля с Небесами в ладу...

**ОЛЬГА
БОРИСОВА**
(г. Самара)

Автор поэтических сборников «Как молётен день», «Отражение», «Времена и время», «Шагаю в день». Переводит с болгарского, французского, английского, финского и чешского языков. Победитель и призёр международных поэтических конкурсов, в том числе: 1-е место на 35-ом международном конкурсе «Цветочные игры в Пиренеях», 2 место в международном конкурсе «21 игры цветов», Пиренеи (2014). Призёр международного фестиваля «Славянские традиции-2014 г.» (Крым), Московского международного литературно-музыкального фестиваля-конкурса имени С. Клычкова «Душа моя, как птица...», международного конкурса «Посох и Лира», серии Международных литературных конкурсов «Большой финал». Победитель, международного фестиваля «Славянские традиции — 2015, 2016 гг.», лауреат премии «Славянские традиции». Удостоена почетного знака «Писательское Братство», стипендиат Министерства Культуры РФ, с присвоением звания «Мастер». 2 место в международном конкурсе «22 игры цветов», Пиренеи (2015). Дипломант конкурса детско-юношеской литературы «Десятая планета», серии Международных литературных конкурсов «Большой финал» (2015–2016). Неоднократно побеждала в конкурсах переводов с болгарского и французского языков. Публикуется в российских и зарубежных журналах. Её стихи переведены на иностранные языки. О. Борисова — член Российского Союза профессиональных литераторов, руководитель Самарской региональной организации этого союза, главный редактор литературно-художественного альманаха «Параллели». Член ЛИТО «Точки» при Совете по прозе СПР.

НА ДРЕВНЕЙ ЗЕМЛЕ

Господней волею хранима
Земля скалистых берегов.
Ты под крылами Серафима
Моих не чувствуешь шагов...

У глыбы я стою отвесной,
Прижавшись к каменной груди.
Ей не поведать, бессловесной,
Чьи проходили здесь пути.

Как алтари курились прежде,
И заправляли всем жрецы,
И соплеменникам надежды
Вселяли в души мудрецы...

До нас доносится поныне
Молва о доблести мужей,
Что защищали кров в пустыне
Под крик воинственных вождей...

Какие тайны вековые
Ты на груди хранишь, земля?
Чьи черепки, мечи кривые
Ещё находят на полях?

Зачем под вечер ты уныло
О чём-то шепчешься с волной?
Иль вспоминаешь то, что было
В юдоли скорбной сей земной?..

Быть может, в отблесках заката
Узрела снова боль и смерть...
Печалью тягостной объята,
Вздыхаешь, колыхая твердь.

Кривой меч — турецкий и татарский.

В КОЛЬЦЕ

«Тесен мой мир. Он замкнулся в кольцо...»
М. Волошин

Тесен мой мир. Он замкнулся в кольцо!
Нудно скрипят подо мной половицы...
Выйду на росное утром крыльцо,
В путь снаряжусь я, одев власяницу.

Может, сыщу где-то там, далеко,
Нить Ариадны, чтоб выйти из плена.
Тени... Туманы... И мне нелегко...
Воет зловеще в округе «гиена».

Я не твоя! Разомкнула кольцо!
Падают шумно тяжелые звенья.
Ветер крылатый дохнул мне в лицо.
Ниточка въётся — к спасенью, к спасенью....

ВЕРНИСЬ...

Росится дождь, и дымчатая мгла
заволокла исчерченные дали...
В твоих глазах мелькнула тень печали,
она мне болью сердце обожгла.

И я, прижав лиловый зонт к груди,
И ни о чём уже не сожалея,
Иду одна по липовой аллее...
И слышу вслед: «Вернись! Не уходи!»

НИКИТА БРАГИН
(г. Москва)

Москвич, 1956 г. рождения, выпускник МГУ, доктор геолого-минералогических наук, работает в Геологическом институте РАН. Автор семи сборников стихов, а также художественных очерков и статей. Член Союза писателей России. Активно публикуется в периодике. Лауреат многих литературных конкурсов (в том числе — 2 место литературного конкурса «Лирика Боспора-2011», проходившего в Крыму). Лауреат II Международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон-2016».

КАМЧАТСКАЯ ТРОПА

По медвежьей тропе ты ушла
в талый сумрак ольховой чащобы,
а в росе, ледяной до озноба,
остывала ночная зола;
и просветом пронзительно-синим
открывался воздушный простор,
мир незыблемых красок и линий,
снежных гор чёрно-белый узор.

Как вода, утекала беда
из ладоней, немевших от боли,
а вдали задыхались в неволе,
и в разлуке с тобой города,
где, не помня ни роз, ни сирени,
тёмно-пыльный асфальт площадей
проводил полусонные тени
обречённо спешащих людей.

Но текли первородным вином
время ветра, пространство заката,
и река, повечерем заклата,

догорала в котле ледяном,
отдавая осеннюю негу,
принимая любви наготу,
улыбаясь холодному небу
и распадам в лилейном цвету.

А тропа уводила назад,
в окаймлённую чащей долину,
и выбеливал мокрую глину
проводивший тебя снегопад...
Осыпались разлуки страницы,
золотые листья в седине,
и во сне задрожали ресницы —
это вспомнила ты обо мне.

АПОКРИФ

Проходил селом богатым Спас, а с ним апостолы, —
был в тот день великий праздник, колокольный звон.
Все село тогда молилось, пели алконостами
литургийные стихиры, праздничный канон.

А когда накинуд вечер покрывало мглистое,
все сельчане собирались у огней лампад,
и внимали благодати, и молились истово,
и горел закатным златом тихий листопад.

Но не слушал Спас молитвы, не стоял во храме Он,
а сидел в избушке старой на краю села,
где над маленьким ребенком голубицей раненой
пела песенку сестрёнка, пела и звала...

И апостолы внимали, словно откровению,
и сложили в красный угол хлеба и гроши
догорающему слову, тающему пению,
незаученной молитве, голосу души.

ПЕРЕКОП

На пустынной равнине у мёртвых озёр
тонкой рябью, дрожащей от зноя,
горизонт расплывается, зыбкий узор
совмещает с небесным земное,
и палит всё сильнее, и вдали всё черней,
и горячей золой потянуло,
и мерещатся гривы летящих коней,
и кипящие тучи в нарывах огня,
и раскаты подземного гула.

То из прошлого — беглый огонь батарей,
батальоны идут на Литовский,
и ладони раскинул апостол Андрей,
застывая в прицеле винтовки,
и каховская кровь прямо в соль Сиваша
иссякающими родниками
потекла и горит как вино из ковша,
и сквозь пух облаков улетает душа,
и земля превращается в камень.

Это память и родина, ветер и путь,
это зарево, пепел и слово,
это кровь обратилась в гремящую ртуть,
и по сердцу грохочут подковы...
Красным — кровь и огонь, белым — свет и слеза,
между ними лазурь небосвода,
и смолой золотою текут образа, —
ну, когда же покинут война и гроза
неделимую душу народа!

ГЕОРГИЙ БУЛЯКОВ
(г. Евпатория)

Георгий Буляков родился в 1959 году в Иркутской области, с 1964 года проживает в Крыму. Окончил симферопольское музыкальное училище по классу теории музыки. Композитор и поэт, живёт и работает в Евпатории. Автор многочисленных песен для детей, романсов, эстрадных и бардовских песен, а также произведений для фортепиано. Автор стихотворного сборника «Разноцветная зима». Лауреат литературно-музыкального конкурса «Интеллигентный сезон-2015» (г. Саки).

ЗЕЛЁНАЯ СТРАНА

Зазеленели отдохнувшие леса,
Как мегаполисы большой страны растений.
И вот повсюду звонко птичьи голоса
Ручьём вливаются в могучий хор весенний.

Летят, звенят бодрящие слова
Речным потоком искромётного задора,
И брызги-ноты, как омытая листва,
Зелёным бисером рассыпались в просторах.

Пусть подадут к столу зелёные пучки,
Пускай геранью весь заставлен подоконник,
На стебельках ютятся мошки-паучки,
Польёт цветы для милой девочки поклонник.

О, как нам нравятся душистые луга
И многоцветие степей дождливым летом!
Страна растений нам безмерно дорога,
В которой мчат весной зелёные кареты...

МОРСКАЯ ГЛАДЬ

Евпатории — городу юности

Что за чудо — гладь на море
В сентябре, в разгаре дня...
Взять бы лодку без мотора,
Пару вёсел и тебя.

Ну-ка, вспеньтесь, сотни литров,
Чтобы нас едва смогли
Рыбаки с бетонных пирсов
Рассмотреть. А ты смотри,

Как красив наш древний город:
Здесь — собор, а там — мечеть,
Как спокоен, зелен, горд он,
А в ночи — огней не счесть...

Только чайкам интересно —
Кто такие и куда?
Взял бы я водички пресной
И махнул с тобой туда,

Где живут герои Грина,
Где кораллы-острова,
Где любовь неистребима,
И где вечная листва...

МОСЬКА И СЛОН

«Дывы-ы, якый корабэ-эль!» —
украинский мальчик своей сестрёнке
вблизи Евпаторийского морского порта

Вот корабль, так корабль, с трёхэтажный дом...
Нет, пожалуй, даже выше. Сколько ж это тонн?
И не просто вам представить, что за красота...
Все раскрашены надстройки, белые борта.
Скинуть тяжесть перехода, отдохнуть прилёг,
Нелегка жизнь парохода, я бы так не смог.
— Отдохни, морской красавец, — думал я. Но вот
Подрулил невзрачный катер и упёрся в борт.
Ну, скажу я вам, потеха началась тогда:
Рядом с крохой-катерочком вспенилась вода.
Упираясь каждой гайкой, глыбу он боднул,
И пошёл гигант-корабль... Нет-нет! Не ко дну!
Словно Моська — катерочек, будто Слон — корабль...
Ну, давай ещё разочек, соль и каравай!
Дотолкал буксир до рейда важного дружка:
— Дальше сам; вперёд, коллега! Мне пора. Пока.
Повернул домой, к причалу, выпустив дымок,
А корабль, в благодарность, длинный дал гудок.

АННА ВЕРЕСОВА
(г. Евпатория)

Людмила Юрьевна Вальченко (Анна Вересова) родилась в Германии. Окончила Вильнюсский государственный педагогический университет по специальности учитель русского языка и литературы. Лауреат премии Автономной Республики Крым, руководитель Литературной студии им. писателя Бориса Балтера МБОУ «Гимназия им. И. Сельвинского» г. Евпатории. Редактор и составитель нескольких альманахов и сборников.

ПЕРЕКОП

1.

Сквозь почерневшие звёзды
в выцветшем небе,
сквозь зрачок, горчащий полынью,
сквозь тело, скованное недугом,
я ещё могу петь,
я ещё могу смеяться,
глядя как солнечные блики
пляшут с золотыми пылинками
у моей кровати,
играют на листе белой бумаги,
нетронутой выплеснутым страданием.
Господь смотрит на меня глазами друзей,
и в этих глазах я читаю любовь.
Она дразнит меня и смеётся
бликами света —
сияющими арками
в город моего Детства.

3.

Я достаю письма из почтового ящика —
 опавшие листья с дерева чувств;
 они летят сквозь расстояния и времена,
 чтобы лечь у нашего сердца;
 перелётные листья мечтают,
 что двери и ставни будут распахнуты;
 письма летят секундами, днями, тысячелетиями...
 Мы аккуратно сортируем их в гербарии
 по людям или датам,
 или выбрасываем
 в мусорную корзину —
 наши сердца устали от битв.
 Кто сейчас способен снять замки
 со своих ставень?
 Кто сохранил ключи
 от запертых дверей?
 Письма летят всегда из прошлого —
 они доказательство двуличия мира,
 говорящего детям о будущем
 и неизменно уходящего в прошлое.
 Серебристые сети будущего
 ткнут энергии желаний и мысли.
 Я снова пишу письмо,
 я отсылаю его в твоё будущее,
 в наше будущее,
 там я снимаю золотую маску Януса,
 и ты, наконец, сможешь увидеть
 только одно лицо
 беспомощно-открытое
 незащищено-детское
 несмысленное.
 Но мое письмо всегда опаздывает,
 и ты снова получаешь его из прошлого.

4.

В детстве
 лёгкой осенью
 на ветру
 тысячи паутинок
 летают в солнечных лучах.
 Они касаются моего лица
 и в зрелости превращаются
 в золотые нити
 дорог, печалей
 и улыбчивой радости,
 плывущей золотистыми стежками
 лодочек
 у моих губ,
 они ткнут морщинки,
 с тщательностью
 седовласых и мудрых Мокошь,
 обозначая судьбу
 и бесстыдно выставляя напоказ
 самые дальние
 самые запылённые комнаты,
 заваленные полуистлевшими
 воспоминаниями стыда
 и несостоятельным состраданием.
 Теперь каждая женщина,
 прядущая нить,
 читает моё прошлое,
 касаясь напёрстком
 конца пути,
 ведя его
 к нежным локонам младенчества.
 Но лишь однажды
 я перестану сожалеть
 о книге жизни,
 начертанной на моём лице.

В предместьях Иерусалима
 в маленьком храме Иоанна Предтечи
 в отражении тонкого стекла,
 за которым
 строгие молитвенники
 ушедших веков
 распаивают
 навстречу ко мне
 мир Твоей Славы,
 я вижу своё лицо
 уставшее
 от сомнений,
 страданий
 и суеты,
 плывущее
 в Твой мир
 по иллюзорному стеклу вечности,
 в Твой Золотой Иерусалим.
 построенный на крови.
 Моё лицо,
 изрезанное
 шипами морщин,
 успокаивается,
 и сердце
 учится
 читать по слогам
 эти письма будущего,
 вписывающие меня
 в Твою книгу.
 Я смотрю на своё отражение
 и узнаю путь,
 возвращающий
 в Твои
 обители.

ЛЕВ ГОТГЕЛЬФ
 (г. Александров Владимирской области)

Родился 4 августа 1944 г. в Уфе. Школу окончил в Гомеле. Специалист в области радиотехники, акустоэлектроники, туристского бизнеса. Координатор ежегодного Цветаевского фестиваля поэзии, Международного фестиваля камерной музыки имени Сергея Коршункова и фестиваля «Александровские сезоны Большого театра» в г. Александрове Владимирской области. Директор литературно-художественного музея Марины и Анастасии Цветаевых. Автор четырёх сборников стихотворений.

* * *

Мест таких на свете нет
 Чтоб назвать вакантными:
 Вместо снега выпал свет,
 Двор засыпал квантами.

Заменяв маршрут лыжни
 Лунными дорожками,
 Будем наслаждаться мы
 Бегом вслед за кошками.

А сугробов намело:
 Светятся фотонами,
 Брызжут в дом через стекло
 Тлями обожжёнными.

Озадачен. Не пойму,
 Что случилось с космосом:
 Побеждая светом тьму,
 Он теперь, небось, масон.

Только эти: всем враги
 Осветить пытаются
 Мрачный мир, но — не моги! —
 Скажем мы с китайцами.

* * *

Сухим вином и козьим сыром
 Мы разговариваем с миром:
 Ведь он для нас разводит коз
 В стране, где виноградник рос
 На чистых склонах каменистых:
 Он даже рос при коммунистах,
 Не признававших алкоголь,
 А водкой заглушавших боль,
 Лечить свозивших в вырезвитель,
 И я там был и я там видел,
 Как вместо сыра и вина
 Таких, как я, во время сна
 Менты там грабили вчистую,
 И опохмелку помню ту я,
 Когда нас двадцать-тридцать душ
 Расстреливали из брандспойтов:
 мужчина ты, вчерашний, пьяный,
 Скрестивший сладко боль с нирваной
 Или большой кусок дерьма:
 Сыр разломай налей вина и пей до дна.

* * *

Словно кто-то пролистал
 Том: за сказкой сказку.
 Я пришёл на карнавал
 В золоченной маске.

Стас — кашей, Егор — вампир,
 Васька — добрый рыцарь...
 Так устроен сложно мир:
 Не в личинах — в лицах.

В бухгалтерии тройной:
 Маска, фейс, личина —
 Ты запутался смешной
 Маленький мужчина.

Пусть банально, но к лицу,
 Так прилипла маска
 Плотно, что пришла к концу
 Жизнь за сказкой сказка.

ЯРОСЛАВ ГОНЧАРОВ
 (г. Симферополь)

Студент КФУ им. В. И. Вернадского. Член Республиканской литературной студии им. Н. А. Кобзева, бард. Лауреат фестиваля «Интеллектуальный сезон-2015» в номинации авторская песня. Участник Республиканского семинара молодых авторов Крыма, многих творческих и литературно-музыкальных встреч. Публикации в газете «Литературный Крым» и в коллективном сборнике «Начало» (Издательство «Доля», г. Симферополь). Имеет диплом 1 степени в поэтическом конкурсе «Серебрянный Пегас», диплом 3 степени в X Всекрымском творческом конкурсе «Язык — душа народа» (муниципальный этап) в номинации «ораторское мастерство», диплом 2 степени в VI Республиканском литературном семинаре молодых авторов Крыма в жанре поэзии, диплом 3 степени в I Международном литературно-музыкальном фестивале молодых авторов «Интеллектуальный сезон-2016» в номинации авторская песня, участник литературного фестиваля «КрымБукФест-2015 и 2016».

ВСЁ НАЛАДИТСЯ

Когда грусть больно сердце сжимает,
 Когда к горлу подходит ком,
 Когда силы все оставляют,
 И ночь тёмная даже днём,
 Когда чудится, когда кажется,
 Что твоя жизнь прошла стороной,
 Не тревожиться, не печалиться,
 Нос морковкой держать, хвост трубой!
 Всё наладится, всё уляжется!

Не печалься дружок, не грусти!
 Всё поправится, хоть и кажется,
 Что с тобой счастьем не по пути.
 Когда в небе всё тучи злосчастные,
 И дождь льёт, будто бы из ведра,
 Посмотри на двор: как же счастлива,
 И как рада дождю детвора!
 Как они ловят каждую капельку,
 Как по лужам гоняют смешно.
 Им жизнь видится столь увлекательной,
 А тебе, почему же темно?
 Всё наладится, всё уляжется!
 Ну, подруга, давай не грусти!
 Всё повертится, пусть не кажется,
 Что с тобой счастьем не по пути.
 Пусть тревоги и хлопоты лезут в жизнь,
 Это всё, как и дождик, пройдёт.
 Надави на газ и за руль держись!
 Вон смотри, тебя счастье живёт!
 Ты пиши лишь весёлые повести,
 Свою тесную обувь сними,
 С плеч бросай все печали и горести
 И по лужам побегай с детьми.
 Всё наладится, всё уляжется!
 Не горюйте, друзья, не грустим!
 И мне чудится, и мне кажется:
 Счастьем с нами теперь по пути.
 Всё наладится, всё уляжется!
 Веселей, друзья, как ни крути,
 Всё получится, всё завяжется,
 Счастьем с нами всегда по пути.

НАМ НЕ НУЖНО ВОЙНЫ

(Противовоеенная)

Нам не нужно войны,
 Нам не нужно чумы,
 И сумы нам не надобно тоже!
 Мы ведь братский народ,
 Мы ведь все — один род,
 И войну начинать нам негоже!
 Так чего же мы вдруг
 Позабыли, кто друг
 И на братьев кидаемся псами?
 Да не будет вовек
 Воевать человек!
 Нужен мир нам —
 Подумайте сами.
 Пусть не будет войны,
 Пусть не будет чумы,
 И сумы пусть не будет вовеки!
 Будем в мире мы жить
 И до гроба дружить,
 И любовь пусть живёт в человеке!

* * *

Не кидайтесь словами, громких слов не бросайте на ветер.
 Слов назад не вернёшь, хоть сто раз их обратно бери.
 За слова твои, кроме тебя, никто не ответит.
 Сомневаешься в них — лучше вовсе не говори.
 Если что обещал, повод дал на себя понадеяться,

То разбейся о землю, но данное слово сдержи.
 Ведь слова — не песок, чтобы просто по ветру развеяться,
 И, быть может, острее, чем даже мечи и ножи.
 Словом можно лечить, и убить словом тоже возможно.
 От того лишь зависит всё, как и кому что сказать.
 Потому говорите обдуманно и осторожно,
 Чтобы чистой души словом грубым не поражать.
 Не кричи грубых фраз, не калечь ты кристальные души.
 Лучше чуть потерпи, ну а нужно — так даже прости.
 Злые фразы людей по ночам часто душат.
 Позабудь ты о них, чёрной злобы в себе не расти.
 Не кричи о любви, не кричи на четвёртый день встречи!
 Не кричи «я люблю», если завтра пойдёшь за другой.
 Раны от глупых слов не всегда даже время излечит,
 А сказал «я люблю» — так люби до доски гробовой.
 Не кидайтесь словами, фраз пустых не бросайте на ветер.
 Не груби никому, о любви просто так не кричи.
 За слова за свои ты единственный будешь в ответе.
 Сомневаешься в них — просто лучше ты промолчи.

ЛИДИЯ ГРИГОРЬЕВА
 (г. Лондон)

Лидия Григорьева — известный русский поэт, эссеист и фотохудожник. Родилась на Украине. Раннее детство провела на Крайнем Севере. Высшее филологическое образование получила в Казанском университете. Долгие годы прожила в Москве и в Лондоне, занимаясь литературным трудом. Автор многих поэтических книг. Её сборник избранных стихотворений и поэм «Вечная тема» (М., Время, 2013) получил диплом финалиста национального конкурса «Книга Года» (2013). В 2015–16 гг в России вышли две новые книги её стихотворений «Поэзия сновидений — стихи, которые приснились» и книга четверостиший «Стихи, которые приснились». Она автор фотоальбома «Венецианские миражи» (СПб., Славия, 2011) и книги эссе «Англия — страна Советов» (М., Зебра Е, 2008). Книга стихов «Небожитель» (М., Время, 2007) вошла в шорт-лист Бунинской премии. Лауреат специальной премии им. М. Волошина от российского Союза писателей (2010) за лучшую поэтическую книгу года («Сновидение в саду», М., Русский Гулливер, 2009) и премии им. А. Дельвига (2012) за поэтические публикации последних лет. Член Союза писателей СССР (1984), Европейского Общества культуры (Венеция, 1995), Всемирной Академии искусства и культуры (Калифорния-Тайвань, 1994), Международного ПЕН-клуба (Нью-Йорк, Лондон). Член жюри международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон-2016» (г. Саки).

АНГЕЛ ПРЕДСТОЯЩИЙ

Писано было — да видно утрачено,
сдобрено ложью.
Призваны, названы или назначены
Ангелы Божьи?

Чем представления переиначены —
чаяньем, мщеньем?
Были ль небесные силы истрачены
по назначенью?

Жить на просторах российских обучены
без упоений,
мы словно нить на основу накручены
тайных сомнений.

Что было явлено, что обозначено
знаком воздушным?
Знать не дано никому, а тем паче нам —
овцам ослушным.

ГЕКСАМЕТР

О том, как месишь жизнь, не покладая рук,
как вертишь жернова, недолею умучен,
гексаметром скажи — тяжёлым, как сундук,
как ветра долгий вой, как трубный глас — тягучим.

ГОРОД НА ВЕРБЛЮЖЬЕМ
КОВРЕ

Я хочу знать, куда она идёт,
кому и чему на потребу?
Ведь эта лестница никуда не ведёт —
разве что к небу...

Ведь эта улица явно ведёт в тупик,
но она спешит под сенью покрывала.
Что ей пригрезилось в этот миг —
на что она уповала?

Я хочу знать, что это за дом,
куда нужно по такой жаре влачиться.
Эта странная странница — в городе пустом,
древнем, как библейская страница.

Мне хотелось бы знать, кто строил, окучивал города,
побиваемые затем голодом, мором и градом.
Неужели же — бедуин и беда,
как в словаре на моем языке — толкутся рядом?

Вот её тень упала на белую от зноя каменную плиту.
Я хочу знать, что её заставило ссутулиться и согнуться.
Не может же она, в самом деле, лелеять мечту —
уйти и никогда не вернуться.

И если песчаные стены её теснят,
то выход из города только один — в пустыню.
А ещё мне хотелось бы перехватить её взгляд:
не могут её глаза оказаться пустыми.

Каменный город — песчаный свет — охра и терракот,
макет миража в полуденном зное, на самом краю обрыва.

Отчего же мне кажется, что тут больше никто не живёт —
как после взрыва...

Я хочу знать, отчего верблюжий этот ковер,
вытканый бедуином Тариком вручную,
своё плоскостное пространство в будущее простёр,
в реальность немыслимую — иную.

Жить на просторах российских обучены
без упоений,
мы словно нить на основу накручены
тайных сомнений.

Что было явлено, что обозначено
знаком воздушным?
Знать не дано никому, а тем паче нам —
овцам ослушным.

* * *

Последнюю ветку на дереве жизни
обломают не наши ли дети?
Не наши ли внуки подошвой сотрут в порошок
незабудку последнюю
и не заметят?

Уж Ангелам трудно дышать от озоновой астмы
в гуттаперчевых льдах Антарктиды,
как будто мы счёты сводили с той
силой вселенской, что нас породила, и — квиты.

АНАСТАСИЯ ГРИЦОН
(г. Керчь)

Грицон Анастасия Андреевна, 16 лет. Учащаяся 10-А класса Керченского городского Лицея искусств. Керченская литературная студия «Депо Пегаса»

ЛИЦЕИСТКА

...Вот, осталась одна на перроне современности, и современный электровоз унёсся вдаль и старинный современный паровоз попятился на запасной путь, а она одна на перроне. Одна. Но с каким завидным багажом, доставшимся ей от Серебряного века!

* * *

Опустел дом в последние дни.
Ни звонков, ни криков, ни стуков.
Только вздохи, бренчанье струны
И затишье, как перед бурей.

Мчатся мысли в потоке игры,
Оглянусь на чужие дали.
Кофе кончился? Что ж, мы больны.
Остается писать пасторали.

Я хожу, что-то тихо мыча,
 Что-то в стиле какого-то кантри.
 От стены до стены три шага,
 Твои сказки — всего лишь обманки.

Нам наврали. Бескрайности — нет,
 А начало всего лишь начало.
 Мне опять захотелось петь,
 Но гитара, наверно, устала.

Я всё так же одна в тишине.
 Дом мой пуст, закипает чайник.
 Буду ждать я скорее смерть,
 Чем друзей, отсылающих смайлик.

ТАЙНОЕ УВЛЕЧЕНИЕ

Что значит язычество нежности?
 Горячее тела касание?
 И страсть — отражение вечности?
 Последняя участь страдания?

Твоё я хотел бы восстание
 Итоговым сделать сражением.
 В крови ритуала купание
 Своим жертвоприношением.

Порвём же мы узы жестокости.
 Любовью покроем столетия.
 Нарушим законы греховности
 Извечными Бога заветами.

За что же молчанье пустынное?
 Холодное тела касания?
 И глаз откровение черствое?
 Моё увлечение тайное...

ВДОХНОВЕНИЕ

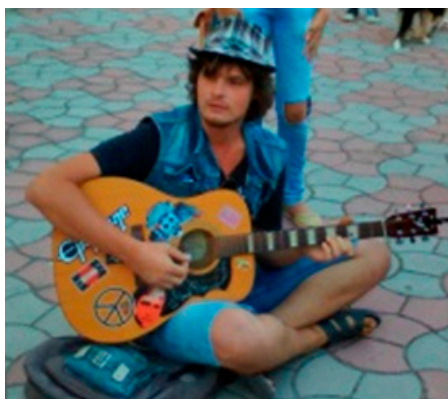
Огонёк угасает,
 За окном лежит мгла.
 В облаках пропадает
 Молодая луна.

Руки тянутся к свету,
 Сонно манит постель.
 Золотые драконы
 На подушке моей.

Я играю с мечтами,
 Я пишу на руке
 И серебряным сомом,
 Блещут звёзды в окне.

Моя муза устала.
 Я сминаю листы
 И всё также в объятьях
 Я ночной тишины.

ЕВГЕНИЙ ГРОМОВ
(г. Керчь)

Уличный музыкант, слегка за тридцать. Что тут ещё скажешь? Тут слушать надо. Идти на улицу Ленина-Воронцова возле ТЦ «Мегацентр» и слушать, может даже завидовать неизменному, а главное, оплачиваемому успеху в отличие от поэтов с чернильницей, пером гусиным и столом, заброшенным скомканной бумагой... Член Керченской литературной студии «Депо Пегаса». Лауреат международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон-2016» (г. Саки).

НУЖНО ИДТИ

Не говори, что можно склеить
Порванные сны,
Познать любовь от дважды
Читанных стихов,
Известно всем — вокзал
Не создан для двоих,
Алтарь разлук желает
Жертвы вновь и вновь...
Не говори, что взгляд
Способен согреть,
Когда в душе стеною
Встали холода,
Не говори, что наши песни
Можно дважды спеть,
Рассыпав ноты их не собрать
Назад...

По четырём направлениям света
Рельсы бегут, огибая планету,
Обрывки куплетов мелькают в пути,
Стоять на перроне, молчать, улыбаться,
Мы можем уйти, ну а если остаться?..
Мой поезд в двенадцать —
Мне нужно идти...

Скажи ты мне, что крепче —
Древо или металл?
Зачем твоя душа
Участвует в войне?
Давно ли ты вокруг
Хоть что-то замечал,
Дарил тепло, любовь,
Давно ль ты верил мне?..
Не говори, что спишь —
Я чувствую огонь,
Не говори, что пуст —
Я вижу по глазам,
Стихи и песни наши
Бережно хранишь,
Их заклинания шепчут
Вновь твои уста...

По четырём направлениям света
Рельсы бегут, огибая планету,
Обрывки куплетов мелькают в пути,
Стоять на перроне, держаться за руки,
За дверью души оставляя разлуку,
Наш поезд в двенадцать —
Нам нужно идти!

ТАНЦУЙ

Танцуй под крики, возгласы,
 Танцуй ночами лунными,
 Волной распустились волосы,
 Погружая весь зал в безумие...
 Танцуй куда-то в сторону,
 Пусть будут движения разными,
 Смотри — стая хищных воронов
 Ожидает финала праздника...

Тебе не о чем печалиться,
 Танцуй и не думай больше,
 Мечты иногда сбываются, —
 Так чего же ты ещё хочешь?
 Ты хотела стать балериною,
 Сделать мир прекрасней и лучше,
 Жаждет зал твою голую спину,
 А другого им вовсе не нужно...

Танцуй во имя искусства,
 Но балет не заменит обеда,
 И в твоём желудке пусто —
 Что ты мне станцуешь на это?..
 Танцуй под крики, возгласы,
 Тебе такое нравится,
 Идя по желаниям собственным
 До чего ты дойдёшь, красавица?..

НАДЕЖДА ГУРТОВАЯ
 (г. Иркутск)

Надежда Антоновна Гуртовая (Доценко) родилась 31 августа 1950 года в с. Степовка Черкасской области. В 1967 году Надежда Антоновна попала на ударную комсомольскую стройку — в город Железногорск-Илимский. Закончила филологический факультет Государственного университета им. Жданова в Иркутске. Здесь, в газете «Иркутский университет» печатала некоторые стихотворные переводы с латинского языка. В это время выходят три мини-сборника стихов в «Газете Приилимья». Её стихи вошли в коллективные сборники «Возвращение в молодость», «50 лет Победы», «К нашим потомкам по нашим путям». В 1997 г. она получила диплом библиотекаря Восточно-Сибирского института культуры в г. Улан-Удэ. Лауреат II Международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон-2016».

* * *

Печаль и скорбь. Коллеги больше нет.
 Известие сдавило наши чувства.
 Притихли залы, сцены, кабинет,
 Запомнив Ваше светлое искусство.

Искусство жить, восторженно творить,
 Преисполняясь мужеством и духом,
 Жаль, что судьбу уже не повторить
 Улыбкой, словом, сердца громким стуком.

Но память нашу будет воскрешать
 И голос Ваш у стойки с микрофоном.
 И то, как вы умели украшать
 Всё, что вокруг, необычайным звоном.

Так пусть же долго нам ласкают слух
 Любимые, чарующие звуки,
 И всякий раз является Ваш дух,
 Незримо нам протягивая руки.

* * *

Молюсь я правде, чистоте,
 Молюсь я искренности, чести,
 Молюсь любви и красоте,
 Молюсь добру я вместо мести.
 Я в доброте не поскуплюсь
 И в правде я не разуверюсь,
 Вот потому я так молюсь,
 В чём исповедаться осмелюсь.

**АНТОНИНА
 ДИМИТРОВА**
 (г. Димитровград,
 Болгария)

Родилась в 1966 г. в городе Пазарджик, Болгария. Работает учительницей младших классов. Член Союза независимых писателей Болгарии. Автор двуязычной книги «Картини на една душевност/Картини моей души», которая удостоена награды за дебют в Болгарском национальном конкурсе им. поэта Дамяна Дамянова. Пишет стихи на болгарском и русском языках. Переводит на болгарский язык стихи современных русских поэтов.

Номинант национальной литературной премии «Поэт года-2015» (www.stihi.ru). Участница Международных конкурсов — «70 лет Победы в Великой Отечественной войне» — Высшая награда; «Верен, Отчизна, тебе» — Самара, Россия, 2015 г. (второе место в номинации «Литература зарубежья», Диплом I степени «Гордость России» на Международном конкурсе переводов (Болгария-Россия, 2014 г.). Лауреат Международного конкурса «Каблуковская радуга» (2013 г.) — третье место в разделе «Зарубежная литература». Стихи опубликованы в литературных альманахах «Параллели» (Самара, 2014, 2015 гг.), «Новый Енисейский литератор» (Красноярск, 2015 г.), «Георгиевская лента» (2015 г.), «Поэт года» (2015 г.). В 2016 году заняла III место на Международном конкурсе «Белоцветные вишни» (г. Казанлык, Болгария). Лауреат третьей степени II Международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон-2016» в номинации «Стихи о Крыме».

РУССКИЙ ХРАМ

Мне церковь святая приснилась.
Храм русский явился во сне!
Видением светлым спустилась
Средь утренних грёз по весне...

Каштаны огни зажигали
На крестном ходу по пути.
Под утро тюльпаны пылали,
Светили, чтоб дальше идти.

Препоны, напасти, ненастья...
Помехой не стали они.
Я тайной святого причастья
Свои искупила грехи.

И вспыхнуло радостью сердце:
Славянский разлился напев.
Вещал нам: «Спаситель воскрес!»
Пел колокол, душу согрев.

И храм в поднебесье простёрся,
Как будто всегда был он здесь.
Рублёва в иконах суровость
Святой православия крест!

ТРЕСТИНО¹

Вот корабль, так корабль, с трёхэтажным дом...
Нет, пожалуй, даже выше. Сколько ж это тонн?
И не просто вам представить, что за красота...
Все раскрашены надстройки, белые борта.
Скинуть тяжесть перехода, отдохнуть прилёт,
Нелегка жизнь парохода, я бы так не смог.
— Отдохни, морской красавец, — думал я. Но вот
Подрулил невзрачный катер и упёрся в борт.
Ну, скажу я вам, потеха началась тогда:
Рядом с крохой-катерочком вспенилась вода.
Упираясь каждой гайкой, глыбу он боднул,
И пошёл гигант-корабль... Нет-нет! Не ко дну!
Словно Моська — катерочек, будто Слон — корабль...
Ну, давай ещё разочек, соль и каравай!
Дотолкал буксир до рейда важного дружка:
— Дальше сам; вперёд, коллега! Мне пора. Пока.
Повернул домой, к причалу, выпустив дымок,
А корабль, в благодарность, длинный дал гудок.

¹ с. Трестино — Тверская область, Россия. Последняя остановка на пути Крестного хода в Нило-Столобенскую Пустынь у озера Селигер.

МАРИНА ЗАДОРЖНАЯ
(г. Саки)

Родилась 14 августа 1961 года. Директор Музея краеведения и истории грязелечения в городе Саки. Член жюри Международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон».

КАРА-ТОБЕ

Ветер в море играет волнами,
День-кораблик плывёт по судьбе,
Фиолетовыми мазками
Красит вечер Кара-Тобе.

В серебристом полынном просторе,
В бесконечном пространстве небес,
В белоснежных барашках на море
Отражается солнечный блеск.

И ложатся на городище
Позолотой янтарные блики.
В обрамлении теней от шершавых камней
Проступают минувшего лики.

На ветру ковылины трепещут,
Свой мотив вековечный выводят.
И тихонько развалины шепчут:
Всё проходит, проходит, проходит.

Звёздной пылью усыпано небо,
Пыль веков города засыпает,
Тот, кто в прошлом ни разу не был,
Ничего о грядущем не знает.

И сияет над городищем
Млечный путь бриллиантовым трактом,
Верный пёс Чёрный Холм сторожит старый дом,
Еле слышно вздыхает о главном:

Обитавший здесь прежде народ
Был отважен, прекрасен и горд.
Тьмой укутан раскоп, ветер стих и умолк,
Видит сны о былом древний город.

КУНАЙ – КОЛОДЕЦ

Кунай-колодчик у истока Гжёлки,
Где снегом запорошенные ёлки,
И три таджика, как большие волки,
Добычу в логово из лесу волокут,
Живую воду из ручья несут.

Канистры тяжелы и путь не прост,
Крестами на пути вставал погост,
Стонал обледевший старый мост,
Замёрзли уши, ворон зло кричал,
Три раза джип в сугробе застревал.

Вдали от родины они нашли удачу,
Торгуют шаурмой и зря не плачут,
На перекрёстке, где метель метёт,
Таджикский бизнес радостно цветёт,
Хоть не построен там водопровод....

А мы под Новый год пришли как встарь,
Лизал нам пятки лёд и гас фонарь,
Декабрь кончался, наступал январь,
Мы окунулись, не закрыв глаза,
И чёрт не удержал за волоса!

Припомнив «Отче наш» и помолясь,
Вошли в купель, отчаянно крестясь,
Смирненно ощутив с истоком связь.
Со старых чёрных стен в тот день и час
Смотрели ласково на нас десятки глаз

Родных святых, как будто говоря,
Что мы с тобой пришли сюда не зря,
Что как судьбу — дорогу не крути,
Но вновь Кунай-колодец на пути,
И, не кнувшись, нам нельзя уйти!

О, Боже! Есть на свете счастье — Гжель!
Там в тёплый дом всегда открыта дверь,
А в доме том живёт пушистый зверь,
И у него всегда полно гостей,
И сладких снов для взрослых и детей.

Там в теремах улыбчивый народ
Морозные узоры продаёт
Всем, кто потом далёко увезёт
На белых чашках синие цветы
Невероятно ясной красоты.

Морозные наличники цветут
На деревянных избах там и тут,
Пейзажи там исполнены чудес,
Поёт река, бормочет сказки лес,
Снежинки тихо падают с небес.

Кружится хоровод: берёзы, ёлки,
Таджики, зайцы, сосны, совы, волки...
Кунай-колодчик у истока Гжёлки!

О ЧЕТЫРНАДЦАТОМ ВЕКЕ

Как просыпались прежде города,
В каком-нибудь четырнадцатом веке,
Не знаю, но, наверное, тогда
Вставали спозаранку дровосеки,

Кухарки, прачки, пекари, ткачи
Спешили на работу до рассвета,
Зимой при свете утренней свечи
По тёмным улицам, совсем без света.

Дождавшись дня, вставали богачи.
И город жил, пока светило солнце.
И робкий отблеск огонька в ночи
Не часто вспыхивал в его оконцах.

И всех их окружала темнота.
Был сладок сон у стариков и внуков.
Иные, тьму не в силах превозмочь,
Могли одну лишь изучать науку:

Как близок человеку человек!
И повторенье умножало радость.
Далёк от нас четырнадцатый век
И темноты пленительная сладость.

Не спит мой город нынче никогда.
В огнях померкли звёзды и кометы,
Ночная и дневная суeta
Затмили и закаты и рассветы.

Да будет ночь! Усни, мой дорогой,
Пускай к тебе летит из поднебесья
Мотив старинной, милой и родной,
Знакомой с детства колыбельной песни.

ОКСАНА ЕГОРЦЕВА
(г. Горловка, ДНР)

Родилась 12 февраля 1984 года в г. Горловке в семье шахтёра. Имеет высшее экономическое образование. Есть дочь Мирослава. Стихи начала писать с 14 лет. Автор поэтических сборников «Багряная осень» (2010) и «ПРО100», «В_ДОХ», «Радуга» (2016). Публиковалась в журналах Украины, России, Беларуси, Австралии. Лауреат нескольких поэтических конкурсов и фестивалей в Донбассе и в Крыму, член Межрегионального Союза писателей, Горловского литературного объединения «Забой», литературного объединения авторов Донбасса «Стражи весны».

ПРИГЛАШЕНИЕ

Я приглашаю тебя на кофе
С твоим любимым бисквитным тортом...

За стол присядем, ты будешь в профиль,
И будем спорить с тобой о чём-то.
Наступит вечер, и Ковш Медвежий
Рассыплет по небу свечи-звёзды.
Бродяга-ветер легко и нежно
Шепнёт в окошко: «Ещё не поздно...»
И, словно в сказке, падут оковы
Непониманья и слов печаль...

Ты приглашение принять попробуй —
Не любишь кофе? Тогда есть чай!

ТРЁХЦВЕТНАЯ

Я сегодня злее пантеры —
В лоскуты разорву любого!
Кто протянет мне руку первым?
Кто рискнёт запереть засовы?

Я сегодня злее овчарки —
В миллиметре от шеи щёлкнув,
Я зубами оставляю ранку...
Наблюдай за мной через щёлку.

Я, как волк, ко всему готова —
Если загнан зверь — он опасней.
Как в такую влюбиться снова?
Знай: трёхцветные кошки — к счастью.

20:00

Янтарный цвет дымящейся заварки
Так живо мне сейчас напомнил осень:
Мы под зонтом с красавицей-бунтаркой,
Плащ из дождя и на часах уж восемь.
А ты спешишь по лужам на свиданье,
Кляня цветы, погоду, осень, вечер...
Ты помнишь, загадал тогда желание:
«Пусть под дождём, но состоится встреча!»
Кафе, горячий чай, ты на коленях,
И нам в глаза смотрела долго осень...
Мы не забудем рыжие мгновенья
И новую традицию — чай в восемь.

СВИДЕТЕЛЬ АГРЕССИИ

Почти ушла. Почти что убежала,
Но оглянулась... Встала — не смогла!
Домой — пешком с бурлящего вокзала,
Толпа же «штурмовала» поезда.
Я — не смогла уехать и оставить
Любимый город в сумраке войны,
И не уйти от участи печальной
Свидетеля агрессии страны,
Когда-то мирной...

Город мой — держись!
Ведь ты солдат, достойный предков славы.
Для них — АТО, для нас — война за жизнь,
И мы сдаваться не имеем права!

ДВА БРАТА

— Не видишь, брат? Ты резкость наведи!
Страна устала от воров, мошенниц.
Ты — в ВСУ, в Днепропетровске ты,
Я — горловский, я — «ватник», ополченец.

У нас с тобой один отец и мать,
Сестрёнка Вера с ними оставалась,
Они — в Донецке, день и ночь бомбят...
А Вера на растяжке подорвалась...

В прицел СВ узнал меня, узнал?
Что, выстрелишь? Убьёшь сегодня «вату»?
Теперь ты снайпер? Как сюда попал?
Ужель не веришь в Высшую расплату?

Не видишь, брат? Ты резкость наведи!
И крест прицела пусть на мне сомкнётся!
Страна два года пляшет на крови...
Я — ополченец! Позывной мой — «Солнце»!

**ЗЛАТА ЗОЛотоВА
(АНДРОНОВА)**
(г. Керчь)

Член Союза писателей Республики Крым.
Филолог. Фрилансер. Поэтесса.
Руководитель (теоретик) Керченской молодёжной литературной студии «Депо Пегаса».
Можно сказать, — культуртрегер, надо сказать, — волонтер. И трудно сказать, — чего в этом коктейле больше. Вроде бы намечалась тореная судьба филолога, — юнкор, студент Московского Литературного института, журналист, где ни попадая, вплоть до Укрыбхо-за. Чтобы не скучно — защитила бакалавра по-немецки — СГУ, лингвистика. Выпустила свою сотоварищ книжку стихов «От имени Бога», печаталась в альманахах «Фанданго», «Polus-Крым» и в керченских разнообразных «Лирах». Но... Всё не то. Пошла, по её словам, «искать содержание к форме». В люди пошла. Пеше аки Пешков: мыла куриные лапы в Польше, мыла античную керамику на Кубанских раскопах, чего-то искала в Питере, но, как водится, не того нашла, чего искала; припомнив свой пафосный диплом «Марионетки язычества» дошла даже Индии. Но и тут нет успокоения. Нет «Храма». Вернулась как раз, когда из сакрального озера Руси, поддёрнутого тиной благополучия, благодаря ново-старой цивилизационной тектонике, начал подниматься теремной храм. Теперь ищет его дома.
И это хорошо. В джунглях ли ты ищешь свой потерянный храм, на дне онежского озера? Главное, что всё ещё ищешь, не обманувшись слепоглухонемой уверенностью, что всё в этой жизни понял. Не перестаешь думать. Вот с этими, собственно, размышлениями Златы Андроновой — профессионального, можно сказать, искателя сути мне и хотелось бы сейчас поделиться.

КУЛЬТ КУЛЬТУРНОГО КОДА

На предпредыдущем слове
Диалектическим кукишем —
Подкреплённый делами,
Преисполненный смыслами —
Встал у нас новый культище,
Книжный. Словом, неистовый.

Был кому бел анненски,
Был у кого ал маяковски,
На Руси встал и трон занял
Култ культурного кода.

* * *

Едва воздвигли единый храм,
Стругацкий весь и ефремистый —
Передрались по всем фронтам,
Ко всем чертям,
По-над эпосом времени.

А время было лихим, единственным,
Первым для веры щенячьего возраста,
Золотые владели дискурсом,
Вековечили реалистов,
Сажали сады, подымали воинов.

Им бы ещё расти и расти —
Ворочают реки и области —
От моря до моря — читают и спорят,
И пишат — попроще — чтоб донести.

Духом святым человечество катит,
Изобретём космический катер,
Вот только найдём тот самый катет...

На двери горкома раскольник седой
Колотит тезисы: «Хватит!»

Вы утопли в своих утопиях,
Жизнь на Марксе никак не строится,
Над вами смеётся весь шар земной,
Стой, машина, стой!

* * *

Луна всходила в ночи застоя,
Серебряный луч охлаждал золотое,
Дрожал ироничной дорожкой по лужам:
Жить? Стало? Лучше?

Луна подымала болотное марево,
Ткала миражи и манила в трясины,
Но это она из щелей вынимала
Вопросы, что солнце не переносило.
Луна предлагала, луна говорила:

Я вижу, как надо,
я знаю, как надо,
разрушим дотла и построим, как надо!

На старые грабли — и сами не рады,
и новое утро метет за ограду.

* * *

В самый глухой предрассветный час,
Час Быка и всея Брахмана,
В драках, в развале, в крови зачат
Бубен бронзового шамана.

Бронзовой формы чум — он отчаян,
Он роскошен и так скоротечен,
Мы захвачены необычайно
Бродской, летовской, гребневой речью.

В две строки уложили лекцию,
Сверху ножницами проходимся —
Новый блеск появился в электруме
Культа культурного кода.

* * *

Вознеси мя, Вознесенский,
До сосновских соцветий,
До цветковых колоколен,
К ахмадулинским хлебам.

Я же тоже прихожанин,
Я же тоже проповедник,
В храмы солнца, в лунный костёл
Я читателем ходил.

Солнце, не кали до засух!
Не тяни, луна, в болото!
Выходи из транса, бронза! —

Новый эпос на дворе.

**ВЕРА
КАРАЧАКОВА**
(Хакасия)

Вера Николаевна Карачакова родилась в Абакане (Хакасия) в 1943 году. Последние сорок лет живёт в Симферополе. Окончила художественное училище им. Самокиша и Львовский полиграфический институт. Она пишет песни на собственные слова, и сама их исполняет под гитару. Песни являются иллюстрациями к большинству её картин. За долгие годы прошло несколько персональных выставок. Её лучшие работы экспонировались в США и Финляндии. Лауреат II Международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон-2016» (г. Саки, Республика Крым).

БЕСЕДА С ВОИНОМ

Из века в век умирают люди,
Я не верю в это.
Я верю в возрождение Духа.
Я верю в перевоплощенье.

Вижу, ты воин из былины.
С каких времён и племён
Вернулся дух, какого исполина
В возрождении твоём?

Должно быть не совсем уютно
Обитать в этом времени.
Здесь нет широкой поля битвы
И нет открытого сраженья.

От духа воины рождённый
Наверняка скорбишь ты,
Когда щемящим голосом
В тебе зов предков говорит.

По обычаю моего народа
Я приглашу тебя в свой дом.
Ты вечный путник, ты в дороге.
Для женщины всегда ты воин.

Мой долг — напоить тебя
Живой водой из родника...
Тебя давно ожидала я,
Что посетил мой век, я рада.

Держал он речь и мне сказал:
Свет и тьма всегда боролись,
Но только формы её с годами
Всё более изощрялись.

Предки наши — это сосуд
Сути и назначенья нашего.
Моя суть — это и твой суд
Мы прошлое, будущее, настоящее.

После столь редких речей
Дерзнула испытать я воина:
А кто измерил силу человеческую,
А кто сказал, что ты селён?

«Ты женщина, и в этом сила
Себя измерю через тебя.
Ты родник, праматерь Мира,
Лишь пред тобой бессилён я.

Вечной остаётся одна истина
Путь воина во все века.
Впереди ждут новые вершины
Отрадой будешь ты краса».

Сказала я: «Пусть факел сердца
Будет светить в твоём пути,
Мой храбрый воин из Вселенной,
Ты — в дороге, ты — вечный путник».

**АЛЕКСАНДР
КАРПЕНКО**
(г. Москва)

Родился 13 октября 1961 г. в г. Черкассы, УССР — русский поэт, прозаик, композитор, ветеран-афганец. Член Союза писателей России, Южнорусского Союза писателей и Союза Писателей XXI века. Участник литературного объединения ДООС. Член Российского отделения Международного ПЕН-клуба. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького. В 1989 году вышел его первый поэтический сборник «Разговоры со смертью». Затем последовали книги: «Солнце в осколках» (1990), «Третья сторона медали» (1991), «Атлантида в небе» (1997), «Откровения одиночества» (2000), «Священник слова» (2005). Стихотворение Александра Карпенко «Собор Василия Блаженного» входит в программу школьных учебников РФ. Лауреат второй степени II Международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон-2016» в номинации «Поэзия. Любовная лирика» (г. Саки, Республика Крым).

* * *

Твои волосы цвета ночи
В снах моих оставляют след,
И порою мне странно очень,
Что у ночи есть тоже цвет!

И не выскажут сны и книги,
Как легко мне сгореть в ночи,
Где ролей твоих реют лики,
Где волос твоих спят грачи...

Но контрастами бредят очи —
И сомкнутся, рассвет маня,
Твои волосы цвета ночи —
И лицо твоё, цвета дня!

Так, предчувствуя боль-разлуку,
Мотыльком прилетев на свет,
Дарит сердце своё и руку
Цвету белому — чёрный цвет.

* * *

Ваше имя — больше, чем имя:
То, что Богом в душе творимо
Из воздушного шёлка надежд;
Ваше имя — тонкое пламя,
Что, сгущаясь, реет над нами
В очертаньях незримых одежд.

Как позвать Вас в свой мир, не знаю:
Имя Бога дрожит, ускользая,
Лунной шалью спадает с плеч.
Я глазами его рисую —
Но промолвить смею ли всуе,
Чтоб на мир немоту не навлечь?

В Вас таится много так солнца!
Как его исчерпать до донца?
Хватит в сердце ли мне огня?
Вы — земное моё причастье,
И лишь ведомо Богу, как часто
Ваше имя спасает меня...

ПОРТРЕТ, КОТОРОГО НЕТ

Вас ещё нет. И облик Ваш
Ещё и Господу не ясен —
И тщетно рвётся карандаш
Запечатлеть, как он прекрасен...

Но всё же ангелы правы,
Вам оставляя высь для роста:
Пока что Вы — совсем не Вы!
Вы — только поступь, Божья поступь!

Но всё ж Вы есть. Иль что там в Вас
Томясь, витийствует под грудью,
Вас наполняя всякий раз
Немыслимой, неожиданной сутью?..

Не лик — лицо... Но что на нём
Проступит в поступи летящей?
Седого моря окоём
С тоской души — быть настоящей!

О Вас печётся мир, любя,
Перемещает Вам границы —
Сокровища внутри себя...
Лицо, которое творится...

КАК БЕЗЗАЩИТНО Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ...

Любимая, закрой свои глаза!
Открой души невидимые двери —
Пусть мимо нас проносится гроза,
Теряя зренье в молниях потери.

Пусть мимо нас проносится беда,
Не покидай меня, побудь со мною,
Сомкни свои усталые уста —
И озарись улыбкой неземною.

В пещерах сердца спят мои труды;
В бутонах розы спят твои стремленья;
Их можно пробудить без промедленья,
Плеснув рассвет на берег красоты.

И храм души украсят купола,
В сердцах зажгутся ласковые свечи —
Лишь не буди угрюмого орла,
Который прилетел клевать мне печень.

Я всё приму, я всё перетерплю —
И пепел дней, и времени пучину.
Как беззащитно я тебя люблю!
Как беззащитно я тебя покину.

РАВНАЯ

«Пошли мне, Господь, второго»
Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ

Тайною мира раненный,
В сердце пряду мечты.
Господи, дай мне равную —
Если всемогущ Ты!
Ту, что сыскать непросто мне,
Одолевая тьму...
Брошенным в море островом
Зябко жить одному!

Пусть на картину женщина,
Ляжет, как светотень.
И, красотой увенчана,
Ночь превратит мне в день;
Ласковая и славная,
Света в очах не счесть.
Боже, пошли мне равную, —
Если такая есть.

Боже, пошли мне нежную,
Словно Твоя рука;
Чистую — или грешную,
Лишь бы была тонка...
Станом, умом и тайною —
Мыслями о былом.
Боже, пошли мне равную
В мой опустелый дом.

Вновь не везёт мне с крыльями,
И тяготит предел.
Но красоту открыл бы я,
С женщиной — полетел!
С неба осыпан манною,
Тихо шепчу в веках:
«Боже, пошли мне равную:
Сир я, убог и наг».

Лавою чувств мгновенною
Свяжет нас крепко нить.
Огненную Вселенную
Станем мы с ней творить.
Если, не поняв главного,
Бросит она меня,
Боже, пошли ей равного, —
Друга, каким был я.

**ЕЛЕНА
КАЦЮБА**
(г. Москва)

Елена Кацюба (24. 01. 1946 г.) окончила отделение журналистики Казанского университета. С 1998 по 2003 г. была телевизионным обозревателем в газете «Новые известия», с 2003 по март 2005 вела еженедельную колонку «Книжная полка» в газете «Русский курьер». Е. Кацюба — ответственный секретарь «Журнала ПОэтов» и арт-дизайнер почти всех выпусков. Лауреат фестиваля «Другие» (2006) за палиндромную поэзию, лауреат Волошинского конкурса (2007) в номинации «Мой дом открыт навстречу всех дорог» за стихотворение «Ритмы моря», лауреат журнала «Дети Ра» (2007, 2015) за подборку стихов «Витражные зрячие стекла», лауреат журнала «Окно» (2008) в категории «Визуальная поэзия», лауреат литературной премии и медали им. Бориса Гринченко (2012). Лауреат премии журнала «Дети Ра». Член Союза Писателей России, член ПЕН-клуба, одна из основательниц группы ДООС во главе с Константином Кедровым.

ЛЮДИ ОГНЯ

Мы — сыны ОГНЯ
дочери ОГНЯ
мы среди ОГНЯ не сгорим
брошенные в ПЛАМЯ
наше слово-ПЛАМЯ
мы не предадим
Мы среди ОГНЯ
мы — душа ОГНЯ
каждый человек — ПЛАМЕНИ язык

Мы играем
мы сверкаем
мы горим и не сгораем
пляшет ПЛАМЯ
языками
в нас
Если нет в тебе ОГНЯ
не ходи вблизи ОГНЯ
берегись детей ОГНЯ
не глядись в глаза ОГНЯ
не коснись рукой ОГНЯ
Вмиг испепелит тебя
ПЛАМЕНЬ-человек.

МАСКА

Маска — это мазок без краски,
это кисть, стирающая лица.
Кто в маске, тот без лица.
Кружевные движенья мимических мышц
соберут лицо —
маска станет лицом.
Слой за слоем
она обретает слово.
Сладкая маска —
из леденцовой массы,
холодная —
из кубиков льда,
маска согласья —
из да-да-да,
зеркальные маски
кидают друг другу свои отраженья,
гримасничают, забывая,
что маска прозрачна...
Увеличительная маска —
линза лица,

дикая пляска
 гримас под микроскопом,
 где блохе не припрятать подкованной пятки,
 прятки
 в комнате без углов,
 улов
 пустоты
 на бесплодном мосту ожидания,
 маска улыбки на маске страха...
 Оставим маскам
 представлять свои маски
 на местах не свободных от масок!

СВЕЧА

Свеча боится темноты
 Чем больше страх свечи — тем ярче свет
 Чем ярче свет — тем жизнь свечи короче
 Чем жизнь короче — тем сильнее страх
 Чем страх сильнее — тем ярче свет свечи
 Чем ярче свет — тем жизнь короче
 Чем жизнь короче — тем сильнее страх...

МЯЧ

Руки вибрируют, образуя арку и свод.
 Первая Мария видит вторую
 в зеркале рук:
 рот и брови в раме —
 кармин и мрак.
 Мария три и четыре —
 прозрачные створки ворот.
 Пятая Мария — купол и крест.
 Шестая, смеясь, роняет с небес

**КОНСТАНТИН
 КЕДРОВ**
 (г. Москва)

Константин Александрович Кедров родился 12 ноября 1942 года в Рыбинске. Советский и российский поэт, доктор философских наук, философ и литературный критик, автор термина «метаметафоры» и философской теории метакода. Создатель литературной группы и автор аббревиатуры ДООС (Добровольное общество охраны стрекоз). Член Союза писателей СССР (1989). Член исполкома Российского ПЕН-клуба. Член Международного союза дворян. Вёл мастер-класс на II Международном литературно-музыкальном фестивале «Интеллигентный сезон-2016».

ДИРИЖЁР ТИШИНЫ

Я — дирижёр тишины
 Оркестр — звуковая рама
 Ноты — запретные плоды на древе познания
 Все инструменты — варианты скрипичного ключа

Нотный стан — звуковая клетка для птиц
 Птицы — ускользящие ноты
 Симфония — стая птиц
 Опера — готика голосов

Пять горизонтов — линия нотного стана
 Партитура — пашня, засеянная проросшими нотами
 Рояль — простор тишины
 Арфа — силок для звука

Скрипка — деревянный скрипичный ключ
 Смычок — бродяга струн
 Пальцы — бродяги клавиш
 Клавиши — провалы молчания

Судьба — мелодия жизни
 Душа — пространство между двумя мембранами
 Барабан — христианский инструмент:
 ударят в правую щеку — подставляет левую

Голос — сгусток воздушной ласки
 Пение — ласка звуком
 Струны — радуга звуков
 Литавры — летающие мембраны

Классика — музыка людей для людей
 Авангард — музыка ангелов для богов

Гармония — логика звука
 Небо — партитура звезд
 Галактики — скрипичные ключи
 Луна и Солнце — литавры света

Земля — оркестровая яма
 Тишина — партитура, забитая нотами до отказа
 Млечный Путь — линия ладони
 Судьба — ладонь небесного дирижера
 Ночное небо — приподнятая крышка рояля

* * *

Есть только одно надёжное укрытие на земле
 Это небо
 Есть только одно ощущение бессмертия
 Чувство любви

Доверяю только сердцу ведущему обратный отсчёт
 Только разуму способному ошибаться и ушибаться
 Только предчувствию похожему на воспоминание
 Только воспоминанию похожему на предчувствие
 Ближе себя я вижу только тебя

* * *

Космос — это золотая сирень
 радуга из грусти звёзд осыпающихся в ночи
 над головами ангелов похожих на розовых фламинго
 задумчиво сжимающих в клювах
 архангельскую форель летящую на Восток
 восьмиконечной бесконечности
 делённой на никогда
 окно во всё и дверь в никуда

Почти что Бог над надеждой
 что заметнее будет если
 но половина пламени
 умноженная на инстинкт воды
 заглатываемой верблюдом недоумения
 в ушке игольном
 посреди всего неустанно
 ответа ждущий

Ты не должен сопровождать себя ввысь
 оставайся здесь
 так и быть — будь

**АЛЕКСАНДРА
КЛЕМЕНЦОВА**
(г. Саки)

Клеменцова Александра Николаевна проживает в пгт. Новофёдоровка Сакского района Республики Крым, Россия. Публиковалась в крымских периодических изданиях: в газетах «Слово города» (г. Саки), «Брависсимо» (г. Евпатория), в журнале «Литературный досуг» (г. Ялта), в сборнике «Сакские родники» (г. Саки), в альманахе «След: краски лета» (г. Саки), в трёх международных поэтических сборниках авторов интернет-сообщества «ARTELEN» (г. Киев) и в журнале «Российская литература» (г. Москва). Лауреат литературного конкурса, посвящённого Сакскому курорту (2008), призёр X городского литературного конкурса «Сакский курорт, ты жемчужина Крыма!» (2013)

* * *

Не хотела я быть непрошеной.
Вот и прошенная уже.
Уже рядом с тобой, хороший мой,
витаминный ты мой драже.
Прописали тебя мне сутками
принимать до конца веков.
Принимаю, со всеми шутками,
ожидаю твоих шагов.

Я не буду тобой брошенной,
и не брошу тебя сама.
Будем вместе с тобой, хороший мой!
Так нам легче сходить с ума!
И смеётся луна-проказница,
что дорожкой связала нас.
И теперь уж какая разница,
кто и что говорит сейчас!

НЕ РОПЦУ

Если есть святая ложь,
есть и грешница святая.
Что с неё такой возьмёшь?
Жизнь, порой, сама такая.

То поднимет в облака,
то ударит, не стесняясь,
и намнёт тебе бока.
И живёшь, греша и каюсь.

Вот и я, Господь, грешна!
Сердца слушала веленье.
Получала всё сполна —
наказанье и прощенье.

Но на Жизнь я не ропщу,
что даёт, то принимаю.
По счетам своим плачу,
должникам я всем прощаю.

* * *

«Однажды в студёную зимнюю пору»
студент Дед Мороз прислонился к забору.
Детишкам подарки дарил спозаранку,
и к вечеру выдержал сто одну пьянку.
Ему наливали уж сколько — не счесть!
Забыл он про совесть свою и про честь.
Снегурочку тоже забыл в одном доме —
её он с хозяином сам познакомил.
Покуда держался ещё на ногах,
не ведал парнишка про холод и страх...
Примёрзла к забору и шуба, и шапка.
На счастье, шла мимо знакомая бабка —
его оторвала с доской пополам...
Позор Дед Морозам, надравшимся в хлам!

**ВИКТОР
КЛЫКОВ**
(г. Вена)

Московский поэт, журналист, переводчик и общественный деятель, живущий в Австрии. Работал инженером, экономистом, дипломатом в Организации Объединённых Наций в Вене. Член-корреспондент Международной Академии Системных Исследований, член Московской Организации Союза Писателей России, Международной Ассоциации Писателей и Публицистов АРΙΑ (Лондон), литературного Добровольного общества охраны стрекоз (ДООС). Он также состоит в австрийском Центре Международного ПЕН-Клуба и в литературном объединении «Gesellschaft der Lyrikfreunde»; создатель и президент литературного клуба «Русская поэзия в Австрии» с 2006 г.

Клыков победитель нескольких международных поэтических конкурсов, награждён литературными премиями и медалями имени А. С. Грибоедова, «Литературный Олимп», орденом В. В. Маяковского «Светить всегда» и др. В 2009 и в 2010 гг. поэт представлял Россию на «Европейском фестивале поэзии» в Австрии.

Произведения Виктора Клыкова опубликованы в российских и зарубежных журналах. Он автор пяти поэтических книг. Его стихи переведены на немецкий, английский и французский языки.

МОЙ АНГЕЛ...

Мой ангел, меня охранявший всю жизнь,
ты спишь.
Обломок крыла из подушек глядит,
смотрит ввысь.

Подарок тебе мой — коньки красоты неземной.
Я думал, мы будем с тобою
скользить по реке этой зимой.

До Нового Года оставались часы.
Счастливая, ты их надела на ножки свои
и робко ступила на лёд замёрзшей реки.

Тебя поддержали нежно руки мои,
мы плыли и плыли по глади реки.
Как лебедя крылья были руки твои.

Но мне захотелось лететь над рекой
и руки мои оставили крылья,
оставили крылья твои, ангел мой.

И я, увлекаясь, кружил и кружил над водой,
забыв о тебе,
забыв о тебе, мой ангел родной.

Когда обернулся, увидел тебя на снегу:
на белом снегу мой ангел лежал
и руку-крыло он к груди прижимал.

И понял я тут, что мой ангел страдал
и алые капли
на белую скатерть снега ронял.

О Боже! За что ты ЕЁ наказал?

ПОЭТАМ С ТАИНСТВЕННОЙ СТРАСТЬЮ¹

Шестидесятые годы страны...
В моей памяти живы они.
Тогда юность впервые гремела
так, что нашу страну завертело.
Вместе с нею страна вдруг запела,
когда стали СТИХИЕЙ стихи.

Как же были отчаянно страстны
молодые поэты страны
в Коктебеле под Карадагом,
над Чёрным морем родным...

Там было всё:
и Беллы «хлынул Дождь»!
Его ловили в таз...
Он вырывался. Он летел на щёки».
И молодой Андрей молитву пел:
«Не трожьте музыку руками».

И Роберта родившиеся строки
про них, про нас — парней обманутой мечты.
И Жени снег кружился в летнем зное.
Любовь — её возвышенные строки
летели к морю с вышины
в морском и музыкальном окоеме...

Булат им пел: «Возьмёмся за руки друзья,
возьмёмся за руки друзья...»
И брались за руки они...

¹ Так назвал их В. Аксёнов в книге «Таинственная страсть», Москва, 2010

Потом Высоцкий бил в набат,
предупреждая всех ребят:
«Идёт охота на волков, идёт охота...

Кричат загонщики, и лают псы до рвоты...»
Так и случилось после со многими из них.
Но мгновения свободы, счастья и любви
всю жизнь потом они с собой несли.
Ушли почти что все в высокое и вечное,
великие поэты наши, а может всей Земли!

Кто нам про нашу жизнь теперь
споёт, стихи прочтёт
правдиво, искренно и честно?

МОЕМУ ДРУГУ И ЛЕКАРЮ АЛИШЕР ХАНУ ВАСЛИ

О, Али, мудрец крутолобый Востока,
Ты пришёл, и радость перемен поселилась в сердце моём.
Ты уколол, и зоркость орла вернулась в яблоки глаз моих.
Ты в вены воткнул серебро игл
И кровь побежала быстрее в них.

И снова я стал молодым орлом с прекрасной юной селезёнкой,
Готовым смотреть на девчонок.
К сожалению, ты позабыл про боли мои в пояснице и между рёбер.
И не взлетел орёл на вершину, и не взмахнул поэтическим крылом,
И не зыркнул с Олимпа орлиным оком.

И осел, от боли кряхтя, в кресло, с которого было уж встал...
Быстро устал.
Приходи ещё... кудесник суфийский, племянник пророка,
Взгляни на старого осла своим знающим оком!

ИРИНА КОЛЯКА
(г. Щёлкино)

Коляка Ирина Васильевна родилась 12 апреля 1964 года в Карагандинской области Казахстана. Образование высшее техническое. Член Союза писателей Республики Крым. Член Литературного объединения «Свирель» г. Щёлкино, член русскоязычного Литературного клуба шведского общества «Skruv» г. Мальмё. Публиковалась в литературных сборниках и альманахах Республики Крым, России, Украины, Белоруссии и Швеции. Автор двух поэтических сборников: «Я с вами откровенно говорю» (2012), «Сонеты трепетного сердца» (2014). Слушатель и активный участник международных симпозиумов «Школы сонета» при Московском институте открытого образования. Гран-при фестиваля «Казантип поэтический-2012», неоднократный призёр литературных фестивалей «Славянские традиции», «Пристань менестрелей», «Алые паруса». Лауреат Международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон-2016».

БАЛЛАДА О ТОТАЛЬНОЙ РОБОСТИ

Она жила на первом этаже.
Он выше на этаж и чуть правее.
Ей даже вслед смотрел, слегка робея
От мысли вольной: выросла уже...

А та ждала — грядёт её весна...
Ведь счастье за ближайшим поворотом.
Боялась лишь, а вдруг он ждёт кого-то,
Не ведая, что к ней приходит в снах...

Он к ней спешил во сне — она к нему...
И что за блажь — он знал её с пелёнок?!
Он помнил, как в подъезд вошёл ребёнок —
Ей год минул, двадцатый шёл ему...

.....

Она жила на первом этаже.
Он выше на этаж и чуть правее.
И всё ещё смотрел ей вслед, робея,
И думал с грустью: горбится уже...

А ей казалось, он вот-вот придёт —
И счастье за ближайшим поворотом.
И знала: ждёт её, а не кого-то,
Ведь снится ей уже который год...

Он к ней спешил во сне — она к нему...
И что с того, что знал ещё ребёнком?!
Давно уже не лань со станом тонким —
Полвека ей, под семьдесят ему...

.....

И где-то на последнем вираже
Он всё-таки пришёл, сказав, робея:
— Я рядом был, но выше и правее.
Жаль, ближе мы не сможем стать уже...

Она жила на первом этаже...

* * *

«...Тебя люблю и помню Ленинградом».

Автор («Мой Ленинград»)

Ленинградские белые ночи...
 Краткий миг и холодный рассвет...
 Вот бы мне кто-нибудь напророчил
 Этак двадцать добавочных лет.
 Я бы их прожила в Ленинграде.
 Пусть простит меня солнечный край.

Я поклонница крымской «Эллады» —
 Так, наверное, выглядит рай.
 Только мне ленинградские вёрсты,
 Что магнит для души... И всерьёз,
 Я балтийские слышу норд-осты
 В парусах романтических грёз.

Невзирая на стужу и слякоть,
 Неосознанно вечно стремлюсь
 В Ленинград, где от счастья заплакать
 Не грешно над понятием «Русь»...

* * *

Опять оделись в золото леса.
 Багрянец оттеняет чёткость линий.
 Пока оберегают небеса
 Осенний антураж от скучных ливней.

Ещё касанье солнечных лучей
 Листву балует нежностью и лаской.
 Ещё щадят ветра... Ещё сочней
 И ярче день за днём цвета и краски.

Пока не докучает блёклый вид —
 Пленяет дивной роскошью природа.
 И к нам пока ещё благоволит
 Чуть грустное, по сути, время года...

* * *

Отвожу виновато взгляд...
 Я сейчас не с тобой — ты видишь,
 Но не ведаешь, что наугад
 Мои мысли текут на идиш
 И на сотне других языков,
 Незнакомых мне и невнятных.
 Словно в бурю и без маяков
 Я плыву, но вернусь обратно.

Я вернусь, и уймётся дрожь,
 Что терзает украдкой тело...
 Ты не тронь меня, не тревожь,
 Не коснись невзначай придела
 Утомлённой моей души
 И не стань неподъёмной ношей.
 Я вернусь к тебе, не спеши
 Возвращать меня, мой хороший.

* * *

Когда стихи приходят по ночам,
 Они всецело властвуют над нами,
 Как тихая церковная свеча
 И Господом отмеченное пламя.

Когда стихи приходят по ночам,
 Их звёздное безмолвие диктует.
 И даже, если в строках спит печаль,
 Они духовной силою ликуют.
 Ликует осознанием души
 И жаждой очищающего слова.
 И хочется в нетронутой тиши
 Их сердцем принимать опять и снова.

Когда в ночи рождаются стихи,
 Что исповедь, готовая к ответу,
 Мне кажется, прощаются грехи
 Тому, кто на земле прослыл поэтом.

**ОЛЬГА
КРУПЧЕНКО**
(г. Саки)

КРЫМСКИЙ СЕНТЯБРЬ

На небе зажгутся огни
Из синего крошева звёзд.
Сегодняшний день позади,
Заботы куда-то унёс.

И лето, что было вчера,
Уходит, махнув нам крылом,
Отчаянный крик журавля,
Искавшего где-то свой дом.

Минуты считая и дни
Сорвётся, нахлынувши, дождь,
Застывшему небу дарить
Печаль свою, трепет и дрожь.

Темнеет, но в окна сентябрь
Стучится замёрзшей рукой,
Верхушки притихнувших яблонь
Баюкает сонно покой.

Заснул на одно лишь мгновенье
Осенний продрогнувший вечер,
Холодным прикосновением
Манящий, как пламенем свечи.

И льётся вода, как по струнам
Звучит чья-то музыка где-то,
И шепчет мне через раздумья
Дождь снова мелодию ветра.

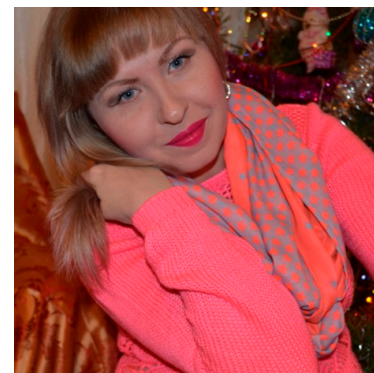
Распахнутые ожидания
Вернут меня в омут дней тёплых,
Записку сентябрь оставя
На мокрых обветренных стёклах,

Поймёт, что не властно над нами
То небо в оранжевых листьях,
А в свете огней, умирая,
Ещё будет время кружиться.

О СВОЕЙ ПРОФЕССИИ

Бледные щёки, усталость в глазах,
Толпы стоят у прилавка.
Пахнет лекарством твой белый халат,
Ведь пролилась валерьянка,
И миллионы спасём от чумы,

Кашля, запора и гриппа,
 На страже здоровья всегда мы стоим,
 Таблеток горстей фавориты!
 Мы добрым советом поможем всегда,
 Что под язык, что — ректально,
 Ведь мы как психолог и врач, господа,
 Это сейчас актуально!
 Сильные духом, бесстрашные, вновь
 Будем всегда начеку.
 От перелома передних зубов
 Болтушку дадим не одну!
 В царство пилюль и растирок придя,
 Приносят нам люди рецепт,
 На помощь придти мы готовы всегда,
 Ведь гордо звучит «Фармацевт»!

ЕЛЕНА ЛЕБЕДЕНКО
 (г. Евпатория)

Детский поэт, композитор, член творческой мастерской детских авторов Крыма «Мечтательный слон». Родилась в г. Саки, окончила факультет искусств Крымского государственного инженерно-педагогического университета по специальности «Дирижёр хора, учитель музыки». Долгое время работала на Сакском городском радио, совмещая радиожурналистику с работой в школе. Победитель городского конкурса «Человек года» в городском конкурсе «СМИ и рекламно-имиджевая деятельность» (Саки), республиканского конкурса среди журналистов на лучшее произведение для детей по налоговой тематике (Симферополь). Победитель международного музыкально-литературного фестиваля «Ялос» в номинации «Лучший вокал», лауреат международного литературно-музыкального фестиваля «Пристань менестрелей» в номинации «Авторская песня», автор гимна и дважды лауреат Международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон» (2015–2016 гг.). Произведения Елены Лебеденко размещены на сайте «Капитошкин дом» (Москва), в изданиях «Российская литература», «Клаузура», «Книжки, нотки и игрушки...», «Современный детский сад» (все — Москва), «Мир животных» (Минск) и альманахах «Интеллигентный сезон- 2015», «Орлёнок» (оба — Симферополь).

МУДРЫЙ ПЕТУХ

Решила Коза
Поэтессою стать
И кормит стихами
Звериную рать:
«Друзья!
Не хотите ль сыграть
В буриме?»
Сказала Коза
И заблеяла:
«Меее!»
Корова с Овцою
Продолжили вслух,
Но тут возмутился
Задира — Петух:
«Стихи сочинять —
Это очень легко!
Вы лучше давали бы нам
МО–ЛО–КО!».

КРЫМЧАНОЧКА– РОССИЯНОЧКА

Я — девчоночка, я — крымчаночка,
Я — счастливая россияночка!
И живёт во мне русская душа,
На родной земле хорошо дышать!
Соберу букет полевых цветов,
Принесу домой аромат лугов.
Постою в тени под берёзами,
Полюбуюсь майскими грозами.

Позову гостей в свой просторный дом,
Приглашу за стол, одарю добром,
И для вас, друзья, от души спою...
Как люблю я Крым и страну свою!

СЧАСТЬЕ

У меня сегодня счастье!
Подарили мне щенка
Бело-чёрно-рыжей масти,
Глазки — цвета уголька!
С ним играла долго мама.
Ах, какой же он смешной!
Он теперь — моя охрана,
Хоть и ростом небольшой.
Не породистый — дворняжка.
Позавидует бульдог:
Обаятельной мордашкой
Всех сразить Пушистик смог!

РУССКАЯ ЗИМА

На катке полным-полно народу,
Санки мчатся в горочки стремглав.
Хорошо в морозную погоду
Оказаться нам среди дубрав,

Прогуляться с другом по лесочку,
Разыскать звериные следы...
Просто сказка — зимние денёчки,
Не сыскать подобной красоты!

Серебром покрыто всё в округе,
Волшебством укутаны дома,
Выглянуло солнце после вьюги —
Чародейка русская зима!

КОРОВА НА ЛЬДУ

Корова выходит на лёд!
 — Я звезда!
 На льду не бывала она никогда!
 Надела коньки и красивый наряд.
 «Бурёнка — вперёд », —
 Ей трибуны кричат!
 Два шага ступила — четыре назад.
 «Спасите!
 ...Ловите!
 ... Копыта скользят!».
 Вращения!..
 Скорость!!..
 Крутое пике!!!
 Смеётся народ:
 «Ну и цирк на катке!»

ПУТЕШЕСТВЕННИК

Непоседа-таракан
 Влез по-свойски в чемодан,
 Рейсом номер двести тридцать
 Из Москвы попал он в Ниццу.
 После — поездом в Париж.
 Это, знаете ль, престиж!
 Там, в столичном ресторане,
 Ел телятину в сметане.
 Посетил без всяких виз
 Кубу, Грецию, Тунис!
 В пятизвёздочном отеле
 Жил бесплатно две недели...
 И с любовью вспоминал
 Свой
 родной
 сырой
 подвал!

ДВА ЖИРАФА

Он выходит из трамвая,
 Шею длинную сгибая.
 Этот парень, посмотри,
 Метра два, а может три?!

Словно курицы-несушки
 Раскудахтались старушки,
 Все жалеют паренька,
 Что дорос до потолка!

Тихо шепчутся в сторонке
 Низкорослые девчонки:
 «Вот жираф!» — исподтишка
 Обсуждают паренька.

Только я молчу... Я тоже
 На жирафику похожа.
 По секрету вам скажу —
 Платье в пятнышках ношу!

СЕРГЕЙ ЛЕОНТЬЕВ
(посёлок Белоозёрский
Московской области)

Сергей Витальевич Леонтьев родился в городе Иваново. Живёт и работает в посёлке Белоозёрский Воскресенского района Московской области. Генеральный директор ООО «Олинта». Директор Белоозёрского общественного фонда развития поселения «Синица». Поэт, бард. Автор поэтических сборников «Первая скрипка» (2008), «Две Луны» (2011), альбома с авторским чтением стихов под музыку «Листопад» (2014), альбома авторских песен «Корабль» «Я живу в Подмоскovie», звучащих на эстраде и в шансоне (Витас, Рада Рай и др). Лауреат многих фестивалей, в том числе Международного литературно- музыкального фестиваля «Интеллекнтный сезон-2016».

ВСТРЕЧА

Дымкой — чай... Шоколадное золотце
В блёстках света вечерней зари.
Ты так близко, что можно дотронуться.
Не молчи, говори, говори.

О друзьях, отдыхавших в Дубровнике,
И о пробках по всей кольцевой,
О машинах, о новом любовнике,
Мне же можно, я — давнишний, свой.

Если б только ты знала, да ведала
Что мне стоит казаться простым,
Как томительно ждал эту среду я,
Как ходил я разбитым, пустым.

Улыбаюсь, киваю, советую,
И горю от смеющихся глаз...
Разве можно так близко с поэтами,
Да ещё и влюблёнными в Вас.

— Ну, пока! Созвонимся. Поехала!..
Чай остыл, недопит Совиньон,
И надорван пакетик с орехами.
И надорвано сердце моё.

ДОРОГА

Этот день позабыть смогу ли,
дорогой ты мой человек?
Словно пух с тополей в июле
на дорогу ложился снег,
две луны в облаках парили,
с тихой грустью смотря на нас,
говорили мы, говорили,
говорили в последний раз.

Говорили без всякой злобы,
мол, попробуем всё забыть,
говорили, что да, могло бы
по-другому, наверно, быть,
что кому-то ещё подарим
мы страницы в своей судьбе.
— Знаешь, я тебе благодарен.
— Благодарна и я тебе...
— Я — за то, что меня любила!
— Я — за то, что меня любил!
— Я — за слабость. — А я — за силу,
что сильнее всех на свете сил!
— Я — за страсть, что внутри клокочет!
— Я — за нежность твою со мной.
— Я — за ночи! — И я — за ночи!
Я их помню все, до одной...

Ёлки прятались в снежных дюнах
 меж зелёных своих подруг,
 и качались на небе луны,
 собирая созвездья в круг.
 У берёзки под белой шалью
 закровила рябины гроздь,
 мы дышали и не дышали,
 понимая, что дальше — врозь.
 Превращалась одна дорога
 в неизбежные два пути,
 в тропик Рака и Козерога,
 в параллельные Я и Ты...
 А луна чуть луны касалась
 белым-белым своим огнём...
 Почему-то мне показалось –
 мы друг друга ещё вернём.

ЛИСТОПАД

Обречённо рвутся листья
 И летят, летят, летят.
 Словно землю шубой лисьей
 Укрывает листопад.

Золочён её окрас!
 Скоро снег. Какая жалость!
 Вот бы так и оставалось,
 Так и радовало глаз!

Что поделать, всё не вечно.
 Отгорев, и мы уйдём,
 Не спеша иль скоротечно,
 В землю, в свой последний дом.

Меж берёзовых корней
 Все мы, все мы, человеки,
 Упокоимся навеки,
 Ничего-то нет верней.

Кто бы спорил? Нет бессмертья.
 Да и то, к чему оно?
 Бесконечной круговертью
 Жизнь продлится всё равно.

Уходить совсем не жаль,
 Только хочется до боли,
 Чтоб цвело весною поле,
 Обещая урожай,

Чтобы нас добром на свете
 Помянули много раз,
 Да чтоб жили наши дети,
 И чтоб жили лучше нас.

Дождь кружится, бьётся оземь
 Пред коленями берёз.
 Похожайничает осень
 И помчится под откос.

Вслед — зима по целине
 Убежит, ручьи оставив,
 И под гомон птичьих стаек
 Будут листья зеленеть.

Отшумят они, задремлют,
 Оборвутся, полетят,
 И опять укроет землю
 Лисьей шубой листопад.

**ВАЛЕНТИНА
МАГЕР**
(г. Щёлкино)

Член Союза писателей Республики Крым. Поющая поэтесса. Автор трёх музыкальных альбомов, последний — «Душа» — вышел в октябре 2015 года. Печаталась в коллективных сборниках: «Исповедь у Меатиды-4», «Исповедь у Меатиды-5», «Прекрасная гавань», «Стремятся к небу звёзды обелисков», «Победа в единстве» и другие. Выпустила авторский сборник стихов и песен «Души серебряные струны». Лауреат многих поэтических и музыкальных конкурсов и фестивалей. Победитель районного конкурса «Успешная женщина-2013», Лауреат 1 степени фестиваля «Казантип поэтический-2016» в номинации «Авторская песня», член Союза писателей-маринистов Крыма. Лауреат Международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон-2015».

АПРЕЛЬ

Простуженный Апрель дождями хлюпал
И зябко кутался в ковёр душистых трав.
Сердился на небесный серый купол,
Ругал погоды крымской неуютный нрав.

Упрямо наливал бутоны соком,
Дохнув на ветки абрикосовый туман,
А злой Мороз грозился новым сроком
Зимы седой продлить самообман.

Напрасные труды! Проснётся Солнце!
Разгонит тучи, разольёт тепло
И Лето красное впорхнёт в моё оконце,
Мне скажет: «Здравствуй! Я опять пришло!»

ВСТРЕЧА

Я в десять лет приехала на море
И первый раз увидела прибой.
Казалось мне, девчонке, что со мной
Случилось что-то дивное такое!

Себя я ощутила птицей в облаках,
Парящей вольно над скалой крутою,
Восторг по венам пробежал стрелой.
И, силу взмаха обретя в руках,

То чайкой белой взмыла в небеса,
То камнем в море смело окунулась,
От зимней спячки, будто бы проснулась —
На птичьи звонко откликаюсь голоса,

Лечу навстречу солнцу, близ волны,
Крылами пену бережно снимаю.
Душа ликует! Страха я не знаю!
И помыслы от бремени вольны!

Я обнимаю целый Мир, пою!
Вдыхаю полной грудью свежий ветер,
А край морской — и радостен, и светел,
И песню по волнам несёт мою...

Видение прошло. Стою на берегу,
Азов седой мне нежно лижет ноги.
Закат потух, лишь — млечные дороги,
Да плеск волны — всё в сердце берегу.

И не расстанусь с ними никогда!
Куда бы ни несла судьба шальная —
И тот прибой, и та скала крутая,
Как отчий дом — родные навсегда!

СВЕЧА

Закончила свою стезю огарком
 На столике забытая свеча.
 И расцвела заря над старым парком,
 Где ты меня счастливую встречал.
 Где мы бродили страстными ночами,
 Расплёскивая юности мечты.
 Где, прикасаясь крепкими плечами,
 В любви своей признался робко ты.
 Свеча моя мерцала дивным светом,
 Тебе в ночи указывая путь,
 Чтоб мог ты и зимой, и знойным летом
 В моих объятьях сердцем отдохнуть.
 Она сгорела не напрасно, знаю,
 Ведь с той поры по ныне много лет
 С любимым все рассветы я встречаю
 И вместе бережём мы счастья свет!

ГУСЬ В ЯБЛОКАХ
(басня)

Гусь лапчатый прославиться мечтал —
 Подняться выше всех на пьедестал!
 Чтоб Конюх, посещая птичий двор,
 Снимал пред ним свой головной убор,
 Ведь слышал серый Гусь минувшим днём,
 Одна примета у него с Конём!
 Породой знатной был наш Конь лихой —
 Круп в яблоках сиял его крутой!
 И Гуся Повариха на обед
 Украсит яблоками, вот секрет,
 Что разлетелся по двору вчера,
 О том Гусю вещала детвора!

Но горемыке даже невдомёк,
 Что жизни глупой срок уже истёк.

Конь в яблоках и Гусь, увы, увы,
 Две кардинально разные судьбы!

ЗАКОН ПРИРОДЫ
(басня)

Курица-наседка дрожала над Цыплёнком,
 Ведь был он у неё единственным ребёнком!
 Серdito отгоняя от крохи взрослых птиц,
 Гнездо оберегала и не несла яиц.
 Наследника растила, как царское дитя,
 От всех невзгод хранила, любила не шутя!
 Рос Петушок беспечно, не зная птичьих бед —
 Сидел в тепле и сытный всегда имел обед.
 К весне жирок да мясо он быстро нарастил,
 Поэтому всех раньше в духовку угодил.

Куриными мозгами понять, конечно, сложно,
 Что правильно ребёнка готовить к жизни должно!

ХОЛОСТЯКУ

Сквозь плотное стекло не слышен ветер
 И шум дождя, как будто приглушён...
 А был ли раньше радостен и светел
 Твой тихий дом с зашторенным окном?

В него не проникает улиц гомон
 И щебет птиц, и крики детворы.
 Ничто не потревожит дрему комнат
 Твоей благоустроенной норы.

Здесь свой уклад, не зыблемый с годами.
Любая вещь на месте приросла.
Никто не трогал женскими руками
До ниточки мужского барахла.

В звенящей тишине нет красок счастья,
Нет шумных бурь, семейных передраг.
Ты как на дне морском в часы ненастья,
Упавший за борт, северный варяг.

Раскрой окно, вдохни глоточек жизни,
Впусти к себе луч солнца золотой!
Пусть в сердце отразится кто-то близкий,
Скажи: «люблю» — единственной, одной!

**ДМИТРИЙ
МУРЗИН**
(г. Кемерово)

Мурзин Дмитрий Владимирович родился в городе Кемерово 28 апреля 1971 года. Окончил математический факультет Кемеровского Госуниверситета (1993) и Литературный институт имени А. М. Горького — семинар И. Л. Волгина (2003). Работает ответственным секретарём журнала «Огни Кузбасса». Член редколлегии журнала «День и ночь». Лауреат поэтической премии им. И. Киселёва (2009), Всероссийской премии «Белуха» им. Г. Гребенщикова и Всесибирской премии им. Л. Мерзликина (2015). Победитель слэма Григорьевской премии (2016).

Автор книг: «Белое тело стиха» (1997), «Ангелопад» (1998), «Полноценный валет» (совместно с Алексеем Гамзовым) (2001), «Носитель языка» (2006), «Клиническая жизнь» (2010), «Бенгальская вода» (2014). Член Союза писателей России. Член Русского ПЭН-центра. Живёт в Кемерово.

* * *

Зарёкшись от сумо и от трюмо,
Не поступив ни в ГИТИС ни в МГИМО
Как, в общем-то, не поступил бы каждый,
Сижу теперь над рухлядью бумажной,
Проходят дни, короче этих строк,
И важное становится неважным.

Добавь сюда, по вкусу, матерок.

* * *

Ты шепчешь: «Таким полюбите меня,
Небритого, в рваных трико.
Когда я весь в белом, навроде коня,
Чешу языком, словно твой Потемкин —
Любить меня очень легко.

Когда обнимают меня все подряд,
Когда грантоед я, когда кандидат —
Всё это лишь морок и взвесь.
Когда я вливаю в себя наугад,
И виски, и хеннесси, и суррогат —
То в этом я тоже не весь.

Когда я на кухне шепчу этот бред,
И рифмы проходят парадом планет —
Хотят этот мир изменить...
Нужны мне бумага, чернила и свет,
Мне нужно мгновение, несколько лет...
Тогда — может быть, может быть...

Нельзя обойтись парой вежливых фраз,
Решается всё только здесь и сейчас —
Нельзя оставлять на потом.
А то — не признает поэта Пегас,
А то — позабудет поэта Парнас,
А то ведь — останусь скотом...»

* * *

Наш повар варит борщ, наш повар чегеварит,
Наш повар бородат, банданист и лукав,
И лук в его руках слезу в глазу нашарит,
И защекочет нос набор его приправ...

Всё под его рукой кипит, бурлит, клокочет,
Костёр его — горит, дрова его — трещат,
Он, знай себе, поёт, он, знай себе, хохочет
Поёт — о том, о сём, смеётся — наугад.

Он весь — из озорства, побасенок, улыбок,
Случится коль чего — так он и горю рад.
А что судьба его — комедия ошибок...
Зато — костёр горит. Зато — дрова трещат.

* * *

Куплю русской водки дешёвой —
Увы мне и ах, поделом —
Китайским заем корнишоном,
Турецким утрусь рукавом.

С чего я так спёлся и сдрейфил?
Работа есть, дом и семья...
Но пахнет сибирской нефтью
Мой стол и одежда моя.

* * *

Пришла зима в поля пустые —
Благая весть с пустых полей.
— Не узнаю тебя, Россия...
— А ты налей!

Спрячь горечь под облаткой сладкой,
Нам больше нечего терять:
Ни мужичка нет, ни лошадки,
И некому торжествовать.

* * *

Мама, мне снилось поле,
В поле гуляла пуля.
Было ей там раздолье
Было ей там июлье.

Было ей там раздолье,
 Было чем поживиться.
 Птицы ушли в подполье.
 Люди стали как птицы.

Мама, мне снилось лето,
 Пчёлы, солнце в зените,
 Первая сигарета,
 Прожжённый свитер.

Старая радиола.
 Бал выпускной и танцы...
 Мама, мне снилась школа...
 К чему покойники снятся?

* * *

Карлсон, который живёт в подвале
 Мужчина в самом закате сил
 Милостыню просил.

Дело житейское, пустяки,
 Мимо руки пятаки.

Нет Малыша, негде жить,
 Некого низводить,

Что-то он совсем изнемог,
 Где же ты его Фрекен Бок.

Некуда бежать молоку.
 Некуда идти старику.

* * *

Как нахохлишься — сразу направо,
 Загаси, положи на пенёк,
 Как накроется слава, халява —
 Пригодится бычок.

Всё закончилось. Сточены лясы.
 Хватит корчить придурка.
 Ты вернулся напрасно.
 Ни пенька. Ни окурка.

* * *

Огонь зажётся и погас в ночи
 Вы были обезьяной Чичичи
 И дилером кирпичного завода
 Вам даже дали имя парохода

Пройдёт зима пройдоха не пройдёт
 Пусть переименуют пароход
 В кармане лишь окурки и огрызок
 Я гадам буду учпедгизом

Огонь зажётся в траченной ночи
 Вы слышали упали кирпичи
 Не ведая сомнения и цели
 На голову в цене на самом деле

* * *

Эта музыка — музыки для.
 Для того, чтоб вращалась Земля,

Для того, чтобы розы цвели,
 Чтоб хмелели, смелели шмели,

Чтоб прозрачный и призрачный весь
 За деревьями прятался лес,

Чтоб, пробившись меж сосен и туч,
 В паутине запутался луч...

.....

А диктует мне весь этот свет —
Афанасий. Не факт, что не Фет.

* * *

уже почти не странно,
что обыденная речь
набранная в столбик,
воспринимается многими
как стихи.

* * *

Внезапно замолчали соловьи
Напившись неба, захлебнувшись высью...
— Иванушка, не пей из колеи,
Тойотой станешь, хондой, мицубисью!

Но выпало всем сёстрам по серьгам,
Алёнушку везла «Калина Лада»
По всем семи холмам, по всем кругам
По всем развязкам дантовского МКАДа.

КОКТЕБЕЛЬ

Лёше Остудину

1

На «Эффект красных глаз»
наложился эффект красных вин.
Протекло в багаже каберне.
Или нет — саперави.
Две зажжённых свечи,
Ты пошутишь, мол, стереорин.
В Феодосии?, нет, в Судаке?..
В Коктебеле?, нет, не в Балаклаве...

2

Заскучавши в начале зимы
И вздыхая нетяжко
Вспоминать крымский воздух нарезанный
дольками света и тьмы
Ты сказал бы — разлитый по фляжкам.

* * *

... а мог бы взять — да пренебречь,
сослаться на работу...
теперь сиди и слушай речь
над вечным натюрмортом:

бутылка, ломтик огурца
домашнего посола
и запах, будто жгут сердца
просроченным глаголом.

КОКТЕБЕЛЬСКИЕ ТРАВЫ

Где-то в тени, в солнечном Магадане Коктебеле,
Там где поэты складывают слова,
Путают отношения, дни недели,
По вечерам цветёт целибат-трава.

Там кое-кто кое-где ночью порою,
С лицом и повадкой неумершего поморца,
Рвёт целибат-траву, готовит настои
И подливает в вино монахам и стихотворцам

Не знаю как у монахов и врать не стану,
А чтоб стихотворцы музам не говорили: «увы...»
Их по ночам будит поэт Кабанов
И даёт антидот из сам-знаешь-какой-травы.

ДРЕВО ЖЕЛАНИЙ

(экспромт на Коктебельском
состязании поэтов)

Бахыту Кенжееву

В лесу раздавался топор дровосека...
Н. Некрасов

Лесорубы Борис и Василий
Отбросив сомнение
Древо желаний срубили.
Остался пенёк хотенья.

Сесть бы на тот пенёк
Попою, натурально,
Я б написал пару строк
Всячески гениальных.

Стал бы я знаменит,
Хотя бы в отеческом крае.
Но сидит на пеньке Бахыт
И никого не пускает!

ФЕОДОСИЯ

Искупаться лишь раз, в самый первый день,
(Айвазовского видел, у Грина был),
Сесть куда потише, забиться в тень,
И не вспоминать то, что позабыл.

Покупать на рынке вино, кизил,
Прямо в тапках ходить, встречать поезда,
И о том, что, что-то там позабыл,
Позабыть уже навсегда.

НАТАЛЬЯ МУРЗИНА
(г. Кемерово)

Мурзина Наталья Петровна родилась 14 февраля 1971 года в посёлке Тисуль Кемеровской области. Закончила Кемеровский государственный университет. Работала редактором в издательстве «Кузбасс». Публиковалась в журналах: «Москва», «Огни Кузбасса», «Наш современник», «День и ночь», антологии военной поэзии «Ты припомни, Россия, как всё это было!..». Автор книги стихов «Вторжение весны». Член Союза писателей России. Живёт в Кемерово.

* * *

Отлюбило лето, отмечало.
Сны свои дождями расплескало
И ушло. Откликнись, лето, где ты?
Нет ответа.

Осень колдовала над листвою,
Терпкие готовила настои.
Видно, лето удержать хотела.
Не успела.

Так и ходит по дворам и крышам.
Рыжая, босая — счастья ищет.
Встретится, поплачет вам о лете —
Пожалейте.

* * *

Бабье лето к исходу. Полынный,
Нынче воздух дымами провис.
Но уже перехвачен ангиной
Каждый сброшенный тополем лист.
Скоро всё октябрём занедужит.

Неухоженный дворик готов
Наступить в долговязую лужу
Отражением зыбким домов.
Или в окна ворвётся с разбега
Сквозняком дуновенье беды.
Или лапа внезапного снега
Маховые прочертит следы.

ДЕТСТВО

В крошечности потушенного света,
я знаю, мне опасно оставаться,
протянешь руку, шевельнёшь губами,
а вдруг — бабай! Скорей, скорей на кухню!
Сестра длинноволосая. Как крепость.
Готовит неприступные уроки.
Расплывшиеся по тетради буквы
я медленно распробовать пытаюсь.
И вот они послушны, оживают
тропическим названием «Ал – геб – ра»,
растением волшебным. Но об этом
спросить сестру мне духу не хватает.
У бабушки гребёнка костяная
и сарафан, впитавший запах кухни.
Стремительные спицы, будто птицы,
вьют гнёздышко пуховое, ручное.
Я знаю, как. Меня уже учили
перебирать запутанные петли.
Отколупну кусочек штукатурки
за печкой, где меня никто не видит.
Получится горяченькая ямка.
В печном нутре гневливый зверь бушует.
Пахучие песочники томятся,
мы с мамой их в духовке заточили
на противне, посыпанном мукою.

Он не противный, просто очень чёрный.
Из погреба сейчас достанут к чаю
тягучего клубничного варенья.
А за окном надсадный рык овчарки,
рёв трактора. На сваленных берёзах
Везут зарод, зародище, громаду,
присыпанную снегом гору сена
колючего, душистого, сухого.
Я завтра на него тайком залезу.
Отец кричит о чём-то с мужиками,
перекричать старается овчарку...
Оранжевые тракторные фары
прошили двор насквозь, до огорода...

* * *

Первовторжение весны. Проснулись щебеты и свисты.
Капли нежный звукоряд уже повис на козырьках.
И на оттаявшем стекле сверкает лучик золотистый.
Уже высотный ветер рвёт просветы в редких облаках.

Как пробудившийся поток, весна опять неудержима.
Нетерпелива, голодна, она вот-вот прорвётся в нас.
Ты отогревшейся рукой сейчас отпустишь эту зиму,
И не сумеет скрыть февраль распахнутых проталин-глаз!

* * *

Я слышала рождение зимы,
А ты — любовный шёпот листопада,
Когда, обнявшись, проходили мы
Под сводами простуженного сада.

Я познавала строгость тишины,
А ты — сиротство старого вокзала.
Ты — уезжал, а я — не уезжала
Из маленькой доверчивой страны.

Тебе — пора. Уж кличут. Замираю.
 Мне лишь дождя холодного глоток...
 Но дождик лил на всех, не выбирая,
 Кто был тогда, кто не был одинок...

* * *

Серёже

Дождь проснулся в облачной перине,
 Распугал ватагу шумных птиц.
 Вновь сияет солнце, а у сына
 Небо пролилось из-под ресниц.

И несётся детство золотое
 По траве прохладной босиком.
 Счастье... знаешь, сын, оно простое.
 В белой кружке с белым молоком.

* * *

Потеплеет к утру. Скрипнут старые ставни.
 И расправит рассвет светло-серую шаль.
 И к любимой жене в разомлевшую спальню
 Ввалит в форточку радостный пьяный февраль.

Ущипнёт, растолкает, ошпарит морозцем,
 Расцелует горячим смеющимся ртом.
 Я успею увидеть, как раннее солнце
 Тронет радужным бликом кусты за окном.

* * *

Моим крестникам
 Маше, Ване, Васе Скобликовым

Летнее поле. Прозрачный покой и простор.
 Васе найдём василёк синеглазый простой.

Ване — пушистый сиреневый клевер. А Маше —
 Нежные солнышки густо цветущих ромашек.

Будем все вместе в тягучее небо смотреть,
 Там проплывает на север большущий медведь.

Здесь — государство нестрашных жуков. И смотри-ка:
 Тайно краснеет под спящим листом земляника.

Ваня, лизни, пока мама не видит, скорей
 Стебель травы, по которой гулял муравей.

Видишь, как кисло! А лучше давайте кружиться:
 Бабочка — облако — камушек — дерево — птица.

Или бежим до ручья, кто быстрее, на спор.
 Родина детства. Прозрачный покой и простор.

«КАРАВАН»

Е. Качалиной

Ты — голос обезвоженной реки,
 Так и не утолённой долгожданным,
 Измаявшимся чёрным караваном,
 Врастающим в горячие пески.

Ты — погружение в зыбкую строку
 Ещё не отстоявшегося света.
 И проступают сущности предметов,
 Тенями пробираясь к потолку.

* * *

Белая ветка волной аромата поймает,
Сердца коснётся, и ты пропадёшь с головою
В мареве яблонь, в счастливом смятении мая,
Веткой душистой качаясь над тёплой землёю.
И в разобщённые гнёздышки воспоминаний
Тихо слетятся прозрачные лёгкие птицы
Давних ошибок, надежд и пугливых признаний —
Чтобы нечаянно сбыться, простить и проститься...

* * *

Ирине, девочке, которая умеет слушать

Снова тонут черёмухи в белых проточных ветрах.
Снова летнее небо цветным капюшоном на плечи.
В тёплом утреннем мареве дремлет детёныш-кузнечик,
Опьянённый ленивым дурманом нетронутых трав.

Столько тихого счастья в дыханье распахнутых крон:
Ведь не скоро ещё тяжелеть, наливаясь плодами.
А пока — шелестеть, шелестеть на ветру куполами
И ловить лепестками пчелиный полуденный звон.

ИВАН НЕЧИПОРУК
(г. Горловка, ДНР)

Член правления Межрегионального союза писателей, исполкома МСПС и Союза писателей России. Руководитель литературного объединения авторов Донбасса «Стражи весны». Лауреат литературных премий им. «Молодой Гвардии», им. Михаила Матусовского и других. Лауреат Международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон-2016»

Член-корреспондент Крымской литературной академии.

КРИКИ ЧАЕК НАД НЕВОЙ

Таут в облаках лучи...
Ветер свищет, как нагайка,
Воздух сладостно горчит.
Надо мной не плачут чайки,
Надо мной кричат грачи.

Кроны тополей пусты...
На ветру трепещет осень,
Сквер, осунувшись, простыл.
И октябрь с собой уносит
Прогоревший дух листвы.

Заболел мой край войной...
А друзья считают чаек
Над холодной Невой.
И по Родине скучая,
Не торопятся домой...

* * *

Нас убьют за то,
 Что мы гуляли по трамвайным рельсам.
 Я. Дягилева

Читать стихи у памятника Пушкину,
 Сродни прогулкам по трамвайным рельсам.
 И в городе, где русский мир придУшенный,
 Попробуй только, вздумай, вознамерься.

Идея нации с замашками обвальщика,
 Всегда витает где-то очень рядом.
 И своры криворотых лютых мальчиков,
 Уже пасутся, в нас впиваясь взглядом.

Но по бульвару, по-сентябрьски тусклому,
 Идём открыто, гнёт отбросив тяжкий,
 Мы бьёмся с ветром силой слова русского,
 Пока не встретятся нам чёрные фуражки.

* * *

Осенний вечер, как неясить
 Раскрыл крыла над автотрассой,
 И меркнут краски октября.
 И над моим родным Донбассом
 Зарницы траурно горят.

Земля укутана в тревогу,
 Заглохшей кажется, убогой
 С закатно-тлеющей травой...
 И остов храма над дорогой
 Стоит, как верный часовой.

ПАМЯТИ АРСЕНИЯ ПАВЛОВА

В одной невероятной скачке
 Вы прожили свой краткий век...
 М. Цветаева

Над этим островом Свободы,
 Над этим миром неугодным,
 Растает в небе имярек.
 Увенчанный дождём холодным
 Сорвётся в бездну краткий век.

В итоге этой смертной скачки
 Судьба, не ждавшая подачки,
 На жертвеннике догорит.
 И будет кровью день запачкан,
 И в миг бессмертия убит.

* * *

Октябрь с листвою пали ниц...
 Во власти сахарного змия
 Дождливые листаю дни я,
 С расчётом хлебных единиц,
 С оглядками на гликемию.

Хоть осень мне твердит: «Держись!»,
 Но лезут цифры, словно тени,
 Да пусть огнём горят смятенья!..
 Я в новую вступаю жизнь
 С паденьем духа, веса, зренья!

* * *

Холод неуютности не слаще.
 Вечер погрузился в темноту,
 Кот залез в пустой картонный ящик,
 В этом неприятном настоящем
 Нет просвета людям и коту.

Тишина сгустилась в изголовье,
 Вечер матеряющий спешит
 Находить созвучья в каждом слове...
 Кто же безутешность остановит? —
 Стынут радиаторы души.

* * *

Мы раньше срока поседели,
 Бессонницу войны кляня.
 Здесь даже городские ели
 Познали пагубность шрапнели,
 Жестокосердие огня.

И горожане-фаталисты
 Живут, но помнят каждый час, уста
 Что ангел смерти бродит близко...
 И где-то там артиллеристы,
 Прицельно думают о нас.

* * *

Не поверишь, но полночь пришла
 И рождается лето.
 Май сгорает дотла
 И ему не дожить до рассвета.

И робиний шальной аромат
 Достаётся июню,
 И заброшенный сад
 Поглотил тонкий срез новолуныя.

И отставив тоску по весне,
 Не сдержат нам желанья
 Говорить о войне,
 А верней — о её окончанье.

ПЕШКОМ

Я, как ходок, впадая в ретро,
 Оставив на песке свой след,
 Иду, листая километры
 По трассе «Пересыпь-Рассвет».

Лишь небо утренне зарделось,
 И отступил прохладный мрак,
 А я уже шагаю смело
 Вдоль озера Тобе-Чокрак.

А город, проступив сквозь утро,
 Ещё подобен миражу...
 И я от трав золотокудых
 В свой терриконный край спешу.

**ОЛЬГА
ПАНЮШКИНА**
(г. Москва)

Родилась 1 декабря 1966 года в городе Орехово-Зуево Московской области. С 1974 года жила в городе Дедовск Истринского района Московской области, где окончила музыкальную школу по классу фортепиано. В 1988 году с красным дипломом окончила II Московское Областное Музыкальное Училище. В том же году поступила в Российскую Академию Музыки имени Гнесиных на Дирижёрско-хоровой факультет, отделение Дирижёр народного хора. С 1996 по 2000 год жила, училась (Тамканский университет, китайский язык) и работала на Тайване. По возвращении в Россию выступала в клубах и на концертных площадках Москвы, параллельно записывая свои песни в студии.

Артистка Красногорской филармонии, лауреат Первого Всероссийского фестиваля фестивалей ЛиФ-Фт в Алуште (Серебряная медаль), дважды лауреат Всероссийского фестиваля «Русский Лад», лауреат Международного конкурса «Жемчужный Дюк» в Одессе, награждена медалью «За личное мужество», орденом «Почётный гражданин России» (Общественный комитет по наградам и званиям), государственным знаком отличия «Заслуженный работник культуры Монголии». Лауреат Международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллектуальный сезон-2016».

КЛЮЧИ

Ключи в китайском языке —
Это всё то, что составляет иероглиф:
Разные чёрточки и палочки,
Кружочки.
А ты?
Всё те же закорючки-точки?
Или?
Кубы и корни из квадратов? Теоремы?
Их доказательства чернилами на парте, карты, схемы?!
Они, все эти Пифагоры, Архимеды,
Распахивая точные науки,
Раскрыли тему?
Кто ты?
Ключи каллиграфической системы?
Или
Вода? Огонь?
Они на чёрточку одну лишь отличаются,
На точку.
Забыл, не дописал —
В реке бежит вода,
Одну добавил —
Жарко жжёт огонь.

Сгореть больней.
Залитым быть смешней —
И скучно, и легко.
А ты?
Я — за огонь.

Конечно, так.
Спасти огонь нельзя бывает
Без топора.
И если одна капля отделяет
Ту воду от огня,
В каком разделе высшей математики
Она,
Та аксиома, что меня с тобою
Разлучает.

РОДИНА

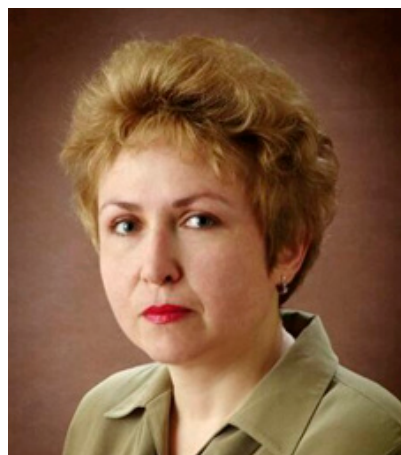
Напои водой родниковой из рук твоих,
 Заплети косы лентой берёзовой,
 Я в лугах твоих упаду лицом в траву —
 Вся земля твоя дышит любовью к тебе.
 Где найти мне себя, как понять себя?
 Заметает дороги моя родина.
 Я иду наугад на свет вдали —
 Оглянуться б назад, да не видно ни зги.
 Любовь моя к тебе,
 Чем дальше, тем сильнее!
 Когда ты далеко
 Становишься родней!
 Когда болит душа,
 Тоскою давит грудь —
 Горит во мне любовь
 К тебе
 Родина!
 Помолись за меня по имени,
 Обними и прижмись ко мне, милая.
 Твои степи, леса вдохну глубоко,
 Допью до конца одним глотком.
 Не найти мне дороже и ближе тебя,
 Сколько лет пережито, прожито.
 Колыбельная песнь, лебединая —
 Ты во мне навсегда, как мама — одна.
 Любовь моя к тебе,
 Чем дальше, тем сильнее!
 Когда ты далеко
 Становишься родней!
 Когда болит душа,
 Тоскою давит грудь —
 Горит во мне любовь
 К тебе
 Родина!

КАПИТАНСКИЙ БЛЮЗ

О, белый, снежно-белый пароход,
 Возьми меня, возьми с собой в полёт.
 Сиреной голубой я буду над тобой —
 Песней над морем, направляя парус твой.
 Ветер в лицо — я талисман, я твой покой,
 Солёный волк морской, суровый капитан!

Но не обо мне все его мечты,
 Не обо мне ароматы ночи,
 Не обо мне кольца дыма к луне,
 Не обо мне штормовые тучи.
 Не обо мне утопает в вине,
 Не обо мне седина в бороде,
 Не обо мне звёздный штиль на корме,
 Не обо мне все картины в каюте!
 Только о море.
 Только о море.

Когда же, наконец, вернёшься в порт,
 Мой ангел, белоснежный пароход?!
 Стою на берегу, твой первый взгляд ловлю.
 Мне не знакомый ты вернулся, вновь другой.
 Что за красотка танцевала над тобой,
 Солёный волк морской, суровый капитан!?
 Да, знаю!
 Не обо мне все его мечты,
 Не обо мне ароматы ночи,
 Не обо мне кольца дыма к луне,
 Не обо мне штормовые тучи.
 Не обо мне утопает в вине,
 Не обо мне седина в бороде,
 Не обо мне звёздный штиль на корме,
 Не обо мне все картины в каюте!
 Только о море.
 Только о море.

ИРИНА ПОЛЮШКО
(г. Саров)

Поэт. Член саровского литобъединения «Радуга». По образованию врач-стоматолог.

Публиковалась в альманахах «Поэт года 2015» и «Наследие», в журнале «Три желания», в сборнике «Люди. Годы. Вехи...», в газетах «Саров» и «Саровская пустынь».

ПИСЬМО ЗДЕНЕ ЧАЙКОВОЙ ИЗ БРНО

Здравствуй, Здена, подруга детства!
Чем живёт твой любимый Брно?
Отношения без последствий...
Прокрутила судьба кино.

Перекрыли бывшие шлюзы.
Мы кочуем, как Шапито:
Ты — в объятья Евросоюза,
Я — за проволоку ЗАТО¹.

Как ты после перезагрузки?
Очень разные мы теперь.
Можешь мне написать по-русски?
Не забыла слова? Проверь.

¹ ЗАТО — Закрытое административно-территориальное образование (Закрытый город, ядерный центр)

А посылки от двух девчонок?
Мишка с «Красной (моей) Москвой»,
У тебя же — смешной слонёнок
С запрокинутой головой...

Развели нас дела и годы,
А мечтали вожди страны,
Что сумеют дружить народы,
Если дети у них дружны.

Нас учили тому с пелёнок,
Но заполнился океан,
Разделивший сердца девчонок
Из оставшихся в прошлом стран.

Память берег волной тревожит,
Ищет прошлое по следам.
Напиши. Я скучаю всё же
По тебе и по тем годам.

.....

* * *

Я лежу на траве. И бескрайнее небо
Словно море манит окунуться в волну.
Я боюсь высоты. Полетать? Только где бы?
Я боюсь высоты, вдруг я в ней утону?

Если небо есть твердь, то ударит на взлёте.
И напишут газеты, что прерван полёт.
А для птиц невозможно на автопилоте...
Кто поломанных крыльев производит учёт?

О мои облака! Я хочу понемногу
Смыть усталости груз и привыкнуть к ветрам.
Небо — это предел? Или всё же дорога
В неоглядную даль к неизвестным мирам?

* * *

«Быть как стебель и быть как сталь
 в жизни, где мы так мало можем...
 — Шоколадом лечить печаль,
 И смеяться в лицо прохожим!»
 М. Цветаева

Я не женщина — я трава.
 И под солнцем, и под ногами
 Распрямляюсь — и вновь права,
 Не сломавшись под сапогами.

Я и ласкова, и мягка,
 Но бываю прочнее стали.
 Опускаются облака
 Мне в объятия, когда устали.

Легкомысленна и мудра,
 Непосредственна и зажата.
 Надо мною поют ветра,
 С неба капает кровь заката.

Приходи. Я любовь приму.
 Словно в сказке ударься оземь.
 Растопи холодов тюрьму,
 Приласкай, словно солнце озимь.

Мне полынью во рту горчить,
 И цветы наполнять медами.
 Я умею печаль лечить
 И разлуку терпеть годами.

Я не женщина — я трава.
 И под солнцем, и под ногами
 Распрямляюсь — и вновь права,
 Не сломавшись под сапогами.

ЮРИЙ ПОЛЯКОВ
 (г. Симферополь)

Обладатель двух «Золотых дипломов» Национальной литературной премии «Золотое перо Руси» в номинации «На лучшее произведение для детей», нагрудного знака «Серебряное перо Руси» (Москва); лауреат премии Автономной Республики Крым в номинации «Для детей и юношества» с формулировкой «За вклад в развитие детской литературы»; лауреат Международного поэтического фестиваля «Чеховская осень» (Ялта); обладатель гран-при Всеукраинского поэтического фестиваля «На берегу Муз» (Евпатория); лауреат международного литературного фестиваля «Под небом Рязанским» в номинации «Литература для детей» (Рязань); победитель международного литературного конкурса издательства М. Волковой «От 7 до 12» (Челябинск); дипломант регионального конкурса «Крымская книга» в номинации «Мир детства»; победитель творческого конкурса журнала «Весёлые картинки» (Москва); лауреат (дважды, 2016–2017 г.г.) литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон» (г. Саки).

Публиковался на страницах изданий Украины, России, Белоруссии, Казахстана, Болгарии: «Рюкзачок», «Рюкзачишка», «Рюкзак», «Кважды-Ква», «Большой», «Мир животных» (все — Минск), «Кукумбер», «Школьник», «Мурзилка», «Весёлый затейник», «Шишкин лес» (все — Москва), «Литературный Крым», «Литературный детский мир», «Крым-

ское время», «Крымские известия», «Класс!», «Крым» (все — Симферополь), «Литературная газета — Крым» (Севастополь — Москва), «Север» (Петрозаводск), «Огни Кузбасса» (Кемерово), «Звезда Прииртышья» (Павлодар), «Саровская пустынь» (Саровск), «Россия днес» (Болгария), «Литература и жизнь» (Киев), «Рукопись» (Ростов-на-Дону), «Сибирь» (Иркутск), еженедельник «Новый меридиан» (Нью-Йорк).

Стихи Юрия Полякова были помещены в учебники для чтения и письма, утверждённые министерством образования и науки Украины.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ

У Чёрного моря,
В глубокой
Расщелине
За лесом дремучим
У склона горы,
В тиши
Поселилось
Одно Приключение
И там затаилось
Оно до поры.

Загадочно-тайное,
В меру опасное,
К тому же немного
Смешное на вид...
Да что говорить!

Приключение
КЛАССНОЕ
За лесом дремучим
Без дела
Сидит!

У Чёрного моря,
В глубокой
Расщелине,
Сидит Приключение
Очень давно.
Сидит терпеливо
И ждёт
С нетерпением,
Когда с кем-нибудь
Приключится оно.

КАК-ТО СОЛНЕЧНЫМ ДЕНЬКОМ...

Как-то солнечным деньком
Скрипнула калитка,
И во двор ко мне тайком
Заползла улитка.
Осмотрелась, как могла,
Вытянула рожки,
И неспешно поползла
Дальше по дорожке.

Тем же солнечным деньком,
За улиткой вскоре,
Жук во двор проник тайком
Через щель в заборе.

А за ним в земле червяк
Тоже не случайно
И совсем не просто так
Ход проделал тайно.

Тем же солнечным деньком,
Погода немножко,
В тихий двор ко мне тайком
Залетела мошка,
Знать, на радость мошкаре
И жукам на милость
Незаметно во дворе
Лето поселилось.

СЛЕПОЙ ДОЖДИК

— Дождик,
Не спеши, постой!
Не стучи по крыше!
Ты и впрямь, видать,
Слепой!
Тише,
Дождик,
Тише!

— Дождик,
Зря не барабань
Ты в моё оконце!
Ты на небо,
Дождик,

Глянь, —
В небе светит
Солнце!

— Дождик,
Как тебя понять?
Синь на небосводе!
Ты зачем
Пошёл гулять
При такой погоде?

Дождик отвечал, резвясь,
Барабаня прытко:
— Чтобы для тебя зажглась
Радуги улыбка!

ЧТО ТАКОЕ РОССИЯ?

Что такое Россия?
Это дом, где ты рос,
В доме — люди родные,
На иконке — Христос.

Это песни, к которым
Ты с рожденья привык,
Это с детства знакомый
Вольный русский язык.

Это реки и горы
За туманом седым,
Ширь таёжных просторов,
Наш загадочный Крым.

Это край, сердцу милый,
И волны бирюза...
Это мамы любимой
Дорогие глаза.

Я СКУЧАЮ

— Почему с утра скучаю?
Почему весь день сижу?
Мяч по дому не гоняю,
Не кричу и не визжу?

Папа мой обеспокоен,
Папе нынче не уснуть:
— Может, мальчик чем-то болен?
— Может, съел чего-нибудь?

Мама носится с микстурой:
— Мальчик болен,
Он охрип,
У него
Температура!
Скарлатина!
Свинка!
Грипп!

Для родителей забота:
— Что нам делать?
— Как нам быть?
— Натворил наш мальчик что-то?
Или хочет натворить?

В чём проблема?
Я не знаю!
Слышу вздохи:
«Ох» и «Ах»!
Не кричу я и не лаю,
Мяч по дому не гоняю,
Просто так сижу, скучаю...
Ну а дом весь —
На ушах!

ТЁПЛЫЕ СТИХИ

Жарко в избушке —
Натоплена печка,
Свечка
Мерцает во тьме вечером.
В кресле у печки
Старушка Овечка
Кружево вяжет искусно крючком.

Будет из шерсти овечьей обнова
Всем по размеру и каждому в срок:
Шапку-рогачку наденет корова,
А в лапогрейки обуется волк.

Трудится ночью при свечке Овечка,
Если вздремнёт на часок — не беда:
Ласковым взглядом
И добрым словечком
Можно друзей обогреть
В холода.

Жарко в избушке —
Натоплена печка,
Кружево вяжет Овечка опять...
Теплое слово «спасибо» Овечке
Вы не забудьте при встрече сказать.

ЗИМА НА ЮГЕ

Отчего
У нас в Крыму
Кутерьма?
Завалило
Белым снегом
Дома,
Все дороги
Замело,
Все пути,
Ни проехать,
Ни проплыть,
Ни пройти!

Оттого
У нас в Крыму
Кутерьма,
Что решила
Взбунтоваться
Зима:

— Надоело!
Снег и холод
Вокруг!
Еду в отпуск!
Улетаю
На Юг!

Влезла
С торбами Зима
В самолёт.
Прилетела
В тёплый Крым
На курорт
И сказала:
— Отогреюсь
Дней пять —
И на Север
Самолётом опять!

ЕСЛИ БЫ...

Если бы	Если бы
Слон	Гнёзда он вил
Был, как буйвол,	На деревьях,
С рогами,	Если бы
Если бы	Весь был
Ползать умел,	В колючках,
Как червяк,	Как ёж,
Если бы	То на слона бы
Бабочкой	Тогда,
Слон	Без сомненья,
Над лугами	Слон бы
Мог беззаботно	Ни капельки
Порхать	Не был
Просто так,	Похож!

ПРОСТИ МЕНЯ, ПУШКИН!

*(маленькая трагедия)**Из жизни ученика 7-Б класса Севы Осьмушкина*

«Сижу за решёткой в темнице сырой.
 Вскормлённый в неволе орёл молодой...»
 Уже два часа я упорно твержу:
 «...сижу за решёткой...»,
 «...в темнице сижу...»

«...Мы вольные птицы; пора брат, пора!...» —
 Резвится вовсю во дворе детвора,
 Мальчишки гоняют на улице мяч,
 А я...
 «...за решёткой...»,
 «...в темнице...»
 Хоть плачь!

За что?!
 За какие такие грехи
 Я выучить должен назавтра стихи,
 О том, как однажды в темнице сырой
 Вскормлён был в неволе орёл молодой?

Пойми меня, Пушкин!
 Пойми и прости!
 В темнице темно и орла не спасти...
 Я как-нибудь после стихи доучу!..
 Прости меня, Пушкин!
 На волю
 Лечу!!!

ПЁТР ПЫТАЛЕВ
(г. Торонто, Канада)

Пыталев Пётр Иванович родился 25 июня 1941 года в селе Семцы на Брянщине.

Окончил Одесский электротехнический институт связи и Литературный институт им. А. М. Горького. Служил офицером Военно-морского флота в Средиземном море. Работал в советском посольстве в Румынии.

Лауреат литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон-2016» (г. Саки).

В настоящее время проживает в Канаде.

ПЕРЕД ВЫБОРОМ

Нет разрухе конца и дна
И безрадостен окоём:
Будто в иго страна отдана,
Тускло, серо на сердце моём.
Уши больше не держат лапшу,
Торжествует наглое зло...
Боже мой! Прости, что ропщу, —
Стало в старости так тяжело.
Безголовых «элита» голов,
И тоска всё теснит в душе,
Так, что я досрочно готов
На Тот Свет уже, на ПМЖ.
И вдруг проблеск: воспрянь, выбирай, —
Поселилась в Канаде дочь:
Ты в почти что построенный рай,
Очевидно, сбежать непрочь?

Но с отчаянием сознаю:
Тех друзей, что в краю родном,
Нет не только в комфортном краю —
Во всём мире нет, остальном!
Там безбедно в любые года,
Если немощен даже и хил...
Но так страшно дальше тогда
От родительских могил.
Оттого ещё не спешу:
Не забрать с собой, не сберечь
То, чем я живу и дышу:
Атмосферу — родную речь.

ТОРОНТО

Начну свой репортаж из города Торонто
С банального клише: «Всё чинно, благородно...»
Не хмарочёсов высь, огней рекламных знаки —
Я поражён другим: какие здесь собаки!
Ни в стае, ни одной — у мусорки лежащей,
Не встретишь никогда отвёргнутой, бродячей...
Любых пород, мастей здесь множество, однако,
Их добродушный вид приятно одинаков.
Не бойся, подойди, они — к твоим услугам:
Погладь, и потрепи, и почеси за ухом.
Какой у них язык, не слышу: лай ли, рык ли, —
От этой ерунды они давно отвыкли.
В собачьих бутиках всё — для еды и чёса,
Намордников лишь нет, ведь — не имеют спроса.
В Торонто, ясно мне, не в моде — морда злая:
На поводках ведут подобных им хозяев.
Торонто, по всему, — столица иммигрантов,
На роинах своих непризнанных талантов.
Лишь 23 кг — багаж, и помнить надо,
Что только налегке
можно попасть в Канаду.

Огромный груз обид отягощает память,
Поэтому его пришлось им всем оставить.
Комфортно. Грех плодить тут новые обиды,
И люди потому приветны, деловиты.
Всех наций, взглядов, рас, конечно — всех конфессий —
Каким-то чудом здесь сосуществуют вместе.
Торонто — «место встреч» — на языке гуронов,
При встрече всяк смирял свой неуёмный норов.
На языке землян он поздно или рано
Прославится навек как город
Толерантно.

* * *

Леониду Марченко, другу

Поначалу в гостях хорошо — ты вниманье вкушаешь:
О еде, о питье не болит ничуть голова.
Вдруг начнёшь замечать, что кому-то и чем-то мешаешь,
Может быть, надоед... Жизнь, увы, такова.
Охлаждение, скорее всего, мне привиделось,
Затоскуешь невольно и в самой счастливой из стран,
И подспудно в тебе пробуждается мнительность:
Значит, хочешь домой, где ты сам себе пан.
В обстановке привычной незаметнее старишься,
Ну, а в новой — теряются старики...
Вот, увидел по «скайпу» херсонца-товарища —
Ощутить захотелось пожатие его руки.
Снова мысленно дома, и снова тревожат вопросы:
Что там ветер свирепый натворил да мороз?
Не погибли ль укрытые на зиму розы,
Как же стужу на даче виноград перенёс?
Возвратится на цепь увезённая в дали собака...
Боже, дух к возвращенью и мне укрепи!
Новый Свет не Тот Свет: не прибыть однако
Сюда без своей
тяжёлой незримой цепи.

* * *

Так бойко говоришь о до-диез-минорах,
Так с уст легко слетает до, ре, ми!
Уж ты прости, пожалуйста, пойми:
Легко ли мне в подобных разговорах?
Я знаю: музыке тебя учили рьяно,
А в доме том, где мне пришлось расти,
Мне балалайку не могли приобрести,
Не то что скрипку или фортепьяно...
И всё ж,
с волнением
на мелодичный звук бегу
И столько жду
от музыки я тайн ещё!
Она — мой Океан,
а я — на берегу,
О кругосветном плаванье мечтающий.
Мне звуки музыки —
как будто голос свыше,
Без них ни страсти чувств,
ни звонкой рифмы нет...
И я пишу под аккомпанемент,
который, кажется,
тебе не слышен.

Я — ЛЕЙТЕНАНТ

Меня на флот призвали из запаса,
Стаж профсоюзный был уже не мал.
Я поначалу приказные фразы
Не без обиды в сердце принимал.
Конторской был премудростью напичкан.
Но мне сказали: «Через «не могу!»
Вы, лейтенант, гражданские привычки
Оставьте на далёком берегу!»

Не Ф.И.О., а лейтенант. И точка.
 Ни лишних действий и ни лишних слов.
 Тревоги — в будни, в праздник, днём и ночью,
 И в сутки дел — на 26 часов.
 Я в каждый миг — как на вулкане житель,
 И в каждый миг, я напряжён, как вант. —
 То командир: «Вы, лейтенант, мне доложите!»
 То мой матрос: «Товарищ лейтенант...»
 Ещё по звёздочке упало мне на плечи,
 Не с неба звёздочки приметили меня:
 Огнём боёв учебных я отмечен —
 Ношу я искры этого огня.

**КСЕНИЯ
РАДИОНОВА**
 (г. Москва)

Член Союза Литераторов РФ, лауреат Президентской стипендии «Молодые талантливые авторы» (2000). Автор четырёх книг (стихи, проза): «Над землей» (2002), «В день последнего трамвая...» (2012), «ПОЭЗИЯ***РОЕЗJA» (Польша, билингва, 2016), «В час восхода и заката...» (Болгария, 2016). Работала в Центральном Государственном Архиве Литературы и Искусства СССР (ЦГАЛИ СССР); на киностудии «Мосфильм» в секторе комедийных фильмов, на киностудии «Слово» киноконцерна «Мосфильм» главным бухгалтером; в Советско-Американском СП «Синебридж» («Киномост») главным бухгалтером, затем финансовым директором; художественным руководителем Экспериментального театра «Свободная версия»; продюсер в ООО «Наша кинофабрика», с июля 1997 г. до сентября 2014 г. — генеральный директор и продюсер ООО «Декор мотив», с 1999 г. по 2006 г. — главный экономист СЛ РФ и МОЛ СЛ РФ, в настоящее время Генеральный директор ООО «ПЕРФОРМАНС». Параллельно занималась официальной ликвидацией и работала еще в ряде компаний.

* * *

«Мне снилось счастье...»
 (В. Жигалов)

Мне снилось счастье —
 всех дорог туда сбегались
 тропки-нити
 и тайный смысл счастливых строк
 нашел случайную обитель.

Мне снилось счастье —
в вышине сверкало небо голубое.
Прозрачной каплей карамель стекала
с облака густого.

* * *

В старом тереме — дождь
Отбивает чечётку он пяткой,
Струйки с крыши, звеня,
Ударяясь о твёрдый асфальт,
Разлетаются каплями брызг:
Перепутав рассветы-закаты,
Лето, осень, весну,
Знойный август, холодный октябрь.
Дождь всё льёт и всё льёт,
Каблуки поистерлись чечёткой,
Звонкий степ стал шуршать:
Черепица покрыта листвой,
Старый терем в лесу
Поджигает промокшие пятки,
Молча ёжится он, вспоминая
Молоденький сруб.

* * *

Весенней порой,
Ожиданием чуда —
Рассветная трель соловья

И ласковым ветром,
Чуть слышно под утро,
Разбудит случайно меня.

В открытые окна
Всё явственней слышно,
Как пахнет, оттаяв, земля.

И, детством нахлынув,
Я мысленно вижу
Родные леса и поля.

Одно — васильковое —
Рожь золотится
И колос налился тугой;

Другое, за лесом,
Слегка серебрится гречиха
И запах хмельной.

За лесом — тропинка,
Бегущая к речке —
Весёлая плещет волна.

И мама со мной
И весёлый кузнецик
И небо огромное над.

И много ль для счастья мне надо?
Поверьте, одна только трель соловья.
Он песню поёт. И меня этой песней
уносит он в детства края.

* * *

Уже кончался месяц март
И золотые купола моих апрелей
Весну легонько приобняв
Неспешно пели.

И в вышине московских дней
 И людных улиц
 Мелькали стаи голубей,
 Весной любуясь.
 И во дворе моем тогда
 Цвели каштаны
 И голос Окуджавы плыл
 С пластинки старой.

* * *

«Наш февраль перед мартом пятится,
 Отступает он — за околицы!»
 (Сергей Тимшин, «Солнечное снеготаяние»)

Уже подтаял снег и сыро.
 И с крыши капает капель.
 Февраль не кончился,
 но скоро придёт уж март,
 за ним апрель.
 Синичка, сев на подоконник,
 Ключёт замерзшую еду
 Воскресный день печально клонит
 К сосне берёзу на пруду

* * *

Синяя птица,
 Летящий Шагал
 с Бертою вместе
 Любовь воспевал.
 Полуобхват
 полурук-полукрыльев
 Оба летят
 в упоении былью
 Мост пролетают,

где встретились двое —
 перехлестнулись пути их судьбою.
 Смена имён —
 Псевдоним для успеха
 Кистью мазок —
 Разноцветное эхо.

ГАММА

От вокзала до...
 до-до — в ноту ре
 Превратилась на заре
 си-бемоль
 Фа — зависла в тишине
 и в окне
 Показалась нота соль
 ля-бемоль
 Ми, звучащая гитарной
 струной
 Мандаринкою взлетел
 ре-диез
 Что забыли мы сегодня
 с тобой?
 Разве только станцевать
 Полонез

* * *

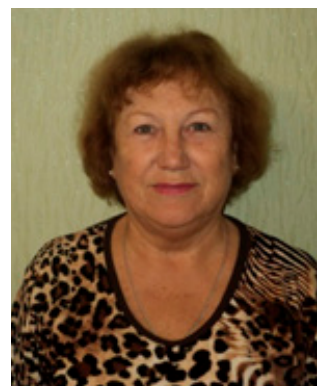
Бантик, туфелька, каблучок!
 Яркий лучик — взмахнувшая юбка
 Хитрый взгляд, на затылке пучок
 И бегущая ритмом минутка.

Стук-стук-стук, чок-чок-чок — каблучки!
Тра-та-та — звон колёс у вагона

Едет девочка, утро блестит
А в окошко летит птичий гомон!

* * *

Как дважды в одну воду не войти,
Так дважды не узнать, почем фунт лиха
И за горой осенние дожди
А на душе — грозой неразбериха
А в старой лодке, коль пробито дно,
надежды мало — ждёт исход печальный
И форточкой стучащее окно
Сигнал от осени передаёт прощальный.
А на столе моём забытое вино
И закипает чайник говорящий
На каруселях крутится аккорд,
Оторванный от музыки случайно
Листок тетрадный перечёркан весь
Слова — как пыль лежащая на полках
И крик Души: «Хочу скорей в апрель!»
Напомнит, что ноябрь ещё так долго
Позёмка кружит утренний снежок
И жёлтый лист укроет одеялом
Осенний вечер — пасмурный дружок —
Затеplit свечку нежно светом алым

**НАДЕЖДА
РУНОВА**
(г. Саки)

Рунова Надежда Евгеньевна — член Евпаторийского ЛитО им. И. Сельвинского, председатель ЛитО «Сакские родники», лауреат фестиваля литературы и культуры «Казантип поэтический-2015», лауреат УШ Всекрымского поэтического конкурса «На осенней волне Есенинской поэзии-2015», лауреат поэтического фестиваля «Пристань менестрелей-2016», участник поэтических фестивалей Крыма. Печаталась в литературных альманахах «Планета друзей», «Интеллигентный сезон-2015», Евпаторийском альманахе, в местной газете «Слово города».

* * *

В окно мне постучала птица,
Сказать, что солнце спать ложится,
Собрались тучи в колесницу,
Искрили их золотые спицы,
Конёк в упряжке бьёт копытцем.

Вдыхая аромат акаций,
Не видя частоты градаций,
Я впала в пустоту простраций.
Под звук восторженных оваций
На колеснице буду мчаться,

Чтоб с птицами встречать рассветы,
Плыть в мир, поэтами воспетый,
Из радуги дарить букеты
И, чувства выложив в сонеты,
Вберу в себя красоты эти.

В окно мне постучала птица.

* * *

Где-то стонет гобой,
И мелькают порой
Загорелые юные лица.
Бил нещадно прибой,
Мы прощались с тобой,
Жаль, что всё это не повторится.

Грустен рыжий песок.
Иней пал на висок.
Чепухой мои заняты мысли,
И букеты цветов
Из цветных прошлых снов
Вверх ли в окна летят мои, вниз ли.

Позади морвокзал.
«Жди меня» — ты сказал,
Помню твой поцелуй на рассвете.
Дремлет старый причал,
А гудок прокричал,
Чтоб запомнить мгновения эти.

САКСКОЕ ОЗЕРО

Пусть объездишь весь свет, —
Лучше озера нет!
Жил народ здесь и гордый, и смелый.
Чёрный бархатный ил
Человека манил,
Исцеляя и душу, и тело.

И степной, и морской
Одурманил порой
Воздух чистый, пьянящий до боли,
Молодеешь душой
И недуг, как рукой,
Снимут грязи с лечебной рапою.

Ожерельем озёр
Окружён с давних пор,
Город встретит теплом и любовью.
Всех: родных и друзей,
Зарубежных гостей
Угостит, как всегда, хлебом-солью.

Пусть метро в Саках нет.
Южным солнцем согрет
С желто-серым песком берег моря.
И ласкает прибой
Бирюзовой волной,
Крикам чаек застенчиво вторя.

ДОРОГА НА АЛУШТУ

По полям алеют маки,
Словно брызги — кровь земли,
Позади остались Саки,
Горы видятся вдали.

Там в долину Привидений
Смотрит сверху Демерджи,
И речушка по камням
К морю Чёрному бежит.

Вдоль дороги кипарисы
Берегут крымчан покой,
Вдаль гуськом идут туристы
Неизведанной тропой.

Восхищают гор узоры,
И захватывает дух!
А вдали синее море,
Пенье птиц ласкает слух!

**ТАТЬЯНА
САВИНОВА**
(г. Щёлкино)

Родилась и много лет прожила в Харькове. В 2007 г. году переехала в Крым, в Щёлкино. Архитектор по профессии. Увлекается цветами, много путешествует, особенно по Крыму. Пишет стихи, прозу. Печаталась в харьковской и крымской периодике. Публикации: альманах «Злато слово», альманах фантастики «Фанданго», «Прекрасная гавань», «Исповедь у Меотиды», «Крымское слово» и других. Выпустила книги стихов и прозы: «Гурзуф мой — каждый год иной», «Мой цветок — эдельвейс», «Харьковские были и крымские чудеса». Лауреат нескольких литературно-поэтических конкурсов и фестивалей. Член Союза писателей Республики Крым. Лауреат Международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон» (2015, 2016 гг.).

БАЛАКЛАВА

1

Знаю давно по слухам, (слухам немало лет!),
Что балаклавским бухтам не изменял мой дед,
Он в Балаклаву ездил, видно, как в божий рай,
Ну, ведь ему за что-то так полюбился край?
Что там такого было, мне не узнать теперь.
Что его так манило? В это закрыта дверь...
Был он не избалован. Не приводили в транс
Ни безмятежный транспорт — конки и дилижанс,
Ни кружевные платья, (вечно в пыли подол!),
И ни нытьё детишек, ни станционный стол...

Мне повезёт! Я верю, там мне привидится мир,
Что представлялся деду, как византийский пир.
Может, на старом фото, где мой отец — малыш,
Надо искать подсказки? Надо всмотреться лишь.
Надо искать приметы.
Спрашивать каждый камень
И увидеть, что скрыто
Веком, что между нами.

2

Крошатся и исчезают старые камни Чембало...
Дети тех стен касались, бегали среди них.
Как быстротечно время! Как остаётся мало
Даже камней, что помнят те золотые дни.

Помнит балкон в отеле, как по стене отвесной,
Как на этаж свой в номер выпивший лез Куприн,
А полисмен, конечно, долг выполнял свой честно, —
Поднял весь город свистом, город не спал до зари.

Утром, узнав об этом, дед умирал от смеха,
Верите — хохотали солнечные лучи!
Памятник Куприну знает про ту потеху,
Что же он мне расскажет? Медный Куприн молчит.

Все, что бывало с дедом, — все оно вдаль уплыло.
Ни воскресить, ни вспомнить голос, лицо и жест.
Только могу представить, как хорошо там было, —
Нынче меня коснулась аура этих мест.

Мало я знаю о деде,
Вот и ищу приметы.
Будит меня ночами
Стук одинокой кареты.

ПОЛЫНЬ

Насколько видит глаз, она растёт,
Лимонная полынь степного края,
И, вытесняя полчища курая,
Главенствует в Крыму который год.
Откуда столько горечи в земле?
Её топтали, жгли и предавали,
Её не берегли и продавали.
Так продолжалось очень много лет,

И стало столько горечи в земле,
Что изошла печаль её полынью.
До горизонта мощная, отныне
Она стоит, где мог стоять бы хлеб.

Полынь передо мной и позади,
Серебряные в поле многоточья.
Она ещё сильнее пахнет ночью.
Поговори же с ней, не уходи.

В земле таинственные есть сусеки,
Лишь ей одной известно, что там есть.
Не только же отчаянье и месть,
Солёных горьких слёз людские реки!

В простых, невзрачных вроде бы кустах
Скрыта исцеляющая сила,
Земля давно людей своих простила,
Лечила, прогоняя боль и страх.

Мы виноваты все. Куда ни кинь.
Мы не уважили родное поле,
Ему мы столько причинили горя!
И нескончаема в полях полынь...

**ВАЛЕРИЙ
САВОСТЬЯНОВ**
(г. Тула)

Савостьянов Валерий Николаевич родился в Тульской области в 1949 г. Окончил Тульский политехнический институт. Прошёл трудовой путь от рабочего на заводе и шахте до заведующего лабораторией в Тульском политехническом институте. Живёт в Туле.

Стихи пишет с детства. Автор 10 книг и множества публикаций в российских и международных изданиях. Стихи входят в антологии: «Русская поэзия: XXI век», Военной поэзии «Ты припомни, Россия, как всё это было!..», «Молитвы русских поэтов» (М., 2013), и другие.

Лауреат Всероссийской литературной премии «Мастер» (2010), Московского международного поэтического конкурса «Золотое перо-2012», Международных фестивалей литературы и культуры «Славянские традиции» (Крым: Щёлкино, дважды: 2013, 2015) и «Славянские традиции в Праге» (2013) и ряда других премий фестивалей, конкурсов.

Книга Валерия Савостьянова «Русский крест» (Тула, 2014) вошла в список лучших произведений русской литературы 2014 года. И она же награждена в Германии дипломами двух международных конкурсов на лучшую русскоязычную книгу года (Берлин, 2015; Лейпциг, 2015) и в России — дипломом Южно-Уральской литературной премии (Челябинск, 2015). Лауреат первой степени II Международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон-2016» в номинации «Поэзия. Духовная лирика».

БЕССМЕРТНИК

Есть в Крыму,
В степях безводных летних,
А порой и прямо у дорог,
Странное растение — бессмертник:
Намертво засушенный цветок.

И его, прощаясь, можно даме
Подарить —
Обычай здесь таков —
Чтобы он
Закладкою о давнем
Лёг в любимом томике стихов...

Мы с тобой прощались только взглядом,
Мы с тобой прощались без цветов.
Далеко ты,
А бессмертник рядом —
О тебе напоминать готов.

Собеседник мудрый
И советник,
Он подвёл любви моей итог, —
И теперь любовь моя —
Бессмертник,
Намертво засушенный цветок!

Ладно, что ж — коль в этом только виде
Сохранять любовь себя должна,
На неё я, право, не в обиде...

НО БЫЛА ЖЕ
У ЦВЕТКА ВЕСНА!

Так не отговаривайте,
Ветры:
Для себя я всё уже решил —
И поставил,
Словно ветку вербы,
Я букет бессмертника в кувшин.

Я из тех, кто гриновскому: «Верьте!»
Верят —
Не теориям рабов.
Буду поливать
До самой смерти
Я мою бессмертную любовь!

И НИКОЛАЙ ЧУДОТВОРЕЦ

Сельское детство, ромашковый рай.
Пристально смотрят с околиц
Дед Николай и отец Николай.
И Николай Чудотворец...

Годы студенчества. Угольный край,
Шахты опасный колодец.
Дед Николай и отец Николай.
И Николай Чудотворец...

Свадьба запела — ты ей подпевай.
Водочку пьют и ликёрец
Дед Николай и отец Николай.
И Николай Чудотворец...

Звон колокольный
 Сыновьих сердец.
 Что же взамен, комсомолец?
 Дед умирает. Остался отец.
 И Николай Чудотворец...

Лень сыновьям постоять у икон —
 Вырастет грех твой, утroyсь.
 Дед и отец — далеко-далеко.
 Лишь Николай Чудотворец...

Снится: у рая — раскаянья грай,
 Толпы молящего люда.
 Каждому нужен Святой Николай,
 Каждому хочется Чуда!

— Эй, богомолец с терновым венком,
 Что так угрюмо молчишь ты?
 Что-то ведь понял ты, став стариком?..
 — Что Николаич я. Трижды!..

СОВЕТСКИЙ КРЫМ

Советский Крым!
 Забыть нельзя его!..
 Я поклониться вам готов,
 Гостеприимные хозяева
 Курортных крымских городов!

Я вспоминаю Нину, Колечку,
 Взгрустнувшего их кобеля
 И конуру, где снял я коечку
 За два доельцинских рубля.

Да что мне нужно? —
 Я ж не жадина, —
 Кафешку близкую и душ.
 Ведь и студента солнце жарило
 Одно,
 И люксовских чинуш...

А море ласковое пенилось —
 И влажной нежностью дыша,
 Смирялась и не ерепенилась,
 Не зная зависти, душа.

И ничего не ждал от быта я —
 Но ждал от бытия всерьёз,
 Что тайну всякого события
 Душа поймёт над бездной слёз.

Не зря ж стремится быть невинною,
 Простору вечному — родной,
 Сверяя суть свою глубинную
 С морской солёной глубиной!..

И от родства того бездонного
 Весь мир хотелось целовать —
 И кобеля жалеть бездомного,
 Пуская на ночь под кровать...

ПИОНЕРСКИЙ РОМАН

Тане

Боже мой, как нравилась ты мне!
 Но судьба вожатою суровой
 Не лицом к лицу — спиной к спине —
 Нам два места выбрала в столовой.

Вроде бы мы рядом, но, — увы! —
Помню, как отчаянье пытало
Тем, что глаз прекрасных синева —
Мне налюбоваться — не хватало!..

И когда в столовку прибегал,
Я, поверь, не думал об обеде,
Ждал тебя — и стул свой подвигал,
Чтоб на свой ты села, словно леди!

Весь отряд смеялся надо мной
За мои галантные вставанья,
Но я словно чувствовал спиной,
Как ты благодарна за внимание!..

Боже мой, как нравилась ты мне:
Я не мог тобой налюбоваться!
Но сидели мы спина к спине —
Видно, случай любит издеваться!

Вот и весь наш лагерный роман —
Детский, но пленительный и дерзкий.
Вспоминаю, сев на свой диван —
Греет спину галстук пионерский!

ГРАФОМАН

Говорят, что жить поэту сладко:
Даже муки творчества — сладки...
В доме ни уюта, ни порядка —
В нём теперь живут черновики.

Я от них порою чуть не плачу,
Прячусь, чтоб не взяли в оборот:

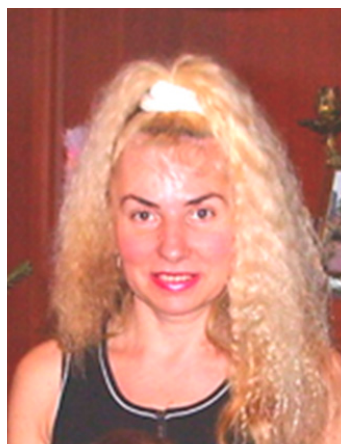
Уезжаю по весне на дачу —
Строю
и копаю огород.

Но и там извечная дилемма:
Вот полы не настелю никак —
Распилил я доски, а поэма
Вмиг облюбовала мой верстак.

Я сказал ей: «Дорогая, встаньте:
Хватит, не мальчишка я уже!
Вдруг жена заявится некстати,
Ну а вы лежите неглиже.

Так и до развода недалече!..»
Но как ни гоню я сатану —
Знает, что сейчас возьму за плечи
И в её объятьях утону...

**АНАСТАСИЯ
САМОФРАЛИЙСКАЯ**
(г. Смоленск)

Анастасия Самофралийская родилась в Смоленске, закончила Смоленское музыкальное училище по классу фортепиано, Смоленский педагогический институт, факультет география, Смоленский техникум экономики, статистики и информатики. Работает преподавателем фортепиано и концертмейстером. Член Союза писателей России. Автор шести книг: «Горящий лед», «Алмаз не ограненный», «Дилера-Бикеч» «Волосы Береники», «Цветок папоротника», «Кредо — по-латыни верую». Лауреат международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон» (г. Саки, 2016 г.).

* * *

Крым, август, солнце, море, ветер
И пены белая змея —
Миг в бесконечности столетий
И праздник в скуке бытия.
А сколько нам таких мгновений
В неравенстве дано судьбой,
Ещё ли много поколений
Услышат сладостный прибой?
Ещё ли много поколений
С солёно-горьким вкусом уст
И пачкой фото впечатлений
Почувствуют, что мир не пуст,
Что есть в нём солнце, море, ветер,
Вдохнут солёный аромат.
Миг в бесконечности столетий,
Мир, не вернувшийся назад...

* * *

Как же мудра великая природа!
Предвиденья не каждому дан дар,
Иначе б государства и народы
Поверглись в ужас, хаос и кошмар.

Ведь если б ведали рождённые в двадцатых,
Какие испытания впереди,
Тогда хватило б мужества ребятам
Не избегать смертельного пути?

Сожжённых заживо, разодранных на части
Утешило б сознание того,
Что в будущем других ждут мир и счастье,
А, может, изобилие всего.

Зачем война ту жизнь перечеркнула,
Вмиг погрузив тела в кровавый ад?
За что судьба подставила под дуло
И тех, кто сед, и тех, кто зрел и млад?

Мудра, мудра великая природа!
Грядущее неведомо для всех.
И существуют страны и народы
С надеждою на радость и успех.

**ТАТЬЯНА
САНДИГУРСКАЯ**
(г. Санкт-
Петербурѣ)

Мне нравится сочинять и рассказывать детям сказки. Самое трудное для меня — писать о себе. Это равносильно тому, как книга открывает сама себя. Но ведь её открывает читатель. Только он может что-то сказать о произведении и об его авторе. Я родилась на Донбассе. Украинские мелодии вошли в мою жизнь вместе с колыбельными песнями. А детство моё прошло в Орловском крае в городе Болхов. Увлечение фольклором и историей Орловского Полесья дали выход в свет в 2007 году книг «Болховские кружева времени» и «Поучительные сказки для детей и взрослых». Имею высшее образование, тренер, преподаватель лечебной гимнастики. В 2013 году окончила Литературный институт им. А. М. Горького. В настоящее время пишу песни для детей Воскресной школы.

ПЕСЕНКА «НОТНЫЙ ДОЖДИК»

Нотки капают дождём
И поют нам песню,
Как им весело водой
Умывать всю землю.
До — упало на дубок,
Ре — на ветку ели,
Ми — скатилось прямо вниз
Маленькой капелью.
Тирли-тирли – пом-пом-пом!
Тирли-тирли – пам-пам!
Нотки так поют дождём,
Музыкальным маршем.

Фа — гудела — фа-фа-фа!
По железным крышам
Соль — стучала рядом с ней
Только чуть повыше.
Тирли-тирли-пом-пом-пом!
Тирли-тирли-пам-пам!
Нотки так поют дождём,
Музыкальным маршем.
Ля — «Ля-ля-ля-ля-ля-ля!»
Пела и летела,
Вдруг, упала на шмеля — Ля!
Тот жужжать в ответ ей:
«Жу-жу-жу-жу- жу-жу,
Что со мной случилось?
Море с неба на меня
Будто бы свалилось».
Си — решила, что она
Громче всех на свете,
На нос капает всегда — ой!
Чтоб смеялись дети.
Тирли-тирли-пом-пом-пом!
Тирли-тирли-пам-пам!
Нотки так поют дождём,
Музыкальным маршем.

**ЕЛЕНА
СЕМАГИНА**
(г. Саки)

Чабан Елена Владимировна (пишет под псевдонимом Елена Семагина) родилась 30 июня 1987 г.). Образование высшее. Член литературного объединения «Сакские родники», Союза писателей-маринистов Крыма и Севастополя. Участница литературных конкурсов и фестивалей. Занимала призовые места на третьем Украинском фестивале поэзии «На берегу муз» (2011 г., г. Евпатория), в конкурсе Фэнтези-2012 ЛК «Золотые строки» (2012 г.), конкурсе поэзии, приуроченном Дню города Саки (2014 г.), лауреат литературного конкурса «Чёрный кот» от альманаха остросюжетной фантастики «Сумрачный гений» в номинации «Поэзия» (г. Краснодар, 2012 г.). В 2015 году заняла 3 место в номинации «Фантастика» I международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон».

САКИ

В нашем городе нет суеты,
Небоскрёбов, шикарных машин,
Карнавалов пустой пестроты,
Неподатливых горных вершин.

Здесь не встретить крикливых ватаг,
Стройных пальм и печальных мимоз,
Но зато есть задумчивый парк
И стоит мезозойский колосс.

Есть упругая сочность плодов,
Поседевшая древность руин,
Перелив голубых куполов
И колюче-солёная синь.

В нашем городе солнечный жар,
Лёгкий шёпот морского песка,
И душистых посевов янтарь,
И немного ещё волшебства...

БЛАГОВЕЩЕНИЕ

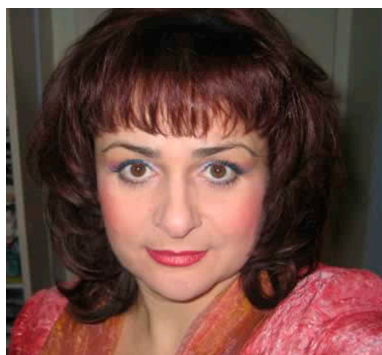
Ещё не пушатся вербы,
И солнца не видно игры,
Но тонко звенят перепевы
Великопостной весны.

Ещё нет Распятья и мира,
Но в этот таинственный час
Уже понимает Мария,
Что Кто-то умрёт за нас.

В молельне видением светлым
Посланник божественных сил —
И снова вопрос заветный
Задать ей готов Гавриил.

Надрывно звенит колоколья,
Дрожит переменчивый свет —
Как прежде звучит покорно
Благословенный ответ.

Из Вечности к жизни минутной
Святая доносится песнь.
И в кроткое небо голубкой
Взмывает Благая весть.

ИРИНА СИЛЕЦКАЯ
(г. Прага)

Член Союза писателей России, издатель, редактор литературного альманаха «ЛитЭра», заслуженная артистка Российской Федерации, певица, композитор, кандидат социологических наук. Заслуженный артист Российской Федерации. Участник и лауреат международных литературных фестивалей в Праге (Чехия), Лондоне (Великобритания), в Штутгарте (Германия), в Вене (Австрия). Член жюри Международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон». Организатор фестиваля «Славянские традиции».

ДА НИЧЕГО НЕ БУДЕТ...

Да ничего не будет, и больше не случится.
Не скажут злого люди. Так хорошо молчит.
Не попадёт соль в рану, душа не захлебнётся,
Я не найду изъяна в тебе. Все рассосётся.
На полку мы положим забытые проблемы,
Не будет ссор, истерик, не будет даже темы.
Не будем резать вены, нам мир не опостылел,
Не станет нам казаться, что все вокруг застыло.

Вид сделаем, что было лишь то, что нам хотелось.
Ну, так уж всё сложилось. Ну, что теперь поделать?
Из памяти попросим всё то, что нежеланно,
Всё то, что получилось нежданно, нежданно.
Попробуем не думать, прогнать воспоминанья,
Надеяться, от Бога не будет наказанья.
Нам вместе быть? Едва ли — мы знали априори,
И смело мы раздали кому какие роли.

Как много хотелось от жизни получить бы.
Что впереди виднелось? Знакомство и женитьба.
Мы всё это имеем — детей и дом с машиной,
Но счастье задержалось и покатилося мимо.
Не разрушать же семьи, не строить всё сначала?
Мы это не успеем, и сил осталось мало.
Да ничего не будет и больше не случится.
Не скажут злого люди. Как хорошо молчит...

БАБУШКА

Опустела вдруг скамейка,
Тихий дворик без затей.
Дождик чертит в небе змейки...
Нет бабушки моей.
Не прядет, в руках не пляшут
Спицы, весело звеня...
Слово доброе кто скажет?
Нет бабули у меня...

Не посмотрят прямо в душу
Твои умные глаза.
Никогда уже не слушать
Твои сказки до утра.
Не бежать, раскинув руки,
Мне навстречу доброте.
Вот и к нам пришла разлука,
Притаилась в темноте...

Не споёт мне больше на ночь
Колыбельную она...
Погружусь в воспоминанья
И останусь я без сна.
Как мне хочется быть внучкой
И прожить с тобой сто лет!
Обещаю быть послуш... Но
Тебя рядом больше нет.

ДОМ, КОТОРОГО НЕТ

Во дворе слышен детский смех.
Яблони все в цвету.
Не страшась никаких помех,
Я по лестнице быстро взбегу.
Я вечность ждала с нетерпением,
Как запрос в интернет.
Иду по скрипучим ступеням
В доме, которого нет.

Дом нашего детства
И сквер по соседству.
Как это было давно...
Доверюсь надежде.
Стучится, как прежде,
Ветка сирени в окно.

А сердца стук всё сильней,
Дрожь в руках не унять.
Вот и знакомая дверь,
Коснусь я её опять.
Со скрипом её отворю,
Не слыша рассудка запрет.
И то, что искала, найду
В доме, которого нет.

Мозг ничего не забыл.
Щекой я прижмусь к стене.
Те, кто здесь раньше жил,
Помнят пускай обо мне.
Мелькают знакомые тени.
Кажется мне или нет?
Я слышу шаги по ступеням
В доме, которого нет.

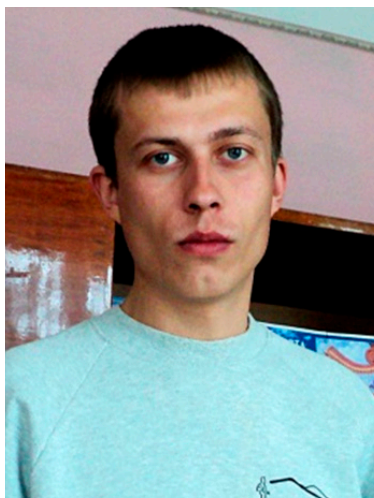
СОЧИНЮ ТЕБЯ

Я себя не мучаю, не корю себя,
Не доверюсь случаю — сочиню тебя.
Самого красивого, красивее всех,
Самого желанного — властелина нег,
Самого разумного, выдержанней нет,
И в любви безумного, никаких помех,
Страстного и властного, чтоб держал в руках,
Чтобы понимала я, без тебя — никак!

Я тебя придумаю, сочиню тебя!
И тебе, любимому, подарю себя!
Заласкаю допьяна, зацелую всласть!
Чтоб в пучине страсти нам навсегда пропасть!

Я себе отмерила океан любви,
Я тебе доверила все мечты свои,
Самое заветное, что храню в себе.
Чувства безответного и не нужно мне.
Незачем надеяться, что полюбит он.
Удалить из памяти и из сердца вон,
И не тратить времени на борьбу с собой,
И сказать при встрече: «Ты — не мой герой».

Сочиню я лучшего в мире из мужчин,
И владеть безумным сердцем будешь ты один.
Будешь знать, что лишь тебе одному верна,
Что тебе я предана, у тебя одна.
Нарисую яркими красками мечту,
Чтоб ночами жаркими мог ты видеть ту,
Кто взамен своей любви хочет лишь твою,
И, придуманному мной, я себя дарю.

СКУБИН РОМАН
(г. Саки)

Член ЛИТО «Сакские родники». Издал сборник стихов «Лирика сердца моего». Лауреат I-го Международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон-2015». Дважды лауреат фестиваля «Казантип поэтический-2015». Лауреат музыкально-поэтического фестиваля, посвященного памяти поэтессы Людмилы Вертяевой. Участник поэтических фестивалей Крыма. Неоднократно печатался в литературном альманахе «Литература друзей». Печатался в республиканской газете «Литературный Крым», в республиканском журнале «Крым», в местных газетах: «Слово города» и «Сакская газета».

МЫ ТЕПЕРЬ СВЯЗАНЫ

Мы очень разные.
Нитями связаны.
Верой в нетленное,
Чистое, ясное.

Робкой надеждой,
Упрямым стремлением.
Звёздного неба
Ночным вдохновением.

Мы будем первые,
Вечности верные.
Нашу Любовь
Нарисуем, наверное.

Синей стрелой
Мое сердце пронзённое,
Нежностью фраз
Навсегда окрылённое.

Мы теперь связаны
Нежными фразами.
Тем, что ещё,
Вероятно, не сказано.

Ты только знай:
На пороге грядущего,
Ты не найдёшь уже
Мальчика лучшего.

Ps: С Тобой я счастлив.
Без Тебя — ревнив.
А вместе мы —
Единый эксклюзив

ЕЛЕНА СОЛОВЬЁВА
(г. Саки)

Родилась в 1960 году на Урале, в Пермской области. В настоящее время живёт и работает в г. Саки. Имеет музыкально-педагогическое образование. Член Литературного объединения «Сакские родники» с 2010 года. Неоднократно занимала призовые места в городских литературных и музыкальных конкурсах. Участница первого (2015) и второго (2016) международного, литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон».

* * *

Долго писал Максим в тетрадь
Палочки и крючочки.
Так выводил, что даже вспотел.
Наконец, дописал до точки.
То, что не вышло, резинкой стёр,
Ручкой обвёл снова.
И на проверку работу сдал
С исполненным чувством долга.
Утром учитель тетради раздал,
Открыл свою Максимка.
Видит, красным два слова — «Не три»,
Думает, что за оценка?
Подходит к учителю: «Если не три,
Так значит это четыре?»
«Не три резинкой, — учитель сказал, —
Иначе будут дыры!»

ВЕРА СУХАНОВА
(г. Смоленск)

Член Союза писателей России (с 1992 года) и Европейского конгресса литераторов, автор пяти поэтических сборников — «Замысел» (1988), «Имя» (1990), «Стихи и переводы» (1996), «Странница» (2012), «Вся Земля — это Божья обитель» (2016), публиковалась в журналах «Наш современник», «Москва», «Роман-журнал XXI век», «Молодая гвардия» и других. Широко печатается в Беларуси, в том числе и в переводах на белорусский язык. Печаталась в Молдове и США. Лауреат многочисленных международных литературных конкурсов, победитель фестиваля «Славянские традиции» 2015 и 2016 годов, лауреат премии им. М. В. Исаковского и премии «Пражская муза».

* * *

Над Черноморским побережьем
Сияньем озарён восток,
Восходит солнце в славе прежней
И на зубах скрипит песок.

Под пеплом древности — селенья
Безлюдный сторожат залив,
От пережитого волненья
Глаза усталые прикрыв.

Прошли и годы, и народы.
Так много пало стран и стен,
Пока сюда сносили воды
И Танаис, и Борисфен.

Пока накатывали войны,
Пока гасили здесь умы
В злотворных испареньях поймы
Бельматые глаза чумы.

Мир — золотой орех — расколот.
Но кто-то всё же смог в пути —
Не наковальню и не молот, —
Частицу света обрести.

ЧУДО СВЯТОГО ГЕОРГИЯ

Георгий вырос прям и строен,
Но мир ему был не под стать.
От века мир неладно скроен,
И надо многое менять.

Пылал огонь на косогоре.
Кумир кровавой требы ждал,
А лютый Страх деревни зорил,
И род на род войной вставал.

Георгий шёл по горям смрадным,
Где только — остовы домов.
Глазело пламя кровожадно
Из мирных отчих очагов.

И должен был сыскаться кто-то,
Чтоб исчерпать себя до дна,
Кому нажива — не забота,
Кому живот свой — не цена.

Притихли океан и суша,
И мрак окутал небосклон,
Когда за человечью душу
Сразились Всадник и Дракон.

Воды и пламени объятья,
Где свет неотделим от тьмы,
А полымя от водосвятья
Неопалимой купины.

Не завершился бой вселенский.
С тех пор в любом краю земли,
И на Балканах, и в Смоленске
Идут незримые бои.

И да пребудет веры сила
Неколебима и крепка,
Чтоб зло без устали разила
Победоносная рука!

ИМЯ

Были руки у них хоть чисты, да пусты,
И к пустым небесам их мольба поднималась,
И хоть были их души и мысли просты,
Ни Любви, ни Надежды у них не рождалось.

И рождённую в муках заветную дочь
Заклинали они тихим именем «Вера»,
Будто имя кому-нибудь может помочь,
Будто есть у безверья пределы и мера.

И закаятая именем шла меж людей,
Пряча руки пустые от взглядов прохожих,
И казалось, что небо смеётся над ней,
Будто небо смеяться над кем-нибудь может.

И клялась она выжженным травам — огнём,
И клялась она спящим — всевидящей ночью,
Что прольётся однажды обильным дождём,
Что напоит однажды иссохшую почву.

Чтоб синица Надежды впорхнула в наш дом
И зажглись её звезды над морем и сушей,
Чтоб наитье Любви осенило крылом
Наши грешные, наши заблудшие души.

ЗАМЫСЕЛ

У хищного солнца лучи жестковаты,
Но море залижет ожоги и раны.
Задуман закат над горами багряным,
Задуманы запахи чая и мяты.

И дыни даны на помостах дощатых,
Исполнены персики сладкого сока,
Дождались плоды заповедного срока,
Чтоб южный базар утопал в ароматах.

Прекрасно замыслена роща самшита,
Её тишина и крутые подъёмы,
И птицы над нею висят невесомо,
Как будто бы птицами небо прошито.

Во всем наблюдается мысль и забота.
И дабы секреты не выдать все разом,
Дано ощущение, что есть ещё что-то,
Чего не постигнут ни чувства, ни разум.

**ЛЮДМИЛА
ТВАРДОВСКАЯ**
(г. Евпатория)

Президент Международного Арт-клуба «Геликон». Поэт, дизайнер, краевед, общественный деятель. Образование высшее. Член Литературного объединения имени Ильи Сельвинского, г. Евпатория. Член Союза писателей-маринистов РФ, член Всеукраинского творческого Союза «Конгресс литераторов Украины». Лауреат и дипломант международных поэтических фестивалей. Постоянно публикуется в СМИ Крыма. Издавалась в поэтическом сборнике «Дорога к храму», неоднократно публиковалась в альманахе Тавриды «45 меридиан», и в «Евпаторийском альманахе», в коллективном сборнике «Поэтическая карта Крыма № 3», в сборнике Всеукраинского творческого Союза «Конгресс Литераторов Украины» — «Ветер с моря листает страницы», в альманахе Союза писателей-маринистов «Паруса творчества», и других изданиях.

МОЙ ДРЕВНИЙ ГОРОД, ИЛИ ПОД СЕНЬЮ ВЕКОВ

Евпатория — город у моря!
Евпатория пристань для Муз!
Путник, знай, здесь не ведают горя,
Воздух свежий, солёный на вкус.

Привлекут тебя травы степные,
Как колдунья отвар заварю.
Вдаль посмотришь на горы седые,
Поутру вместе встретим зарю.

Здесь виденья эпох, как живые,
Шлюзы памяти вновь опущу,
Скифы, греки, монголы бывшие,
Мой Гезлёв, я уже не грущу.

Поведу вас брусчаткой старинной,
Дух столетий окликнет во тьме,
Голографией, древней картиной,
Хан Гирей лихо мчит на коне.

Он в мечети священным обрядом.
Коронован на Крымской земле,
Хан-Джами провожала лишь взглядом,
Так и нас будет помнить во мгле.

Древней узкой тропой возвращаясь,
Я огонь усмиряю в себе,
Зов Сарматов бушует не каясь,
Щит и шлем примеряю в седле.

Здесь сменялись столетья, народы,
Страж истории тайны хранит.
Протекают священные воды,
Храмов древних — застывший гранит...

ПРЕКРАСНЫЕ ДЕТИ БОГИНИ ДАНУ

*(По мотивам древне-кельтской
мифологии)*

Кто мира суету,
Познал в избытке дней?
Кто в памяти моей,
Живет, избегнув Лету?

Сердечный ритм поэта,
Не каждому дано
Услышать в темноте!
Немым вопросом: «Где?»
Ты рвёшь на части света,
Материю былой,
Измотанной души,
В комок измятой лжи,
Мы превратили лета,
Скажи, в чем смысл ответа?
Иль имя напиши... Души!

Где имя написать?
На стенах тайных этих,
Где ляжет рванный стих,
Как доблестная рать.
Познать..?
Познать поэта?
Не каждому дано,
Как мира суету,
Ушедший мир Дану,
Божественные дети!
В накидках и плащах,
Пронзающие тьму,
ДАНУ...

ЛЮБОВЬ

Не бывает случайных встреч!
Не бывает прощальных слов,
Постарайся на веки сберечь,
Это хрупкое чувство — ЛЮБОВЬ!
Не бывает забытой ночь,
И бывает пьянящий день,
Даже если уходишь прочь,
Дорога нам любимых тень!

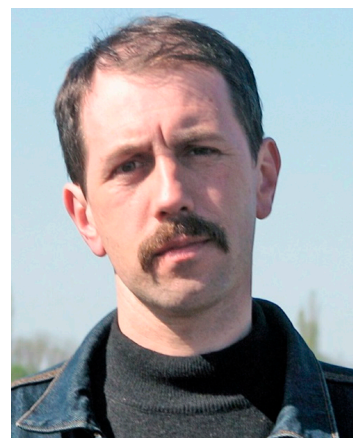
Не бывает случайных дорог,
 Не бывает безмолвным миг,
 Если ты вошёл на порог,
 Сердца радостный встретит крик!
 Не бывает блаженства век,
 Не бывает без горечи спор,
 Изменив направление рек
 Стали мы как вершины гор!

.....

В нашем сердце царит ЛЮБОВЬ...

ПРЕДНАЧЕРТАНИЕ

Узнав свою судьбу до срока,
 Я бить в тимпаны не хочу,
 Уж лучше меч лихой схвачу,
 Мне в этом больше будет прока!
 Не слыша от небес упрёка,
 Возмездие швырну врагам,
 Земным мерилам власть отдам,
 И наслажусь зарёй Востока,
 Взлечу подобно вихрям тока,
 И радуги священный серп,
 Удержит в небе древний герб,
 Узнав мою судьбу до срока!

**АЛЕКСАНДР
ТОВБЕРГ**

(г. Красноармейск,
Украина)

1974 г. р., г. Красноармейск (Покровск). Окончил ДИСО (факультет журналистики), работал корреспондентом в местной прессе. Вернулся в лоно пролетариата. Автор четырёх официальных сборников стихов и множества самиздатовских (проза и поэзия) — «Косноязычество», «Точки над Ё», «Знаки», «Междутам_Междуздесь», «Времянёнок безвременья» и других. Имеет многочисленные публикации в периодике, в журналах, сборниках Украины, России, Германии, Казахстана. Член ВТС КЛУ, МСП. Участник и дипломант литконкурсов и фестивалей. Лауреат литпремии им. О. Бишарева от МСП. Участник сетевого лито «Стражи Весны» г. Горловка. Лауреат Международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон-2016».

* * *

Это было ли, будет... выскочишь налегке
 из себя на волю, и вдруг — зима
 и сознание, стиснутое в кулаке
 запищит, назойливо, как комар

невозможность манёвра, — то, к чему шёл, оно
 вдруг оказывается ни здесь, ни там
 неотвязные мысли, вялые, как вино
 на морозе крепнут, сворачиваются в металл

это было вчера, день «сегодня» уже прошёл
 и тебя никто не помнит, никто не зна
 с неба серого сыплется порошок —
 ядовитый, красивый, будто луна

это только животным хочется быть добрей
люди ж просто сбегают от слёз, от фраз
в несознанку, в истерику, в личный бред
эй, пойдём со мною, время пришло, пора!

ЛИСТЬЯ В НЕБЕ

А наутро будет тихо.
Тихо-тихо, так и знай.
Жизнь — как вывих, смерть — как выход.
Листья в небе — верный знак.

Слишком много в человеке,
С лишком — крови и мазни.
День за годом, год — за веком
Выйди, выдохни, сморгни.

Кто там ходит, не касаясь
Тёмных вод и тёплых тел?
Хромоногий, как Кассандра,
Будто птица, пустотел.

Кто? — возможный неудачник, —
Был ведь замысел неплох,
Но родился, не удавшись,
Всполошив чертополох.

Пусть уходит, пусть — не надо —
Тихо-тихо по лучу,
Без сомнений, без оглядок —
Будет лист на землю падать —
Я за брата поручусь.

* * *

Но света нет, и нет прозренья.
Я слишком мрачен, говоришь.
Но истина живёт в растениях,
Пластающихся, как спорыш.

Тебе захочется быть рядом,
Уснуть, как поздние цветы —
Под листопадом, снегопадом
В обвале грузной темноты.

В земле сырой, в земле промёрзшей
Себя не чувствовать, не знать,
Как в небе замирает коршун,
Преображающийся в знак.

И так всю зиму спать и спать, и —
За ватной гранью бытия,
И в этой сладкой чёрной вате
Сообразить однажды — хватит! —
И выпустить травинку «Я».

* * *

борьба со сном перетекает
в спокойный равномерный сон
в котором нет политиканов
а только море и песок
и спишь и дышишь равномерно
как снег как поле как вода
плывёшь во внутренней вселенной
по разноцветным городам

пропутешествовав полжизни
 воспринимаешь зримый факт
 всем разумом всем организмом
 что всё не то и всё не так
 и право жить и право верить
 в реализацию мечты
 возможно если будешь зверем
 в повадках хитрым и простым

НЕОБХОДИМО ЛЬ ОДИНОЧЕСТВО?

необходимо одиночество
 чтобы в невидимой борьбе
 возвысить голос до пророчеств о
 непознаваемом себе
 привычка быть псевдогероем здесь
 в глухой провинции степной
 на поиск Трои не настроит но —
 на придумыванье трой
 лепи нелепицы абстракции
 идеи заступом гребь
 и чтоб не перенапрягаться их
 под корень заступом руби
 на колеснице околесицы
 лети — куда не разберёшь
 и мельниц ветряные лестницы
 точнее — лопасти — не трожь
 не Дон Кихот — жучок хитиновый
 сарказмом с серостью воюй
 пускай плюют а ты на спины им
 без сожаления наплюй
 сплелись пророки и предатели
 в неразрываемый клубок
 сбежать галасвита — куда тебе!? —
 себя потянешь за собой.

* * *

я не знаю, что мне тебе сказать,
 ибо всё сказанное будет тёмным.
 лабиринты памяти откатываются назад —
 ты забудешь то, чего я не вспомню.
 эти злые крики в мишенях глаз,
 и чужие люди в машинах свастик
 со злорадством пялятся мимо нас
 и в улыбки растягиваются, как эластик.
 и тебе так хочется быть и там
 и, конечно, здесь, где-то в ритме «между»,
 по горам болтаться, по городам
 и менять понятия, как одежду.
 в мягких тапочках сверзиться в глубину
 добровольной рутины семейных маний,
 и пожертвовать телом, и заглянуть
 с пультом в тёплой руке в туманец
 позапрошлых страстей и пустых бесед,
 собираемых данью с обид по капле,
 и пока вернёшься — я стану сед
 или лыс, и опять будут те же грабли.
 и прошепчешь заклятие или мат,
 и эмоция вылетит чёрным звуком,
 и умрёшь, как плагин, как плагиат,
 не дождавшись ни жизни,
 ни звёзд, ни внуков.

ОЛЕГ ФАЛЬКО
(г. Севастополь)

Детский поэт, музыкант, учитель. Пишет стихотворения для детей с 2015 года. Проживает в Севастополе. Лауреат международного конгресса-фестиваля и конкурса музыкантов-исполнителей и педагогов «Техника и стиль» (г. Москва, Дом композиторов Союза композиторов, за 2005, 2006, 2007 годы) в номинациях «Исполнитель» и «Педагог».

В 2015 году на международном поэтическом конкурсе детских авторов «Цветные слова» получил диплом «За верность поэтическим традициям Владимира Орлова».

Победитель международного поэтического фестиваля «Пристань Менестрелей-2016» в номинации «Детская поэзия». Победитель международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон-2016» в номинации «Детская поэзия».

Участник творческой мастерской детских авторов Крыма «Мечтательный Слон».

Публикации: «Рюкзачок» (г. Минск), «Рюкзачишка» (г. Минск), «Капитошкин дом» (г. Москва), «Книжки, нотки и игрушки» (г. Москва), «Орленок» (г. Симферополь), «Алые паруса» (г. Симферополь), «Крымуша» (г. Симферополь).

СОСУЛЬКА

Рыдала сосулька, повесив свой нос:
«Солнце всё время доводит до слез!»

ДОМА СЛЕЗЫ В ТРИ РУЧЬЯ

Дома слезы в три ручья!
Плачет мама,
Плачу я!
Что случилось?
Что не так?
Может к нам пробрался враг?
Может предал лучший друг?
Нет!
Мы просто режем лук!

СВИНКА

Свинка надела с утра сарафан.
«Как вы прекрасны! — воскликнул баран. —
И шляпка бордового цвета
На вас очень кстати надета!»
«Красотка!» — сказал восхищённый петух.
А свинка кивнула и...
В лужицу
Плюх!

НА МЕНЯ ГЛЯДЕЛ НЕРЯХА

На меня глядел неряха:	И бейсболка набекрень —
В пятнах нос,	Поправлять, наверно, лень.
Штаны,	Вот, неряха!
Рубаха.	Обормот!
	Как он в зеркале живёт?!

ГОСТИЛИ ДРУЗЬЯ У СЕРЁЖКИ

Гостили друзья у Серёжки:	Под шкаф угодила подушка,
Острижена шёрстка у кошки,	Надкусаны все пироги...
Разбиты тарелка и кружка,	А, может, гостили враги?!

ЛЕНТЯЙ

Вы легко узнаете лентяя —	И вздыхает: «Ох!»,
Он смотрит вокруг себя, зевая.	Вздыхает: «Ах!»...
Всё ему наскучило давно,	Тяжела работа —
Надоели книги и кино!	Целый день
Он от скуки сохнет на глазах	На себе возить
	Толстушку Лень!

ГРИПП!

По приказу злого Гриппа	Нелегко глотать таблетки,
Пчихи-ахи рвутся в бой!	Соблюдать весь день покой,
«Погоди-ка, погоди-ка,	Пить лекарство из пипетки
Разберёмся мы с тобой!»	И терпеть уколы...
	Ойййй!
Вверх ползёт температура,	Побеждает медицина,
И глаза болят от слез,	Побеждают доктора:
Как полынь, горька микстура,	И бегут от аспирина
Пчих и Ах щекочат нос!	Пчих и Ах —
	Ура! Ура!!!

МИСТЕР КАВАРДАК!

Пришёл к нам мистер Кавардак!
И стало в доме всё не так!
Всё в старом доме кувырком:
Лёг шарфик рядом с башмаком,
Носки сбежали под диван,
А с ними ложка и стакан.
Везде бумажки от конфет,
Посуды чистой в кухне нет...
Не дом — заброшенный чердак!
Ох, надоел нам Кавардак!

Мы стали чистить старый дом,
Мы шерсть убрали за котом,
Гоняли пыль по всем углам,
Отмыли грязь и тут и там,
А недовольный Кавардак
Ворчал, что в доме всё не так!
Блестят: шкафы, столы, плита, —
Пришла синьора Чистота!

КАК ОМЛЕТ РЕШИЛ
ПОВАРА СЪЕСТЬ

Такое бывает раз в тысячу лет:
Вдруг ПОВАРА съесть хочет пышный ОМЛЕТ,
Как тигр бежит он за ним по пятам
И звонко кричит:
«Ням, ням, ням,
Ням, ням, ням!»
А повар спасается бегством,
Как лань...
А повар кричит:
«Я — невкусный!
Отстань!»

СКАЖИТЕ, УЛИТКА!

— Скажите, улитка, а где продают
Дома, где всегда есть тепло и уют?
— Купить невозможно такие дома...
Уют и тепло создала я сама!

В ДОРОГУ

Возьмите всего понемножку
В прекрасные дальние страны:
Печенье, варенье, картошку,
Консервы, тарелки, стаканы,
Холодного морса бочонок
В большущий рюкзак положите,
Но только капризных девчонок
С собой ни за что не берите!

ЭХО

Бродило Эхо тут и там:
По болотам, по лесам.
В городах не раз бывало,
Посетило сёл немало.
Повидало много мест:
Нил, Сахару, Эверест,
На Занзибаре и в Перу
Людям вторило: «Аууу».
Пело в хоре, сольно пело.
Постарело, потолстело...
И, довольное собой,
Наконец пришло домой!
Ест печенье, плюшки ест,
Вспоминает Эверест,
Занзибар, Москву, Перу.
И аукает:
«Аууу»...

СЕКРЕТ

В Чёрном море не меньше ста лет
Жил один очень важный Секрет.
Он в ракушке, как в домике, жил,
Понадёжнее спрятавшись в ил.
Но однажды ракушку прибой
Вынес прямо на берег морской.
И покинул ракушку Секрет,
И бродил он не меньше ста лет
По лесам и в расщелинах скал,
Чтоб никто про него не узнал,
Чтоб никто не добрался туда —
Никогда!
Никогда!
Никогда!

АНГИНА

Красное горло,
кашель,
ангина —
Лечит микстурой мамочка сына:
Горчичник,
таблетки,
Уколы...
Ой-ой!

Ну, кто же без шапки гуляет зимой?!

ФЁДОР ФЁДОРОВ
(г. Симферополь)

Студент журфака Таврической академии КФУ, сотрудник газеты «Московский комсомолец» и журнала «Нива+», победитель городского конкурса имени В. Высоцкого 2014 года, победитель городского конкурса имени А. Пушкина 2014 года, обладатель Гран-при среди пяти федеральных вузов России на конкурсе юных журналистов «Акула пера-2015», второе место в номинации «Проза» на фестивале «Интеллигентный сезон-2016».

* * *

Бледный свет в моей комнате
И безлунная ночь...
Дорогая, Вы помните?
Я все помню точь-в-точь!
Помню волосы тёмные,
Бледный свет Ваших глаз,
Нашу полночь бездомную,
Приютившую нас!
Помню слов Ваших зарево
И улыбки рассвет!
Как глаза ваши карие
Изменяли свой цвет!
Голубые два озера,
А скорей две реки,
Что текли в небо позднее
И в мои две руки!
Помню все я, любимая,
Только помните ль Вы
Нашу полночь интимную
В сером царстве Молвы!

Дорогая, Вы помните?
Там горел тусклый свет.
А казалось, что в комнате
Поселился рассвет!
Вы шептали чуть слышное
«Ну останься ещё...»,
Будто ноты Всевышнего
Задевал душ смычок!
И вино Вашей нежности
Повалило меня
После слов бесконечности
У святого огня!
А потом, как с похмелия,
Я проснулся с утра,
Убежала Офелия!
Гамлет плохо играл!
Быть? Не быть? Что от этого?
От вопросов вот этих простых?
И Судьба на них сходу ответила!
Стал, как плаха, дорог наших стык!
И горит темнота в моей комнате,
«Темный свет он создал!» — говорят,
Так как светит ещё в этом омуте
Ваших слов прощальных закат!

СКАЗКА

Ветер на улице дует холодный,
Осень в окне разноцветным ковром,
Мысли любовные снова бесплодны...
Падают в душу засохшим листом...
Как бы хотелось мне в зимнюю сказку,
Сказку, которую страстно люблю,
Сказку, понятную вовсе не сразу,
Сказку для сердца, где боль я коплю.

В сказке той зимней любимой улыбка,
 Словно бы первый снег для души,
 В проруби там золотая есть рыбка —
 Та, что поможет достать до вершин!
 До ледяной дотянуться вершины,
 То есть до сердца любимой моей,
 Только к той рыбке не знаю тропины,
 Только в ту сказку не знаю путей!
 Знаю одно лишь, что ты — моя сказка!
 Сказка, в которой сурова мораль,
 Сказка, в какой новогоднюю маску
 Снял с января обозлённый февраль!
 Сказка, в которой нарядная елка
 Колется иглами в сердце подчас,
 Сказка, в которой меня, как ребёнка,
 Кутает только лишь холод, смеясь!
 Сказка, в которой ушёл Дед Мороз,
 Да и Снегурку с собою забрал!
 А за окном, как брошенный пёс,
 Белый январь на Луну завывал!
 Ты — моя сказка, в которой всегда
 Должен герой плыть и в бурю, и в шторм,
 Должен туда он, не знаю куда,
 То, чтоб найти, не знаю я что!

ПРОГУЛКА НА КОРАБЛЕ В ВЕЧНОСТЬ

Владимиру Высоцкому

Он восходил на палубу с любимой,
 И капитан попутно рассказал,
 Что «Грузия» для Вас была хранима,
 Её последний рейс для Вас настал!

А завтра по утрам весь наш корабль
 На лезвия пойдёт, и по стране
 Их продадут. Давно пора бы!
 Ну, а сегодня — отдых при луне!
 Невеста с женихом на борт восходят,
 Их провожают за накрытый стол,
 И праздник заискрился до восхода,
 И «Грузия» плыла, как весь Восток —
 Мощна, пестра, красива, хоть и в летах,
 Навстречу бурям, грозам и штормам,
 И светом солнечным обласкана, согрета,
 С обилием роскошных, нежных дам!
 А путнику, стоявшему у моря,
 Казалось — это плыл от нас поэт,
 Корабль, что изведаль штормы горя
 И что погибнул, выплыв на рассвет!
 Звучала музыка, вино в бокалы лилось,
 Тонуло солнце в нежных нотах брызг,
 И «Горько!» над столами проносилось,
 Как будто в «Горько!» заключалась жизнь!
 А по утрам корабль на переплавку,
 Поэт в Москву с женою улетел,
 А путник на песке кривой булавкой
 Чертил корабль, что тонуть не смел!
 Вот только мне сегодня показалось,
 Что тот корабль — это был Поэт,
 И песни нам, как лезвия, остались,
 В сердцах и душах прорезать рассвет!
 На переплавку жизнь пошла поэта,
 Но в каждом он частичкою живёт,
 Чтоб переплавили мы нашу всю планету
 Не на закат, а радостный восход!
 И тот корабль всплывёт в душевном море,
 Но только «Грузия» его не назовут,
 Его зовут «Владимир, неба воин»,
 Да и «Россией» иногда зовут!

**АЛЕКСАНДРА
ФЁДОРОВА**
(г. Братск)

Александра Васильевна Фёдорова, город Братск Иркутской области. Образование высшее, институт Советской торговли, г. Москва. Ответственный секретарь Творческого Объединения «Литературное Братство», г. Братск. Член Интернационального Союза писателей, г. Москва. Член Академии русской народной поэзии, город Тула, 2014 год. Член Союза писателей Республики Крым, 2015 год.

Автор шести книг поэзии и прозы, сборника песен: «С любовью к тебе, Братск легендарный» (г. Братск, 2009), «Золотые россыпи души» (г. Братск, 2009), «Я хочу спеть о Родине», сборник песен (г. Братск, 2014), «Я в такую Русь сердцем верую» (г. Ростов-на-Дону, 2015), «Стихи для детей» (г. Керчь, 2015), «Азбука» (г. Керчь, 2015).

ЧЕТЫРЕ СЕСТРЫ

Осень, красавица. Гордая женщина.
Шаль с позолотою. С солнышком венчана.
Входит надменная. Взгляд с поволокою.
Лёгкой поход кою в ширь недалёкую.
Так-то и правильно. Так ей и велено.
Лето простилось с ней. Нет уж той зелени...

А впереди ждёт сестра её нежная.
Наша Зима, пышногрудая, снежная.
Вольно раскинется вьюгой, буранами.
Банями, праздниками долгожданными.
И в Рождество, в Новый год, всё по-нашему.
Гость, заходи! Разрешенья не спрашивай!
Встретим тебя, за приход не обидимся,
Чарку нальём. Ведь когда ещё свидимся?

Глянь незаметно в проёмы оконные.
Слышишь, стучится к нам дама знакомая?
Бусы свисают алмазными слёзками,
Платье расшито цветами, берёзками.
Вся величава, с косою до пояса.
Батюшка Гром с ней раскатистым голосом.
Матушка Молния, трель соловьиная.
Ночи с любимыми сладкие, длинные...

Лето на смену вальяжное, жаркое.
Ликом довольное. Руки с подарками.
Ночи короче, но запахом мятные.
Дни с тёплым дождиком, сердцу приятные.
Только придётся, да как ни стараться нам,
С Летом — царицею тоже расстаться нам.
Грустно уронит слезу Распрекрасное,
Тучкой закроет нам солнышко ясное.
Радостно к встрече Осенней готовое,
Листьями место застелет ей новое!

* * *

Я рисую портрет.
Вспоминаю лицо.
Этот призрачный лик
Мою душу тревожит.
И причины мне нет,
Чтоб в конце-то концов,
Вдруг забыть ссоры миг,
Что печаль мою множит.

Ты сейчас далеко.
Сколь меж нами дорог?
Улыбнись на холсте,
Нас ты этим сближаешь.
Мне сейчас не легко.

Я душою продрог.
Видно, краски не те,
Или ты уезжаешь.

Ну, давай же, ещё,
Пусть светлеет твой взгляд.
Говори или пой.
Диалог очень нужен.
Буду знать, что прощён.
Ты вернёшься назад.
Будешь рядом со мной
Этой зимнею стужей.

Листопад или нет?
Облака мчатся вдаль.
На картине весна,
И цветы олеандра.
Я закончу портрет.
И утихнет печаль.
Ты со мною одна,
Навсегда, Александра!

Я рисую портрет...

РОЖДЕНИЕ

В душе живёт недоуменье:
Я родилась по чьей вине?
Неужто нынче день рожденья?
Подарком буду ль я стране?
Кто принимал во мне участие,
Что вот я — есть, и вижу свет?
Заранее желал мне счастья,
И знал, что буду я — поэт?

А девочка в одеждах белых,
Не ведая всему конца,
Дрожа в объятиях умелых,
В тот миг в нём видела отца?
Восторг вначале или драма,
В мечтах таинственность, во сне?
О, слава Богу! Папа, мама,
Вы жизнь и праздник дали мне!

УЖЕЛИ...

Ужели были вы когда-то
Упрямы, веселы, легки?
На чувства нежные богаты,
Писали страстные стихи?
Касались неба рифмой звонкой,
А волос пышен был, кудряв?
И улыбались вам девчонки,
А вы шептали им: «Ай лав?»
Куда уходит время это?
И как назад его вернуть?
Всего лишь надо быть поэтом,
Романтиком. И в этом суть!

ДЕРЕВЕНСКИЕ МОТИВЫ

Всё забыла, как влюбилась,
В доме том пила вино.
И мечтала, и молилась,
На иконку, где окно.
В мыслях радужных витала,
Бормоча признаний чушь...

От сует мирских устала,
В сельскую я еду глушь.

Подъезжаю. Деревенька,
Неказистая на вид.
Словно дед на четвереньках,
У околицы сидит.
Трубку курит. И туманом
Тучки носятся над ней.
В зыбком мареве обманом
От предутренних теней.

Нет притворства. Всё узнаю.
И скажу я ей: «Привет!
Деревенька ты родная,
Мне тебя дороже нет!»
Радостно листом качнувшись,
Встретит у крыльца лопух.
И, на зореньке проснувшись,
Кукарекнет вдруг петух.

Промычит корова в стайке,
Лай почудится собак.
И скажу я без утайки,
Без деревни нам — никак!
А отцовский дом скрипуче,
Распахнёт тугую дверь.
Не найти мне места круче.
Не уеду я теперь!

**АЛЕКСАНДР
ФОКЕЕВ**
(г. Нижний Новгород)

Александр Павлович Фокеев родился в 1952 году. Живет в г. Нижний Новгород. Работает ООО «НКТ», технолог, кандидат химических наук. Лауреат Международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллектуальный сезон-2016».

В ПАРКЕ У ОЗЕРА

*«...пусть огненный твой дух горит в моей крови,
пусть на моём челе сияет только солнце».*

Леся Украинка

Через пыльный базар, по аллее,
Я спускался до белых оград,
Ты, привычной косынкой алея,
Мне махала рукой невпопад...
Вкруг тебя были юные лица;
Ты им что-то читала ли вслух,
Или пела как в роще горлица,
Про бушующий огненный дух.

Я тебя ожидал где так шумно
Мне напевы источник журчал,
И мне думалось, как же неумно
Наш устроен житейский причал,
Ах, какие там поиски истин —
Для меня есть на свете одна:
так меня твои волосы-нити
оплели и испили до дна...

ОСЕНЬ НА ВАЛААМЕ

Ступеней благодатный свет
 Восходит в стынувшее небо,
 Расшитый золотом Завет
 Скрепляет зримо быть и небыль.
 Соединяет и во мне,
 И боль душевного разлада,
 И то, чему в ушедшем дне
 Душа была безмерно рада...
 Я обретаю вновь покой,
 Осенним ангелам внимая,
 Живой воды черпну рукой,
 Твоё причастие принимая.

КАРАИМСКАЯ
КРЕПОСТЬ

Не видать железной окантовки
 На дубовых крепостных воротах —
 Нет нужды рядить для них обновки
 И запоры ставить в наворотах.
 Череда осадных канителей
 Улеглась под каменные стены,
 Боевые стрелы отсвистели,
 Лишь извечны будничные темы:
 Низкорослых выюченных копытных
 Караван на склоны сходит дробно.
 Но гулять ли на откосах сытных?
 Нет, — к воде идти тропой неровной.
 Там, внизу, в волне застывшей камня
 По небесным промыслам и планам
 Ключ пробился в безвременном давнем
 В исцеленье всем грядущим ранам,

И напившись раз, и зная цену
 Бурдюку с живительною влагой,
 Караим всегда взойдёт на сцену
 Под своим, как есть, торговым флагом.
 Потому он вверх спешит довольный:
 «Хватит выручки для свадьбы сына,
 совершу сполна обряд застольный
 мерой установленного Чина».

ВЕЧЕРНЯЯ ПРОГУЛКА
В ПАРКЕ

Под вечер тень раскидистых акаций
 ложится тёмной шалью на аллеи,
 И зной в вечерней смене декораций
 Сливается расплавом пряным клея,
 И растекается по травам без опаски
 Привычным и желанным постояльцем
 А ветерок, по флюгера указке,
 Уходит прочь, прикрыв молчанье пальцем...
 Вот, и луны оранжевое око,
 Чуть приоткрыв затененные веки,
 Стирает эхом заспанного вздоха
 Все прошлые душевные огрехи.
 И я молчу, открытый пред собою,
 Любуясь то ли, то ли усмехаясь,
 И радуюсь душевному покою
 И не грешу, и более не каюсь.

МУХА И СЛОН

Муха в поле летала, летала,
 А под вечер так сильно устала.

И в домишко, что был на горе
На вечерней вернулась заре.

Положила под крылышки лапки,
И уснула тот час без оглядки.

А наутро ей вспомнился сон,
Ах, какой удивительный сон.
Будто вместе и муха и слон
В догонялки играли в саду,
И веселья их радостный звон
Отражался в садовом пруду.

«Ах, как жалко, что это лишь сон
Не придёт никогда больше слон...»
И сказала тут муха: «Ну, нет.
Закажу я огромный портрет,
И пусть будет он рядом всегда
Не забуду слона никогда!»

Жил кузнечик поблизости там
И всю жизнь он был предан холстам

Рисовал и пейзаж и портрет,
Забывая порой про обед

«Вот и славно, так быть по сему»
И направилась муха к нему.

«Прилетела я с просьбой, сосед,
Нарисуй для меня ты портрет
Только сразу скажу не тая:
На холсте этом буду не я».

«Ну, а кто же? — спросил он в ответ. —
И с кого рисовать мне портрет?»

«Знаешь, нынче я видела сон,
Мне огромный привиделся слон...»

«Но, я в жизни не видел слона»
«Так и что же? — сказала она. —
Я тебе расскажу всё как есть,
Покажи мне, куда нужно сесть?
Рисовать его будешь с меня
А вот как — расскажу тебе я».

.....

Получился прекрасный портрет!
Ну, кузнечик, ну, мастер сосед!

Вот теперь мы узнали сполна,
Как из МУХИ нам сделать СЛОНА

МАМЕД ХАЛИЛОВ
(п. Пречистое Ярославской области)

Мамед Халилов — поэт, прозаик. Родился 1 февраля 1961 г. в с. Нижний-Катрух, Рутульского района Республики Дагестан. Член Союза писателей России. В настоящее время живёт и работает в п. Пречистое Ярославской области. Автор шести сборников поэзии и прозы. Пишет на русском языке. Лауреат Международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон-2016».

ЧЕРЕЗ СОРОК ЛЕТ...

1.

Я думал: навсегда угасли страсти,
И что гореть могло, — давно сгорело;
Душа уснула, и завяло тело,
Довольствуясь скудным обручком счастья.

И, пустоту маскируя умело,
Уверенно, как «Ролекс» на запястье,
Но неуместно, как слеза в ненастье,
Живая плоть в прорехах розовела.

Симфония ночная звездопада,
Иль женский взор, случайный и лукавый,
Лишь изредка прошедшим волновали.

И сердце замирало, грёзам радо —
В минуты эти остро пахли травы,
И сытого покоя было мало...

2.

Взрывает магма вековые горы,
Кипя под толщею земной незримо,
И, в ярости своей неукротимо,
Грохочет и волнуется, как море.

С трудом скрывая боль души ранимой,
С улыбкой на устах, тоской во взоре,
Как Гамлет одинокий в Эльсиноре,
Терзался я безмолвным стоном мима.

А поводом — набросок карандашный.
В тетради обнаруженный случайно —
Несмелых линий и штрихов разводы.

Хватило этого, чтоб день вчерашний
Разжёл огонь любви из детской тайны,
Пронзая расстояния и годы...

3.

Я бился долго с наваждением старым,
Боясь пучины страсти безответной.
Твой профиль, каждой линией заветной,
Грозил душе моей любви пожаром.

Я знал, что не увижу взор приветный —
Дыханье изойдёт последним паром.
Такие бури не проходят даром,
Когда сильнее воли плод запретный.

Не хочет сердце с мыслью той смириться,
Что вряд ли облик твой, годами стёртый,
В людском потоке я узнаю сразу.

Но вопреки всему, мне снится, снится
Твой нежный профиль, царственный и гордый,
Пуская в сердце боли метастазы...

4.

Где гнёздышко твоё — в степях ли юга,
Или в краю заснеженном суровом,
Где небеса и снег слились покровом,
Где с октября по май резвится вьюга?

Среди толпы увидим ли друг друга,
И сердца трепет заискрит ли словом,
Или, смешавшись, в Вавилоне новом
Слова отскочат от сердец упруго?

Но плавные изгибы чётких линий,
Разящая стрела изящной брови,
Сквозь пелену времён, как прежде, ранят.

И, отделяясь от обложки синей,
Вползают прямо в сердце с током крови,
Забытым чувством будоража память...

5.

Сходились, расходились стёжки наши.
Размыты, как оттенки акварели,
Покуда на холсте не загустели,
Застыв мазками резкими гуаши.

Душа кричала, вскриком коростели,
Из влажной темноты дремучей чащи,
Сама трясины вековой не краше —
Дика, словно язычник до купели.

Обрушился сегодня мир привычный —
Душа вспорхнула птицей из трясины,
И светом заиграли мира краски.

Рисунок всё перевернул обычный —
Знакомый профиль на обложке синей,
Нежданный, будто Золушка из сказки...

6.

Под твои окна привела дорога.
Душа полна необъяснимой верой,
Что промельк милой тени за портьерой
Мне суждено узреть по воле Бога.

Всё измеряем мы своею мерой.
Был труден путь до этого порога:
Всё зрело до назначенного срока,
Как ливень созревает в туче серой.

И вот — нахлынула весенним ливнем,
Неодолимые разрыв преграды,
Любовь, неудержимей став и строже;

Наполнила меня сияньем дивным,
Сама и есть, быть может, та награда,
Что всяких мыслимых наград дороже...

7.

Ужели избежать нельзя возврата?
Тогда расходимся чего же ради,
Если простой рисунок из тетради
Души смятением в старости чревато?

Когда потухший взор, седые пряди
В наследство оставляют нам утраты —
Нельзя, как в юности своей когда-то,
Желать любви не уступив ни пяди.

Но разум ли любви моей советчик?
И что в мирах бессмертия основа,
Когда миры во мне взорвались сами?

В одном лице истец я и ответчик,
И сам я эхо собственного зова —
Живую боль баюкаю словами...

8.

Как мелок я в своей слепой гордыне,
Губя святое в мишуре и блеске,
И, чувство утопив в словесном треске,
В непроходимой я томлюсь пустыне!

Печаль и горечь суждены отныне,
Как плоским ликам на старинной фреске.
Легендой о Паоло и Франческе
Я не воскресну в нерождённом сыне.

И только раны от незримых терний
Со временем, всё больше, кровоточат —
Не видимы глазам, не исцелимы.

До той поры, покуда в час вечерний,
Господь облечь страдальца не захочет
Сияньем купины неопалимой...

9.

Под вечер разыгралась непогода —
Деревья рушились в бору сосновом,
Казалось, что шатаются основы
Земли самой и даже небосвода.

Созвучна дикой ярости природы,
Вплетясь в узор мелодии суровой,
Былое зазвучало с силой новой,
В бессилье сотрясая сердца своды.

Кто знал, что чувство давнее пылало,
Разлукою простой неистребимо,
Чтобы вулканом вырваться наружу?

Из толщи лет любовь меня достала,
Но знаю – снова проплывёшь ты мимо,
Последним всплеском опалив мне душу...

10.

Как будто не было свирепой бури
И Апокалипсиса ночи мгlistой?
Снег поутру – торжественный и чистый,
Заворожил оттенками лазури.

И ни следа ночного рёва, свиста —
Всё наносное разметала буря!
Как сладко в даль смотреть, глаза сощуря,
На безмятежность целины лучистой!

Уйти бы в синие снега однажды,
Что белым холодом с тобою схожи,
До кромки, где застыл угрюмый ельник.

И там упасть, с неутолённой жаждой,
И имя выдохнуть в последней дрожи,
Как имя Божье – праведный отшельник...

11.

Как труден сердца с бытом поединок —
Остаться бы навеки в царстве белом
И знать, что не бывает в мире целом
Иной красоты, кроме мерцанья льдинок!

Остаться здесь, кустом заиндевелым,
Любуясь снежной бахромой хвоинок
И, как в молитвенном экстазе инок,
Душой стремиться в синь, расставшись с телом.

Но всё звучит, звучит родное имя
В хрустальном звоне тишины нездешней,
И образ твой струится в синей тени,

И снег согрет молитвами моими...
Воскреснем — знаю — мы порою вешней,
На крышах и листве — в дождинок звени...

12.

Давай судьбе своей спасибо скажем
За дар высокий сладостной обузы.
Не каждому она дарует благо груза,
Что песнью исторгается лебяжьей.

Мы сагой о любви в легенды ляжем —
Шипом и розой лучшего союза, —
Такие нас с тобой связали узы,
Прочней которых мы уже не свяжем.

Приемлю боль, с которой не поспоришь, —
Господь не даст креста мне не по силам,
И нет под небом лучшего подарка,

Чем трепетной любви святая горечь,
Огнём страстей разлитая по жилам,
Цветущая сонетами Петрарки...

13.

Мелькают в сумраке исчезновений
Мгновений быстрых кружева витые,
И проблеск чувства, и столпы литые,
Вихрь, беззвучно таят, словно тени.

Но, раня совесть многих поколений,
Всей бездной смысла, как дары святыя,
Пронзают время истины простые —
Жемчужины утрат и обретений...

Надежд угасших серый пепел множа,
Водой меж пальцев просочились годы,
Оставив, как осадок, мудрость совью.

Не бойся — я тебя не потревожу,
Души твоей раскачивая своды,
Своей вечерней, золотой любовью...

14.

Я не люблю всеядность интернета,
Который преходящим перегружен,
Но в складках сердца зреющих жемчужин
Скрытым светом жизнь моя согрета.

Круг истин вечных до предела сужен, —
Я от тебя не требую ответа.
Спасибо, что прощальной лаской света,
От сна забвенья к жизни я разбужен.

Довлеет и над нами злоба дневи.
Тревожит дней бесцельных скоротечность
И время веет стужей могильной.

Душа в преддверии иных кочевий
Земной любовью обретает вечность,
И утверждает жизнь во мгле чернильной...

**НИКОЛАЙ
ШАМСУТДИНОВ**
(г. Симферополь)

Николай Меркамалович Шамсутдинов — советский российский поэт, публицист, сатирик, переводчик. Председатель Тюменской региональной организации Союза писателей. Его стихи переведены на грузинский, чеченский, белорусский, украинский, армянский, датский, германский, словацкий, английский языки. Член Союза писателей СССР, член Союза российских писателей, член Всемирной ассоциации писателей ПЕН-клуб, член Высшего совета писателей Сибири, почетный работник культуры и искусства Тюменской области, заслуженный деятель культуры Российской Федерации. Получил Гран-При на II-ом Международном литературно-музыкальном фестивале «Интеллигентный сезон-2016».

* * *

Купальщица, при склонности к прикрасам,
Верна привычке, что тут ни глаголем:
Напористая, за буйками — брассом,
За молом, в молотьбе коленей, — кролем,
И — дальше в море, в смуглой укори́зне
Дневным зевакам, под приглядом тверди, —
Сирена, исступленнее, чем к жизни,
Отчаянней, марина, чем от смерти.

На службе у дежурных фраз, в приязни
К преклонному шезлонгу, долгожитель
Пустых цитат, Баян водобоязни
Уже поёт её, благотворитель
Разумной речи... Жалкое создание,
Об эту вот, в осенней хмари, пору
Пляж, как рельефный слепок с подсознания,
Скудней, чем человеческая спора.

С брожением эпитетов за рифом,
Берущих бытие в свою орбиту,
Её, подретушированный мифом,
На берег вал выносит, Афродиту...
И, неизменный, у причальной стенки,
Небезнадёжно ждущей перемены,
Неистребим — голодный взгляд коленки,
Блеснувшей из неистощимой пены.

КИММЕРИЯ

1

Он опять возвращается, снег помрачневшей Тавриды
Под удойными тучами. И, хоть у памяти виды
На иные, весёлые виды, — заполнив собою
Кругозор, злее море... Выбалтывающий прибою
Тайны пляжа, секреты купальщиц, скрежещущий гравий
Под ногами транзитного красноречивей, чем Флавий
Сабин, римский префект... Но, уклончиво чаще в ответах,
Море не рефлектирует, ибо, к улыбке, в просветах
Между тучами кротко синеет. И это приводит
Калику перехожего в чувство... Продрогший, в природе
Непогодицы, он, погружаемый ей в осозанье
Раздраженных суставов, уходит в себя, ведь сознание,

Как морская поверхность, подёргивается вдруг рябью,
И реальность осмысливается, дремучая, — хлябью
Скуки и безысходности... Мстительные, вот отсюда
Перепады умонастроенья, невроты, простуда,
Что постарше, чем каверзный кариес. В доводах стойка,
На ангине настаивает пожилая настойка
На боярышнике, не ручаясь за средство от хвори,
Дегустирующей материк, как облатку... Там, в море,
Поверяют дороге себя, забывая таблоид
До обеда на столике... Море, соседствуя, стоит,
Чтоб войти в него с особью и, в устремленьях высоким,
Выйти, в тяжбе с собой, независимым и одиноким.

2

Если, к морю лицом, ожидать напалзающей тьмы —
 За спиной остаются осунувшиеся холмы
 В истощённой траве — горечь жёсткой полыни, чабрец,
 Устилающий склон, ость татарника и, наконец,
 Губоцветная мята... В секущем снегу, она так
 Недвусмысленна, жизнь, в притязаньях, когда вы, не шлак,
 Поднимаете ворот обветренной куртки, ведь счёт
 Ветхой бренности к вечности — в чутком предсердье печёт.
 Лишь баклану доступен обзор на пустынной воде,
 Где, куда ни взгляни, — обливая ознобом, везде
 Безразличная к существу рябь, незнакомца опричь...
 За фелюгой с прививкою ветра, что, в сущности, кич

Либо дичь для художника, — тянется белый бурун,
 Растекаясь на чёрной воде. Перезрев, колотун
 Обращает в колтун мысли о прожитом, номера
 Телефонов, лелеемых памятью только ж вчера,
 Имена милых ветрениц... Мифы творя, взаперти
 Косной суши, разгневанно, море сумеет смести
 Всех нас с сушею вкупе, чтоб похоронить и следы
 Человека — под зеркалом бесчеловечной воды...
 И взорлит над внезапно разверзшейся бездной баклан,
 Ветеран катаклизмов, стремительней, чем моноплан,
 Одинокую душу брюзги и повесы в былом,
 Воспаряющую в эмпирей, — отмахнувший крылом...

3

Вечер. Именно, интерпретатору не в назиданье,
 Неприступней осанка закрывшегося в умолчанье
 О причинах хандры. Как, ввергая в раздумья, ни дует,
 Повод к уединенью ведёт сильных на поводу, и
 По чешуйке злой киновари на указательном, так и
 По единственной фразе, уместной (ли?) здесь, — «На Итаке
 В это время другой колорит с кобальтом и сиеной...» —
 Вам еще предстоит сделать вывод, лукавя с Каменной,
 К т о был ваш визави... Словно бы появившись из мифа,

Все отчетливей, в клетоте, хищная графика грифа
 Над тоскливой полыню. Что, впрочем, признаться, в природе
 Промороженной яви естественной здесь, в обиходе

Подступившего холода, что, покрепчав, не мирволит
 Песнопевцу в хитоне. И что, в немоте, ни глаголет
 Оснеженное небо — как почва для произрастанья
 Грёз и молний, чреватых затмением ума для созданья,
 Чья тесьма — через лоб. Здесь, сопутствуя, каждый эпитет
 Вновь из солончаков, что ему — эпитафией, выпит,
 Вечно свеж... Синтетический синтаксис масс довершает
 То, что вновь прозевал он, дозор языка. Не светает
 В словаре инвектив, ибо косность сльвёт новизною
 Для ухватистой плесени, что выбирает больное
 Прозабание в пошлости, ведь, угрожающей жалом,
 Ей не встать с четверенек — всей прорвою, стаяй, кагалом...

4

В киммерийской степи, в запредельном топящие взгляд,
 В киммерийской степи вечным сном, непробудные, спят —
 Скиф в смертельном объятые сармата.., заносчивый грек,
 Распластавшись во тьме.., бронза римских центурий... — навек
 В грубой почве, где, прям, наконецник татарской стрелы,
 Странницы по призванью, вытаивает из золы
 От былого костра. Неподъёмна от судеб и пелен,
 В один сплав их слила степь, как тигель племён и времён,
 В своём роде шкала исторических школ, ибо всех,
 Во мытарствах ума, бледно ждёт безысходность. Успех
 Держит вас в чёрном теле? Ну, так не потрянуть ли судьбой
 Всё тому, кто просмотрен собой?

С воем из альвеол, и доныне — гремучая смесь
 Верований, наречий и рас, человечество есть
 Мешанина мишеней для фатума, ибо и вас
 Настигает минувшее, чтоб опрокинуть тотчас
 В настоящее, скудное на задушевность. Но — вне
 Конъюнктуры, зело обожжённое в древнем огне,

Изоощреннее воображение: чертополох —
Тот, что в твиде, упрямо растёт на разломе эпох,
Запустив свои корни в эон, где предместники. Цепь
Ноосфер заключает в холмах киммерийская степь,
Ибо в горнем снегу, отнимающем память, с в о ё
Ищет мир в опрометчивом, косном прочтенье е ё...

5

*Долго Русь раздирали по клочьям
И усобицы, и татарва.
М. Волошин*

Завируха смела всех под кровлю, насупленный люд
В комментариях лют... Исступленнее в спину вам бьют
Снег и ветер, увесисты. Непостижимый, творим
Отчим холодом, пуще в сюрпризах — упущенный Крым.
Тем отчётливей, вне окаянных разъявщихся дней,
Из мансарды Волошина взору витии видней
«Припонтийское Дикое поле» в полыни, полон
Родовой горькой памяти, ведь, не смиряясь, испокон,
Как столетья назад, — те же смута, особицы, вой
Из глубин лютой боли и страха... Но не «татарвой»
Раздираема в клочья безумная Русь, в свой черёд
Раздирающая поколенья. За глотку берёт

Безысходность, хотя неизменные мысли ясны,
Ведь до хруста в кромешных корнях сращены
Наши судьбы. Под яростным небом отчизны одной
Так спеклись мы в крутой, на слезах и крови, перегной,
Что, как ни разнимай, разорвать невозможно. Сама —
В праве на правоту, соприродна оракулу тьма,
В чью тревожную полость, как в капсулу вечности, сед,
Плотно вложен Волошин. И непререкаемый след —
В толще лет коренного родства. В зряшных распрях своих,
Нужно так раствориться в заметах содружества, в них,
Чтобы, не запираясь в себе, превозмочь пустоту
Заблуждений, у метафизической тьмы — на свету...

6

Снег, приюта ища, забивается в мысли... При этом
Злей, в суставах треща, жизнь одаривает вас комплектом
Стойких комплексов, не поверяющих ни эскулапу,
Как и ни исповеднику, — тайн... Вся надежда на граппу,

Ибо, скаясь в ответ любопытному в твиде, всё чаще
Отражение не узнает вас, похмельного, к вящей
Бледной оторопи амальгамы. И, значит,
«...не таков ли я сам?...» по Платону. В минувшем — маячит

Те, что мнят, вы, мол, наш, ведь, зияя кавернами, — видит
Бог! — реальность спокон деградирует, словно эпитет,
Вырождающийся в прилагательное, ибо в массе
Она — хаос. Хаос? Кто обвыкнулся, хмур, в ипостаси

Той достопримечательности, что простудно бормочет,
На ходу оступаясь в промоины смысла?.. Что прочит?
Невозможно (ли?) не надсадиться душою, Платона
Прививая, в дремучей горячности, к массам планктона?..

Душу море и снег донимают докукой ночною,
И в ответ им реальность, сводимая к скуке — чумною
Подоплекою быта, покуда саднит, в поединке
Со стихийным паломником, мир многомерной песчинки

В беспробудном ботинке: так тянет, тяжёлая, жилы
Жижа, хлюпая в нём... Но, и хлопнув по камню, вы живы
Этим днём, что брожением красок в душе и теснится,
Приуроченный к вечности, заполночь — длится и длится...

**МАРИНА
ШАМСУТДИНОВА**
(г. Щёлкино,
Республика Крым)

Родилась в 1975 г. в г. Иркутске. В 2003 г. окончила Литературный институт им. М. Горького (мастерскую Станислава Куняева). Автор шести книг стихов: «Солнце веры» (2003), «Нарисованный голос» (2007), «Дань за 12 лет» (2010), «Стихи» (2011), «Русская сказка» (2015), «Правда» (2016). Печаталась в журналах «Наш современник», «Сибирь», «Созвездие дружбы», «Первоцвет», «Огни Кузбасса», «Московский вестник», «Викинг», «Литературная Вена», «Крым» и других. Лауреат поэтической премии им. Юрия Кузнецова за 2010 год (журнал «Наш современник»). победитель фестиваля «Славянские традиции»-2011, 2013, 2014 гг. Первое место на I Международном литературно-музыкальном фестивале «Интеллигентный сезон-2015» в номинации стихи для детей, лауреат третьей степени II Международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон-2016» в номинации «Проза для детей». Победитель конкурса СП России им. Н. А. Некрасова. Член Союза писателей России, Союза писателей XXI века, Союза писателей Республики Крым, Академии поэзии.

МАСБИХА

*Моей бабушке,
Масбихе Селимовне Шамсутдиновой*

Золотая Орда и донская степная весёлость
В мою душу запали тяжёлым и сытным зерном.
Где могилы мои, где черта, под которой осёдлость,
И в какой стороне настоящий бревенчатый дом.

Дождевые ручьи намывают у хаты ракирку,
На донском солнцепёке лениво лежат кавуны,
Вятский прадед Петро в небытие колыбал мою зыбку,
Растворяясь бесследно в горниле Великой Войны.

А мой прадед Селим подарил за меня кобылицу,
Чтоб женой его стала святая башкирка Айну.
Чтобы холить её, ублажать, как глазастую птицу,
А пришлось накормить своим мясом Ворону-войну.

Сирота, вот такая у бабки моей национальность,
Деревенский детдом, хлеб из липы, салат из травы.
Никому не нужны: ни талант, ни её музыкальность,
Дети ищут картошку среди полусгнившей ботвы.

Масбиха, моя бабка звалась незатейливо — Маша,
Переводчица с русского в диком башкирском селе,
Даже поле ромашек ей виделось манною кашей,
И от голода снились тарелки бараньих котлет.

Язычок словно бритва срезал деревенских нахалов,
Здесь никто не подарит охапки тургеневских роз,
Нормировщица, рубщик — призёр лесосплавов,
Получила на выбор педи-вари-тубер-кулёз.

Трёх детей родила, и чахотка её не скосила,
Штукатурила, мыла, стирала соседкам бельё,
С прибауткой жила, в ней скрывалась певучая сила,
Первой внучке Марине дарила умение своё.

На добро отвечать широтою души, до отказа,
Поделиться последним, за слабого голос подать,
Не бояться молвы и худого поклёпа и сглаза,
Беспокойную душу с рассветом пускать полетать.

А потом возвращаться в такое обычное тело,
Снова нянчить и мыть, между делом молитву творить,
Не проснулась однажды, как птица в зенит отлетела,
Чтобы правнучке Вареньке душу и мир уступить.

Пусть и в ней прорастёт вся казацко-степная порода,
Милосердие бабушки, дедова тяга к вину,
Виноградник подвяжем и вновь нарожаем народа...
Только горько и страшно, а вдруг уходить на Войну?

ПИОНЕРСКОЕ ЛЕТО

Не хватало в стране туалетной бумаги,
Древесину толкли на заветные книги,
На «Зарнице» срывали погоны в овраге,
И по-братски делили с врагами ковриги.
За пятнадцать копеек любимых поэтов
Покупали на завтрак, обед и на ужин.
Если сыт от духовной пищи всё лето,
Туалетной бумаги рулончик не нужен.

БАЛЛАДА ОБ «АРТЕКЕ»

Шёл год восемьдесят девятый.
К закату клонился проклятый,
Прославленный и распятый,
Родной наш Двадцатый век...

Мы жили одной дружиной,
Дружина звалась «Хрустальной»,
Росли мы в равном Союзе,
Дети С С С Р.

В «Артек» двадцать первого мая
Слетелись на слёт весенний.
Союз — потому что совместно!
Дружина — от слова дружить!

Мы пели общие песни
О Родине на грузинском,
Потом о дружбе на русском,
О маме на украинском,
О доме на белорусском,
Учили слова на казахском,
Записывали на армянском,
Узбекском, киргизском, таджикском,
Что будем друзья навек...

А море искрилось шёлком,
Лоснилось, как спинка дельфина!
Влюблялись, смеялись, купались,
Взвивали отрядный костёр...
Ещё ничего не случилось,
Но нотки гнева впивались,
В родных голосах прорывались,
Сливались в нашёптанный хор!

Грузины припоминали
Сапёрных лопаток скрежет
И осетин между делом
Звали грязным ворьём.
Делёж шёл равнин и посёлков...

Львовяне сбегали на сходку,
Днепропетровск созывали
С собой в самостийный союз...

Спокойные, как удавы,
И преданные казахи
С русскими объединялись,
Мальчики из Иркутска,
Мальчики из Алма-Аты...

Таджики не выносили
За москвичами мусор,
Узбеки для нас не строили
Походным днём шалаши...

Мы были нелепым слепком
Всех болей и всех конфликтов,
Которые, как нарывы,
Взрывались на теле Страны...

Мой друг из Тбилиси — Леван,
И Мака из Еревана,
Гоча из Соликамска,
Вася из Алма-Аты —
Жизнь нас растасовала
И по Земле разнесла...

Мне больно представить даже
Левана руководящим
Отрядом, который ночью
Бомбил оглохший Цхинвал!

Мне страшно даже представить
Евген, чтобы бил ногами
На жёлто-блакитном майдане
С братками Уна-Унсо
Лёшку из Днепропетровска!..

Уже двадцать лет минуло,
И пусть мы не мушкетёры,
Но сердце по-прежнему верит,
Что дружба не продаётся
И братства не разорвать!

И встретимся мы однажды,
Как на прощанье решили,
У памятника в Тбилиси
На площади у Горгасали
В шесть вечера после десятой,
Двадцатой, тридцатой, сто пятой,
Тупой и ненужной войны...
Обнимемся и заплачем...

МЫ, ВЫЖИВШИЕ В ДЕВЯНОСТЫЕ

(Вольные стихи)

Мы дети, выжившие в девяностые —
Депутаты делили власть,
Не могли накричаться всласть,
Затевая дебаты острые.
Мы пили из майонезных баночек суп,
Бесплатно в школах раздаваемый от бескормицы,
От всех болезней — анальгин был только в больнице.
Мы мечтали отоварить по талонам колбасу,
А ещё нам безумно хотелось конфет,
Любых, даже батончиков без бумажки;
Родители выглядели уставшими,
Глядя в наши голодные рты;
Говорили: «Нет!»
Нет конфет, мяса — нет, хлеба — нет.
Есть — винегрет
Из домашней картохи, свеклы, огурцов...
Мы не видели дома голодных отцов,
Равнодушно спивавшихся по гаражам;

Им нечего было дать нам, они напивались в хлам.
Нас для них стало слишком много,
Кормить нас было дорого,
Водка была дешевле, они напивались без цели.
Нас кормили голодные матери,
Посылая отцов по матери.
Некоторые залезали в петлю,
С запиской: «Не прокормлю!»
Детдомов тогда открывалась тьма —
Нас толпой возвращали стране, государству.
Детсады превращали в детдома,
Нам светила колония да тюрьма.
Государи заступали на царство,
Плодилось новое барство...

Мы хотели поступить в ГПТУ;
 Спецдежда, бесплатный «хавчик».
 Там любой упакованный мальчик
 Осуществлял свою мечту.
 Было модно носить телогрейки,
 Катанки-валенки; картонные наклейки
 Становились качками. Шапки-пидораски
 Защищали мозги от тряски;
 На нас испытывали новый героин,
 И дольф лунгрэн был нашим героем,
 И грудастая сабрина украшала каждый туалет;
 Нам говорили: «Ничего интересного нет!»
 Но у нас был свой интерес,
 Мы знали уже, что в России есть секс!
 А где-то есть колбаса.
 До Москвы электричкой четыре часа —
 И у вас уже есть колбаса!

В сытых городах
 Очередь требовала прописку
 При покупке колбасы;
 Мы говорили: «Дядя, не ссы!
 Мы живём за углом, здесь близко!»
 Вот такие у нас были шутки.
 Мальчиков забирала армия,
 Девочки шли в проститутки
 Заработать на жизнь достойную.
 Затевались новые войны.
 Нас всё равно было слишком много...

Сейчас нам уже под тридцать,
 Мы полноценные единицы.
 Тем, кому повезло уцелеть и не спиться,
 Предлагают за деньги плодиться,
 Готовят четвёртый на нашей памяти кризис.
 У власти шесть тезисов, как катехизис.
 Зарплаты замораживают понемножку —

Нам уже наплевать!
 На все фокусы власти мы отвечаем одним:
 Угрюмо садим картошку!
 Нас по-прежнему много, мы выжили
 И нарастили на душах броню,
 Мы не верим новому дню!
 Во славу чьих-то славных идей мы не рожаем детей!
 У нас на счетах ничего не сгорит,
 Потому что нет ничего!
 И пока у нас ничего не болит,
 Мы празднуем над властью своё торжество!..

* * *

Капиталист, мой моралист в законе.
 Легче простить, чем что-нибудь вам объяснить.
 Слово мое дрожит, как птенец на ладони,
 Может, ты прав, по течению надежнее плыть.
 Быть на мели, выгрести в тихую пристань,
 Где комары, бабочки и камыши,
 Может, мой стих неумел, бестолков и выпрен,
 Только царапает — не достает до души.
 Деньги важнее, чем картины, этюды, сонеты,
 Если за них не выручить ни гроша.
 Кто на весы положит след от кометы?
 Кто просчитает прибыль от миража?
 Глупо живу — ничего на счету не прячу,
 Душу-копилку однажды разбила в сердцах.
 Будет кредит мой, взятый под жизнь, оплачен
 Звоном монетным ландыша-бубенца.
 Денежный фонд лучика золотого,
 Бросовой мелочью жемчуга не тая,
 Из полусна извлекаю живое слово,
 В рамку вставляю нового бытия...

ОЛЬГА ШЕВЧУК
(г. Москва)

Ольга Викторовна Шевчук родилась в г. Караганде. Окончила Ташкентский политехнический институт и ВЛК при Литературном институте им. А. М. Горького (1991). Училась в аспирантуре. Лауреат ряда литературных конкурсов, в том числе и международного, награждалась ценными подарками, почётными грамотами, дипломами, денежными премиями, медалью им. А. С. Грибоедова. Автор книг стихотворений и поэм: «С ночи до утра» (1986), «Вишенный цвет» (1990), «Деревянный кумир» (1995), «Расклёванное яблоко» (1999), «Мой камертон» (2009), «Приметы времени» (2012), «Шальные кони» (2014), «Радуга» (2015), «Златая ноша» (2016, Польша, на русском и польском языках). В 2009 г. вышла книга Ольги Шевчук «Колесница надежд. Записки на чемоданах» (повесть-воспоминания), в 2010 — «Штрихи к портретам» (повести и рассказы), в 2011 — роман «Ломов», в 2013 — роман «Сокровища Посейдона», в 2014 — «Ещё раз о вечном» (повести и рассказы), в 2017 — роман «Жди меня». Член Союза писателей России. Лауреат Международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон-2015».

В ЛОДКЕ

Здесь волны воркуют, как голуби,
Баюкая лодку и пирс.
И месяц в заоблачной проруби
Волнующе серебрист.

Стрелой летит луч прожектора
И, высветив в профиль скалу,
Пронзает волну белым вектором,
Внезапным, как твой поцелуй.

Пляшите, раздолья кальмарные!
В волнах, наша лодка, резвись!
И вёсла, как струны гитарные,
Со звоном срываются вниз.

И волны бегут, словно ящерки,
В зрачках отражаясь твоих.
А что там в глубинах, таящихся
За внешним радушием их?

Ах, если б мы были дельфинами,
Нырнули б, и город на дне
Назвали моим лёгким именем —
На память Земле обо мне

ЛИСТЬЯ

Красавица-осень идёт по бульвару
И листья кленовые сыплет к ногам.
И хочется спеть ей романс под гитару,
А дворник мастачит из листьев курган.
Он их подожжёт... Задымятся, сгорая,
Опавшие грёзы, запахнет тоской...
События лета привычно стирают
Из памяти неба, из жизни людской.

А были прелестны! А были любимы!
И каждый листок мог поведать о том,
Что видел влюблённых и пилигримов,
И те и другие здесь шли босиком.

И те и другие мечтали о вечном,
Кормили с ладошек чужих голубей.
И листья на клёнах лениво-беспечно
Смотрели, как в небе ползёт скарабей.

Они и не знали, что лето, как птица,
Вспорхнёт к облакам — и за ним не успеть,
Что им посчастливилось всё же родиться,
Но участь всех листьев — гореть или тлеть.
И это природой задумано мудро,
И этот порядок незыблем, как твердь...
Костры задымятся расслабленным утром,
И вспыхнет со стоном осенняя медь...

ТОРТ ИЗ ТУЧ

Осень. Дождик. На приколе
Теплоход и катера.
Яхты в слаженном покое,
Нет веселья им с утра.
Галки к дереву прилипли,
Сбив усталую листву.
Страсти лета поутихли
На молу и на мосту.
Берег мрачен и пустынен,
Но я верю: солнца луч,
Словно нож — на ломти — дыню,
Вмиг разрежет торт из туч!
На небесном ярком блюде
Яства выложив рядом,
Сладкоежка-ветер будет
Их облизывать тайком.

ПОСЛЕ ГРОЗЫ

Прошла гроза. Похолодало.
И осветило сад зарёй.
Так после бурного скандала
Высь примиряется с землёй.
И тишь благая разлилась...
Лишь назревает посвист птичий.
И старый сад обрёл вдруг власть
Над сердцем, поразив величием.

А воздух сладкий — мы в Крыму,
Всё блещет свежестью глубокой.
И посвежевшему уму
Так мысли хочется высокой!
И ты взволнованно молчишь,
И в сердце зреет осмысленье,
Вот-вот взойдут ростки прозренья —
Врачует дух благая тишь!

Мир оживает после гроз.
И чую: грянет вдохновенье,
И сдвинешь ты застрявший воз
Своих возвышенных стремлений.
«Что за счастливая гроза
Нам сад омыла!» — скажешь после,
Когда пробьются голоса
Колоколов сквозь птичий посвист.

ПРОВОДА

Провода в ночи рублю,
 Исступленно, оготело.
 Телефонное: «Люблю!» —
 Я б тебе сказать хотела.
 Смолкла трубка навсегда,
 Оборвались провода,
 Крик летит мой в никуда...
 Голос свой сорвать рискую.
 Я, безумствуя, тоскую,
 По слогам «Люб-лю» дроблю,
 Надрываю слогом горло.
 Прежде сладкое: «Люблю!»
 Нынче кажется прогорклым.
 Слишком долгая агония
 У любви — в огонь, в огонь ее!..

Ярость душит. Слезы — градом.
 В горле — рана. Дайте льда!
 Ну, дыши, любовь, на ладан!
 Прочь из тесного гнезда!
 Нет в тебе уж впредь улады!
 Оборвись, навек, узда!
 В грязь упали провода,
 Что твой голос приносили.
 О, проклятье! О, беда!
 Я любовь убить не в силах —
 Ни сейчас и никогда:
 Мир земной она вместила.
 О, шальные провода!

О ПРЕДВКУШЕНИИ

Я так ждала... Вот-вот, казалось,
 К любви на крыльях полечу!
 И Божьей Матери Казанской
 С молитвой ставила свечу.
 Мой шёпот страстным колыханьем
 Для пламени был словно корм,
 И шло в ответ благоуханье
 От чудодейственных икон.
 И, замороженная этим,
 Я в мыслях пребывала там,
 Где, по-божественному светел,
 Моей любви рождался храм.

В нём были шёлк и хризантемы,
 Речитатив и нежность струн...
 В нём сочетались альт и тенор,
 И плыл шопеновский ноктюрн.
 Какая там струилась нега!
 Как накалялся бубен чувств!
 Он откликался ритмам Неба
 И был гармонии не чужд.
 Не кровь — любовь текла по венам.
 А впрочем, кровь — любовь и есть!
 Был этот храм благословенным,
 Чудес в нём, дивного — не счесть.

Как трепетно крови брожение!
 Как сладко верить и мечтать!..
 А может, счастье — в предвкушенье
 Того, чем жаждешь обладать?..

Надежд крылатое томленье
 Подчас прекраснее, чем явь!
 Я за мечту! Её паренье!
 За сердца чуткое биенье!
 Мир предвкушения — восславь!

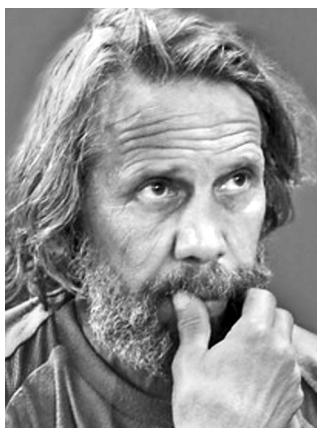
КЛЕНОВЫЙ ЗВОН

Если крикнет рать святая:
 «Кинь ты Русь, живи в раю!»
 Я скажу: «Не надо рая,
 Дайте родину мою».
 С. Есенин

Почему кленовым назвала я день?
 Потому что клёнов слышится мне звень.
 Зацвели духмяно, золотят пылью
 Майского бульвара мокрое лицо.
 Сяду на скамейку, чудом надышусь.
 Я кленовый воздух знаю наизусть!
 Ну а песни клёнов слышал кто-нибудь —
 Как тоской зелёной стонет клёна грудь?
 Но бывает, радость с крон течёт, как дождь.
 Если раз услышишь — мимо не пройдёшь.
 А заглянет ветер — тот ещё хвостун! —
 Пальцами коснётся он кленовых струн,
 Двинется с приплясом — эх, пошла гуляба! —
 И кленовым звоном изойдёт бульвар.
 И взорвутся почки, как по волшебству,
 И в кленовых рунах выплеснут листву,
 Чтоб осенним утром, застив солнца свет,
 Вдруг кленовый пламень вспыхнул — разноцвет.
 Милая Россия, мой кленовый край!
 Трижды прав Есенин, что не нужен рай...

ЕКАТЕРИНА

Ох, пруссачка Екатерина!
 Ох, в сиянье звёзд небеса!
 Горделиво выгнула спину,
 Под короной блестит коса.
 Обронила, шутя, перчатку —
 Гренадёр, подними скорей!
 Каблучками дробя брусчатку,
 Хороша в огне фонарей!
 Услужи, молодой, курчавый,
 Коль взывает слепящий взгляд.
 На плечах её — мощь державы.
 Ох, тяжёл монарший наряд!
 Но опорой — Творца десница,
 С ней Россию двинет вперёд!
 И великой императрицей
 Назовёт её сам народ.
 Кто-то щурился злобно: немка!
 Ей нерусскость ставя в вину.
 Но великая иноземка
 Возвеличить смогла страну.
 Нелегка корона царицы:
 Тут и миловать, и карать...
 Но расширить смогла границы
 И своих земель не отдать.

**ВЛАДИМИР
ШЕМШУЧЕНКО**
(г. Всеволожск
Ленинградской
области)

Владимир Иванович Шемшученко родился 11 февраля 1956 г. в Караганде. Окончил инженерно-физический факультет Киевского политехнического института, металлургический факультет Норильского индустриального института и Литературный институт имени А. М. Горького в Москве. Работал в Заполярье и Казахстане. Прошел путь от ученика слесаря до директора завода. Окончил музыкальную школу по классу аккордеона. Играет на шестиструнной гитаре. С 1985 года пишет песни на свои стихи. Дипломант XVI фестиваля авторской песни памяти Валерия Грушина, проходящего под Самарой, неоднократный лауреат многих песенных фестивалей. Член жюри I и II тура Грушинского фестиваля и региональных фестивалей.

ТИШИНА

Пером и кистью по зиме
Позёмка пишет акварели.
Дрожат ресницы старой ели
И серебрятся в полутьме.

С зеленоглазою луной
Играет старый кот в гляделки.
Вживаюсь в роль ночной сиделки,
Поскольку сам себе — больной.

Пузатый чайник на плите
Сопит, вздыхает и бормочет,
Как будто мне напомнить хочет
О законной красоте.

«Звездам нет счёта,
бездне — дна» —
От белой зависти немею...
И всё же выдохнуть посмею:
Россия — это тишина.

* * *

Вместо бессильных слов
В самом, самом начале —
Капельки васильков,
Искорки иван-чая.
Ну и ещё — река,
А на реке светает —
Это издавека,
Это растёт, нарастает...
Это ещё не звук,
Это из сердцевины...
Это небесный паук
Звёздной наткал паутины...
Это корова-луна
Тучу поддела рогами.
Это кричит тишина
Между двумя берегами...
Это — здесь и сейчас! —
Заговорить стихами...
Это — последний шанс
Не превратиться в камень.

* * *

Не ради красного словца
Я выползаю из окопа —
Со мной герои Перекопа
И тень убитого отца.

Я гражданин не той страны,
Которую навяжет всякий...
Когда я сдохну здесь, собаки
Завоюют с русской стороны.

РОДИНЕ

1

Не то чтобы нас пригласили —
Скорее наоборот.
Но мы приезжаем в Россию
Из всех суверенных широт.
Нам стало вдали одиноко
И сделалась участь горька.
И с Запада, и с Востока
Течёт человечья река.

Над мыслями нашими властвуй.
Пришли мы к тебе налегке...
Как сладко сказать тебе: «Здравствуй!» —
На русском своём языке.

2

Осень. Звон ветра. Синь высоты.
Тайнопись звездোпада.
Если на кладбищах ставят кресты,
Значит, так надо.

Значит, и нам предстоит путь-дорога
За теплохладные наши дела.
Сколько, скажи, не дошедших до Бога,
Тьма забрала?

Сколько, ответь, ещё водишь по краю,
По-матерински ревниво любя?
Я в этой жизни не доживаю
Из-за тебя.

Из-за тебя на могилах трава —
В рост! — где лежат друзья...
Но истина в том, что не ты права,
А в том, что не прав я.

ЗДРАВСТВУЙ

1

Холодно. Сыро. Фонарь догорает.
Ветер по улице бродит как тать.
Осень лениво глаза протирает —
Время вставать.

Время грустить — перелётное лето
Не загостило в полярном краю.
Кто, ради Бога, загнал на край света
Душу мою?

Время любить — без любви умирают,
Вянут, как сбита градом трава.
Путь от земного к небесному раю —
Как тетива.

Что я здесь делаю? Даже не знаю.
В окна стучатся нагие кусты.
Не понимаю! Не понимаю!
Вера. Надежда. Ты!

2

Из кармана табак
высыпаю в газетный обрывок.
Две затяжки,
и пальцы прижёт огонёк...
В дверь звонок.
Мальчугану соседскому рыбок
Отдаю — надоели своей болтовнёй.

В два прыжка
на звонок к опостылевшей двери,
Задыхаюсь, и слышу,
как пальцы дрожат...
Здравствуй.
Знал, что вернёшься, и верил —
Я тебя отпустил,
чтобы этим тебя удержать.

* * *

Ночь у камина. Весна.
Что-то сегодня не спится.
Звёздная колесница
Мчится в проёме окна.

На пол упал уголёк
И потемнел, остывая.
Псина сторожевая
Вдруг заворчала у ног.

Тонкий ломается лёд —
Кто-то под окнами ходит.
Что-нибудь произойдёт
Или уже происходит...

СТАРЫЙ КРЫМ

Синее, синее, синее —
Из невозможных глубин...
Береговая линия,
И Александр Грин.

Что-то ещё... Из осени...
Солнце звенит, как оса.
У разбитной Феодосии
Рыжий каштан в волосах.

Вечер. Погодка купальная —
Пристань, кефаль, невода...
Не акварелька прощальная —
А с огоньками вода.

Что-то ещё... Ранимое...
Слышишь, как сердце стучит?..
Грустное... Неповторимое...
И — наизусть заучить!

* * *

Событий у нас маловато.
Зима вот случилась вчера...
Соседи достали лопаты,
И выгнали снег со двора.
А мой — развеселенький, вкусный —
Лежит себе, радуется глаз.
Хрустит на зубах, как капуста —
Впервые, сегодня, сейчас!
Соседи, родные, Бог в помощь!
(Какой восхитительный слог!)
Я первый свой снег —
несмышлёныш —
Слизал с материнских сапог.
Уколы запомнил, микстуры —
И прочая там толкотня...
А сёстры — ну полные дуры! —
Ещё и «лечили» меня:
Изрезали тюль на халаты,
Нарыли в шкафу рыбий жир...
О, как же я жаждал расплаты!
Поэтому, видимо, жив.
Событий у нас маловато —
Вздыхаю и тихо скорблю.
Соседи — опять за лопаты...
И я их за это люблю.

ВЛАДИМИР ШУТОВ
(г. Саров)

Родился в Уфе в 1941 году. С 1947 по 1966 г. жил в Сарове, окончил школу № 1 и вечернее отделение МИФИ. Один из первых участников городского литературного объединения «Радуга». С 1966 по 2004 год жил и работал в Москве. В 2004 году вернулся в Саров.

Кроме писания собственных стихов занимался переводами с грузинского, узбекского и казахского (публикации в журнале «Литературная Грузия» и в «Литературной газете»), стихи публиковал в газете «Саров», «Саровская пустынь», в журналах «Нижегородская провинция» и «Роман-журнал XXI век». Автор двух поэтических книг: «Другая жизнь» и «Сад».

ПОЭТЫ

Имея дом, мы сиры и бездомны.
Имея город, мы взыскуем Града.
Имея голос, строги и безмолвны.
И за любовь измена нам награда.

Не потому ли нам дана отрада —
под шум дождя и шелест листопада,
и трепет звёзд, и шорох снегопада
творить, переплетая быль и небыль?..

Есть некий час, когда диктует небо.
И вот за это мы должны платить.

ДРУГАЯ ЖИЗНЬ

Зажить неторопливо,
не на виду у всех,
перед едой мыть сливы
и слышать твой счастливый,
давно забытый смех.

Изведав все напасти
коварства и любви
и всю науку страсти
пройдя в былые дни,

Теперь спокойным взором
вбираю Божий мир.
Со всем простился вздором.
И ты прощай, кумир!

Со всем, со всем прощаюсь...
И лишь с тобой одной
я снова возвращаюсь
в мой старый дом родной.

Давай с тобой присядем
в том доме — окна в сад,
и пусть звучит Вивальди —
все шесть его сонат.

Со сладкою истомой
виолончель поёт
для всех сердец бездомных,
что ничего, пройдёт.

Играет занавеской
июльский ветерок...
Назвать тебя невестой
давно уж вышел срок.

Как невозможно снова
пластинку завести,
так невозможно слово
одно произнести.

Но не спеши с уходом —
смотри, как за тобой
по книгам и комоде
полоской золотой
плывёт уже без силы
вечерняя заря.
Виола с клавесином
пускай договорят.

Колышет занавеску
прохладный ветерок...
Продлись в прощальном блеске,
о, мой последний срок!

Продлись, продлись мгновенье
и в прошлое вернись.
Не прекратится пенье
покуда длится жизнь.

Попробуем же средство —
забросим все ключи,
и ночью сердце детства
в окошко постучит.

ЯБЛОЧНЫЙ СПАС

Августа жар, но с ночью прохладою.
Спас на пороге. Яблоки падают.
Милая девушка — сердцу отрада,
Ах, ничего мне другого не надо.
Девочка-солнышко, русые волосы,
Хочешь, спою тебе песню вполголоса?
«Любит — не любит, чёт или нечет...».
Старость — всего лишь юности вечер.

Вот приближаются семьдесят лет:
— Где здесь хозяин? — Хозяина нет.
Он юной девушке там, на крылечке
Что-то на ушко заветное шепчет.

Да, как тогда, как тогда, как тогда!..
Годы ушли, как сквозь пальцы вода.
Девочка-солнышко, девочка-лето,
Вот и смеркается. Песенка спета.

И не заметишь, как лет через пять
Будешь с волнением сама повторять:
«Любит — не любит...». И вспомнишь поэта,
что научил тебя песенке этой.

Яблоки падают, падают, падают...
Кто не гадает, тот и угадывает.

* * *

Душа на излёте любви
вдруг так захотела покоя.
Теперь уж зови, не зови...
Сентябрьское поле.

Уже не свистят по кустам,
а каркает ворон.
И все разбрелись по местам —
осенним загонам.

И это безумство прошло.
Блаженная воля!
Как тихо и хорошо
над скошенным полем.

И это безумство прошло,
как несколько прочих.
И снова вода под веслом
в сплошном многоточье.

О чём эти рощи вздохнут,
когда я успею заметить —
за мной паутинки плывут —
обрывки серебряной сети?

Теперь даже боли не в счёт.
А поле бывшего сраженья
(вот скоро зима заметёт)
покроется снегом забвенья.

**ВАЛЕНТИНА
ЯРОВАЯ**
(пгт. Щёлкино)

Родилась в Алма-Атинской области, Казахстан. Окончила Харьковский Государственный университет, филолог, Харьковское музыкальное училище по классу вокала. Издала авторские книги: «Аккорды поэзии», «Озарение», «Монологи». Лауреат и член жюри нескольких литературно-поэтических, а также музыкальных фестивалей. Член клуба фантастов Крыма, Союза писателей Республики Крым, Международной общественной организации «Союз писателей и мастеров искусств», член творческого объединения «Skruv» (сотрудничество поэтов и писателей Украины, России, Швеции). Руководитель литературно-поэтического объединения «Свирель» (г. Щёлкино), щёлкинского отделения Союза писателей Республики Крым.

ДУМА О СЫНЕ

В город наш спустились сумерки,
Фонари зажглись на улице.
Дом напротив — окна вспыхнули
Золотым живым огнём.
Вот и день уже закончился,
Ветром и пургой заснеженный.
Свет свечи — цветочек аленький...
В сердце грусть... И всё о нём,

Всё о нём, о сыне думаю...
За окном пурга-метелица
Застилает путь-дороженьку
Снегом, теменью ночной...
Телефон молчит на столике.

Я одна здесь, в этой комнате.
Пламя свечи чуть колышется,
Шепчет, говорит со мной.

Шепчет, чтоб не беспокоилась —
Жив-здоров он, просто некогда,
Занят очень... Скоро свидимся —
Быстро время пролетит.
Надо ждать, и утром раненько
Постучится в дверь — обнимемся...
Грустно всё же...
Тихо в комнате...
Город замирает.
Спит.

* * *

Пожалуй, вот и всё. Твои глаза напротив,
Что так задумчиво смотрели на меня,
Давно остались позади. И счастья плотик
Уплыл за горизонт, тепло твоё храня.

А я вернулась вновь в дела свои, в заботы.
Они кружат меня и позабыть велят
Волшебной музыки божественные ноты,
Задумчивости полный и зовущий взгляд.

Зачем прошла я мимо? Мне ведь так хотелось
В глазах тех раствориться... Но теперь лишь в снах
Бегу тебе навстречу и бросаюсь смело
Я в бездну чувств своих... И мне не ведом страх...

ШОПЕНОВСКИЙ ВАЛЬС

Косые лучи по комнате. Вечер.
Откуда-то музыка, слышно, доносится.
Шопеновский вальс мне напомнил о встрече,
Давно позабытой той встрече... И просятся,

Сегодня мне просятся в сердце звуки —
То листья шуршат под ногами багровые...
Я помню, притихшие, взявшись за руки,
Бродили всю ночь мы, луной очарованы.

Давно это было, а может, вчера,
А может, лет триста, а может быть, тысячу...
Шопеновский вальс закружил вечера,
Свидетель был крест, что на дереве высечен.

Мы верили в чудо, верили в клятвы,
А всё оттого лишь, что были мы молоды.
Хотя и сегодня, вполне вероятно,
Мы так же доверчивы... Помню я, в городе

Вдвоём исходили улицы, парки.
Мы были влюблённые, были красивые,
И только для нас зажигались так ярко
И солнце, и звёзды — мы были счастливые...

Стемнело. Заря уж погасла в небе,
И музыка смолкла, и в комнате тихо...
Давно это было... А может, и не было,
Что будто кружились мы в вальсовом вихре...

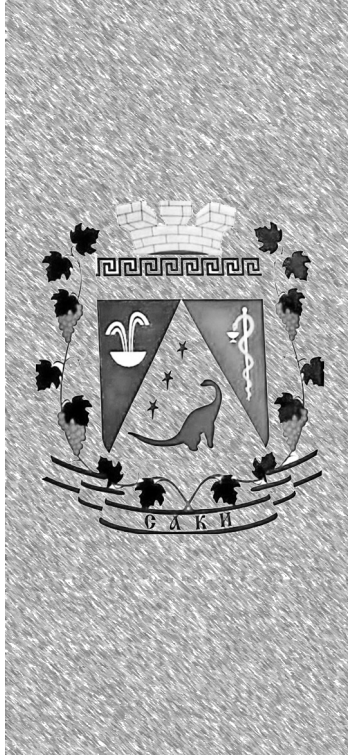
* * *

Я чайкой полечу над бурным морем,
Под рокот волн я с ветром буду спорить.

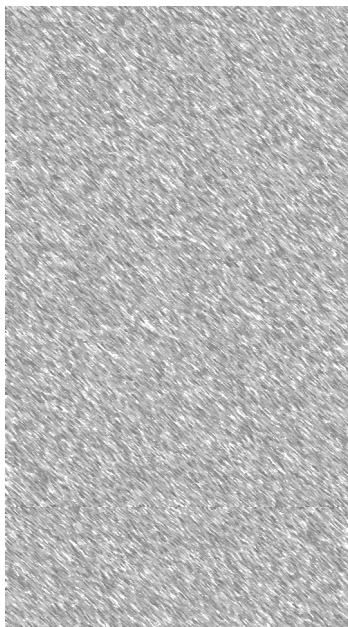
Крыла мои он обломать не сможет —
Мне силы придаёт кровь предков, Слово Божие.

И солнца луч согреет птицы крылья.
Крутые волны, ветер — будет всё бессильно...

Помогут Вера и тепло мне вновь окрепнуть,
Восстану, словно чудо-Феникс, я из пепла!..
Я чайкой полечу над бурным морем!...

УКРАЇНОМОВНІ АВТОРИ

ВАРВАРА ЛОПАТИНА
(м. Євпаторія)

Народилася в 2000 році в місті Євпаторія (Республіка Крим). Закінчила 9 класів у МБОУ ЕНВК «Інтеграл», додаткову освіту отримувала в літературній студії ім. письменника Б. Балтера МБОУ «Гімназія ім. В. Сельвінського» під керівництвом Людмили Юріївни Вальченко. З 2015 року навчаюся в місті Воронежі в коледжі ім. Р. Ф. Морозова на факультеті ландшафтної архітектури. Але доля моя досі міцно переплетена з Кримом, з його творчої складової, з моєї Alma Mater — літературною студією. Минувлий і позаминулий рік принесли мені значні перемоги. Я стала лауреатом I і II Міжнародного літературно-музичного фестивалю «Інтелігентний сезон», лауреатом Республіканського молодіжного літературного фестивалю «Прошу слова».

* * *

Куди ж ти вічно так швидко біжиш?
Крутишся як кольорова дзига...
кудись так невпинно, нестримно спішиш...
Тебе не хвилює весняна відлига...
Джинси, сорочка і чорне пальто,
Туфлі класичні і шарф-клітинка...
Хмурий, серйозний, чекаєш метро,
Може знайдеться для мене хвилинка?
Ти пошукай у кишенях на дні.
Там, де слова випадково зім'ялись.
Там, де клубочки сухої брехні,
Разом з старими квитками, згортались.

Може знайдеш у підкладці діру,
Раптом у неї душа провалилась?
Ти пам'ятай, я тебе не люблю.
Я у кишнях твоїх загубилась...

МОРЕ

Мам, у нього в очах ціле море...
Безмежно тепле, але бурхливе,
Він усміхається, як говоре,
Мам, його море таке мінливе...
Тихе, спокійне, прозоро-блакитне —
Ніби розплескане акварелью.
Воно із тисячі буде помітне,
Те, що заходиться акапелью.
Мам, у нього в очах такі хвили...
Ті, що кидаються в шторм на скелі.
Щось чарівне є у їхній силі,
Те, за чим плачуть усі пустелі.
Знаєш... для щастя потрібно трошки —
Поруч з коханням нікчемне горе,
Хтось у блакитному бачить волошки,
Я ж у очах його бачу море...

* * *

Сім'ї руйнує алкоголь
синці на зап'ястях і покусані алі вуста,
під очима мішки, на щоках ще zostалися сльози....
як же швидко ти стала пекельно-пуста,
як же швидко кохання змінили погрози...
він же принц! ідеал! що не віриться вже???
він же так про кохання співав до весілля!
що, подружнє життя не солодке драже?
він тепер кожен ранок стрічає похмілля...

п'яний принц зайде, двері відкривши з ноги,
ваш «палац» — це тісна комунальна квартира...
і терпіти, на жаль, вже немає снаги...
і давно пішла б геть... та якби не дитина...
вона зрозуміла б, пробачила б звісно...
якби знала як мати ночами не спала.
та маленька питає: «Де тато?» так слізно,
ох... якби вона тата так сильно не ждала!
ось в один такий день, огорнувши долоні
до несплячого тата, сидячого в кріслі,
ця малеча звернулася цілуючи в скроні,
і слова у промові були її стислі...
— тат, чому мама плаче ночами в подушку?
бо ти геть нас не любиш? бо ми геть не потрібні?
і дитина залившись гіркими сльозами
не спинялась і далі про речі подібні:
— ми тобі не чужі, ми тебе дуже любимо!
я то знаю, насправді, ти геть не такий!
ми тобі все пробачимо і все-все забудемо,
тато, таточку, милий, ти тільки не пий!

* * *

Із вуст тремтячих сповіддю гіркою,
Полинуть накупівші всі слова...
Вони тепер не власні наді мною,
Хоча від них крутилась голова...
І серце немов птах підбитий нилом,
У ті хвили смутку та журби,
І скільки почуттів в мені кипіло,
А скільки докорів собі, «а що якби»...
Як воїн котрий битись більш не може,
Я припадаю до твоїх колін,
Розповідаю що мене тривоже
Феміді всемогутній б'ю поклін...
І падаю у відчаї й знемозі
Немов в гарячці, у страшному сні...

Куди іти і по якій дорозі?
Вони усі чужі і затісні...
На котрій з них мене хоч хтось чекає?
А на якій чекати будеш ти?
Моя душа нічого вже не знає,
Вона по вінця повна самоти.
Візьми мене, прошу тебе, з собою
Я тягарем на плечі не впаду,
Я стану вітром десь над головою,
Бо я ж без тебе правда пропаду....
Я втомлена, розбита я і хвора
І може коли сповіді кінець, кінець й мені...
та ти моя надія і опора,
Хоч бачусь я з тобою лиш вісні...

* * *

Солдатом не народжуються,
солдатом помирають
А час лікує чи не дуже?
Бо скільки часу вже пройшло,
А вона й досі тихо тужить,
Коли згадає що було...
А час можливо і лікує,
Та пам'яті він не зітре
А пам'ять іноді бунтує
Коли згадаєш про старе.
Ы ось на місто падав вечір...
І вона стримана, сумна,
Накине хусточку на плечі
Та стане тихо у вікна...
Згадає як колись було все,
Згадає той сумний кінець,
І знову гучно б'ється серце
Думки все зводять на нівець.
Згадає, як його кохала,
Згадає ті його слова: «Чекай!»

То так вона й чекала,
Хоча чекала все дарма...
Війна... жорстока та зрадлива,
Забрала милого життя,
Душу солдата схоронила
І повела у небуття...
Та перед смертю її милий
Товаришу конверт віддав,
Сказав: «Якщо я там загину,
Щоб цей конверт ти передав» .
І ось.... солдат на полі бою,
Смертельно ранений лежить,
Лиш фото, що він мав з собою
Поклав він і увесь дрижить.
Сльоза скотилася щокою,
Назад немає вороття.
Лиш фото, що він мав з собою,
Де мила, мати та дитя.
Кінець... і ось тепер та мила,
Уже, напевно, років з п'ять
Біля вікна за ним тужила,
З листом що встиг він написати.
І вкотре лист вона читає:
«Не плач ,кохана, ти не плач!
Я знаю ти мене чекала,
Пробач, кохана, ти пробач!
Більше не жди свого солдата,
І поцілуй наше дитя,
Тяжка за перемогу плата,
За неї я віддав життя!»

ТЕТЯНА ЖИХАРЄВА
(м. Ялта)

Жихарева Тетяна Миколаївна народилася 6 травня 1972 року на Кіровоградщині. Закінчила Кіровоградський педагогічний інститут ім. В. К. Винниченка. Працювала вчителем української мови та літератури в Онуфріївській загальноосвітній школі, обіймала посаду спеціаліста відділу освіти Онуфріївської РДА. З 2005 року переїхала до м. Ялти і продовжила вчителювати в ЯНВК № 15 «Гімназія-школа-сад».

Керівник шкільного гуртка «Поетичний дар», вихованці якого являються призерами Міжнародного музично-поетичного фестивалю «ЯЛОС-2016», VII Республіканського літературного семінару молодих авторів Криму.

Дипломант Міжнародного музично-поетичного фестивалю «ЯЛОС», лауреат Міжнародного поетичного фестивалю «Пристань менестрелів», член літературного об'єднання «ЯЛОС». Друкувалася у газеті «Кримська світлиця», львівському журналі «Життя. Історії», альманасі «Планета друзів». Нагороджена грамотою літературно-музичного фестивалю «Інтелігентний сезон-2016».

ЗВИЧАЙНА ІСТОРІЯ

У нічному клубі Юля з Оксаною були нічними зірками. Оксана — висока струнка блондинка, із довгим рівним волоссям, у коротенькій яскравій сукні, в босоніжках на високому тоненькому каблучку. А Юля середнього зросту, з каштановим волоссям, блакитними очима, спортивною фігурою (займалася в школі карате і спортивними танцями), була у джинсових шортах, майці, із сяючою біжутерією, в яскравих босоніжках. Обоє вродливі, яскраві, рухалися невимушено і гарно. Тож хлопці і чоловіки не

могли відвести від них погляду, під час танцю кожен намагався бути ближче. А інші дівчата намагались копіювати рухи тих двох красунь, але настільки старалися, що виглядали інколи навіть смішними. Часом котрась копилила губку, вередувала, щоб якось привернути увагу кавалера до себе.

Оксана з Юлею все це, звісно, помічали і ще більше заводили присутніх. Оксана потягла подругу за руку до столика, плюхнулась у м'яке крісло:

— Давай відпочинемо! Ми ж з тобою не на змаганнях, — і дзвінко засміялася.

— Бачиш, Оксано, он ту плюшку... Дивиться на тебе, як на ворога народу. Її зяблик все на тебе дзьоба розкривав!

— То її, мабуть, від злості ще більше роздуло!

— Ха-ха-ха!

До дівчат підбіг офіціант і на таці приніс два помаранчевих коктейлі.

— Ми не замовляли! Ви помилилися!

— Ні, я не помилився. Вам «Секс на пляжі» від о-он тих чоловіків.

За столиком два молодика помахали дівчатам руками.

— Ой, як приємно, — замурколтіла Оксана.

— Ні, не треба. Віднесіть ці «Секси» їм. Ми можемо й самі собі купити, що захочемо, — сердито відповіла Юля.

— Хочете пийте, хочете ні. Я залишу вам на столику. Вже все заплачено. Смачного, — і офіціант швидко відійшов.

— Ой, Юлько, що тобі не подобається?

— Не хочу я потім їхніх набридливих залицянь...

— Ти ж сама їх не просила, значить нічим і не зобов'язана. Розслабся.

— О, моя улюблена мелодія. Пішли, Оксано.

І ось Юля в середині, на високих каблучках танцює шафл. Навколо хлопці шаленіють, заохочують викриками. Раптом перед Юлею з'являється невисокий чорнявий хлопець і починає повторювати її рухи. Коло розширилося. Оксана вицала і підстрибувала від захоплення. По закінченню цього танцю всі аплодували парі незвичайних танцюристів. Юля посміхнулася хлопцеві:

— Молодець! — і до Оксани:

— Пішли, подруго, віддыхаюсь.

Вони вийшли на подвір'я. Юля глибоко вдихнула нічне прохолодне повітря, а Оксана смачно затягнулась сигареткою.

— Дівчатка, ви — прикраса сьогоднішньої вечірки! — підійшов до них хлопець, який щойно танцював із Юлею. — Мене звати Іван. А ось і мій друг — Максим.

— Юля.
 — Оксана.
 — Дуже приємно. Дівчатонька. Можна, ми за ваш столик підсядемо? Бо ми прийшли пізніше — і вже немає вільних місць.
 — Будь ласка, — відповіла Оксана. — нам не шкода...
 Уже майже під ранок подружки пішли додому, а їх нові знайомі проводжали. Спочатку йшли разом, а потім Оксана з Максимом трішки відстали. Вони часом зупинялися й довго цілувалися. Юля й Іван йшли повільно попереду.
 — Юленько, давай завтра десь зустрінемося за кавою, чи поплавемо на катамарані, чи... куди схочеш...
 — Ні, Ваню, в мене завтра увесь день запланований...
 — То давай тоді, коли тобі зручно. Скажи мені свій номер телефону.
 — Навіщо?
 — Як навіщо? Ти мені подобаєшся, я хочу тебе ще побачити.
 — Слухай, Ваню, — зупинилася дівчина, — якби я зустрічалася з усіма хлопцями, кому подобаюся, то ким би я, по-твоєму, була?
 — Вибач, Юлю, я не думав про тебе погано і не хотів образити...
 — Ти мене не образив. Далі я піду сама, мій будинок майже поруч.
 — Так давай доведу...
 — Ні. Не треба. Я не люблю цікавих.
 — Може, все-таки даси свій номер...
 — Ні, не треба мені телефонувати.
 — Гаразд, як скажеш. Бувай.
 — На добраніч. — і Юля швидко пішла, не озираючись.
 Іван запалив і чекав, поки наблизиться парочка. Максим ішов, обіймаючи Оксану, і сипав жартами, а вона дзвінко сміялася. Коли вони вже порівнялися, товариш щось шепнув Іванові на вухо. Дійшовши до дороги, Максим зупинив таксі:
 — Тебе підкинути, Іване?
 — Ні, дякую, я хочу пройтися.
 Наступного дня після обіду Оксана з Юлею загоряли на пляжі.
 — Ну, Оксано, не спи. То що далі?
 — А далі... далі Максим викликав мені таксі. Ми домовилися зустрітися у середу. Він працює в ресторані охоронцем. У середу — вихідний.
 — Куди підете?
 — Ще не знаю, потім вирішимо. Але думаю, — загадково глянула на подругу, — що з нами будете й ви з Іваном.

— Я не впевнена, що так і буде.
 — Юльчику. Не комизися. Ви так гарно танцювали! Я була у захваті! Що з того, як будемо вчотирьох? І веселіше, і економніше, — підморгнула.
 — Пішли, Оксаночко. Ще поплавемо, обсохнемо — і додому...
 Юля сиділа вдома перед телевізором і пила холодний чай з лимоном. Вона жила окремо від батьків у квартирі, що залишилася від бабусі. Мама і тато (обоє лікарі) хотіли бачити дочку юристом. Влаштували в університет, потім підшукали хороше місце. Юля попрацювала чотири роки і звільнилася. Хоч і добре справлялася з роботою, але відчувала, що це не її. Аби не слухати постійні докори батьків, переїхала жити сюди. Колишні клієнти інколи зверталися до Юлі чи направляли знайомих. То ж який не який. А заробіток був. Але головне — вона почала займатися тим, до чого прагнула. Юля малювала картини олійними фарбами, в основному це була якась абстракція. Спочатку дарувала знайомим на якісь свята. Але якось Оксана умовила її виставити хоча б три картини в своєму магазині. Картини стояли там місяців зо два. Але якось зайшли туристи-іноземці. Поприцмакували язиками і ... купили усі три. Ввечері прибігла Оксана із сяючими очима і помахала перед Юлиним носом віялом із купюр: «Тримай, подруго, з тебе «Шеридан»!»
 Та й батьки не перестали опікуватися Юлею. Раз на тиждень, а то й двічі, приїжджали з повним багажником продуктів, аби «дитя не голодувало». Тато тицяв у руку гроші, а мама охала і бігала по квартирі з ганчіркою, змахуючи пилінки. Юля спочатку сердилася, а потім махнула рукою: батьків же не перевиховаєш. Та й зрештою, про кого їм іще піклуватися — вона ж у них одиначка.
 По телевізору не було нічого цікавого, і Юля клацала з каналу на канал. Раптом бринькнув телефон: прийшло SMS-повідомлення. Дівчина подивилася на екран: номер не знайомий.
 «Юлю, пробач. Через Максима умовив Оксану дати твій номер телефону. Думаю про тебе. Іван».
 — Ну, Оксано, ось я тебе побачу!..
 — Через хвилину — знову SMS: «Ти заборонила мені телефонувати, але нічого не сказала щодо писанини. От я і користуюсь моментом :)»
 Юля посміхнулася:
 — Хитрий!
 «Юленько! Ти, танцюючи, продряпала своїми каблучками моє серце. І тепер з нього, замість крові, скрапують ось ці SMS-ки».

— Ну от, — говорила сама з собою Юля, — по телевізору нічого немає, зате в телефоні комедія.

«Юльчику», — знову бринькнув телефон.

«Юльчику! Я навіть не знаю, чи ти читаєш мої повідомлення. Хоч би нявкнула до мене...»

Дівчина засміялася, набрала «Няю» і відправила. Відповідь не забарилася: «Яке щастя! Це твоє «няю» — найпрекрасніше слово за увесь день!!! А можна я зателефоную?» Юля завагалася, потім написала: «Гаразд». Пролунав дзвінок.

— Привіт, Юлю.

— Привіт.

— Я дуже радий тебе чути...

І Юля, яка заборонила до себе телефонувати, уже сміялася і розмовляла з Іваном майже годину.

Нарешті середя. Нічний клуб. За столиком Максим з Оксаною час від часу цілуються, сміються. Юля ж з Іваном сидять трохи скромніше. Затє, коли виходили танцювати... Тут уже вищали і підсвистували не тільки Оксана з Максимом: Івану і Юлі не було рівних. До них у клубі приєдналися знайомі, було весело, ніч промайнула, як мить.

Максим та Оксана знову поїхали на таксі. Іван з Юлею повільно йшли набережною. Море хлюпало об берег. На пляжі стрічали світанок закохані пари.

— Оце б скупатися, мрійно промовила Юля, — зараз море тепле і чисте.

— Так в чому справа? Ти ж тут поряд живеш. Хутко за купальником!

І ось світанок наповнився молодим дзвінким сміхом. Іван присідав у воді, щоб подружка залізла йому на плечі, потім швидко схоплювався — і Юля летіла з виском.

На березі хлопець обгорнув свою супутницю м'яким рушником. Було приємно сидіти, слухати шум моря, спостерігати за чайками... Іванові так і кортіло поцілувати Юлю, але чомусь він її побоювався: вона була водночас проста, весела, грайлива і... неприступна.

— Ну що, Юлю, давай збиратися, бо спізнюсь на роботу.

— Ой, як же ти працюватимеш? І хвилини не спав.

— Нічого, покажусь начальству і скажу, що їду за викликом встановлювати антивірус й інші програми.

— Хочеш, Ваню, приїжджай до мене на сніданок.

— Із задоволенням, — хлопець посміхнувся, бо й не сподівався на такий поворот подій.

Дзвінок в квартиру. На порозі Іван з квітами, шампанським і тортиком:

— І чим пригощатиме юна господиня?

— Салатиком «Морський бриз» і картоплею в депресії.

— Це ж яка така картопля?

— А така: вся пом'ята і подавлена — пюре.

Іван засміявся:

— Пішли, шеф-кухар.

— О, Юленько, ти часом не закохалася?

— І не мрій.

— Але ж салат пересолений...

— Справді, трішки. Але ж він «Морський бриз». А де ти, Ваню, бачив несолоне море?

— Сьогодні, Юлю, море було солодким, бо в ньому купалася моя цукерочка.

— Ну якщо я тебе запросила, то це ще не значить, що твоя.

— Це питання часу... Юлю, можна, я приляжу трішки? Очі щось злипаються.

— Та і я не проти. Пішли. А тільки дивись: без рук!

— Що ти, мене Оксана попередила, що в тебе коричневий пояс, — і засміявся.

Як тільки вони прилягли, то Юля за кілька хвилин вже й заснула. Іван посміхнувся, тихенько поцілував їй носика, обійняв — і теж заснув.

Після нічного гуляння і ранкового купання молодята навіть не помітили, як у дверях заклацав замок. Батьки вирішили пообідати з донькою, от і зайшли з повними пакунками. Тато пройшов на кухню, а мати пішла до кімнати ... і заклала: їхня доня солодко спала в обіймах якогось молодика.

— Ну де ви там? — гукнув батько.

Іван прокинувся, оглянувся і рукою поштовхав Юлю. Вона муркнула, відкрила очі і одразу ж схопилася. За материною спиною показався батько:

— Оце так! Схоже на те, що ми сьогодні познайомимося з майбутнім зятем. Чи, може, це у вас так...

Юля злякано закліпала:

— Я вам зараз усе поясню.

— Давайте, краще вже я, — втрутився Іван. — У нас із Юлею все серйозно. Я їй давно говорив, щоб вона мене вам представила. От і випала... нагода...

— Ну що ж, — промовила нарешті мати, — я накрию стіл. Юлю, йдіть умивайтесь.

У ванній Юля вдячно потиснула Івану руку:

— Дякую, якось потім виплутаємось із цієї ситуації.

— Та що там... Я оце думаю: я ніколи не був одруженим. Є шанс спробувати, як воно.

— Я тобі дам шанс, — хлюпнула на хлопця водою.

— Все-все-все! Я пожартував!

— Пожартував?

— Ні, я пожартував, що пожартував. Пішли вже швидше до батьків, бо я боюсь, що після води можу ще й кулаком по пиці отримати, — Іван згріб у свої руки Юлю. Підняв, поставив на ноги і поцілував.

Минув рік. У Юліній квартирі було повно гостей. Господиня дала в руки Оксані пакунок:

— Тут пляшечка з молоком, памперси, іграшки...

— Не хвилюйся, ми ж не на цілий день їдемо. Скоро вам привеземо додому вже похрещеного Андрійка.

Іван передав у руки Максимові сина:

— Обережно тільки своїми лапищами.

— Сказав таке! Лапища! Оксана говорить, що мої руки ніжні.

— І коли ви вже одружитесь? — запитала подруга.

Максим підморгнув:

— Встигнемо. Ми ще погуляємо. Нас у спину ніхто ж не підганяв.

Іван засміявся, обійняв за плечі Юлю і поцілував.

Мати й собі пригорнулася до чоловіка: нарешті і донька в надійних руках, і дочекалися внука.

**МИКОЛА
НАСТОБУРКО**
(м. Сімферополь)

Поезія ще зі студентських років є основним захопленням, а трудова діяльність пов'язана переважно з геологічними дослідженнями в Криму. Підготував не менше 700 привітань у віршах. Підготував і відредагував три видання Літературного альманаху в НВК «Українська школа-гімназія» м. Сімферополя. Лауреат літературної частини європейського конкурсу «Твори-мо історію разом» (Друг УЄФА ЄВРО 2012). Автор трьох книг українською мовою («Сповідь серця» (2003), «П'ять кіл війни» (2004), «Не перший в захваті від краєвидів Криму» (2015) і однієї російською мовою — «Всеї прозе життя вперекі» (2013). Після прийому до Спілки письменників Республіки Крим (2015) беру активну участь в діяльності клубу «Літературні зустрічі» і публікуюся в україномовному розділі газети «Літературний Крим» і журналі «Крим». Після багаторічної роботи на початку 2016 року завершив підготовку до друку історичної поеми. Лауреат II Міжнародного літературно-музичного фестивалю «Інтелігентний сезон-2016».

СОЛЯНИЙ ПРОМИСЕЛ САСИК-СИВАШ

Євпаторійсько-Сакське чудо —
Це озеро Сасик-Сиваш,
Рожеву сіль знайдеш не всюди,
А промисел багатий наш!

В Сільпромі звикли вже давненько,
 Які вода контрасти втне:
 То краєвид якийсь бліденький,
 То все червоно-цегляне.
 Ропу для чого в чек зливають —
 Дуналієлла зна без слів,
 Ці мікроводорості дбають,
 Щоб бета-каротин цілив!
 Пече світило, сіль дозріє,
 Час міні-залізницю мать,
 Її вручну складати вміють,
 Щоб вагонетки насипать.
 І по мілкій, блискучій ріні
 Повзе комбайн, щоб зрізати шар,
 Кристали зібрані безцінні,
 Що для здоров'я — справжній дар!
 Давно вже чумаки тямущі
 Не йдуть за сіллю на волах,
 Та слава про добро цілюще
 По різних шириться світах!

ПОЧУТТЯ

Не спопеля жарке багаття
 Жаги твоєї цілий світ,
 Лиш для єдиного розп'яття,
 І тільки він зриває твій цвіт.
 Пройти між сміхом і сльозою
 Як твій обранець допоміг!
 І ось слухняною лозою
 Йому ти стелешся до ніг,
 Даси і ніжність полохливу,
 Та станеш примхами діямать,
 І разом посмішку цнотливу
 Та безсоромність дарувать!
 І почуття, що на світанні
 Малопомітне для очей,

Тепер, у полудень бажання,
 Пустельним сонцем припече!
 Ти ніби в мареві блукаєш,
 Кохання трунок п'єш п'яний,
 Своїм волоссям обплітаєш
 Його, щоб був він тільки твій,
 І, в шкіру нігтями вчепившись,
 Йому муркочеш кошелям,
 Аби нікуди не подівся,
 Та на якусь не проміняв...
 Хай вас ніщо не охолодить,
 Щоб жоден так і не уздрів,
 Як то на схилі дня заходить
 Те сонце сильних почуттів!

ВЕДМІДЬ-ГОРА І КО

Хоч не злічити тих світлин,
 Де п'є Ведмідь морську водичку —
 Та в Кримських горах ще тварин
 Фантазії шукати личить!
 Над Судаком стрімчак гори
 Долає досі Жаба вперта,
 А Крокодил на сонці млів,
 Понад Індолом розпростертий
 Коли їй лащитись не час,
 То нашорошить вуха Кішка,
 В горбах неторканий запас
 Старий Верблюд тримає нишком
 Вгніздився Сокіл в Новий Світ,
 Курчатка в Сонячній Долині —
 Увічнить звірину як слід
 Повчають гори без упину!

ЛЕБЕДИНІ ОСТРОВИ

Із тисяч лебедів балет —
А режисер якийсь відсутній,
Танок не передасть поет —
Який не був би всемогутній!
Ніби на конкурсі краси
Пливуть лебідки біломрійно,
А різномовних голосів
Спів то різкий, то мелодійний!
На Лебединих островах
Калейдоскопом небо вкриє,
І в тріпотливих берегах
Птахам притомленим надія:
Зів'єш гніздо, як уві сні,
І пташенятам ситно доки
Є на прогрітій мілині
Корм Каркінітської затоки!

* * *

Від Сарича до Перекопу, від Тарханкуту до Керчі —
В дорогу заклика робота, ще прийде час, щоб відпочить!
А от поки непосидючий, то всотуй враження від див,
Які вкарбовуються дужче, коли помацать їх зумів!
Лише тоді утямиш, друже: «На Крим не вистача життя!»
Час не втрачай — не надолужиш, щоб все пізнати до пуття!

ДОЛИНА ПРИВИДІВ

Я не пішов через село, де зсуви дзьобали дорогу —
Чомусь от знизу понесло, і вже втомився до знемоги,
Та підбадьорився, коли під ноги привидам зіп'явся,
Хмаринки поміж них пливли — це хтось у піжмурки загрався!
Колон нахнюплених юрба — мов перенесена із казки,
Як часто вітер тут стьобав облич таємних сірі маски
Додряпавсь!
Сперлася спина на наждака гігантську шкірку,
Як відпочив, то путь одна — на витривалість перевірка!
Бо, озирнувшись, порадій: ставок далеко мружить око,
Підйому там початок твій! Не скигли: «Вище вже ні кроку!»
На тім'я диву хтось заліз, вважав — сумирне і не скине,
А я вже погляд свій підніс до силуету Катерини!
Її потилиці торкнувся, а далі досить, не посунусь —
Де скель наверхав землетрус якраз на поселенців Фуни!

ВІРА КИРИЧЕНКО
(м. Ялта)

Народилася в м. Ічня Чернігівської області 18 жовтня 1941 року в сім'ї робітника заводу. Освіта — середня спеціальна. Працювала в сфері торгівлі громадського харчування. Вірші пише з 1996 року. Проживає в м. Ялта, Крим. Лауреат Міжнародних поетичних фестивалів — «Чеховская осень», Ялта (2010). «Пристань менестрелів», Балаклава (2012), ЯЛОС, Ялта (2015). Лауреат літературної премії ім. Василя Чумака, Україна. Член Співки письменників Республіки Крим, автор проекту альманаху «Планета друзей». Лауреат II Міжнародного літературно-музичного фестивалю «Інтелігентний сезон-2016»..

ЗЛИВА

Потоки, прорізавши землю,
Стрімголов неслись до ріки,
Зірвали дерев'яну греблю
І розтрощили на шматки.

А дощ все лив оскаженіло,
Квітучі нівечив сади,
Городину всю затопило.
Такої натворив біди!

До того ж вмить піднявся вітер,
Дахи безжалісно зривав.
Народ згадав про Божу Матір,
Молився й захисту прохав.

І ось став вітер ущухати.
Вже дощ не лив, як із відра.
Обшарпані стояли хати.
Людей з'єднала ця біда.

РЕКВІЕМ ПО БРАТАМ

Прощай. Тебе найбільш любила.
Найменшим ти зростав у нас.
Та доля так розподілила,
Щоб поховала я всіх вас.

Сашко, Микола, Валік, Толік —
Такі звичайні імена,
Та не зникають в серці болі,
Немов би в тім моя вина.

Одна нас мама породила,
Та доля в кожного своя.
Хоча вона нас всіх любила,
Та жити залишилась я.

Немов би вам хто планував —
На самоті зустріти спокій.
Ніхто вам очі не закрив,
Ніхто не чув останній подих.

І ви пішли у небуття,
Мов з журавлями відлетіли,
Свою енергію життя
Мені на роки залишили.

І тим сказали: «Зупинись!
Куди летиш? Не терпиться?
Умій цінити кожна мить,
Яка вже не повернеться».

Та, мабуть я така вродилась,
І так підказує інстинкт —
Віддать борги не забаритись,
Щоб дітям їх не залишить.

М. В. Гоголю

Микола Гоголь, дорогий земляче!
В квітучій Україні народився.
Ти змалку бачив, як селянство плаче,
Та як над кріпаком той пан глумився.

Вивчаючи традиції народу,
Життя людське у радості та горі,
Одержавши освіту, мав нагоду
Все це відобразити в своїх творах.

Донині твої твори актуальні,
В цей новий час технічного прогресу
Ще й досі проживає Тяпкін-Ляпкін —
Хабарник той з судового процесу.

Сквознік-Дмухановський — злодій, донині
Живе ще й процвітає. Та я знаю —
Набридне все це тій простій людині,
Яку обдурюють, а також зневажають.

Той час настав, щоб людям схаменутись
Та прочитати Гоголя творіння.
При владі казнокрадства щоб позбутись —
То ваша справа, Нове Покоління!

НАЙБІЛЬШЕ ЩАСТЯ

Навколо світ таким жорстоким став
І в старості чекає нас самотність,
Та думаю, що час мій вже настав,
Щоб я не думала про безтурботність.

Найбільше щастя в тім, що я живу,
Що можу щастя друзям дарувати.
Від щирих почуттів знов оживуть
Любов і Віра, біди щоб здолати.

Не хочу я, щоб в іншому житті
Душа моя від болю розривалась,
Що залишила друзів в самоті,
В потрібний час про них не піклувалась.

БІЛЬ ЗРАДИ

Мене бентежить почуття
Чи то жалю, чи то тривоги
За тебе, біль мого життя,
Що наші розійшлись дороги.

Так й не навчилась до пуття
Тому, чому навчала мати —
На протязі всього життя
З покірністю всю біль сприймати.

О, мамо! Рідненька моя!
Ціную я твою пораду,
Але на протязі життя
Не можу я сприймати зраду.

Душа від зради так болить,
Нема бажання навіть жити.
Боюсь. Настане така мить —
Не зможу біль ту погасити.

О. мамо! Рідненька моя!
Прислухатись до тебе мушу.
Порада давня та твоя
Спасе мене і мою душу.

**РАЇСА ЦАРЬОВА-
ФОРОСТ**
(м. Сімферополь)

Царьова-Форост Раїса Леонідівна (Форост — літературний псевдонім) народилася 16 червня 1949 р. в місті Курахово Донецької області. Проживала з сім'єю в м. Прип'яті, працювала на ЧАЕС квіткарем, була евакуйована в м. Керч, сьогодні мешкає в м. Сімферополь Республіки Крим. Член Співки російських, українських і білоруських письменників АР Крим, Міжнародної спілки письменницьких спілок (Росія) і Клубу дитячих письменників КРУ «Дитяча бібліотека ім. В. Н. Орлова».

Раїса Царьова-Форост пише двома мовами: українською та російською. Публікується в альманахах, журналах та газетах. Авторка чотирьох дитячих книжок: «Шипляча праска» (2009), «У лікаря» (2011), «Горобець-бешкетник» (2011), «Данилко в зоопарку» (2013). Лауреат багатьох міжнародних конкурсів та фестивалів.

Переможець 1-го і 2-го туру Міжнародного поетичного конкурсу «Чатує в століттях Чернеча гора» до 200-ліття від дня народження Т. Г. Шевченка на кращій поетичний твір. Переможець II Міжнародного фестивалю «Різдвяна зірка» (м. Запоріжжя, 2014). Лауреат II ступеню поетичного конкурсу «Зірка долину» в номінації «Кращий поет» Міжнародного фестивалю пісні «Чорнобильські мотиви» (м. Дніпропетровськ, 2011-2012 рр.). Лауреат Всеросійського літературного конкурсу «Герої Великої Перемоги-2015». Лауреат II Міжнародного літературно-музичного фестивалю «Інтелігентний сезон-2016» в номінації «Поезія» (вірші для дітей).

НЕ СУМУЙ, МОЯ ДІВЧИНО!

Не сумуй, моя дівчино!
Зацвіте в душі калина
Буде листячком шуміти
І з птахами гомоніти.

Грають віти, наче струни,
З неба саява ллється струмись.
Квіти, росами умиті,
На зеленім оксамиті.

Лине пісня водоспадом
Понад гаєм, понад садом —
Для землі і неба втіха.
Збереже нас Бог від лиха!

ДВІ КРИНИЦІ

Ой, у полі дві криниці,
З них нап'юся я водиці.
І печалі вже не буде —
Серце радість не забуде.

Перша та криниця знає,
Що цілющу силу має,
Душу може заспокоїть,
Рани болісні загоїть.

А із другої криниці
Людям понесу водиці.
Річкою нехай проллється —
Та краплина, що дається.

Про криниці всі узнають,
Ці місця запам'ятають,
Щоб приходити вклонитись,
Щиро Богу помолитись.

КІТ-ЗАМАЗУРА

Мурчик з вулиці прийшов,
Лапи мити не пішов.
Вліз на ліжко і дрімає,
Спить собі, відпочиває.

Лапи звисли, всі брудні.
У грязюці — ой, смішні!
А водичка задзюрчала
І обурено сказала:

«Замазур я не люблю,
Всіх умию, обіллю!
Треба лапи мити-мити!
Як приємно чистим жити!

«Буль-буль-буль», — вода дзюркоче,
Кіт у відповідь муркоче.
Гарно стало Котику,
Чистому Муркотику.

ЗАБЛУДИВСЯ ГОРОБЕЦЬ

Вже збирався Заєць спати,
Час настав відпочивати.
Хоч давно зайшло вже сонце,
Та хтось стука у віконце?

Горобець сидить і плаче:
— Чи не пустиш в хату, Зайче?
Чорний Кіт за мною гнався,
І його я так злякався!

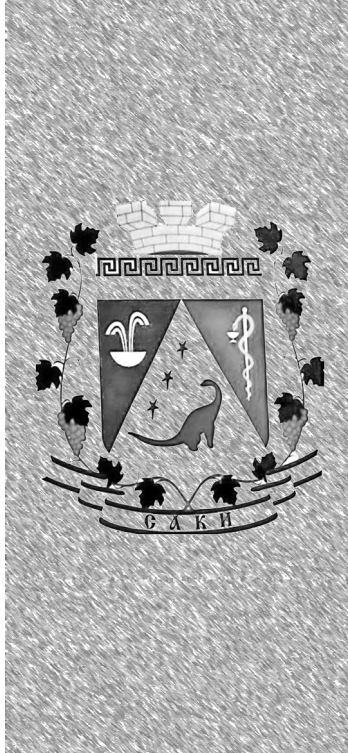
Полетів і заблудився...
Зголоднів та натомився...
— Молодець, що утікаєш!
А живеш ти де — не знаєш?

Весь тремтиш, як Мишенятко,
Зовсім ти іще малятко.
Разом легше нам згадати,
Як домівку відшукати.

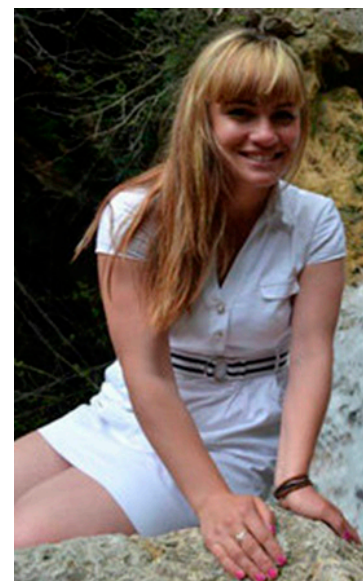
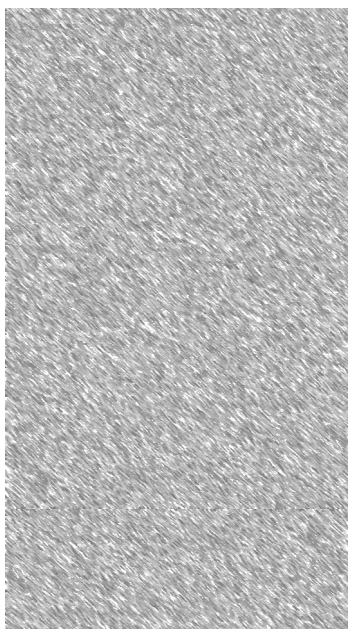
Відведу тебе додому —
Хай батьки ведуть розмову.

МАТУСИНА КОЛИСКОВА

Мати колискову
заспівала,
Щоб дитинка
солоденько спала.
Казки уві сні
хай прилітають,
Кольоровим сяйвом їй заграють!

КРЫМСКОТАТАРСКИЕ АВТОРИ

**АЛИЕ
КЕНЖАЛИЕВА**
(г. Алушта,
с. Солнечногорское)

Алие Кенжалиева родилась 2 мая 1986 года в Узбекистане. В детстве с родителями переехала жить в Крым. Образование филологическое, работала учителем русского языка и литературы. Сейчас работает заведующей Солнечногорской библиотекой города Алушты. Стихи пишет с 13 лет. Публиковалась в периодических изданиях. Пишет на русском и крымскотатарском языках. Член Союза писателей Республики Крым.

ФУРТУНА

Денъизнинъ далгъасы тап айгъа ете.
Адыны айтып, юрегим бите.
Ай толу бугунъ, далгъалар юксек,
Севгиден, севгиден тарсыкъа юрек.

Айнынъ ярыгъы бетинъе ята,
Дюнъяда энъ гузель, энъ сакълы адам.
Янынъда дженнет, олмасанъ — олем.
Шиирлер къутара, дефтернен къалем.

Ель алып ташлай денъизнинъ сувны,
Олмасанъ — олем, язып аданы.
Бир йипнен санки экимиз багълы,
Ай тюшсе ерге, севеджем сени.
Джанымнынъ чырагъы
(духовная поэзия)
Джанымнынъ чырагъы, сонме.
Ельлер урса, ягъмурлар ягъса,
Севгилим къара юрекнен бакъса.
Алланынъ ады — джанымнынъ чырагъы.

Ёлларым битсе, чечеклер солса,
Козлерим сонып, козьяшлар толса.
Джанымнынъ чырагъы, сонме.
Яманлыкъ башима, деп, конъме.

Къартлыгъым кельсе, достларым кетсе,
Нефесим битсе, омюрим битсе,
Джанымнынъ чырагъы сонмез!
Не керек джаныма нефес?
Алланынъ ады — джанымнынъ чырагъы.

АНА ТИЛИ

Ана тилинде лаф эт,
Балам! Тильни бильмек исте.
Эр бир адам эткен ниет
Халкъымызгъа хаят бере.
Балам! Башкъа тильге кетме,
Ят тарафкъа баш бурма.
Тамырларда сув биткен —
Тамырсыз терек турмай.
Балам! Озь тилинде лаф эт,
Кучлю олсун терек – миллет!

КЪЫРЫМ КЪЫЗЫ

Къырым къызы олсанъ — юрегинъ денъиз,
Козълеринъ ешилъ.
Табиатынъ ава киби денъишилъ.
Тербиенъ юксек, акъылынъ етер
Анъламакъ, яшайыш олды бетерден бетер.
Ах, меним Къырымым, агъырта юрегим,
Мен сени къутармасам, къутарыр энди ким?
Къырым къызы олсанъ — элинъе бир къылыч,
Тураджан къырнынъ устюнде,
Юкъла, ерим, тынч.
Къаргъалар уча, санки Ватаным оларгъа да бир.
Къырым къызы олсанъ, омюринъ де агъырдан агъыр.

**АБЛЯЗИЗ
ВЕЛИЕВ**
(г. Симферополь)

Аблязиз Велиев 1939 сенеси октябрь 25-те Судакъ районунынъ Къоз ко-юнде догъды. Беш яшында экенде, халкъымызнен берабер, сюргюн-ликке огъратылды. О вакъытта ба-басы дженкте офицер эди. Андан къайтып кельмеди.

Аблязиз Велиев 1957 сенеси Са-маркъанд виляетининъ Къарадарья (Каттакъургъан) районуна орта мектепни битирди. Талелелик йыл-ларында район, виляет газеталары-на хаберлер, макъалелер язды. О йылларда чыкъып тургъан «Ленин байрагъы» газетасынынъ бир саны-ны къалдырмай окъуды, ана тили-мизни огренди. 1958 сенеси Таш-кентке кельди, трамвай-троллейбус трестине ишке кирди, сонъра арбий хызметке чъагъырылды. Андан къ-айтып кельген сонъ, Ташкент дев-лет университетининъ журналисти-ка факультетине окъумагъа кирди ве айны вакъытта Ташкент токъ-умаджылыкъ комбинатында уста ярдымджысы оларакъ чалышып башлады. 1962 сенеси онъы комби-натта чыкъкъан «Токъумаджылар овозы» («Токъумаджылар давушы») чокънусхалы газетасына ишке авуштырдылар. Анда эдебий хадим, болюк мудири, месуль кяттип вазифелеринде чалышты.

1968 сенеси «Ленин байрагъы» газе-тасына ишке авуштырылды. Месуль кяттип олып чалышты. Айны шу йылы университете окъувыны би-

тирди. Белли бир вакъыт «Йылдыз» мед-жмуасынынъ месуль кяттиби вазифесинде чалышты. 1987–2008 сенелери «Янъы дю-нья» (эвельки «Ленин байрагъы») газета-сы муаррирининъ муавини вазифесинде ишледи.

1976 сенеси Аблязиз Велиев Рефат Ахте-мовнен берабер «Ахмет ахай» лятифелер китабыны нешир эттирди. Бундан сонъ онынъ китаплары арды – сыра дюнья юзю корип башладылар. «Байракъкъа тамгъ-ан козьяшлар» (1980), «Бахт йылдызы» (1984), «Ираде» (1987) весикъалы повесть ве очерклер джыйынтыкълары чыкъты. Эдипнинъ «Олюмнен юзь-юзьге» весикъ-алы повести «Йылдыз» меджмуасында (1995, №4) басылды. О «Эбедийликке дёнген саниелер» весикъалы повестини неширге азырлады.

1988 сенеси Аблязиз Велиев Шевкет Аса-новнен берабер «Тапмаджалар» кита-быны, 1990 сенеси «Акъыллы кирпичен айнеджи тильки» масаллар джыйынтыгъ-ыны тертип этип бастырды. 1991 сенеси Ташкентте «Русча-къырымтатарджа сёй-лешюв китабы»ны ве 1995 сенеси Киев-де «Русча-къырымтатарджа-украиндже сёйлешюв китабы»ны нешир эттирди. Сонъки бу китап 2001 ве 2007 сенелери Акъмесджитте текрар чыкъты.

Аблязиз Велиев айны заманда назм эсер-лер язув ве терджиме ишлеринен де се-мерели огъраша. Онынъ шириеттеки истидаты эсасен йырлырда корюнди. Композиторлардан Мемет Арсланов, Февзи Алиев, Эдип Асанов, Сервер Ка-кура ве дигерлери шаирнинъ

сёзлерине йырлар яздылар. 1987 сенеси «Мелодия» фирмасы Аблязиз Велиев ве Эдип Асановнынъ «Унутма мени» пластинкасыны чыкъарды.

Къырымгъа къайтып кельген сонъ Аблязиз Велиевнинъ яратыджылыкъ фаалиети даа да гурьделенди. О, Къырым радиосында афталыкъ «Сабалар хайыр» шакъа-къораталы эшиттиривине темель къойдыве секиз йыл девамьнда оны алып бара.

1997 сенеси Аблязиз Велиевнинъ «Мелек копюри» шиирлер джыйынтыгы, учъ лятифелер китабы дердж олунды.

2004 сенеси А. Велиевнинъ «Фашизм махбюслери», 2005 с. «Къараманлар ольмейлер», 2007 с. Бестекяр С. Какуранен бирликте «Къырымтатар муаджир тюркюлер» китаплары чыкъты.

2007 сенеси Бакуда шаирнинъ «Гетмейин къушлар Ватандан» ады иле Азербайджан тилинде шиирлер китабы дердж олунды.

Аблязиз Велиев Украина миллий языджылар ве журналистлер бирликлерининъ ве къырымтатар языджылары бирлигининъ азасы, Къырым эдебият академиясынынъ академиги, Б. Чобан-заде адына мукафатнынъ лауреаты (2007).

А. Велиевнинъ эсерлери ашагъыдаки тахаллюсларынен нешир олунды: А. Мустафаев, В. Усеинов, Аджи Асанов, В. Рустемов, А. Къозлы, А. Азиз, А. Дженакъайлы.

ЭБЕДИЙ

Къальбимнинъ тёрюне сакъладым сени,
назарлы козьлерден къорчалайым деп.
Айт манъа, айт манъа, гизлейсинъ нени?
Къаршылыкъ беклейим, беклейим мен эп.

Ич бир шей сёйлеме, тек бакъ маналы,
анъларым козьлеринъ сёйлер сырынъы.
Маналы бакъышнынъ санки джан алыр,
санъа багъышлайым гонъюль йырымы.

Омюр не- бир анъдир, кечер, дуймазсынъ,
яшлыкъ ве гузеллик дегиль эбедий.
Севилип яшасанъ янып куймезсинъ,
севги эбедийдир, эбедий, эбедий.

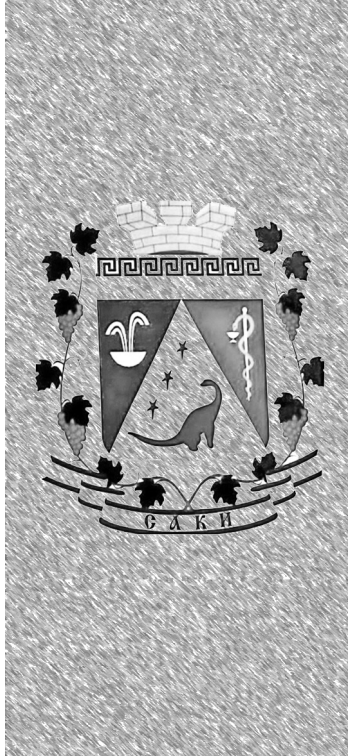
ПЕРЕВОД

Я твой образ храню в глубине души,
чтоб тебя убережешь от недобрых глаз.
Что на сердце твоём, я прошу, скажи,
но не нужно пустых и затёртых фраз.

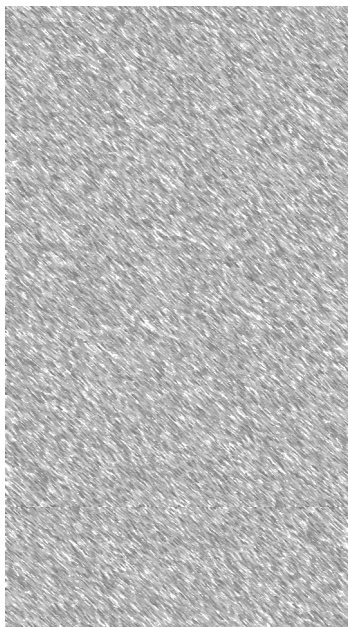
Лучше просто взгляну я в глаза твои,
и расскажут они всё без лишних слов.
Знаю, счастье, мой друг, нелегко таить,
знаю, сердце поёт, если в нём любовь.

Наша жизнь словно миг, пролетит стрелой,
молодость, красота скроются во мгле,
лишь любовь дарит нам вечное тепло,
лишь любовь будет жить вечно на Земле...

(Перевод О. Голубевой)

ПЕРЕВОДЫ

НИНА ВОЛКОВА
(г. Горловка, ДНР)

Перевод с украинского языка на русский

ЛЕОНІД ТАЛАЛАЙ

ВІДДАЛЬ

Між нами тумани плинуть,
Між нами вечірня пітьма,
Між нами, кохана, долини,
Де жодної квітки нема.

І висохла в полі криниця,
І губи пошерхли мої.
Між нами дерева без листя,
У кронах німі солов'ї.

Між нами тривожні обіди,
Між нами стежки і хрести,
Між нами така уже віддаль,
Яку одному не пройти.

РАССТОЯНИЕ

Меж нами плывут туманы,
И сумрак вечерний гнетёт,
Меж мной и любимой — поляны,
Где даже цветок не растёт.

И высохла в поле криница,
Обветрились губы мои,
И осень на кронах гнездится,
И немые в ветвях соловьи.

Меж нами обиды, тревога.
Тропинки, кресты на пути,
Меж нами такая дорога!
Её одному не пройти.

ПРИМОРОЗОК

І пожовтіли, і пожухли,
І позгорталися листки,
Де одігралися у жмурки
І відлежались огірки.

І стало тихо, зовсім тихо,
І стежка стоптана сира.
Капуста приморозком диха —
Аж серце в грудях замира.

ПІСНЯ СЕРЕД ЛАНУ

О як співала,
Як співала.
Твій голос трепетно бринів,
А пісню слухали,
Не зали —
Світанки зраних ланів.
А ми тримались за спідницю,
Такі беззахисні, малі,
Коли тобі,
Неначе птиці,
Ставало тісно на землі:
Важку росу ронили віти.
Жінки сиділи на траві.
В тяжких снопах мовчало літо,
Війна — в порожнім рукаві.
Піднялись піснею
Над світом
У тебе вистачило б сил,
Та серед скошеного жита
Не підняла
Тремтячих
Крил.

ЗАМОРОЗОК

Пожухли, пожелтели грядки.
Листки скрутились в голубці.
Уже там отыгрались в прятки
И отлежались огурцы.

И стало тихо, шум не слышен,
Тропинка стоптана сырая.
Капуста заморозком дышит —
Аж сердце тихо замирает.

ПЕСНЯ СРЕДИ ПОЛЯ

О, как ты пела,
Как ты пела!
Так трепетно, как соловей.
Не в залы песня та летела —
В рассветы раненых полей.
Мы, беззащитные малютки,
Держались крепко за подол,
Когда тебе,
Как дикой утке,
Вдруг становился тесным дол.
В росе купался лучик света,
Сидели женщины в траве,
В снопах уже молчало лето.
Война — в порожнем рукаве.
Поднялась песнею,
Как птице,
Всевышний путь тебе открыл,
Но среди скошенной пшеницы
Не подняла
Дрожащих
Крыл.

* * *

Вчорашній сон діброві сниться,
Темніють шрами на корі.
В осінніх травах жовте листя,
Червона хмара від зорі.

Неначе літо ходить поряд,
Неначе в літі я живу,
Та що не стежка — то у спогад,
Та що не жолудь — у траву.

Ідесь попереду зима,
І та хвилинка неминуха,
А щось минулось і — нема,
А щось на дні сирії кручі.

А щось тривожить, і щемить.
І не дає сидіти в хаті,
А щось покличе запалить
В осінній темряві багаття.

З душу збуджують мою
Тривожні пахощі осінні.
Світліше в серці і в гаю,
І більше світа у хвилині.

Лягає втомлена трава,
Тумани котяться до міста,
Та вищі стали дерева,
І підросли у небо гнізда.

* * *

Вчерашний сон дубраве снится,
Темнеют шрамы на коре,
И листья в травах, словно птицы,
Багрянец в тучах на заре.

Как будто лето рядом ходит,
Как будто в лете я живу,
По каждой тропке память бродит,
И что ни жёлудь — то в траву.

И неминуема минута,
И впереди уже зима,
И что-то кануло, как будто,
Как в пропасть, где не видно дна.

Прошита грусть моя тревогой
И не даёт уже прилечь,
Присела осень у порога,
Зовёт костёр ночной разжечь.

И запах осени тревожит,
Покою не даёт душе.
Светлей в бору, на сердце — тоже,
Минута всё светлей уже.

Ползут туманы в город, тают,
Лежит усталая трава,
И гнёзда в небо подрастают,
И выше стали дерева.

АНДРЕЙ ГАЛАМАГА
(г. Москва)

Родился в 1958 году в городе Воркута. Детство провёл в Киеве. По окончании школы поступил в Московский физико-технический институт (диплом получил в 1982-м). В 1984-м поступил в Литературный институт имени А. М. Горького (поэтический семинар Эдуарда Балашова; окончил в 1993-м). Первая публикация — в 1983-м. Автор пяти книг стихотворений («Из книги стихотворений», 1991; «Русские ночи», 1992; «Формула странника», 2002; «Кареглазый ангел», 2007; «В трёх часах от Гринвича к востоку», 2010), нескольких пьес, киносценариев, песен для кинофильмов. Член Союза писателей России. Дважды лауреат международного фестиваля «Пушкин в Британии» (2007, 2012). Лауреат литературного фестиваля «Русские мифы» (Черногория, 2013). Обладатель Гран-при I Международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон» в г. Саки (Крым, 2015). Лауреат первой степени II Международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон-2016» в номинации «Поэтический перевод. Духовная лирика»

ВАСИЛЬ ОСАДЧИЙ

ВІРМЕНСЬКА ВУЛИЦЯ

Тісне кафе. У непогідь імлаву
Ти замовляєш по-турецьки каву
На цій вузькій вуличці у Львові.
Ти знов ідеш повз арки ажурові

В осоння синіх бруків і журби.
Повз левів, що лежать немов герби
У древнім місті славного Данила.
Пора вечірня дощ позолотила,

Із кухля сонця сяйво розлила.
Душа твоя — з осіннього тепла,
Сухий листок у кучерях туману
Над плитами Франко і Маркіяну;

Листок, що на трамвайному вікні,
В якому кружеляєш день по дні.
Виходиш і ідеш собі помалу
Туди, де дзвін коштовного металу,
Де вірменин кує через дорогу
Гарячий німб загубленому Богу.

ВАСИЛЬ ОСАДЧИЙ

АРМЯНСКАЯ УЛИЦА

Скрываешься в кафе. Под ветер резкий
Заказываешь кофе по-турецки
На этой узкой улочке во Львове.

Идешь вдоль арок. Путь тебе не внове
В печаль и дрему серых мостовых.
Идешь вдоль львов, суровых часовых,
Что охраняют древний град Данила.

Уже закатом дождь позолотило,
Сиянье чаша солнца разлила.
Душа твоя — из осени тепла,
Сухой листок в объятиях тумана
Над плитами Франко и Маркияна;

Листок, что на окне трамвая. В нём
По городу ты кружишь день за днём.
Выходишь и бредёшь меж лип осенних
Туда, где звон металлов драгоценных,
Где армянин кует через дорогу
Горячий нимб утерянному Богу.

Перевод Андрея Галамаги

ОЛЬГА ПРИЛУЦКАЯ
(г. Ростов-на-Дону)

Писатель, переводчик, член Европейского конгресса литераторов, Союза переводчиков России, член-корреспондент Крымской литературной академии, редактор издательства «ДОЛЯ» и одноимённого журнала, член Международной ассоциации любителей поэзии Леонида Вышеславского, автор пяти изданных книг, публикаций в различных альманахах, газетах и журналах, лауреат нескольких международных конкурсов, Международной литературной премии имени Юрия Каплана. Награждена серебряной медалью фестиваля «ЛиФФт».

Лауреат первой степени II Международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон-2016» в номинации «Поэтический перевод. Любовная лирика».

ВОЛОДИМИР СОСЮРА

* * *

Вірі Б(ерзіній)

Так ніхто не кохав. Через тисячі літ
лиш приходить подібне кохання.
В день такий розцвітає весна на землі
і земля убирається зрання...

Дише тихо і легко в синяву вона,
простягає до зір свої руки...
В день такий на землі розцвітає весна
і тремтить од солодкої муки...

В'яне серце моє од щасливих очей,
що горять в тумані наді мною...
Розливається кров і по жилах тече,
ніби пахне вона лободою...

Гей ви, зорі ясні!.. тихий місяцю мій...
Де ви бачили більше кохання?..
Я для неї зірву Оріон золотий,
я — поет робітничої рані...

Так ніхто не кохав. Через тисячі літ
лиш приходить подібне кохання.
В день такий розцвітає весна на землі
і земля убирається зрання...

Дише тихо і легко в синяву вона,
простягає до зір свої руки...
В день такий на землі розцвітає весна
і тремтить од солодкої муки...

ВЛАДИМИР СОСЮРА

* * *

Вере Б(ерзиной)

Так никто не любил. И на тысячи лет
раз бывает подобное счастье.
В день такой расцветает весна на земле,
и меняет с утра её платье...

Дышит тихо, легко в поднебесье она,
простирая до звёзд свои руки.
Этим утром на землю приходит весна
и дрожит вся от сладостной муки.

Млеет сердце моё от счастливейших глаз,
что в тумане горят надо мною.
Кровь по венам течёт, и, похоже, сейчас
Тонко пахнет она лебедою.

Эй вы, звёзды мои! Ясный месяц ты мой!
Есть ли чувства сильнее? В чьём оконце?
Для неё я сорву Орион молодой,
я — поэт восходящего солнца.

Так никто не любил. И на тысячи лет
раз бывает такое же счастье.
Этим утром весна расцветёт на земле,
нарядив её в новое платье...

Дышит тихо, легко в поднебесье она,
к звёздам тянет любви своей руки.
В день такой на земле расцветает весна
и дрожит вся от сладостной муки.

Перевод Ольги Прилуцкой

ЮЛДУЗ
(г. Симферополь)

Рябчикова Венера Эргашевна (литературный псевдоним — Юлдуз) родилась в 1956 году. По профессии — учитель. Автор книги «Серебряная соседка». Член Союза писателей Республики Крым. Живет в Симферополе.

*Перевод с крымскотатарского
на русский*

ЮНУС КАНДЫМ

КРЫЛАТЫЕ ЛОШАДИ

С Чатыр-Дага, подобно Пегасам, примчали ветра,
Мои волосы, мысли и песни взъерошили.
Разбудили просторы и окрестные горы
Норовистые эти крылатые лошади.

Мне путь преградила махина Ай-Петри.
— Стойте, — сказала, — нет смысла вам мчаться.
Я понимаю, зачем так торопятся ветры —
До заглохших полей и лугов докричаться.

Знаю: надо зарыть мертвеца до заката,
Знаю: раны — любому лекарству эксперты.
Знаю: волны путь держат на берег покатый,
Знаю я: не подкованы лошади-ветры.

Сойдите, присядьте со мною рядом.
Родник мой вы помните? Он высох и угас.
Молча поклоняюсь,
чтоб клятва водопадом
Сквозь щели водопоя не выплеснулась враз.

1991

* * *

Мы знаем всё. Но дух наш снова
Стремится к отдалённым тайнам,
На «ты» он к звёздам обращается,
Говорит на языке астральном.

И ответ слетает с алых уст
С тайною, скрытой во фразе...
Послушайте, покуда Азраил
Не порвал нам струны саза.

1986

* * *

С последним вздохом человек
Сомкнул навек глаза.
Застыли скорбно на губах
Слова, которые не сказал.

Он молодым ушёл, а мог бы
На пик поэзии подняться.
Он так любил людей и жизнь,
Румяным солнцем любоваться.

Мы, плача, говорим о нём,
Ведь завтра нам придёт черёд —
Не досказав, глаза закроем.
Но в голове у нас иное:

Сегодня все венки — ему,
И слёзы горькие, и в горле ком
Рыданий, вопли плакальщиц.
Все красные слова — о нём.

Не слышал в жизни он от нас
Ни одобрений, ни похвал.
Может, и смолкла его свирель
Потому, что он ждать их устал.

БОЙТЕСЬ!

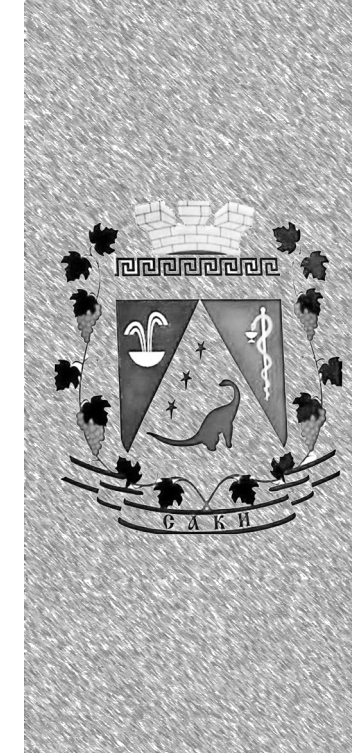
Глаз, окривевших от лжи,
Слов, как тупые ножи,
Тех, кто горазд услужить,
Грязью, смеясь, обложить,
Бойтесь!

Сердца, твёрже, чем камень,
Шёлка, который ранит,
Псов, какие не лают,
Неба, коль в нём не летают,
Бойтесь!

Ослов с лошадьми в табуне,
Ватных зубьев в бороне
И сита с дыркой одной,
И пророка в стране родной
Бойтесь!

1990

Перевод Юлдуз

ПУБЛИ- ЦИСТИКА

ЕЛЕНА ГАЛИЦКИХ
(г. Киров)

Галицких Елена Олеговна — доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой русской и зарубежной литературы Вятского государственного университета. Заслуженный учитель РФ. Награждена Почетной грамотой Российского фонда культуры, медалью «За укрепление авторитета российской науки», дипломом первой степени конкурса научных и научно-учебных изданий историко-педагогического профиля за учебник «Профессия — учитель», дипломом лауреата конкурса «Педагогические инновации-2005» за методическое пособие «Мастерские ценностных ориентаций для педагогов и школьников. От сердца к сердцу». Лауреат Всероссийского конкурса на лучшую научную книгу. Действительный член Петровской академии наук и искусств. Член жюри литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон -2016».

ЛИТЕРАТУРНО-МУЗЫКАЛЬНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ «ИНТЕЛЛИГЕНТНЫЙ СЕЗОН» КАК СОБЫТИЕ

*Воюет с извечной дурью,
для подвига рождена,
отечественная литература —
отечественная война.*

*Какое призвание лестное
служить ей, отдавши честь:
«Есть русская интеллигенция!
Есть!»*

Е. Евтушенко

Название литературно-музыкального фестиваля в городе Саки доказывает, что поэзия, литература даже в сложных политических ситуациях играет соединительную роль, не разобщает, а определяет понимание главного: служение, а не повинность, содружество, а не соперничество лежат в основе организации фестиваля, жизни современной литературы, которая стремится «и в просвещении стать с веком наравне» (А. С. Пушкин).

Можно сказать, что фестиваль «Интеллигентный сезон» одарил всех участников: тех, кто видел и готовил его содержание; тех, кто «слушал и верил в добро»; и тех, кто рассказал о фестивале в его альманахе, — **радостью встречи, творческим вдохновением и праздничным призом (чтоб никто не ушёл обиженным) — альманахом «Интеллигентный сезон -2015».**

У фестиваля несколько важных и необходимых этапов, именно их сочетание превращает фестиваль из мероприятия в **событие культурной жизни Крыма и других регионов России, формирует традицию.** Обозначим эти этапы: **первый**, самый длительный и трудоёмкий, — подготовительный период, в котором собираются тексты, средства и замыслы, решаются организационные вопросы. **Второй этап** — проживание фестивальных дней, которые становятся встречами, выступлениями, праздником литературы трёх языков и украшают культурную жизнь города Саки и Крыма. **И этап последствий**, который имеет результат всероссийского

масштаба — это издание Альманаха «Интеллигентный сезон-2015» как кладовой лучших литературно-художественных достижений фестиваля. Мне хочется остановиться именно на этом итоге, потому что он определяет результат творческой деятельности администрации г. Саки, оргкомитета, редакторов и издательства и знакомит читателей всей России и зарубежных стран с новыми авторами: писателями, поэтами, литературоведами, критиками, журналистами.

Валерий Басыров как автор проекта и Вячеслав Килеса в качестве автора-составителя постарались издать Альманах профессионально, красиво, празднично. Содержание альманаха определило его востребованность широким кругом читателей разных регионов большой страны и сделало его культурным артефактом прошлого года. Важно учесть, что именно книге доступны все **пять языков общения с читателями**: первый язык — это язык слов, добрых и трогательных текстов. К юным читателям обращено стихотворение поэта Юрия Полякова «Молитва», оно открыто сердцам бабушек и внуков любого возраста и вероисповедания:

МОЛИТВА

Вечер.	И от бед охрани».
Иконка.	Теплится свет
Лампадка мерцает.	Под иконкой в лампадке,
Бабушка шепчет —	Я повторяю
Молитву читает,	Молитву украдкой
Слышу я:	Тихо за бабушкой —
«Господи,	Снова и снова —
В трудные дни	С верой в простое
Нас не покинь	И доброе
	Слово.

Юрий Поляков сохраняет в своей творческой палитре нежный юмор и веселье, способность передать детское мироощущение деликатно и трогательно:

ЦАРЕВНА-ЛЯГУШКА

У Ленки —	Под кроватью живёт!
Щенок,	Её окружаю
Хомячок —	Заботой безмерной,
У Андрюшки.	И, честно признаюсь,
У Ваньки —	Никак не дождусь,
Ушастый египетский кот.	Когда превратится лягушка
А я обзавёлся недавно	В Царевну...
Лягушкой!	И я на Царевне-Лягушке
Она у меня	Женюсь!

Язык поступков требует от читателя активности, потому что Альманах нужно найти, купить и прочитать, поставить его на свою книжную полку. Рассказ Вячеслава Килесы «Кукушонок» исключительно точно раскрывает цену поступку как оценке характера человека, его глубины и нравственности. Супруги Иван и Валентина Бегуновы вырастили осиротевшую племянницу Светку, которая внесла в семью разрушающую неблагодарность, нравственную неряшливость, душевную нечистоплотность холодно и расчетливо. Художественно зорко и смело автор ставит перед читателем вопросы: «Правда ли, что добрые дела наказуемы?» Почему так случилось? Кто виноват? И почему за каждый свой поступок человек платит своей совестью? Кто определяет выбор между добром и злом? Что стало причиной разрухи семейного благополучия? Автор всей художественной силой своего повествования и драматизмом сюжета раскрывает последствия случившегося, заставляет читателя пережить судьбы героев и открыть «тайну» чтения, которая кроется в сопереживании, в дополнении прочитанного своими мыслями, своим душевным и жизненным опытом, в этом трудном преодолении «пустоты» (М. Кучерская).

Язык времени говорит с читателем со страниц Альманаха, в нём не только встречаются разные поколения авторов: маститые и молодые, но и разные языки: русский, украинский, крымскотатарский. Чтение альманаха требует резерва времени, выбора своей точки зрения, в нём есть материал для критических замечаний и радостных открытий. Возможность выбора той темы, которая наиболее волнует «здесь и сейчас», делает альманах современным, пространством «литературной учёбы», творческой школы.

Язык прикосновений. Чтение Альманаха украшают запах свежей типографской краски, солидность тома, удобство формата и шрифта, нежность страниц, наличие фотографий. Альманах даёт ощущение дружеского рукопожатия с каждым автором, открывшим читателю страницы своего творчества. Альманах красиво издан, украшен портретами прозаиков и поэтов, оформлен логотипом фестиваля.

И **язык подарков** доступен Альманаху «Интеллигентный сезон-2015», не случайно говорят, что книга — лучший подарок, он даёт перспективу чтения, показывает многообразие талантов, передаётся из рук в руки, «от сердца к сердцу». Неслучайно альманах завершает новаторская статья председателя жюри конкурсной программы фестиваля Лолы Уткирновны Звонаревой, посвящённая творчеству и биографии Александра Грина «Тайнопись прозы Александра Грина и графические поиски художников». Имя Грина соединяет Польшу и Россию, Вятку и Феодосию, молодой и Старый Крым. Он называл чудесами «улыбку, прощение и вовремя сказанное нужное слово». Мы видим, что альманах сохраняет в себе энергетику этих трёх чудес, сделанных руками организаторов, инициативных и неравнодушных руководителей города Саки, всеми участниками литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон». Всероссийской премией Александра Грина награждён председатель Союза писателей Республики Крым и организатор фестиваля Валерий Басыров, он своим проектом воплощает «мечту» Грина, которая «разыскивает путь»:

*Пока Всевышний отпускает нам взаймы
Зарю восхода в продолженье лета, —
Ничто нас на пороге дня и света
Не разлучит, и будем живы мы!*

Фестиваль стал культурным событием истории литературы, а в руках его слушателей и зрителей остался альманах «Интеллигентный сезон-2015», как память об авторах текстов и гостях фестиваля, о гостеприимных жителях курорта Саки, прекрасного летнего Крыма с его «солнечным настроением» и тёплым морем.

ЛОЛА ЗВОНАРЁВА
(г. Москва)

Звонарёва Лола Уткировна — кандидат филологических, доктор исторических наук, секретарь Союза писателей Москвы, член правления Союза художников Подмосквья, зав. кафедрой журналистики Института государственного управления, права и инновационных технологий (ИГУПИТ), главный редактор альманаха «Литературные знакомства», академик Российской академии естественных наук и Петровской академии науки и искусства. Награждена почётной медалью Гданьского университета (Польша) и почётным дипломом Министерства культуры Болгарии. Профессор Института мировых цивилизаций.

ЛИТЕРАТУРНО-МУЗЫКАЛЬНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ «ИНТЕЛЛИГЕНТНЫЙ СЕЗОН» КАК СОБЫТИЕ

*(Зооморфный код в романе «Зияющие высоты»
Александра Зиновьева)*

*«Как животное человек есть возможность
любых качеств...»*

А. Зиновьев «Зияющие высоты» (1, 224)

В социологическом романе выдающегося русского писателя-философа Александра Зиновьева (1922–2006) «Зияющие высоты» сотни раз упоминаются различные животные, в том числе корова (1, 205, 265, 479, 481, 657), овца, норка (1, 125), свинья, коза — «симпатичная скотина», которую завёл штурман эскадрильи (1, 356), волки (1, 370), стадо львов (1, 370), шакалы (1, 370), череп мамонта (1, 370), собака, конь, заяц

с зайчихой (1, 236), крыса, многочисленных насекомых, а из птиц — только куры и петух — «дневальный как петух» (1, 70) и в главе «Дырка в Европу» — куры: «Даже при Великом Царе, когда через границу ездили на волах... с крупным рогатым скотом, свиньями, овцами и курами...» (1, 341). В изображении писателя птицы напрочь лишены какой-либо романтики: «И не даст под утро спать // Птиц крикливых стая» (1, 438).

Зиновьев использует в тексте романа многочисленные поговорки и популярные образные выражения, связанные с животными или насекомыми: «собаку съело» (1, 29), «местные кобели» (1, 91), «хватка волчья» (1, 62), «комар носа не подточил» (1, 87), «развелось как собак нерезаных» (1, 112), «рыбий жир» (1, 127), «бред сивой кобылы» (1, 210), «сразу убивала двух зайцев» (1, 715), «загнанная лошадь» (1, 145), «невнятно что-нибудь мычат» (1, 765), «покажем, где зимуют раки» (1, 385), «работает как вол» (1, 427), «зверские морозы» (430), «зверская жара» (430), «не ваше собачье дело» (1, 437), «вшивый портрет» (1, 105), «завоешь порой // Смертельно раненным зве-е-рем» (1, 444), «по-звериному завывать» (1, 537), «в соавторстве с зубром» (1, 541), «увеличить свинство» (1, 481), «Мудурак раньше среди свиней разводил философию, а теперь среди философов разводит свинство» (1, 562), «кратковременная вспышка озверения» (1, 621).

Изредка у Зиновьева животное (крыса, павиан, собака) или насекомое (вши, муравьи) становятся героями отдельной главки. Гораздо чаще они появляются в качестве центральных персонажей, помогающих нам лучше понять круг любимых идей писателя. При этом автор нередко подчеркивает генетическую связь героя с его звериным прототипом уже в ироническом прозвище персонажа — таковы встречающиеся в различных главах романа директор Крыса (1, 680, 716), его первый заместитель Вошь (1, 680), псевдоинтеллектуал Мерин, учёный с мировым именем Кис, заведующий страны Хряк, моралист «Серый Волк, нарядившийся Красной Шапочкой» (1, 192), Великий Ветеринар, который «не мог отличить Кабеля от Кобеля, Кобеля от Гоголя» (1, 264), сластолюбивая официантка Жаба (1, 419, 459, 488), а также Интендантская (1, 53) и Тыловая Крысы (1, 85).

Наиболее яркую негативную семантическую окраску несёт у Зиновьева мрачноватый образ крысы, чаще других встречающийся в романе. В обширном тексте «Зияющих высот» с подзаголовком «Крысы» (с разными вариациями) — 13 небольших главок. В тексте повторяются такие выражения, как «крысиные особи», «эксперимент с колонией крыс» (1, 216), «крысиная жизнь» (1, 216), «крысиная социальность» (1, 217), «крысятник» (1, 221), «крысиная душа» (1, 222), «крысиные действия», «скопле-

ния крыс», «группы крыс» (1, 237), «крысы-лидеры» (1, 244), «крысарий» (1, 251, 275), «крысо-монголы» (1, 267, 268), «крысы-эксперты» (1, 273), «крысиная молодёжь» (1, 274), «крыса-избранница» (1, 274), «крысиный рай» (он же — «экспериментальный крысарий» — 1, 332), «крысиные образцы» (1, 332), «деликатес» — «крысиные хвостики» (1, 768), «люди-крысы», «вши-во-крысиный спектакль» (1, 786), упоминается переводная книга «Всё о крысах» (1, 216). Закономерен вывод писателя в финале книги: «Не будет гласности, общество задохнётся... в гигантской крысиной норе» (1, 786).

Как известно, крыса воспринималась древними славянами как нечистое животное и рассматривалась в одном ряду с гадами и прочей поганью. В славянском фольклоре крысы изредка выступали в роли злого, дьявольского духа, нечистой силы, лесного чёрта (согласно кашубской легенде, дьявол сотворил крысу, а Господь Бог снял рукавицу, бросил её, из неё появилась на свет кошка). Аллегорией трусости становится в басне И. А. Крылова «Мышь и крыса» крыса, убеждённая — кошка легко победит льва: «Коль до когтей у них дойдёт, // То, верно, льву не быть живому: // Сильнее кошки зверя нет!» (9, 112). В басне «Совет мышей» появляется образ бесхвостой крысы («Ан, глядь, сидит тут крыса без хвоста» — 9, 168), которую защищает мышь от упрёков окружающих сородичей, считая её «кумой». Зиновьев, рисуя образ крысы, выступает в русле не только отечественной, но и европейской традиции.

Наибольшей популярностью в европейской литературе пользовалось утверждение тайной связи крысы со смертью, нечистой силой и мотив кражи. Генрих Гейне в конце 40-х годов XIX века пишет стихотворение «Бродячие крысы», в котором крысы становятся воплощением антихристианского, бездуховного, антиромантического начала: «Сии радикальные звери — // Безбожники, чуждые вере. // Детей не крестят. Семьи не ища, // Владеют женами все сообща. // Они духовно нищи: // Тело их требует пищи, // И, в поисках пищи влача свои дни, // К бессмертью души равнодушны они». В стихотворении появляется мотив неизбежной кражи, массового ограбления: «Морали и государства оплот, // Священная собственность прахом пойдёт!» Под пером Гейне крысы — выразительная аллегория воинствующего обывателя, презирающего любую культуру: «Голодное брюхо поверить готово // Лишь логике супа и факту жаркого, // Лишь аргументам, что пахнут сатаной, // Да геттингенским колбасоцитатом». (5, 374–375). Гейне противопоставляет утилитарную философию крыс культуре Цицерона и Мирабо («Треска бессловесная в масле горячем, // Нужней таким

радикалам бродячим, // Чем Мирабо, чем любой Цицерон, // Как бы хитро ни витийствовал он»).

Крысы стали главными героями романа «Чума» (1947) Альберта Камю, записавшего в дневнике: «С помощью чумы я хочу передать обстановку удушья, от которой мы страдали, атмосферу опасности и изгнания, в которой мы жили тогда. Одновременно я хочу распространить это толкование на существование в целом» (8, 435). «Огромная крыса с мокрой шерсткой» (8, 89), «десяток дохлых крыс» (8, 89), «крыса, которая корчилась в агонии» (8, 92), «восемь тысяч крысиных трупов» (8, 92) — образ крысы намеренно очеловечивается автором: «Утром в предместьях города их обнаруживали в сточных канавах с венчиком крови на остренькой мордочке — одни раздутые, уже разложившиеся, другие окоченевшие, с ещё воинственно взъерошенными усами» (8, 94–95). Аллегоричность образа крысы в романе «Чума» отмечали многие исследователи: «Чума — философская притча писателя-моралиста со своими источниками «заимательности», своей особой поэзией умственного поиска» (3, 437). Живучесть «крысиного» начала в мире, где голодный обыватель легко оступает в фашизм, подчеркнута Камю в последней фразе, завершающей роман: «Может быть, наступит день, когда, к несчастью людей, чума разбудит крыс и будет посылать их для того, чтобы умереть в счастливой крепости» (8, 431).

Возникают крысы и в песне современника Зиновьева Владимира Высоцкого «Ещё не вечер» (1968): «А крысы — пусть уходят с корабля, — // Они мешают схватке бесшабашной. // И крысы думали: а чем же чёрт, — // И тупо прыгали, спасаясь от картечи». (4, 1, 183) Глагол «окрысился» встречаем и в авторской ремарке («окрысился Николай») в сценарии Владимира Высоцкого «Как-то так всё вышло...» (4, 2: 388).

С лошадьми — в силу крестьянского детства, недолгой службы в кавалерии у Зиновьева — особая связь. П. Е. Фокин нашёл в архиве документы, подтверждающие, что с 17 ноября 1940 года по 3 мая 1941 года А. А. Зиновьев служил красноармейцем 98-й кавалерийской дивизии Особой краснознаменной дальневосточной армии города Лазо, затем — младшим сержантом в 14-й кавалерийской коммунистического интернационала молодёжи ордена Ленина Краснознаменной, ордена Красной звезды дивизии имени товарища Пахоменко (16, 726–727). Своего коня по кличке Зарубежный Зиновьев описывал так: «Это был конь монгольской породы, маленький, с очень длинной шерстью. Он обладал одной особенностью: никогда не ходил шагом, а вечно бежал мелкой трусцой. Меня при этом трясло так, что все внутренности выворачивались наружу, галифе

протирались до дыр и вылезали из сапог, обнажая колени. Это был добрый по натуре конь, и мы привязались друг к другу...» (17, 175).

Недаром один из героев назван писателем Мерином (кастрированным конём), которому снятся «лошадиные сны»: «Мерин тихо ржал и лягался. Ему снилась массивная атака конной лавины. Верхов на плачущем помкомвзвода скакала его волосатая монгольская кобыла. Она размахивала шамполом и кричала: «Донесу!» (1, 190). Автор-повествователь утверждает, что именно «кавалерия... это академия жизни», а армейские лошади (Осока, Акула, Лорелея) «усваивают не только команды, но и солдатские шутки» (1, 370).

В дальнейшем образ любимого начальством коня подвергается писателем ещё большему очеловечиванию: «Поскольку хозяин был занят государственными делами по наведению порядка в лингвистике, позировал художнику любимый жеребец легендарного полководца, избранный после этого в Президиум и назначенный главным начальником по культуре» (1, 419). Уместно вспомнить здесь стихотворение Державина «Вельможа» 1794 года, описывающее лошадь, прихотью вздорного тирана введённую в правительство, как символ самодурства: «Калигула! Твой конь в Сенате / Не мог сиять, сияя в злате: / Сияют добрые дела» (2, 55).

Достойное, естественное место занимает конь в романе Зиновьева лишь в крестьянском хозяйстве, правда, здесь он доведён воцарившейся с наступлением ибанизма на селе нищетой до состояния клячи: «Мать... распрягла клячу..., родила... сына... и пошла кормить скотину» (1, 422). Образ клячи у Зиновьева заметно рифмуется с образом клячи — русского крестьянства в сказках М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Рассуждая об искусстве в стране победившего ибанизма, автор-повествователь с сарказмом утверждает: «... если художник изобразит ноги монгола кривее..., а лошадь его ещё мохнатее, то это будет революционный романтизм, зовущий вперёд. Прямоногий же монгол на английской кобыле есть абстракционизм чистой воды» (1, 267). В пародийном мире победившего ибанизма кони лишились былой романтики. Недаром в конце романа звучит песенка, в которой есть такое двустилие: «Слышу — шпаги звенят. Скачут кони. // Нам романтику кажут сегодняшних дел» (1, 734), и стихи дочери героя с рефреном: «И всё же самолет — не конь» (1, 740).

Лошадь в европейской культуре символизирует скорость, грацию, а также мужество и вождество. В христианском искусстве лошадь — эмблема мужества и благородства. Когда христиане ещё таились в катакомбах, лошадь символизировала мимолётность жизни, ибо в Откровении Иоанна упоминаются четыре лошади — белая (чума), ярко-красная

(война), чёрная (голод) и бледная (смерть) (18, 288). Иван Грозный внёс изменения в царскую печать, включив в неё изображение всадника — московского князя на коне и с копьём в руке (его отныне располагали в центре печати, на щите, прикрывавшем грудь орла). В XVII веке всаднику, помещённому в московской печати, на груди двуглавого орла, стали придавать черты правящего государя (13, 52, 66).

Но символом Советской России под пером Зиновьева становится отнюдь не гордый двуглавый или хотя бы одноглавый орёл, а... терпеливая послушная корова, которую как символ отечества рисуют вместе с вождями, героями, берёзками (1, 205) и лепят вместе с героями (1, 209). Об отсутствии грустит не забывший крестьянское детство автор-повествователь: «...коровы в Ибанске давно перевелись (их заменили на мотоциклы и электродоилки)» (1, 479). Обезоруживающий результат даёт общение коров с современным искусством: «Коровам показывают полотна абстракционистов и сюрреалистов с комментариями ведущих эстетиков-ибанистов, отчего коровы ещё более глупеют и отдают молоко задаром» (1, 481).

Ярко выраженный негативно-плебейский оттенок несёт образ пса в цикле притч Ф. Ницше «Тайная вечеря», герой которого «ненавидит чахлах псов из толпы и всякое неудачное мрачное отродье» (12, 214). В главе всё той же книги Ницше «О великих событиях» появляется «огненный пёс» — «пёс лицемерия», «пёс из бездны», соседствующий с бесами. В притче «О непорочном познании» Ницше собака с высунутым языком становится символом вождения (12, 88). «Огненный пёс» Ницше — производное от «адской собаки» древних германцев, так называвших черта (13, 460).

О противоречии между аристократами и плебеями, иначе говоря — дворняжками и догами рассуждают герои «Зияющих высот» в главе «Выбор точки зрения», иллюстрирующей ситуацию, в которой оказались в советском обществе интеллектуалы: «Мы — дворняжки, вообразившие себя догами. Но Ибанск выдвигал и выдвигает в мировую культуру выдающихся деятелей, говорит Журналист. Верно, говорит Неврастеник. Но это тоже дворняжки. Огромные, но дворняжки. Со временем мы выведем таких дворняжек, что ваши доги покажутся по сравнению с ними клопами. Считается, что дворняжки — самые умные собаки, говорит Журналист. Возможно, говорит Неврастеник. Но они от этого не становятся догами. И что же вы предлагаете, говорит Журналист. Ничего, говорит Неврастеник. Я просто провожу время. Если бы я был догом, я был бы видным писателем, журналистом, политиком или ещё чем-нибудь в этом роде. Во всяком случае, имел бы положение, средства и интересную разнообразную

жизнь. Но я дворняжка. Я говорю. И только. Или молчу. Я гавкаю. Но не кусаюсь. Меня хозяева бьют, а я им лижу руки. Они меня гонят. А я ползаю перед ними на пузе и заискивающе смотрю в глаза. Если мне кинут обглоданную кость, я от благодарности к хозяевам сделаю для них, что угодно. А что касается ума... Говорят, дворняжки лучше всего дрессируются для цирковых представлений» (1, 653–654).

Образ обезьяны в европейской традиции символизирует низкие слои общества, тьму или бессознательную активность (6, 344). Способности обезьян имитировать человеческое поведение использовались для высмеивания тщеславия и глупости. В европейском искусстве обезьяна часто изображалась с яблоком в зубах как символ грехопадения Адама и Евы, а позже — как образ художника-эпигона. Преступные намерения, похоть и жадность — качества, которые символизируют обезьяны в христианском искусстве (9, 242–244). К разработке этой традиционной символики обращается и Ницше в «Предисловии Заратустры»: «Что такое обезьяны в отношении человека? Посмешище или мучительный позор. Некогда были вы обезьяной, и даже теперь ещё человек больше обезьяна, чем иная из обезьян» (12, 8). Диссидентский ореол приобретает образ обезьяны в российской литературе после того, как М. Зощенко подвергся политическим репрессиям за рассказ «Приключения обезьяны». В тексте романа «Зияющие высоты» встречаем ироническую сентенцию: «Человек, говорят, есть лишь лишившаяся хвоста обезьяна» (1, 548). Но прямым развитием зощенковского образа, только обращённого теперь уже к сильным мира сего, стала карикатурная маска павиана — злой памфлет на известного своим грузинским акцентом Сталина: «Народ любит, когда вождь выделяется не умом и красотой, а каким-нибудь заметным недостатком... Народ любит убогоньких... И Хозяин решил приобрести недостаток, достойный вождя — вождя всех времён и всех народов. Какой? Ответ напрашивался сам собой: акцент. Учёные собрались на специальное тайное совещание и стали думать, какой акцент привить Хозяину, чтобы он после этого стал ни на кого не похож. И решили: акцент павиана... За пару лет он научился говорить с... блестящим павианьим акцентом... Чтобы окончательно проверить силу воздействия своего акцента на народные массы, Хозяин отправился в павианий питомник. Павианы-самцы приняли Хозяина за самку-павианеху и хором его изнасиловали. После этого Хозяин стал слегка заикаться, ходить пятки и колени врозь и трясти левой рукой. Это ещё более усилило эффект» (1, 428).

Столь же богатый набор животных и насекомых, что и в прозе Зиновьева, встречается и в прозе Ф. Достоевского, оказавшего влияние

на писателя, и в «книге для всех и ни для кого» Ф. Ницше «Так говорил Заратустра», в которой автор определил место человека в мире весьма конкретно: «...человек стоит посреди своего пути между животным и сверх-человеком и празднует свой путь к закату как свою высшую надежду: ибо это есть путь к новому утру» (12, 2, 56). Возможно, Зиновьева не оставила равнодушным ницшевская иерархия: зверь — человек — сверхчеловек.

В прозе Зиновьева из насекомых упоминаются черви (1, 260, 749), вши (1, 52, 332, 448, 749), мошки и комары (1, 790), клопы-абстракционисты, тараканы-формалисты (1, 207), муха (1, 264, 459), блоха (1, 370, 369), козявки-человеки (1, 435), клопы (1, 653, 749), муравьи (1, 717, 718), мокрицы (1, 749). Писатель-философ легко создаёт ироничные афоризмы и саркастические парадоксальные двустушия: «Но лист истории засиживают мухи, не слоны» (1, 459) или «Бессмертье — червь, в мою ползущий душу» (1, 781), словно споря со знаменитой одой Державина «Бог», где лирический герой также сопоставляет себя с червём. С мрачной иронией автор-повествователь утверждает: «У нас господствуют люди-вши. Стало модно... кишеть насекомыми» (1, 785), «У Крикуна обнаружили на шее медный крестик, а в рубашке вшей» (1, 426), «На червях были написаны слова «Донос», «Клевета», «Плагат»... (1, 260). Или: «Потому что — кто ты? — вошь! // Ну а мы — это власть трудящихся!» (1, 448), «Хочешь счастливо прожить, // Научися блох ловить» (из «Баллады», 1, 369). Пессимистичен вывод, к которому приходит писатель: «Одна блоха — всего лишь блоха. Десять блох терпимо. Но сотни блох, кидающихся на тебя сразу со всех сторон, — это кошмар. ...с полчищами блох сражаться бессмысленно» (1, 370).

Множество насекомых, органично включённых в художественную ткань произведений, присутствует и в текстах Достоевского. У Достоевского в различных произведениях встречаются мокрица, вошь, червяк, слизняк, паук, муха, таракан, пиявка, клоп, тарантул. По мнению В. П. Владимирцева, «все они литературно соотнесены с тёмными и разрушительными силами человеческой души. Следуя народно-языческому и народно-христианским представлениям о поганом и нечистом, Достоевский-художник создал мерзостно-отталкивающие зоосемичные символы зла: исполинские Паук Газин, зловещие... пауки Свидригайлова, ставрогинский «красный паучок», насекомовидная химера, в сновидении Ипполита Терентьева..., тараканы в карамазовском доме» (10, 132).

Зиновьев также обращается и к образу муравейника. Стоит, напомнить: своё видение символики муравьиной жизни Достоевский дал в «Зимних заметках о летних впечатлениях»: «В муравейнике всё так хорошо,

всё так разлиновано, все сыты, счастливы, каждый знает своё дело, одним словом: далеко ещё человеку до муравейника!» (7, 5, 81). В этом же духе трактует муравейник мюнхенский исследователь Хансен-Лав: «С точки зрения государственной символики уже известная оппозиция (дезорганизация или неорганизованность мух в отличие от стройной организации пчёл) дополняется символикой муравейника, где массовые подданные живут в египетской диктатуре масс и террора» (14, 97). А вот какой образ муравейника создаёт Зиновьев: «Ибанск, говорит Болтун, есть тупиковая цивилизация. Как муравейник. Но и в муравейнике есть какой-то прогресс, говорит Мазила. Мы его только не замечаем. Что это за прогресс, который не замечен, говорит Болтун. Прогресс имеет смысл лишь тогда, когда он замечен самим его участникам. А если даже у муравьев есть прогресс, замечают ли его сами муравьи?... Мы вместе замазываем щёлочки в возможном выходе из тупика. В этом и состоит обязанность муравья-Мазилы и муравья-Болтуна в этой прекрасно, благоустроенном, мудром и т. п. Муравейнике. А полёты в Космос? — спросил Мазила. Они выполняют ту же роль. Когда муравьи перетаскивают муравейник на новое место, они точно воспроизводят свою прежнюю социальную структуру» (1, 717–718).

Автор-повествователь с грустью комментирует, как в современном обществе довольно быстро происходит расчеловечивание детенышей: дети «выпускают когти, обнажают клыки» (1, 205). Печален итог такого превращения-возмужания: «Мы не люди. Мы вши. Или крысы» (1, 695). Социологический роман «Зияющие высоты» — это ответ писателя на вопрос, волнующий героев книги и сформулированный автором в тексте произведения: «...какое именно искусство, мораль, идеология способны делать из человека-скота человека-гражданина?» (1, 356).

Сопоставлять человека с насекомыми и животными стало модно ещё в начале XX века. Об этом писал М. Волошин: «Человек — наиболее защищённое из всех животных. Его нельзя даже сравнивать ни с одним из насекомых, так чудовищно вооружённых и бронированных. Посмотрите на муравья, который может быть придавлен тяжестью, в двадцать тысяч раз превосходящей тяжесть его собственного тела, и нисколько не пострадает от этого. Твердость доспехов, защищающих устрицу, почти безгранична. Сравнительно с ними — мы и большинство млекопитающих — мы находимся ещё в каком-то желатинообразном состоянии, близком к состоянию первичной протоплазмы... В этой иерархии мы... занимаем скромное место рядом с лягушкой и овцой» (14, 164–165).

Справедливо и утверждение французских философов Ж. Делеза, Ф. Гваттари из книги «Что такое философия?»: «По-видимому,

искусство возникает вместе с животными... Мы мыслим и пишем даже для зверей. Мы становимся зверем, чтобы и зверь тоже стал чем-то иным. Агония крысы и казнь коровы остаются присутствовать в мысли — не из жалости, но в качестве зоны взаимообмена между человеком и животным, где от одного что-то переходит к другому... Становление всегда двойственно, и именно в таком двойном становлении образуется грядущий народ и новая земля...» (11, 141).

Итак, Александр Зиновьев, нагнетая мрак и напряжение, предлагает сразу несколько социологических моделей современного ему советского общества. Через отвратительные образы крысятника, муравейника, обезьянника и звериные маски правителей — Хряка (Хрущева) и Павиана (Сталина) автор добивается катарсиса: ужаснувшись «зияющий высотам» ибанизма, низводящим простодушного «гомо-советикуса» до уровня вши, крысы, дворянки, читатель прорывается к пониманию подлинного назначения человека.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Зиновьев А. Зияющие высоты. — М.: ЕврАзия+: 1999. — 800 с.
2. Державин Г. Р. Стихотворения. — Казань: Татарское книжное издательство, 2010. — 136 с.
3. Великовский С. «Проклятые вопросы» Камю. // Камю А. Избранные произведения. — Перевод Н. Жарковой. — Москва: 1993.
4. Высоцкий В. С. Собрание сочинений в 2-х томах. — Екатеринбург: 1997.
5. Гейне Г. Избранные сочинения. — Москва: 1989.
6. Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. — Москва: 1997.
7. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений в 12 томах. — Том 8. — Москва: 1982.
8. Камю А. Избранные произведения. — Перевод Н. Жарковой. — Москва: 1993.
9. Крылов И. А. Басни. — Москва: 1958.

10. Владимирцев В. П. Поэтический бестиарий Достоевского // Достоевский и мировая культура. № 12. М., 1999.
11. Делез Ж., Гваттари Ф.. Что такое философия? Перевод с фр. С. Зенкина. — СПб., Алетейя, 1998, с.14
12. Ницше Ф. Сочинения в 2 томах. Т. 2. М.: 1990.
13. Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Том 1. От Петра Великого до смерти Николая I. Материалы и исследования. — М.: ОГИ, 2002.
14. Хансен-Лав А. Мухи — русские, литературные // Studia Literaria Polono-Slavica. Warszawa. 1999.
15. Волошин М. Лики творчества. Л., 1989.
16. Фокин П. Е. Александр Зиновьев: Прометей отвергнутый. — М.: Молодая гвардия, 2016. — 749 с.
17. Зиновьев А. А. Исповедь отщепенца. — М.: Вагриус, 2005.
18. Фоли Д. Энциклопедия знаков и символов. — М.: Вече, 1997. — 240 с.

СОДЕРЖАНИЕ:

«Интеллигентный сезон» (гимн)	на форзаце книги
Приветственное слово главы администрации города Саки Андрея ИВКИНА	3
Приветственное слово заместителя главы администрации города Саки Шерифа Османова	4
Приветственное слово председателя Союза русскоязычных писателей Болгарии Наталии Ерменковой	5
Приветственное слово председателя ОО «Союз писателей Белоруссии» Н. И. Чергинца	7
Приветственное слово хозяйки гостевого дома «Ле-Ди» Ленуры Халиловой	8
Должностные лица администрации города Саки, организовавшие второй Международный литературно-музыкальный фестиваль «Интеллигентный сезон-2016»	9
Торжественно открытие фестиваля 19 августа 2016 года, сайт г. Саки	11
Вячеслав Килеса: От сердца к сердцу	14

РУССКОЯЗЫЧНЫЕ АВТОРЫ

ПРОЗА

Риана Абдулаева (г. Симферополь)	
Шанс	26
Анастасия Аникеева (г. Евпатория)	
О том, что на самом деле произошло с Каем	37

Анна Байда (г. Евпатория)	
Сиреневая комната (<i>из записной книжки</i>).....	40
Валерий Басыров (г. Симферополь)	
О себе и людях	47
Дмитрий Бирман (г. Нижний Новгород)	
Путешествие	55
Александр Булан (г. Москва)	
Беспокойная соседка	59
Галина Бурденко (г. Москва)	
Пятница, 13-е	63
Марк Верховский (г. Нью-Йорк)	
Сон в руку	66
Дмитрий Воронин (п. Тишино, Калининградская область)	
Воздушный шарик	74
Зоя Донгак (г. Кызыл, Республика Тува)	
Хуреш	77
Ирина Дружаева (г. Городец, Нижегородская обл.)	
Сладкий секрет.....	86
Ольга Иженикова (г. Москва)	
Змеиный день.....	91
Егор Замараев (г. Симферополь)	
Навсегда моя	97
Ирина Звягина (г. Красноперекоск)	
Однолюб.....	109
Вячеслав Килеса (г. Симферополь)	
В августе 84-го	116
Валерия Кремлёва (г. Керчь)	
Миниатюры	125

Александр Ломтев (г. Саров Нижегородской области)

С войны..... 130

Когда нечего терять..... 131

Время судьбы..... 132

Асине Меджитова (г. Евпатория)

Миниатюры..... 135

Нина Плаксина (г. Щёлкино)

Родька..... 138

Валерий Пономарёв (г. Киров)

Вишенка..... 143

Юрий Портов (г. Симферополь)

Одеяло из-за бугра..... 149

Галина Радионова (г. Гомель, Республика Беларусь)

Кто о чем..... 153

Падение метеорита..... 154

Марсель Салимов (г. Уфа)

Поверин..... 157

Елена Сафронова (г. Рязань)

Только радость впереди..... 161

Ленора Сеит-Османо́ва (г. Симферополь)

Городская учительница..... 164

Елена Степанова (г. Дубоссары, Приднестровье)

Варежка..... 167

Лидия Терёхина (г. Рязань)

Сватовство..... 169

Сергей Филатов (г. Бийск)

Сашка-тубик, Ной и другие..... 177

ПОЭЗИЯ**Лариса Абдуллина** (г. Уфа)..... 184**Станислав Айдинян** (г. Москва)..... 186**Марина Александрова**

(г. Нижневартовск Ханты-Мансийского АО)..... 188

Маргарита Аль (г. Москва)..... 191**Зульфия Алькаева** (г. Электросталь, Московская обл.) 193**Виктория Анфимова** (г. Симферополь)..... 196**Наталья Ахпашева** (г. Абакан)..... 199**Александр Баранов** (г. Ялта)..... 202**Ольга Борисова** (г. Самара)..... 204**Никита Брагин** (г. Москва)..... 207**Георгий Буляков** (г. Евпатория)..... 210**Анна Вересова** (г. Евпатория)..... 213**Лев Готгельф** (г. Александров Владимирской области) 217**Ярослав Гончаров** (г. Симферополь)..... 219**Лидия Григорьева** (г. Лондон, Англия)..... 223**Анастасия Грицон** (г. Керчь)..... 227**Евгений Громов** (г. Керчь)..... 230**Надежда Гуртовая** (г. Иркутск)..... 233**Антонина Димитрова** (г. Димитровград, Болгария) 235**Марина Задорожная** (г. Саки)..... 238**Оксана Егорцева** (г. Горловка, ДНР)..... 242**Злата Золотова** (Андропова) (г. Керчь)..... 245**Вера Карачакова** (Хакасия)..... 249**Александр Карпенко** (г. Москва)..... 251**Елена Кацюба** (г. Москва)..... 256**Константин Кедров** (г. Москва)..... 259**Александра Клеменцова** (г. Саки)..... 262**Виктор Клыков** (г. Вена)..... 264**Ирина Коляка** (г. Щёлкино, Республика Крым)..... 268**Ольга Крупченко** (г. Саки)..... 272**Елена Лебеденко** (г. Евпатория)..... 275

Сергей Леонтьев

(п-к Белоозерский Московской области) 280

Валентина Магер (г. Щёлкино) 284**Дмитрий Мурзин** (г. Кемерово) 289**Наталья Мурзина** (г. Кемерово) 297**Иван Нечипорук** (г. Горловка, ДНР) 303**Ольга Панюшкина** (г. Москва) 308**Ирина Полюшко** (г. Саров) 312**Юрий Поляков** (г. Симферополь) 315**Пётр Пыталев** (г. Торонто, Канада) 322**Ксения Радионова** (г. Москва) 327**Надежда Рунова** (г. Саки) 333**Татьяна Савинова** (г. Щёлкино) 336**Валерий Савостьянов** (г. Тула) 339**Анастасия Самофральнойская** (г. Смоленск) 346**Татьяна Сандигурская** (г. Санкт-Петербург) 348**Елена Семагина** (г. Саки) 350**Ирина Силецкая** (г. Прага, Чехия) 352**Скубин Роман** (г. Саки) 356**Елена Соловьёва** (г. Саки) 358**Вера Суханова** (г. Смоленск) 359**Людмила Твардовская** (г. Евпатория) 363**Александр Товберг** (г. Красноармейск, Украина) 367**Олег Фалько** (г. Севастополь) 372**Федор Федоров** (г. Симферополь) 378**Александра Фёдорова** (г. Братск) 382**Александр Фокеев** (г. Нижний Новгород) 387**Мамед Халилов** (п. Пречистое Ярославской области) 392**Николай Шамсудинов** (г. Тюмень) 400**Марина Шамсутдинова**

(г. Щёлкино, Республика Крым) 406

Ольга Шевчук (г. Москва) 414**Владимир Шемшученко**

(г. Всеволожск Ленинградской области) 422

Владимир Шутов (г. Саров) 428**Валентина Яровая** (г. Щёлкино) 433**УКРАЇНОМОВНІ АВТОРИ****Варвара Лопатіна** (м. Євпаторія). Вірші 437**Тетяна Жихарєва** (м. Ялта). Звичайна історія.

Оповідання 442

Микола Настобурко (м. Сімферополь). Вірші 449**Віра Кириченко** (м. Ялта). Вірші 454**Раїса Царьова-Форост** (м. Сімферополь). Вірші 458**КРЫМСКОТАТАРСКИЕ АВТОРЫ****Алие Кенжалиева** (г. Алушта, с. Солнечногорское).

Стихи 463

Аблязиз Велиев (г. Симферополь). Стихи 469**ПЕРЕВОДЫ****Нина Волкова** (г. Горловка, ДНР) 471**Андрей Галамага** (г. Москва) 474**Ольга Прилуцкая** (г. Ростов-на-Дону) 476**Юлдуз** (г. Симферополь) 478**ПУБЛИЦИСТИКА****Елена Галицких** (г. Киров)

Литературно-музыкальный фестиваль

«Интеллигентный сезон»

как событие 483

Лола Звонарёва (г. Москва)

Прорываясь к пониманию подлинного

назначения человека 487

*Литературно-художественное
издание*

«ИНТЕЛЛИГЕНТНЫЙ СЕЗОН-2016»

АЛЬМАНАХ

(на русском, украинском,
крымскотатарском языках)

Редактор — Басыров В. М.
Корректор — Муран О. В.
Предпечатная подготовка — Лемешко К. А.

Сдано в набор 22 .01. 2017
Подписано к печати 01. 07. 2017

Формат 70х100 ¹/₁₆ . Бумага офсетная
Печать офсетная. Гарнитура Myriad Pro
Зак. № ***. Усл. печ. л. **,0.
Тираж 500.

ООО «Издательство “Доля”»:
Россия, Республика Крым, 295022,
г. Симферополь, ул. Виноградная, 22.
E-mail: vbasyrov@mail.ru
<http://www.vbasyrovdola.ucoz.ru>
Skype: basyrov1947

Отпечатано: ООО «Омега-Принт»,
344082, г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, 3.
Тел.: (863) 244-44-42